

ЛЮДИ И СТРОЙКИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ЭПОХИ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Сборник научных статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции (29–30 октября 2022 г., г. Пермь, д. Кучино, г. Красновишерск, Россия)

12+

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ
Государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края
«Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий “Пермь-36”»

12+

**ЛЮДИ И СТРОЙКИ:
социокультурный портрет эпохи первых
пятилеток**

Сборник научных статей
по материалам VII Всероссийской
научно-практической конференции
(29–30 октября 2022 г., г. Пермь, д. Кучино,
г. Красновишерск, Россия)

Под научной редакцией М.Г. Нечаева

Пермь
ПГГПУ; Музей-заповедник «Пермь-36»
2023

УДК 94 (47)
ББК ТЗ(2)61
Л 937

Редакционная коллегия:

М.Г. Нечаев (науч. ред.), С.А. Шевырин (ред.-сост.), Н.Ю. Семакова (ред.-сост.),
П.С. Аликин, Н.С. Пашкова, Е.И. Хузин, Л.А. Ясырева

Люди и стройки : социокультурный портрет эпохи первых пятилеток : сб. науч. ст. по матер. VII Всерос. науч.-практ. конф. (29–30 октября 2022 г., г. Пермь, д. Кучино, г. Красновишерск, Россия) / ред. кол. : М.Г. Нечаев (науч. ред.), С.А. Шевырин (ред.-сост.), Н.Ю. Семакова (ред.-сост.) [и др.]; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т; Музей-заповедник «Пермь-36». – Пермь, 2023. – 8,0 Мб. – 1 электрон. опт. диск (CD ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК, процессор Intel(R) Celeron(R) и выше, частота 2.80 ГГц; монитор Super VGA с разреш. 1280x1024, отображ. 256 и более цветов; 1024 Mb RAM; Windows XP и выше; Adobe Reader 8.0 и выше; CD-дисковод, клавиатура, мышь. – Загл. : с титул. экрана. – Текст (визуальный) : электронный. – ISBN 978-5-907675-35-3

29 и 30 октября 2022 г. в Перми и Красновишерске прошли мероприятия в рамках VII Всероссийской научно-практической конференции «Люди и стройки: социокультурный портрет эпохи первых пятилеток». Конференция была посвящена памяти Варлама Шаламова, чье 115-летие отмечалось в 2022 г. В рамках конференции прозвучало более 40 докладов из 10 субъектов Российской Федерации. В выступлениях российских исследователей были рассмотрены процессы, происходившие в политической, экономической, социальной и культурной жизни СССР конца 1920-х – 1930-х гг. Первые пятилетки, вобравшие в себя индустриализацию, коллективизацию и серьезнейшие социокультурные изменения, на долгие годы определили вектор развития государства и общества. Именно в это время шел процесс становления плановой экономики, вырабатывались различные формы внеэкономического принуждения к труду, вплоть до использования принудительного труда заключенных и спецссыльных. Окончательно складывались принципы взаимоотношений человека с партийно-государственным аппаратом, который стремился контролировать все сферы жизни, в том числе духовную и культурную.

Адресовано историкам, философам, политологам, социологам, культурологам, краеведам, работникам музеев и архивов и всем читателям, интересующимся отечественной историей.

УДК 94 (47)
ББК ТЗ(2)61

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

***Издание осуществлено по заказу администрации губернатора Пермского края
в рамках реализации государственной программы «Общество и власть»***

ISBN 978-5-907675-35-3

© Государственное учреждение культуры Пермского края
«Мемориальный музей-заповедник истории
политических репрессий “Пермь-36”», 2023
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2023
© Нечаев М.Г., предисловие, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Нечаев М.Г.</i>	
Предисловие.....	7
<i>Соловьев С.М.</i>	
Варлам Шаламов и противоречия советской индустриализации.....	10
<i>Головизнин М.В.</i>	
«Троцкизм» Варлама Шаламова в «антиромане» «Вишера» и в документах эпохи.....	29
<i>Остальцев К.А.</i>	
«Это своеобразный комбинат...»: Вишерский целлюлозно-бумажный завод в истории Красновишерского городского округа.....	46
<i>Паздникова Н.П., Шипицына С.Е.</i>	
Экономическая оценка социального доверия в обществе.....	72
Раздел I. Вызовы советской индустриализации: экономика и политика	
<i>Арестов В.А.</i>	
Пермское общество взаимного кредита в годы нэпа, 1922–1930 гг. (по материалам Государственного архива Пермского края).....	78
<i>Быкова С.И.</i>	
«Великие стройки» 1930-х годов в системе социалистической колонизации и в восприятии современников.....	95
<i>Воробьева Е.Е.</i>	
Трансформация экономической деятельности лагерей ГУЛАГа с 1930-х гг. по 1953 г.	110

<i>Елтышева Л.Ю.</i>	
Кунгурский экскаваторный. От учебных мастерских до завода машиностроенияэ.....	121
<i>Коробенина Л.О.</i>	
Квартирный вопрос норильчан довоенных пятилеток	131
<i>Петров Р.П.</i>	
Строители Государственного Березниковского химического комбината.....	146
<i>Рощевская Л.П.</i>	
Индустриальное наследие химического производства в Коми АССР.....	158
<i>Сулов М.Г.</i>	
Роль ГУЛАГа в подготовке к войне и его вклад в победу (1920–1945 гг.).....	170
<i>Филатов В.В.</i>	
Спецпоселения Уральского региона в начальный период раскулачивания.....	180
<i>Шаймиева Л.И.</i>	
Становление сургутской промышленности в 1920–1930-е гг.	190
<i>Шевырин С.А.</i>	
Роль заключенных в индустриальном строительстве первых пятилеток (по материалам Пермской области)	200
Раздел II. Идеология и культура «межвоенных» десятилетий: конкуренция дискурсов	
<i>Асамбаева Л.А.</i>	
Становление советской школы в 1920-е гг.	207
<i>Безукладникова В.В.</i>	
Советская женщина в оптике власти 1930-х гг. (по материалам журнала «Работница»).....	217

<i>Конивец А.В.</i> «Идеологические» выставки в период первой пятилетки.....	228
<i>Кротова Д.В.</i> Источники поэтической образности в творчестве В. Шаламова и А. Ахматовой.....	240
<i>Нечаев М.Г.</i> Отражение первой «безбожной пятилетки» на страницах журнала «Антирелигиозник».....	251
<i>Подледнов Д.Д., Казанцева Е.Д.</i> Репрезентация образа «нового советского человека» в визуальной культуре 1920-х – первой половины 1930-х гг.	271
<i>Стаина О.А., Глинских И.А.</i> Артисты и строители: любительские театры на Уралмаше в 1930-е годы.....	284
Раздел III. «Кадры решают все»: советская модернизация в человеческом измерении	
<i>Булдакова Ю.Р., Головизнин М.В.</i> Жизнь и судьба Рубена Джашитова, поручика, красноармейца, преподавателя Института имени Лесгафта.....	294
<i>Веселкова Н.В.</i> «Человек культуры, отдавший свою жизнь на колонизацию севера»: образ Вишеры и попытка позитивной самоидентификации бывшего заключенного.....	309
<i>Глушков А.В.</i> Строительство Камской гидроэлектростанции в 1930-е гг.: факторы неуспеха.....	320

<i>Дегтярева М.И.</i>	
«Фактическое бесправие одних, произвол и беззаконие других – это злейшие враги всякой власти». Дело протоиерея Алексея Попова (1930 год).....	331
<i>Ильчишина К.А.</i>	
Отражение «сталинской» модернизации в истории моей семьи.....	351
<i>Катаев Д.С.</i>	
Командировка стахановца пермского завода № 19 П.Д. Ожгибесова в США: детали из неопубликованной части рукописи книги «Испытатели.....	359
<i>Киселев Е.А., Киселева Н.А.</i>	
Свердловск 1920–30-х гг. как место политической ссылки в воспоминаниях.....	365
<i>Колдушко А.А.</i>	
Целевые группы репрессированных в ходе немецкой операции 1937–1938 гг. (по материалам Прикамья).....	370
<i>Лаврёнова А.М.</i>	
Царский сенатор и революционная Немезида: тюремные мытарства М.И. Трусевича.....	378
<i>Огнетова М.Б.</i>	
Иностранцы специалисты на новостройках Нижнего Тагила в 1930-е годы.....	389
<i>Ревенко Л.В.</i>	
Великий перелом.....	400
<i>Южанинова А.Л.</i>	
Э.П. Берзин: профессионализация и личностная трансформация руководителя сталинских строек.....	410

ПРЕДИСЛОВИЕ

29 и 30 октября 2022 г. в Перми и Красновишерске Пермского края состоялась VII Всероссийская научно-практическая конференция «Люди и стройки: социокультурный портрет эпохи первых пятилеток». Она была проведена Музеем-заповедником «Пермь-36» при поддержке администрации губернатора Пермского края, Министерства культуры Пермского края, Уполномоченного по правам человека в Пермском крае и администрации Красновишерского городского округа.

Начиная с 2016 г. Музей-заповедник «Пермь-36» ежегодно организует Всероссийские научные конференции, по итогам которых изданы сборники «ГУЛАГ: эхо войны и эхо победы» (27–29 октября 2016 г.); «ГУЛАГ. Начало» (10–12 ноября 2017 г.); «От “Авроры” до “философских пароходов”. Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти. 1917–1920-е гг. Региональный аспект» (7–9 ноября 2018 г.); «Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950-е гг. Личность и власть» (30–31 октября 2019 г.); «“Война нас гнула и косила”: судьбы людей на войне и в тылу» (30–31 октября 2020 г.); «Время надежд: XX съезд КПСС. Причины, последствия, нереализованные возможности» (29–30 октября 2021 г.).

В конференции «Люди и стройки» приняли участие историки, культурологи, социологи, литературоведы, экономисты, музейные работники и архивисты (в том числе 5 докторов наук и 22 кандидата наук). География участников чрезвычайно разнообразна: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Вологда, Чита, Саратов, Сургут, Магнитогорск, Норильск, Нижний Тагил, Березники, Кунгур, Красновишерск и Пермь.

Конференция была посвящена памяти Варлама Шаламова, чье 115-летие отмечалось в 2022 г. В рамках конференции прозвучало около 40 докладов на пленарном заседании и в трех секциях: 1) «Вызовы советской индустриализации: экономика и политика»; 2) «Идеология и культура “межвоенных” десятилетий: конкуренция дискурсов»; 3) «“Кадры решают всё”: советская модернизация в человеческом измерении».

В выступлениях российских исследователей были рассмотрены процессы, происходившие в политической,

экономической, социальной и культурной жизни СССР конца 1920-х – 1930-х гг.

Участники конференции рассматривали с разных ракурсов следующие аспекты отечественной истории: «Экономика СССР в 1920–1930-е гг. Система государственного планирования и вызовы индустриализации»; «Политический режим в Советском Союзе. Партийно-государственный контроль. Борьба за власть внутри ВКП(б)»; «Формирование советского общества и его институтов. Социальная стратификация и мобильность населения»; «Идеология и культура “межвоенных” десятилетий»; «Официальное и неофициальное в советской духовной жизни. Индустриализация в искусстве и литературе»; «Репрессии 1920–1930-х гг. Роль заключенных в строительстве социализма»; «Судьбы героев первых пятилеток и их современников».

Первые пятилетки, вобравшие в себя индустриализацию, коллективизацию и серьезнейшие социокультурные изменения, на долгие годы определили вектор развития государства и общества. Именно в это время шел процесс становления плановой экономики, вырабатывались различные формы внеэкономического принуждения к труду, вплоть до использования принудительного труда заключенных и спецссыльных. Окончательно складывались принципы взаимоотношений человека с партийно-государственным аппаратом, который стремился контролировать все сферы жизни, в том числе духовную и культурную. В стране начиналась активная борьба с оппозицией, как реальной, так и мнимой. В области культуры создавались контролируемые партией творческие союзы (писателей, художников и т. д.), являвшиеся проводниками официальной идеологии. Не вписывающиеся в рамки этих идей люди часто подвергались репрессиям – от запрета публикаций до ареста и ссылки.

На севере современного Пермского края – месте ссылки и лагерей для заключенных – в годы первой пятилетки происходила эволюция пенитенциарной системы. Лагеря активно превращались из мест изоляции в места труда.

Производство, строительство и место заключения становилось единым целым – будущей системой ГУЛАГ с принудительным трудом заключенных. Этот процесс особенно наглядно можно проследить на примере строительства

Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря особого назначения. Историю этого лагеря, строительства и людей запечатлел в своем «антиромане» «Вишера» Варлам Шаламов – бывший политзаключенный Вишлага.

В 2021 г. музей-заповедник «Пермь-36» совместно с аппаратом Уполномоченного по правам человека в Пермском крае подготовил к изданию наиболее полный вариант последнего прозаического произведения Варлама Шаламова «Вишерский антироман». В сборнике впервые публикуется полный текст «антиромана», включающий недавно найденные В.В. Есиповым новые материалы из архива писателя. В издание также включены стихи Шаламова, связанные с его пребыванием на Северном Урале, а также произведения из цикла «Колымские рассказы», основанные на вишерских сюжетах. В рамках конференции состоялась презентация «антиромана» «Вишера».

Такие выражения, как «великий перелом» и «перековка», были рождены в период индустриализации и массовой коллективизации и, по сути, они отражали огромные изменения во всех сферах жизни общества и государства. Авторы данного сборника материалов прошедшей Всероссийской научно-практической конференции сумели за счет привлечения в научный оборот новых архивных источников воссоздать историческую картину одного из самых драматичных периодов нашей истории.

М.Г. Нечаев
канд. ист. наук, главный научный сотрудник
Музея-заповедника «Пермь-36»,
доцент кафедры государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского
политехнического университета

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Соловьев Сергей Михайлович
канд. филос. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории
Российской академии наук;
главный специалист,
Российский государственный архив
социально-политической истории,
Москва
solosm@mail.ru

Аннотация. На первый взгляд, позиция Шаламова относительно индустриализации кажется очевидной. Он был участником строительства предприятий в первую пятилетку как заключенный Вишерских лагерей, он добывал золото для индустриализации во время своего заключения на Колыме и оставил пронзительное свидетельство использования рабского труда для освоения Севера. Но и до Колымы, и после нее Шаламов оставался поклонником достижений науки, сторонником преобразования природы, этот факт сказался и на разработке им своего литературного метода. Анализ взглядов Шаламова на советскую индустриализацию позволит лучше понять этот противоречивый период советской эпохи с его достижениями и провалами.

Ключевые слова: Варлам Шаламов, индустриализация, Вишерские лагеря, научная журналистика, «перековка», принудительный труд.

VARLAM SHALAMOV AND THE CONTRADICTIONS OF SOVIET INDUSTRIALIZATION

Sergey Solovyov

candidate of philosophical sciences,

senior research fellow

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

senior specialist,

Russian State Archives of Socio-Political Histor,

Moscow

solosm@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4708-8516

Abstract. At first glance it seems that Shalamov's position on the industrialization is clear. As a prisoner of Vishera camps, he took part in the construction of the manufacturing facilities within the framework of the first five-year plan, then, during his term at Kolyma, he extracted gold for the industrialization. He left the chilling evidence of what in fact was the use of slave labour in the development of the North. Nevertheless, both before and after Kolyma Shalamov remained an admirer of the achievements of science, an advocate for the transformation of nature, and this creed affected his work on his writing method. The analysis of Shalamov's views on the industrialization would provide a better understanding of this controversial period of the Soviet era, with all its successes and failures.

Keywords: Varlam Shalamov, industrialization, Vishera camps, scientific journalism, 'perekovka', forced labor.

На первый взгляд, позиция Шаламова относительно индустриализации кажется очевидной. Он был участником строительства предприятий в первую пятилетку как заключенный Вишерских лагерей, он добывал золото для индустриализации во время своего второго срока на Колыме и оставил пронзительное свидетельство использования рабского, по сути, труда для освоения Севера. Однако при этом Шаламов активно участвовал в работе различных журналов, посвященных индустриализации, после своего первого срока – с 1932 по 1936 г. («За ударничество», «За промышленные кадры» и др.), и его работа в этих журналах была, как будет показано в докладе, не только журналистской подцензурой. И до Колымы, и после нее Шаламов оставался поклонником достижений науки,

сторонником преобразования природы, этот факт сказался и на разработке им своего литературного метода, описанного в эссе «О прозе». Анализ взглядов Шаламова на советскую индустриализацию позволит лучше понять этот противоречивый период советской эпохи с его достижениями и провалами.

Говоря об отрицательных сторонах индустриализации, Шаламов, конечно, прежде всего сосредоточивается на ситуации в ГУЛАГе и делает особый акцент на «перековке»:

«Перековка и все, что стоит за словом “Беломорканал”, еще не нашло себе правильной оценки ни со стороны юристов, ни со стороны писателей.

Перековка – не только яркий пример догмы мертвого теоретического построения (чудодейственное воспитание трудом, благотворное влияние среды и т. д., по политграмоте Коваленко), в жертву которому приносились жизни и души людей.

Начальники-практики давно знают цену этой перековке.

Это и яркий пример лицемерия, призванного скрыть далеко идущие цели.

Перековка ворами была разгадана с первого дня.

Проценты перековывания были не большими, чем обычный процент “завязавших”, “сук” и т. д.

Воровские кадры были не только сохранены, но небывалым образом укреплены перековкой. Каждый блатарь был готов перековаться и явиться “Коськой-капитаном” из погодинских “Аристократов”. Блатари очень живо чувствуют “слабину”, дырку в том неводе, который власть пытается на них набросить.

Какой начальник рискнет связываться с блатарем, если тот решил перековаться, требует перековаться? Какой лагерный начальник, будучи убежден, что перед ним – обманщик, лжец, рискнет не выполнить приказа свыше, “новой установки”, о которой блатари осведомлены не хуже лагерного начальства?

Такому “начальничку” (блатари их так и зовут в глаза и за глаза – “начальнички”) блатари не будут давать никаких взяток. Они будут требовать “свое”: они хотят перековаться, они требуют внимания, помощи. Они и сами могут оказать помощь. Ведь, по мнению правительства, они – “друзья народа”. <...>

Этим пользуется преступный мир. Нужен процент? Вот справка, что я целый год каждый день выполняю по 200 % нормы. Справка с подписями и печатями. Ведь по поводу каждой справки не будешь вести особое следствие. Да и следствие ни к чему не приведет – все подписавшие справку подтвердят всё и лично, ибо и они боятся блатарей больше, чем автора перековки.

Так рождается и царствует пресловутая туфта. Так рождается поговорка:

“Без туфты и аммонала

Не бывало бы канала”» [4, с. 57–58].

Эта длинная цитата крайне важна, но при всей прозрачности нуждается в разъяснении. Необходимо напомнить, что Шаламов до исключения и ареста учился на факультете советского права МГУ и рассматривал ситуацию с «перековкой» не только как свидетель и писатель, но и как юрист. С его точки зрения, «перековка» попирала самые основы права. Действительно, если человек совершил преступление, то вопрос об искуплении вины должен ставиться в зависимости от поведения человека в заключении – именно в связи с совершенным преступлением. Раскаялся он или нет, осознал он вину или нет, готов он к дальнейшему существованию в обществе в качестве свободного человека в соответствии с принятыми этическими и юридическими нормами? Вопрос о том, насколько он хорошо работает в заключении, никак не связан на самом деле с ответом на эти вопросы. Хорошо может работать и совершенно не раскаявшийся человек, особенно если речь идет прежде всего о физическом труде. Раствление «перековкой» заключалось и в том, что для огромного большинства заключенных (не говоря сейчас об инженерах и ученых в «шарашках» и сходных с ними учреждениях ГУЛАГа) мерилom нравственности стала физическая сила, способность к тяжелому физическому труду. А тут уже рукой подать до античеловеческой, блатной морали: «В лагере выживает сильнейший» или «умри ты сегодня, а я завтра». Шаламов ясно и жестко показывает: растление Колымы закладывалось во внешне относительно благополучной лагерной Вишере. В главке «В лагере нет виноватых» Шаламов дает формулу:

«Виноватых нет потому, что при досрочном освобождении, искуплении вины честным трудом человек, поднимающий девять пудов одной рукой, искупает вину вдесятеро скорее, чем хлюпик-очкарик, не обладающий должной физической силой. Человек, поднимающий девять пудов одной рукой, вырастает в лагере как символ именно моральной силы. Он в почете у начальства, он освобождается сам и освобождает других на собраниях, приобретает право судить (добавить срока) еще и сам не освобожденный из лагеря» [4, с. 148].

«Самообслуга, самоохрана, следовательский аппарат из заключенных – может быть, это экономически выгодно, но начисто стирает понятие вины.

О вине в лагере и не спрашивают – ни начальство, ни соседи, ни сам арестант. В лагере спрашивают “процент” – а есть “процент”, значит, у тебя и нет никакой вины» [4, с. 147].

«Воспитание трудом», придание важнейшей экономической функции лагерю обесценивает понятие вины – именно в этом смысл главки, так и названной – «В лагере нет виноватых». Такой лагерь разрушает понятие вины и обесмысливает понятия преступления и наказания. К сожалению, эту шаламовскую формулу не всегда понимают даже некоторые современные шаламоведы.

В новых главах «Вишерского антиромана», в главке «Усть-Улс», эта тема развивается еще более резко:

«“Перековка” была омерзительна и тем, что, ничего не изменяя по существу, она изменила слова. Концлагерь стал исправительным, трудовым, вахта стала называться зоной, бушлат – полупальто, рота – бригадой, бараком.

Блатари из врагов народа, из социально-чуждых, социально-вредных, социально-опасных, обратились в друзей народа. Это не обмануло блатарей. Большой человеческой кровью отмечена “перековка”» [4, с. 124–125].

В главке «Вишера», второй главе антиромана, Шаламов расставляет точки над і:

«Перековка открыла, что унижительность принудительного труда – сущие пустяки, пережитки наивного XIX века, что из заключенного можно не только и не столько “выбивать” работу, а лишь достаточно ударить по животу и угрозой голода

заставить арестанта работать, перевыполнять план. Довольно сентиментальностей. Заключение будут сами пожирать друг друга, сами будут охранять друг друга – выписывать наряды, проверять, давать и принимать работу.

Перековка на Беломорканале привела к страшному растлению душ – и заключенных и начальства – и именно из-за процентов, из-за выполнения плана.

Перековка провозглашала, что только в труде, активном труде – спасение. Маленькие сроки перестали давать – сыпались пятерки и десятки, которые надо было разменивать по “зачетам рабочих дней”. Теоретически считалось, что срок – “резинка”: хорошо работаешь, выполняешь высокий процент – получаешь большие зачеты, выходишь на волю.

Плохо работаешь – тебе могут и сверх твоей десятки добавить.

Было опытным путем доказано, что принудительный труд при надлежащей его организации (без всяких поправок на обман и ложь в производственных рапортичках) превосходит во всех отношениях труд добровольный.

И это касалось не только черных работ, неквалифицированного труда. Нет, даже инженеры, осужденные по так называемым вредительским процессам, работали по своей специальности (или по любой специальности интеллигентного труда) лучше, чем вольные специалисты. Я участвовал в большом количестве совещаний по этому поводу и хорошо помню примеры, доказательства.

Лагерь, перестроенный на деловую ногу, уже не терпел той ненужной обслуги, а каждого человека старался использовать, чтобы он давал доход.

Эта деляческая сторона перековки была ее душой.

Перековка показала, как легко человеку забыть о том, что он – человек.

Была создана, все сложнее и тоньше год от году, система поощрения. Святая тюремная пайка была заменена питанием по тонко разработанной шкале так, чтобы каждый рабочий час и день отражался на еде будущего дня; обычно питание менялось раз в десятидневку, иногда в пятидневку, а позднее на ключе

Алмазом с вечера объявляли, кому не дадут хлеба завтра» [4, с. 58–59].

Вот она, эта связь между Вишерой и Колымой, этот мост между колымским «Ключом Алмазным» (ссылка) и вишерской алмазной картой. Расчеловечивание Колымы начиналось на Вишере, где сталинская система впервые использовала массовый принудительный труд в лагере как значимый инструмент индустриализации. И герой Шаламова, еще формирующийся молодой человек, усваивает это на собственном опыте в процессе своего становления [2].

«Алмазная карта»... Сюжет, связанный с поиском бельгийской карты алмазных копей на Северном Урале, у Шаламова повторяется трижды, и каждый раз по-разному. С точки зрения шаламовского отношения к индустриализации важно рассмотреть трансформацию его взгляда на этот сюжет.

Основа сюжета во всех его трех явлениях в творчестве Шаламова общая: главный герой, старый знаток недр Вишеры, хранит тайну алмазной карты. Карту недр края составили бельгийцы в начале XX в., но затем, выдвленные российскими купцами, взорвали свои заводы и скрыли тайну недр. Эту алмазную карту у главного героя пытаются добыть другие герои рассказанного Шаламовым сюжета.

Первое появление темы – рассказ «Карта», написанный в 1936 г. Степан Петрович – так здесь зовут старого нелюдимого рудознатца – живет со своей семьей в глухой тайге, скрывшей семью от перипетий Первой мировой войны и революции. Его дочь, Анна Степановна, отказывается от семейного изоляционизма, получает образование в новой Советской России и становится геологом. Она ведет разыскания в том же районе, где живет ее отец; он предлагает ей, вернее, «власти», карту за деньги, но просто, бесплатно отдать карту дочери отказывается, желая богатства себе, а не «людям». Через год Анну Степановну награждают орденом, ее портрет печатают в газете, и постаревший и вразумившийся Степан Петрович предлагает дочери карту, но оказывается, что она получила орден именно за то, что составила со своей экспедицией эту карту своими силами. Рассказ заканчивается фразой: *«Степан Петрович всхлипывал, обняв*

голову дочери, и желтое вьющееся пламя волос выбивалось из старческих пальцев» [9, т. 1, с. 42].

Тут налицо энтузиазм автора относительно индустриализации, побеждающей силы и воли нового мира, за которыми не успевают старое знание.

Второе появление темы – в «Колымских рассказах», название рассказа – «Алмазная карта». Интересно, что в черновиках цикла «Левый берег», девятым рассказом которого и является «Алмазная карта», первоначальное название рассказа было «В глуши» [8, л. 1], но затем Шаламов, как он делал очень часто, заменил название, отсылающее, по крайней мере его самого, если не читателя, к своему старому рассказу 1936 г., завязка которого похожа, но стиль куда менее романтичен, чем в первом случае. Главный герой, Иван Степанович Бугреев (говорящая «таежная» фамилия!) хранит бельгийское наследие как бывший главный бухгалтер бельгийских заводов, держит своих детей и внуков в глуши, отказывая последним даже в грамотности, – и хранит ту же бельгийскую карту. В семье назревает конфликт из-за карты и изоляции от жизни, геолог Вилемсон, собеседник рассказчика и один из героев, все-таки получает искомое от старика:

«– Вот она, карта. – Иван Степанович держал в руках пергаментные слежавшиеся листы, и пальцы его дрожали. Из-за его могучей спины выглядывала Серафима Ивановна. – Вот – отдаю. Двадцать лет. Сима, прости, Андрей, Петр, Николай, все сродники – простите. – Бугреев заплакал» [9, т. 1, с. 271].

Но это не конец. На карте обозначены золото, железо, топаз, малахит, бирюза... Однако того, ради чего геолог Вилемсон приехал на Вишеру, он не получает:

«Иван Степанович не отдал алмазной карты. Алмазы на Вишере нашли только через тридцать лет» [9, т. 1, с. 271].

Эта последняя фраза рассказа резко контрастирует с тем, как заканчивался первый шаламовский рассказ по этому сюжету. Старик в конце тоже плачет, но он неискренен перед «властью» – самое дорогое он ей не отдает, не доверяя ей. Да и конфликт в семье изображен по-другому, как бунт в ней. Кстати, действительно, алмазы на Вишере нашли, именно когда Шаламов писал этот рассказ, в 1960-е гг. Возможно, что известие об этом

открытии и заставило его вернуться к сюжету и включить «вишерский» сюжет в «колымский» цикл, одной из важнейших сквозных тем которого являются отношения человека и власти, причем не только в лагере. На этом колымском фоне недоверие старика-«изоляциониста», «поклонника Руссо», пытающегося от грозного XX в. спрятаться в таежной глуши, понятно. Он отдает карту, но самое ценное и важное оставляет себе, не раскрывается, отстаивая – своеобразно, но тем не менее! – свою самость и свободу именно в сохранении тайны, несмотря на слезы – в отличие от первого рассказа «Карта», видимо, неискренние. И, конечно, в первом рассказе алмазы не упоминались, поскольку сам Шаламов в 1930-е не мог знать о том, что алмазы на Вишере вообще есть.

Наконец, третье явление пресловутой бельгийской карты происходит в не публиковавшейся до 2022 г. главке «Вишерского антиромана» – ««Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931». Старик – хранитель карты назван здесь настоящим именем – Степан Петрович Ширинкин. Геолог Вилемсон, фигурировавший в рассказе «Алмазная карта», также, как выясняется, назван настоящим именем. Ширинкин вовсе не отдает никакой карты Вилемсону: *«Никаких алмазов здесь нет. И никакой карты у меня нет, – твердил Ширинкин»* [4, с. 121]. Но объяснение мотива Степана Петровича тут другое, не то, что в рассказах «Карта» и «Алмазная карта». Автор оставляет вопрос о мотиве открытым, максимально стараясь не исказить позицию реального человека:

«Почему не сказал Ширинкин правды?»

Объяснение очень простое. Цепной пес умер, храня тайну хозяина. Лучшее, что видел Ширинкин в жизни, было как-то связано с бельгийцами. Хранить тайну превратилось в нравственный долг.

Может быть, еще проще – ждал, когда вернутся бельгийцы – ведь золотые клады такие случайные обладатели хранят десятки лет.

А может, и еще проще – действительно, стал последователем Руссо, действительно видел в цивилизации гибель человека. А может быть, библии начитался, тем более французской.

Так или иначе он умер, не открыв секрета» [4, с. 121].

Объясняя мотивы Ширинкина и не давая однозначного ответа, Шаламов тем не менее подчеркивает: *«Почему-то начальство считает, что если оно задает вопрос, то гражданское лицо обязательно сообщит правду. Это – психологическая ошибка. Меру обид измерить нелегко»* [4, с. 122].

Шаламов тут, как и в другом «вишерском» по сюжету рассказе «Первый зуб», дает несколько вариантов концовки сюжета (пусть не единственного, а одного из сюжетов главы «Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931»). Если в первом случае герой являет собой человека старого мира – человека, отказавшегося от не оправдавшей его надежд цивилизации, воля которого все-таки сломилась перед натиском нового мира, силой преобразования мира, то во втором – герой так до конца и не доверяет власти, сохраняя тайну ради сохранения фрагмента свободы во взаимоотношениях с властью. В наиболее приближенном к реальности изложении событий Шаламов оставляет вопрос открытым, предоставляя судить читателю.

В контексте темы индустриализации наиболее оптимистичным оказывается первый вариант. Затем автор отстраняется от темы преобразования мира силами человека, занимая куда более скептическую позицию. При этом следует отметить, что и в рассказе «Алмазная карта», и в главе «Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931» речь идет не столько об индустриализации как таковой, сколько о доверии или недоверии человека власти. И, по Шаламову, это совсем не одно и то же.

Сам же он в 1930-е гг., по своему же свидетельству из «Вишерского антиромана», включился в работу с немалым энтузиазмом:

«По чисто производственному вопросу я даже выступил с большим сообщением на каком-то техническом совещании и не насмешил старых лагерных волков того времени» [4, с. 126].

В Березниках уже вольным Шаламов был принят на работу *«заведующим бюро экономики труда теплоэлектроцентрали на ставку в триста двадцать семь рублей. Я согласился взять работу, которой я никогда не занимался, по совету Павла Осиповича Зыбалова, ссыльного экономиста, проводившего в Березниках ряд лет, и работающего то на содовом заводе,*

бывшем Любимова, то на Березникхимкомбинате, когда первая очередь гигантского строительства была пущена в ход. Именно Зыбалов обещал мне помочь советом и даже чуть позже уговорил меня дать согласие на преподавание в вечернем техникуме по предмету “Гигиена и физиология труда”» [4, с. 137].

Предполагать, что такую работу, особенно преподавательскую, Шаламов взял на себя просто ради заработка – затруднительно, особенно учитывая другие свидетельства проявлений энтузиазма молодого Варлама Тихоновича что в еще в Вишерском лагере, что после него.

В повествовании о начале резкого изменения жизни лагеря после приезда на Вишеру Э.П. Берзина и о совещании с участием заключенных Шаламов писал о себе: *«Конечно, подлинная “философия” перековки определилась позднее, а тогда, когда приехал Берзин, а главное, приехали берзинские люди, все казалось мне в розовом свете, и я был готов своротить горы и принять на себя любую ответственность»* [4, с. 60].

Это стремление «своротить горы» в деле преобразования общества и природы осталось у Шаламова и после лагеря, хотя все выводы относительно «перековки» Шаламов, как было показано, сделал. И не только относительно «перековки» – о резком изменении общественного климата, о голоде 1932–1933 гг., насильственной коллективизации и прочих признаках сталинского термидора: *«Шесть условий товарища Сталина, “Догнать и перегнать”, “Время, вперед” – одни из самых бессовестных [лозунгов] тех лет. Беломорканал, канал Москва – Волга, коллективизация, аресты в деревне. Все это описано трижды и четырежды, как все это отражалось в семье русского интеллигента»* [9, т. 4, с. 436].

Как доказывает Е. Михайлик, Шаламов пишет «Вишерский антироман» именно с позиции того времени, поэтому и выводы, сделанные Шаламовым о «перековке», и его не угаснувший еще энтузиазм зафиксированы автором антиромана из начала 1970-х совершенно отчетливо [3, с. 300].

С 1932 г Шаламов работал журналистом в журналах, посвященных проведению индустриализации: «За ударничество», «За овладение техникой», «За промышленные кадры». Как он

писал, «за годы с 32-го по 37-й в Москве и Московской области нет ни одной фабрики, ни одного рабочего общежития, ни одной рабочей столовой, где бы я не был и не один раз» [9, т. 4, с. 438].

Наряду с чисто проходными очерками 1930-х в эти годы Шаламов написал несколько значимых журналистских материалов, которые позволяют судить о его мировоззрении именно в отношении индустриализации. Шаламов ездил по разным предприятиям и писал как статьи и заметки «на злобу дня», так и принципиальные материалы. Обратим внимание на несколько из них. В статье «Электротехника и Пушкин» Шаламов так обосновывает необходимость знания иностранных языков студенту-технику:

«Знание их нужно втузовцу не только, чтобы читать технические журналы и книги. Нет, они нужны и для чтения Шекспира и Гейне в подлиннике. И, встретившись с доктором Фаустом на страницах книги Гете, гидротехник, может быть, с удивлением услышит вдохновенные могучие слова о последней мечте энциклопедиста Фауста – о грандиозных гидротехнических работах.

В плане политического мировоззрения, общественного сознания у советского пролетарского студента наиболее культурное мышление. Пониманию жизни, движущих общественных сил научили его Маркс – Ленин – Сталин. Пусть же наши студенты, наша производственно-техническая интеллигенция, следуя их примеру, овладеют и высотами об<щей> культуры.

Сталевара надо премировать сочинениями Пушкина, а электротехнику надо знать Лермонтова» [11].

Это звучит наивно-утопически? Нет! Именно фундаментальная подготовка части – не всей, конечно, – технической интеллигенции в 1930-е гг. позволила СССР не проиграть экономико-техническую часть войны с нацистской Германией, а затем вырваться вперед в ряде отраслей в послевоенный период. Фундаментально подготовленный, способный к воображению технический интеллигент (а ведь именно способность к воображению развивается благодаря знанию искусства и художественной литературы) стал сильнейшим козырем СССР в 1930-е – 1980-е гг.

В статье «Мастер, переделывающий природу. К 65-летию научной деятельности Мичурина» Шаламов пишет об освоении Севера с помощью... садоводства (см. «вишерский» рассказ Шаламова «Хан-Гирей» из цикла «Воскрешение лиственницы», четвертого цикла «Колымских рассказов», в котором главный герой разводил сады и на Северном Урале, и на Колыме):

«19 июня 1934 г. на дебаркадере вокзала Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги пассажирам Владивостокского экспресса, челюскинцам, мужественным бойцам за освоение Арктики, был поднесен букет необыкновенных цветов. Белые лилии пахли фиалками, легким и тонким запахом фиалок. Это был букет гибридов лилий и фиалок – “фиалковая лилия” Мичурина.

Так был перекинут цветочный мост к пролагателям новых путей на белых пятнах арктических карт от человека, который всю свою огромную жизнь посвятил единственной задаче – осеверению плодоводства и садоводства, от человека, всю жизнь штурмовавшего и штурмующего Север в плодовом саду» [5].

Надо сказать, что преобразование природы интересовало Шаламова и в поздние годы жизни – так, в 1972 г. им было написано стихотворение «Поворот северных рек» (пусть и несколько формально-газетное) во вполне одобрительной интонации по отношению к этой идее [10, с. 218–219, 522, 526]. Хотя современному читателю это может показаться странным, Шаламова привлекла именно фаустовская (опять возникает в стихотворении фигура Фауста, как и в цитированной выше статье «Электротехника и Пушкин», которая в принципе важна для понимания мировоззрения Шаламова!) грандиозность задачи, в экологические последствия на тот момент он не вникал.

Наиболее важна для понимания взглядов Шаламова 1930-х гг. статья «Наука и художественная литература», опубликованная в журнале «Фронт науки и техники» в 1934 г. По сути, тут перед нами первый литературный манифест Шаламова, с некоторыми тезисами из которого он не расстанется и в послеколымские годы. В контексте нашей темы важно, что Шаламов и здесь настаивает на соединении науки и художественности в литературе:

«Научный замысел Маркс всегда разрешал с помощью средств художественного воздействия. Большой знаток

и любитель лучших образцов художественной литературы, Маркс мобилизовал свое художественное умение для лучшего оформления своих экономических, философских и исторических работ. Сказанное в равной мере относится и к другим великим ученым. Язык Энгельса прост и художественен. Что такое “Путешествие вокруг света на корабле Бигль” Дарвина – серия художественных очерков или научная работа? Все, начиная от первой фразы, представляет художественную ткань и в то же время является образцом научного творчества. Работы Тимирязева, акад. И. Павлова – это наши современники – свидетельствуют, что соединение художественности с подлинно-научным изложением не только вполне возможно, но сообщает научным работам особую силу, заключающуюся в эмоциональном увеличении действенности работы [Выделено Шаламовым. – С.С.]» [7].

В статье Шаламов положительно отзывается о научной фантастике, которая должна быть местом соединения науки и художественной литературы, критикуя при этом романы А.Р. Беляева и А.Н. Толстого (произведения которого и вовсе называет антинаучными) как «фантастические», но не научно-фантастические. Но на этом мысль автора не останавливается. Шаламов пишет: *«Ему думается, что поэт должен, по возможности, стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же мирозерцанием [Выделено Шаламовым. – С.С.]» [7].* Эта идея явно восходит к тому времени, когда молодой Шаламов «заучивал наизусть» тоненькие сборники ОПОЯЗа, но помимо этого в статье сквозит энтузиазм Шаламова по отношению к идее обеспечения будущего содружества литературы и науки:

«Из сказанного достаточно ясно видно, какие пути, какие перспективы в смысле развития культуры масс и в смысле взаимной пользы обещает союз художественного слова и науки. Прежде всего чрезвычайно расширяется культурный горизонт читателя, культурный горизонт масс. <...> Через искусство, через художественные произведения массовый читатель знакомится, связывается с важнейшими проблемами науки и техники. В художественной литературе наука и техника приобретают мощнейший рычаг подготовки широких масс

к восприятию науки. “В нашей литературе не должно быть резкого различия между художественной и научно-популярной литературой”, – говорит Максим Горький. Познавательное значение романа, повести, рассказа, стиха увеличивается во много раз. И более: фантазия писателя, его художественная эмоция, имеющая базой глубокое изучение научных и технических проблем может послужить существенным фактором движения науки вперед и выше. Жюль Верн тому свидетельство.

Совместная работа обогатит язык научных работ, сообщит им эмоциональную зарядку, расширит контингент потребителей научного творчества, сделает последнее общедоступней. До сих пор в отношении языка научных работ наблюдается (за немногими исключениями) известное пренебрежение к вопросам словесной одежды» [7].

Шаламов резюмирует:

«Наука и искусство в нашей стране – не самоцель и не только средство познания, а средство изменения, переделки мира. Задача советской художественной литературы – переделка человека, т. е. переделка читателя [Выделено Шаламовым. – С.С.]. Это достигается и показом переделки людей, людей, несущих в себе новое, социалистическое качество личности – и отражением отвратительности капиталистического строя, это достигается и показом достижений науки и техники в их динамике, в их перспективах в условиях социалистического хозяйства. Здесь – право писателя на разработку научной тематики. По-прежнему в центре внимания остается человек. Человек, овладевающий высотами науки и техники, изучение и показ его психики, отыскание сюжетных пружинок в самом разрешении научной и технической проблемы – такой человек еще не показан нашей литературой» [7].

Вроде бы перед нами отражение официальной, едва ли не официозной точки зрения. Но нет, перед нами прежде всего – вера в преобразовательную силу науки, а главное – именно через науку в «центре внимания остается человек».

В «Колымских рассказах» в центре внимания, безусловно, человек и процессы расчеловечивания и вочеловечивания в ситуации абсолютной безнадежности лагерного мира. Но и роль науки в «Колымских рассказах» велика: «Житие инженера

Кипреева», многочисленные рассказы на медицинскую тематику, даже сатирическая зарисовка «Инжектор» – наука и техника в «Колымских рассказах» проблематизируются по-новому, но влияние их велико даже в том, зачеловеческом мире, где господствуют насилие и ручной каторжный труд. Они, помимо прочего, показывают – особенно медицина! – возможность иного мира, сам факт его существования.

Через много лет после Колымы в своем манифесте «О прозе» (1965 г.) Шаламов прямо повторяет некоторые мотивы своей ранней статьи. Он опять обращается к теме фантастики, но на этот раз оценивает ее куда критичнее:

«Последние годы во всем мире заметное место заняла научная фантастика. Успех научной фантастики вызван фантастическими успехами науки.

На самом же деле научная фантастика – всего лишь жалкий суррогат литературы, эрзац литературы, не приносящий пользы ни читателям, ни писателям. Научная фантастика не дает никаких знаний, выдает незнание за знание. Способные авторы произведений такого рода (Брэдбери, Азимов) стремятся лишь сузить зияющую пропасть между жизнью и литературой, не пытаясь перекинуть мост» [9, с. 144].

В неопубликованных заметках к этому манифесту Шаламов подробнее раскрывает эту мысль:

«Научно-техническая революция, сопровождающая в наше время, творящаяся рядом с нами каждый день и каждый час, вызывает поток научной фантастики. У научной фантастики – огромное психологическое преимущество – тут хоть читателя не просят верить в действительность.

Успех научной фантастики вызван фантастическими успехами науки – <нрзб> и паразитирующей на этих успехах.

Любая страница биографии Ферми, одного из главных действующих лиц современной драмы жизни человечества, например, дороже для читателя, чем вся научная фантастика вместе взятая» [6, л. 28–29].

Фантастику Шаламов отвергает, но взамен он создает проект «литературы документа», утверждая: *«Нужно и можно написать рассказ, неотличимый от документа, от мемуара» [9, с. 149].* Но и тут образцом является наука, научные мемуары

ученых, а также – наука историческая, которая, собственно, ищет, исследует и вводит в оборот **документы**. Опязовские принципы формализма, научного подхода к литературе никуда не делись у Шаламова, он их возводит на новый уровень.

Конечно, прежнего энтузиазма относительно преобразования мира силой науки у Шаламова в 1960-е гг. нет. Прежде всего потому, что сталинская система исковеркала, оболгала, попыталась поставить себе на службу этот идеал преобразования. Показателен в этом смысле рассказ «Академик» из цикла «Левый берег». В этом рассказе к маститому академику приходит немолодой журналист взять интервью о кибернетике, которую в свое – сталинское – время академик клеймил, а ныне шел «в ногу с прогрессом». Академик рисуется в рассказе настоящим ученым, но при этом и частью номенклатуры, привыкшей к услугам на дому, личной машине, шикарной по советским меркам квартире – и вниманию прессы. Что показательно, на столе у него пепельница с головой Мефистофеля – опять фаустовская тема! Академик ведь тоже заключил определенную сделку с властью-Мефистофелем, колеблясь вместе с генеральной линией партии без кровавых зигзагов биографии, в отличие от журналиста:

«– Простите, – сказал академик, – вы не тот Голубев, что много печатался во времена моей молодости, моей научной молодости, в начале тридцатых годов? За его статьями все молодые ученые следили тогда. Я как сейчас помню название одной его статьи – “Единство науки и художественной литературы”. В те годы, – академик улыбнулся, показывая свои хорошо отремонтированные зубы, – были в моде такие темы. Статья бы и сейчас пригодилась для разговора о физиках и лириках с кибернетиком Полетаевым. Давно все это было, – вздохнул академик.

– Нет, – сказал журналист. – Я не тот Голубев. Я знаю, о ком вы говорите. Тот Голубев умер в тридцать восьмом году.

И Голубев твердым взглядом посмотрел в быстрые черные глаза академика» [9, т. 1, с. 264].

Мог ли кто-то из читателей знать, что это Шаламов (Голубев) был автором этой самой статьи, судя по упоминанию в этом рассказе, принципиально важной для него? – Нет, конечно. Это Шаламов сводил счеты с собой, это намек, проброс – для себя.

Шаламов работал журналистом и до Колымы, и – немного – после, в журнале «Москва» в 1956–1958 гг., писал там в том числе на научные темы [1]. Но эту карьеру он оставил как по медицинским причинам, так и по причине работы над «Колымскими рассказами». Фигура Голубева в рассказе по крайней мере отчасти автобиографична. Но главное здесь именно в том, что Шаламов и показывает сохранение своей веры в науку, и корректирует эту веру, изображает, как сталинская система коверкает стремление людей работать в науке, рядом с наукой – особенно если они не подписали контракта со властью-Мефистофелем. Примечательно также, что реальное название статьи «Наука и художественная литература» в рассказе несколько скорректировано: «Единство науки и художественной литературы». Отметим – «единство»! Это единство для Шаламова важно и в 1960-е гг., литературный рассказ, «новая проза», «проза, пережитая как документ» строится Шаламовым на научном основании.

Значит ли все вышесказанное, что Шаламов отвергает свое прежнее восхищение наукой? Нет, порукой в том его стихи: «Сон гляциолога, лед глянцевитый...» [10, с. 126], цикл стихов памяти антрополога Герасимова [10, с. 235–237] и ряд других. Но развитие науки и промышленности искажается, а то и извращается государственным террором, и поздний Шаламов не может не иметь в виду этот факт постоянно, окрашивая свое прежнее восхищение силой науки в разные тона. Ярче всего это противоречие отражено в стихотворении, которое может быть, помимо прочего, отнесено и к оценке Шаламовым развития советской науки и индустриализации в целом. Да и советской истории как таковой:

До космодрома

Трудная жизнь прожита почти даром.

Вот бы занятье роялям, гитарам...

Чем не предмет площадного искусства –

Это, судьбу победившее чувство?

Время отброшено в средневековье.

Снег, окропленный чистойшею кровью.

Рев палачей и мужские рыданья.

Где вы живете, лучи состраданья?

*Около спящих лагерных вышек
Жизнь поднимается выше и выше.*

Все здесь испытано, все нам знакомо.

Все – от концлагеря до космодрома [10, с. 113].

Список литературы

1. Гаврилова А.П. Работа Шаламова в журнале «Москва» в 1956–1958 гг. // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории : сб. тр. междунар. науч. конф. / сост. и ред. С.М. Соловьев. – М. : Литера, 2013. – С. 204–208.

2. Лундблад Дж. Роман воспитания наоборот: «Вишера. Антироман» В.Т. Шаламова как переосмысление жанровых традиций // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории : сб. тр. междунар. науч. конф. / сост. и ред. С.М. Соловьев. – М. : Литера, 2013. – С. 285–291.

3. Михайлик Е. Вишерский антироман как неопознанный объект // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3 (133). – С. 294–302.

4. Шаламов В.Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. : В.В. Есипов. – Пермь, 2022. – 304 с.

5. Шаламов В.Т. Мастер, переделывающий природу // Прожектор. – 1934. – № 8 (342). – С. 6–7.

6. Шаламов В.Т. Наброски к эссе «О прозе» // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 117.

7. Шаламов В.Т. Наука и художественная литература // Фронт науки и техники. – 1934. – № 12. – С. 84.

8. Шаламов В.Т. Рукописи рассказов «Алмазная карта», «Необращенный» // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 15.

9. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. + т. 7, доп. / сост., подгот. текста, прим. И.П. Сиротинской. – М. : Книговек, 2013.

10. Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы : в 2 т. Т. 2 / сост., подг. текста и примеч. В.В. Есипова. – СПб. : Изд-во Пушкинского дома ; Вита Нова, 2020. – 640 с.

11. Шаламов В.Т. Электротехника и Пушкин // За промышленные кадры. – 1935. – № 17. – С. 30–32.

**«ТРОЦКИЗМ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА
В «АНТИРОМАНЕ» «ВИШЕРА» И В ДОКУМЕНТАХ
ЭПОХИ**

Головизнин Марк Васильевич
канд. мед. наук, доцент,
Московский государственный медико-
стоматологический университет
имени А.И. Евдокимова,
Москва
mvasilef@mail.ru

Аннотация. На основе глав «антиромана» «Вишера» и архивных документов рассматривается тема «Шаламов и Левая оппозиция 1920-х гг.». Показано, что Шаламов, будучи заключенным концентрационного лагеря на Вишере, не отказался от своих взглядов «левого оппозиционера», а руководство лагеря – группа Э.П. Берзина – достаточно примирительно относилось к этому. В то же время уже в конце 1920-х гг. у Сталина рождалась мысль, что единственно эффективный путь в борьбе с оппозицией есть уничтожение как самих оппозиционеров, так и тех, кто проявлял к ним «либерализм» или хотя бы сочувствие. Этим можно объяснить гибель руководства Вишерлага во время «большого террора».

Ключевые слова: Варлам Шаламов, левая оппозиция, Вишерлаг, Сталин, Эдуард Берзин, Емельян Ярославский, Александр Воронский, ОГПУ, «троцкизм».

**VARLAM SHALAMOV'S 'TROTSKYISM'
IN 'VISHERA ANTIROMAN' AND IN HISTORICAL
DOCUMENTS**

Mark Goloviznin
candidate of medical sciences, docent,
Moscow State University of Medicine and Dentistry
named after A.I. Evdokimov,
Moscow
mvasilef@mail.ru

Abstract. The article being based on the chapters of ‘anti-novel’ ‘Vishera’ and archival documents, discusses the item ‘Shalamov and Left Opposition of the 1920s’. It was shown that Shalamov, being a prisoner of the concentration camp on Vishera, did not renounce his ‘left oppositionist’ ideas. On the other hand his camp administration from the group of E.P. Berzin was quite conciliatory in this matter. At the same time we think that already at the end of the 1920s, Stalin hatched the idea that the only effective way to fight against the opposition was to eliminate physically both the oppositionists themselves and those who showed ‘liberalism’ to them, or at least sympathy. The mentioned above can explain the execution of Visherlag leadership during the Great Terror.

Keywords: Varlam Shalamov, Left Opposition, Visherlag, Eduard Berzin, Stalin, Emelyan Yaroslavsky, Alexander Voronsky, OGPU, ‘Trotskyism’.

Тема «Шаламов и Левая оппозиция» ранее уже освещалась нами [5, с. 165–168]. Однако издание полного текста «антиромана» «Вишера» с подборкой в качестве приложения документов 1929–1932 гг. актуализирует ее осмысление в контексте новых фактов и личностных характеристик героев «антиромана», с которыми писатель общался на протяжении первого срока заключения. Предварительно внесем пояснение в терминологию. В 1920–30-е гг. Левая оппозиция в ВКП(б) называла себя «большевиками-ленинцами»¹. Название «троцкисты» (неверное и по сути, т. к. в оппозиции были не только сторонники Л.Д. Троцкого) использовалось в качестве ярлыка их противниками из «партийного большинства», взявшими на вооружение «небольшевизм» Л.Д. Троцкого до 1917 г. После «года великого перелома» вплоть до поздней перестройки ярлык «троцкист» в официальной пропаганде СССР имел подчеркнута негативную коннотацию «враг ленинизма», что в полной мере ощутил и Шаламов даже после реабилитации по «колымским» лагерным срокам.

¹ Мы считаем необходимым уточнить: конечно, к Ленину апеллировали не только левые оппозиционеры, но и их противники, которые оправдывали «отсечение» оппозиции и пресловутое «единство партии», ссылаясь на «ленинские» ограничения партийной демократии в период X съезда РКП и «кронштадтского мятежа». Однако излишне напоминать, что ограничения и «рабочей оппозиции», и «левых коммунистов» при Ленине не предполагали ни прекращения дискуссий по спорным вопросам политики, ни массовых исключений из партии, ни тем более полицейских преследований инакомыслящих.

В современном мировом политическом лексиконе этот термин уже не так жестко привязан к исторической конкретике РСДРП – ВКП(б). «Троцкизмом» называют политические течения в разных странах, разделяющие идеи Л.Д. Троцкого, и негативная коннотация при этом может отсутствовать.

Как свидетельствуют документы первого следственного дела Шаламова, во время ареста в подпольной типографии и последующих допросов в феврале 1929 г. он категорически отказался говорить о сути оппозиционной деятельности. Это была общая установка оппозиционеров как протест против перевода партийных разногласий в полицейскую плоскость. Однако в июле 1929 г., уже будучи заключенным Вишерских лагерей, Шаламов направляет письмо в коллегию ОГПУ, где детально разъясняет свои политические взгляды. Несмотря на то что данный текст полностью и в извлечениях неоднократно публиковался, мы считаем нужным частично воспроизвести его в настоящей статье. Письмо Шаламова от 6 июля 1929 г. было адресовано одновременно в коллегию ОГПУ и ЦК партии. Он пишет: «Разделяя взгляды большинства ленинских оппозиционеров, я не разделил их судьбы. Брошенный в концентрационный лагерь – один – без всякой моральной и материальной поддержки – в среду уголовников, растратчиков, шпионов и контрреволюционеров – среду, с которой я не только никогда не имел ничего общего, но где можно боролся против них за партию, за советскую власть и ее политику. В обстановке полной моральной изолированности, больше того – бойкота и издевательств (именно, как разделяющий взгляды оппозиции) заставлен я отбывать срок. Нахожусь в тяжелых культурных условиях, не имея времени читать книги, газеты, журналы, совершенно от них оторванный. Решительно протестуя против подобного обращения с оппозиционером – прошу перевода для отбывания срока в политизолятор к моим товарищам, к людям, с которыми у меня общий язык. <...> Совершенно ясно, что партия не представляет собой замкнутой касты, что интересами партии живут не только люди, имеющие партийный билет. Любой “беспартийный” может и должен принимать участие в разрешении всех вопросов, которые выдвигает жизнь перед партией, следовательно, и перед рабочим классом или вернее

перед рабочим классом, следовательно, и перед партией. Для всякого, кто научился знать ленинскую правду, политической осью событий последнего времени являлись взаимоотношения партии и оппозиции. Ни один человек, считающий себя ленинцем, не может говорить о второй пролетарской партии в стране в эпоху диктатуры пролетариата, т. е. обостреннейшей борьбы с умирающим капиталистическим миром. Нельзя допускать и клеветы о том, что ВКП(б) не пролетарская партия.

Работа оппозиции и до и после XV съезда не была антипартийной работой. Содержание ее, включая самые “криминальные” методы, вроде поддержки в кратких и исключительных случаях стачек – направлены были по существу на пользу ВКП(б) как партии рабочего класса. Вынужденная прибегнуть к “нелегальным” методам апелляции к рабочему классу – только к нему обращалась оппозиция – и не ошиблась в своей правоте. В мероприятиях последних месяцев в значительной степени участвовала ленинская оппозиция своей критикой, указаниями и работой. Решения XVI конференции, чистка партии, чистка аппарата, борьба с правым уклоном, правда, ведшаяся почти вслепую без названия имен, имен, которые смело называла оппозиция – представляют собой, несомненно, серьезные шаги руководства влево, т.е. в направлении исправления сделанных ранее ошибок. Об этих тяжелых ошибках, внутренней и внешней политики, достаточно известных, приведших к перманентному экономическому кризису страны, затяжке мировой революции и ухудшению международного положения Коминтерна – все три следствия диалектически связаны между собой, здесь говорить я не буду. Ясно одно: эти ошибки руководство старается исправить. Но исправить сверху силами того же аппарата. Каждый большевик-ленинец обязан поддерживать все практические революционные шаги настоящего Центристского руководства, которое сейчас оголяет себя, отсекая налево и направо (больше налево, чем направо). О методе борьбы “на два фронта” достаточно хорошо сказано в письме Л.Д. Троцкого “Кризис правоцентристского блока и перспективы”.

Одной рукой стараясь исправить ошибки (что невозможно без самого близкого участия широких масс рабочего класса),

партруководство другой рукой посылает оппозиционеров на каторгу; именно это в первую очередь заставляет сомневаться в решительности взятого курса, ибо политика не может знать злобы и за каждое мероприятие, направленное к защите пролетарской диктатуры, готов бороться и борется всякий, считающий себя большевиком. Партруководство упорно толкало оппозицию на отрыв от партии. Целый ряд выступлений вождей и целый ряд репрессивных мер по отношению к оппозиционерам, вплоть до высылки Л.Д. Троцкого за границу и последующих попыток дискредитировать имя одного из вождей Октября в глазах рабочих – достаточно веское свидетельство двойственности политики партруководства. <...> Политика – меньше всего вопрос самолюбия. И кто не понял того, что рука оппозиции все время протянута партии – тот не понял ничего в политических событиях последних лет. <...> Я считал вместе с большинством ленинской оппозиции – единственным средством выправления курса партруководства, а, следовательно, и всей советской и профсоюзной политики является глубокая внутрипартийная реформа на основе беспощадной чистки всех термидориански настроенных элементов и примиренцев к ним. Возвращение ленинской оппозиции в партию из ссылок, тюрем и каторги. И я был бы не в последних рядах той партии большевиков, которую воспитывал Ленин. Вот мои взгляды» [8, с. 259–260].

В данном письме двадцатидвухлетний беспартийный Варлам Шаламов демонстрирует свое глубокое знакомство с внутренним положением в рядах оппозиционной ссылки и знание дискуссий, которые велись среди оппозиционеров в 1928 г. по вопросам «левого курса» партийного руководства СССР (борьбы с «правым уклоном» и политики массированных хлебозаготовок, проводимой Сталиным после раскола правящей «сталинско-бухаринской» группы в ЦК ВКП(б)) и по вопросам «советского термидора»² сползания партийного руководства вправо. В письме Шаламов пересказывает полемические утверждения Л.Д. Троцкого (и солидаризируется с ними), отвечавшего на критику, обращенную к нему как справа, так и слева. Суть этих

² Аналогия между «переворотом 9 термидора», казнью Робеспьера правящей частью якобинского руководства Великой французской революции и репрессиями противлевой оппозиции, вершимыми сталинско-бухаринской фракцией. – *Прим. автора.*

утверждений кратко сводится к следующему: 1) оппозиция была права, прогнозируя в 1927 г. «хлебную стачку» кулаков и заблаговременно предлагая ее сдерживание экономическими, а не полицейскими мерами; 2) импульсивный, репрессивный нажим на кулака, а фактически – на все крестьянство под прикрытием борьбы «на два фронта», как с «правым» так и с «левым» уклоном, ничуть не означает переход Сталина на «платформу троцкизма», а является маневром в борьбе правящей в ВКП(б) фракции за собственное выживание в условиях кризиса; 3) ВКП(б) конца 1920-х гг. представляет собой противоречивое явление. Партия расслоилась на «низы» и властные «верхи» управленцев, ставящих главной целью сохранение своих социальных привилегий любой ценой в ущерб и партийным низам, и всем трудящимся. «Диктатура пролетариата» сменилась «диктатурой над пролетариатом»; 4) в деле оздоровления партийного режима – восстановления демократических традиций и ликвидации всевластия партийных секретарей оппозиция готова сотрудничать со всеми здоровыми силами партийного большинства.

Все было бы понятно, если бы данный текст Шаламова являлся статьей в дискуссионном листке оппозиции или личным письмом к товарищам, единомышленникам. Вызывает недоумение, зачем текст был адресован в коллегия ГПУ, где заведомо меньше всего можно было ожидать на него иного отклика, кроме как усиления репрессивного нажима. Ответить на этот вопрос, на наш взгляд, поможет текст другого заявления, также ссыльного оппозиционера – лидера группы «Демократический централизм» Владимира Михайловича Смирнова, написанный на полгода раньше шаламовского. Его пафос перекликается с шаламовским текстом:

«В редакцию Правды. Копия Председателю ЦКК. В своем “заявлении об отходе от троцкистской оппозиции”, опубликованном в № 284 “Правды”, некий Усевич приписывает мне “лозунг”: “надо поддерживать всякое движение, направленное против Советской власти и ВКП (б)”. Вся моя переписка со времени моей ссылки, т. е. с 1 января 1928 г. – находится под контролем ГПУ, и копии моих писем, несомненно, имеются в его архивах. В этих письмах мои взгляды нашли

полное выражение, ибо я, в согласии с традицией коммунистов со времени Коммунистического Манифеста – всегда считал позорным скрывать свои взгляды и убеждения. Я открыто говорил там, что теперешние “вожди ВКП” изменили пролетариату, что нынешнее правительство, действующее под вывеской Советской власти, которую оно (на) деле уничтожило, является враждебным рабочему классу и что пролетариат должен и будет бороться против него за свою диктатуру, за подлинную власть Советов. Похоже ли это на то, что приписывает мне Усевич? Нисколько. Следует ли из этих моих взглядов хотя бы тот вывод, что нужно поддерживать “всякое движение” даже против теперешнего правительства ренегатов? Всякий мало-мальски добросовестный человек скажет, что нет. И если бы ЦКК или Правда захотели проверить по моим письмам (а они могли это сделать) подлинность этой “цитаты” Усевича, то они не нашли не только бы этой “цитаты”, но и ничего хотя бы отдаленно на нее похожего. Тем не менее ЦКК эту глупую ложь переслала в “Правду”, а “Правда” ее печатала. Нет ничего удивительного в том, что какой-то кающийся прохвост для того, чтобы доказать “искренность” своего ренегатства, пускается на подлог. Нет ничего необычного и в том, что душители партии пролетариата из ЦКК этот подлог благосклонно принимают, а может быть, даже его потребовали. Давно уже ясно, что “Правда”, ставши органом мелкобуржуазных ренегатов, не имеет против нас никаких доводов, кроме прямого подлога. А все же омерзительно видеть, как газета, бывшая когда-то боевым органом революционного пролетариата, опустилась теперь до уровня бульварной буржуазной прессы. 20. XII – 1928 г. В. Смирнов» [1, л. 143].

Если сопоставить тексты двух писем – Шаламова и Смирнова, можно отметить немало совпадений: оба оппозиционера декларируют, что их политическая платформа открыта и не имеет «двойного дна», оба бескомпромиссны к капитуляции. Оба указывают, что оппозиционная деятельность не только не направлена против основ советского государства, а напротив, является фактором его оздоровления. Что касается нелегальной активности, то оппозиционеры оказались вынужденными идти на такой шаг в условиях полной

невозможности донести свои взгляды до партийных низов легальными путями. В.М. Смирнов (никогда в будущем не отрекавшийся от оппозиционной платформы) гораздо более резок в оценке верхушки ВКП, чем Шаламов, но главное – он четко излагает мотив своего письма – оно написано как публичный протест против фальсификации его политической позиции. Мы думаем, что Шаламов, знавший внутреннюю ситуацию оппозиционной ссылки, отдавал отчет в том, что он неслучайно изолирован от единомышленников и помещен «в среду растратчиков и коррупционеров». Он предполагал, что будет подвергаться давлению, побуждающему его к «разоружению», а малейшие сомнения в правильности своих взглядов, если они при этом возникнут, будут использованы ОГПУ для воздействия на его вчерашних товарищей по оппозиционному подполью. Шаламовское письмо в коллегиях ОГПУ и в ЦКК можно рассматривать, с одной стороны, как концентрированную суммацию его политических взглядов, своеобразную страховку от «сползания к капитуляции» (пути, по которому, увы, пошло немало его вчерашних товарищей), с другой – как сигнал репрессивным органам, что в деле давления на единомышленников по оппозиции ОГПУ не сможет рассчитывать на его помощь. Письмо Шаламова выглядит протестом против зловещей передовой статьи «Правды» «Докатились», вышедшей 24 января 1929 г., фактически перед его арестом. В ней оппозиционеры-«нелегалы» декларативно зачислялись во враги не только партии, но и советского государства, а следовательно, подлежали жестким полицейским репрессиям. Также делался многозначительный намек на то, что либерализм, который проявляют к «троцкистам» некоторые партийцы, не останется безнаказанным. Статья вышла без авторской подписи. Только в 1949 г. ее авторство обнаружилось тем, что она была включена в собрание сочинений Сталина с пометкой «публикуется впервые». Хотя эта статья явилась недвусмысленным сигналом к ужесточению репрессий против «троцкистов», которые, дескать, несмотря на численную ничтожность, представляют прямую угрозу существующему строю, документы свидетельствуют, что активность оппозиционного подполья при этом не уменьшилась.

В настоящей публикации мы приводим фотоснимки хранящихся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РГАСПИ) документов – сводок и записок ОГПУ, сообщавших о все новых арестах и изъятии «троцкистских» материалов и типографского оборудования в Москве и различных регионах СССР.

Приводим эти снимки (рис. 1, 2, 3, 4):

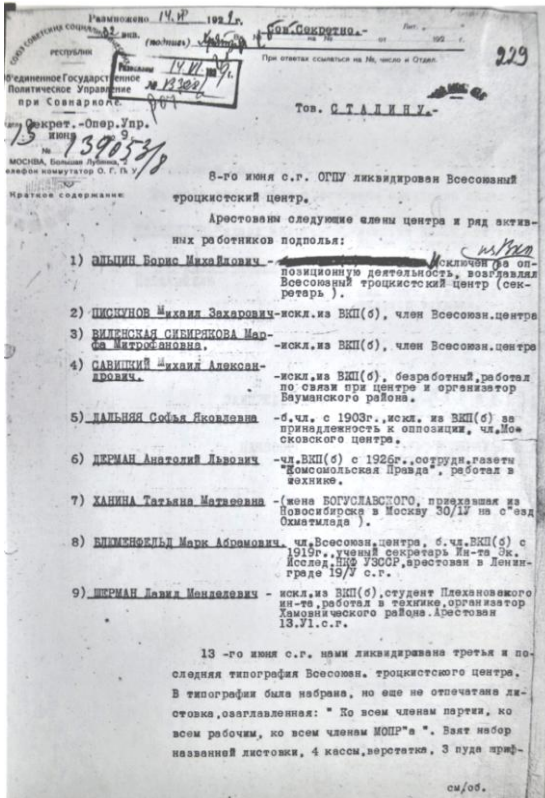

Рис. 1. Службная записка ОГПУ И.В. Сталину об аресте членов Всесоюзного троцкистского Центра

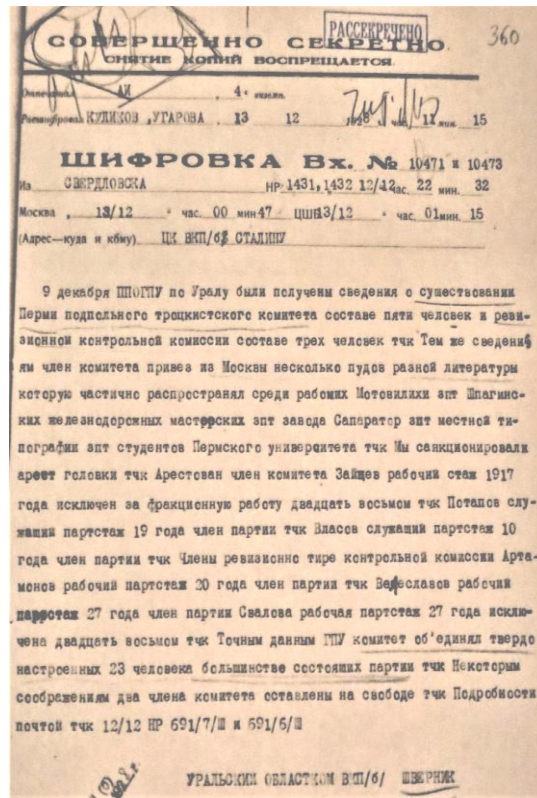
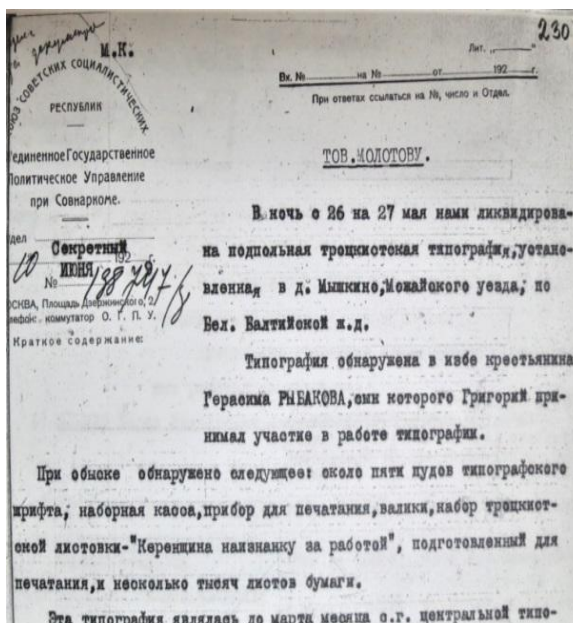
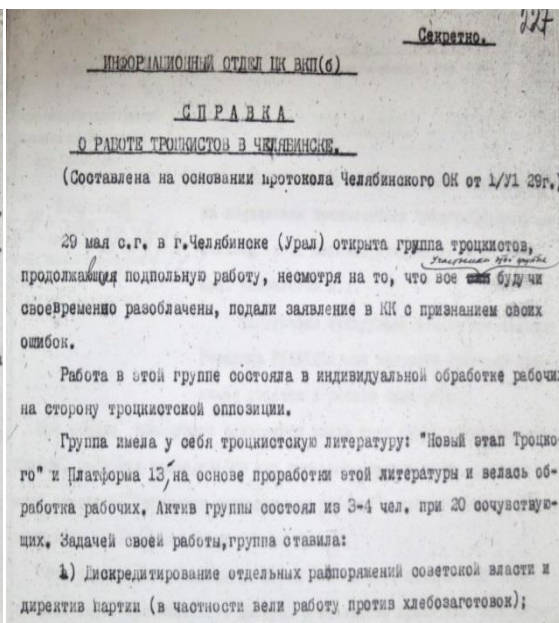

Рис. 2. Шифровка Уральского Областного комитета ВКП (б) в ЦК партии о существовании в Перми подпольной троцкистской группы

*Рис. 3. Служебная записка ОГПУ
В.М. Молотову о ликвидации
подпольной троцкистской
типографии в д. Мышкино
Можайского уезда.
10 июня 1929 г.*

*Рис. 4. Справка информационного
отдела ЦК ВКП(б) о работе
троцкистов в Челябинске.
Июнь 1929 г.*

В одном из таких документов значится герой антиромана «Вишера» Марк Абрамович Блюменфельд, член Всесоюзного троцкистского центра, бывший член ВКП(б) с 1919 г., ученый секретарь Института экономических исследований Наркомата финансов Узбекистана, арестованный в Ленинграде 19 мая 1929 г. В романе «Вишера» Блюменфельду посвящена целая глава. Шаламов сообщает, что в 1930 г. они вдвоем составили протестный текст по поводу преступлений, направленных против женщин — заключенных лагеря, адресованный руководству ГУЛАГа и в ЦК партии. Текст они официально вручили начальству Вишерских лагерей. М.А. Блюменфельду Шаламов в «антиромане» посвятил целую главу [8, с. 130–136]. Ранее незнакомые друг с другом Шаламов и Блюменфельд довольно близко сошлись на Вишере и, вероятно, имели немало тем для обсуждения. Однако сомнению не подлежит, что протестное письмо в адрес ОГПУ и ЦК партии они составляли как доверявшие друг другу политические единомышленники. К сожалению, в настоящее время сведения об индивидуальных

и массовых протестах «троцкистов», находящихся в сталинских лагерях, зачастую воспринимаются в контексте издевательских комментариев А.И. Солженицына, заявлявшего о «трагикомизме» подобных акций [6, с. 348], которые, дескать, ничего не могли изменить. Однако в среде оппозиционеров 1920–1930-х гг. небезосновательно существовала точка зрения, что большинство партии когда-нибудь одумается. В соответствии с прогнозами Троцкого правящая фракция продолжала дробиться и после раскола Сталина с Бухариным. Многие в прошлом рьяные сталинисты типа Мартемьяна Рютина под влиянием реалий коллективизации становились непримиримыми противниками Сталина³.

Однако все это понимал и Сталин – непревзойденный мастер игры на опережение. У него давно созрела мысль, что единственный путь борьбы с оппозиционерами – это уничтожение как их самих, так и тех, кто проявляет к ним «либеральное» отношение или хотя бы жалость. Именно этот посыл в несколько завуалированной форме содержался в статье «Докатились». В 1937 г. Хрущев был чрезвычайно удивлен, получив от Ежова указание провалить на выборах в московские партийные органы Емельяна Ярославского, на протяжении многих лет выполнявшего роль главного помощника Сталина в борьбе с «троцкистами». Ежов мотивировал свое требование тем, что Ярославский «недостаточно активно вел борьбу против оппозиции, сочувствовал Троцкому». Хрущев, искушенный в аппаратной механике, понимал, что такая установка применительно к Ярославскому могла идти только непосредственно от Сталина [6, с. 275]. Объяснить данный факт мы попытаемся ниже. Как показывают документы, анонимная статья «Докатились» изначально должна была выйти в качестве передовой «Правды» под авторством Е. Ярославского с названием «Не ослаблять

³ Иван Яковлевич Врачёв (1898–1995), один из немногих левых оппозиционеров, доживших до наших дней, рассказывал автору этих строк, что в 1929 г., находясь в вологодской ссылке, он написал футуристический рассказ о том, как в 1939 г. на чрезвычайном съезде ВКП(б) произошли мирная смена руководства партии, восстановление в правах всех бывших оппозиционеров. Машинописный текст рассказа Врачёва хранится в архиве автора.

борьбы с троцкизмом». В архиве сохранился проект данной статьи, на машинописном тексте которого есть пометка автора: «Это разослать членам Политбюро. Просьба срочно рассмотреть и с поправками послать мне на квартиру до 8 часов вечера». В статье помимо привычных пропагандистских штампов имелось немало реальных цитат из писем оппозиционеров и в целом правильных положений, что оппозиция борется против правого уклона (естественно, данные положения преподносились как «притворство троцкистов»). На полях текста можно увидеть пометку Сталина: «Слабо» [2, л. 358].

Нам представляется, что Сталин забраковал статью Ярославского в том виде, в каком она была представлена, поменял заголовок и кардинально переработал, убрав из нее цитаты из оппозиционных писем и ссылки на «правый уклон». Этим можно объяснить анонимность статьи. Примечательно, что в этом же номере газеты «Правда» была помещена маленькая заметка об аресте нелегальной троцкистской группы с участие Дробниса и Воронского.

Спустя пять дней после вышеуказанных публикаций Ярославский, видимо по поручению ЦКК, в тюрьме ОГПУ встречался с арестованным А.К. Воронским – авторитетным старым большевиком, писателем и литературным критиком.

Отчет об этой встрече, написанный на имя Орджоникидзе и Сталина (именно в таком порядке обращения), также сохранился в архивах. Приводим его в извлечениях: «В час дня 29-1-29 г. В помещении ОГПУ я вел разговор с Воронским согласно данного мне поручения. Я прочел ему письмо его жены на имя т. Орджоникидзе и предложил ему сказать совершенно точно о подпольной работе троцкистов и о своем участии в этой работе. Он заявил, что если <...> он вел работу у троцкистов, то его отношение можно было бы охарактеризовать словами: “Воронский с боку помогал троцкистам”. <...> Он знал о существовании “Красного креста” оппозиции и помогал этому “Красному кресту”, считая, что в такой помощи нет ничего плохого. Он даже говорил об этом с членом ЦК (он не хотел

назвать фамилии), который сказал ему, что, конечно, ничего особо предосудительного нет в такой материальной помощи. Он встречался с оппозиционерами и разговаривал с ними о делах оппозиции, но сам никакого участия в организационной жизни подпольной троцкистской группы не принимал. Он разделяет взгляды троцкистов, как они изложены в платформе, хотя у него по ряду вопросов (он не считает удобным об этом говорить в условиях заключения в ГПУ) существуют разногласия. <...> Возможно, что он когда-нибудь приходил к товарищам, где в это время происходило какое-нибудь заседание какой-нибудь организации. Ручаться за это он не может. Но он снова подтверждает и дает честное слово (он и мне также говорил “даю честное слово старого большевика”), что не входил ни в какой политический центр и не организовывал никакой контрольной комиссии <...>. У меня сложилось впечатление, что Воронский не лжет. Может быть, он несколько смягчает свою роль среди троцкистов. На мой вопрос, почему он в письменной форме не заявит, что не разделяет тактики троцкистов, что он с ними во многом не согласен, <...> он ответил мне, что в условиях тюремного заключения считает недопустимым делать такие заявления⁴ <...>. Я ознакомился также со всеми материалами,

⁴ Ярославский также сообщает: «Между прочим, Воронский указал на то, что считает также сплошной ошибкой арест Дробниса, так как он с Дробнисом встречался и Дробнис говорил ему, что он с оппозицией разошелся» [3, л. 153 об]. В очерке, посвященном А.К. Воронскому, В.Т. Шаламов объясняет смягчение участи А.К. Воронского, освобожденного вскоре из-под ареста, вмешательством Н.К. Крупской [9, с. 586], что маловероятно, ибо она в то время уже не имела политического влияния на руководство партии. Кстати, вопреки Шаламову, Крупская не подписывала оппозиционное «заявление 83». Также Шаламов пишет: «В оппозиции А.К. Воронский был председателем ЦКК подпольным. Ведь оппозиция строилась как параллельная организация с теми же “штатами”, но “теньвыми”. Вне всякого сомнения, что, отказываясь от взглядов по модной тогдашней формуле, Воронский не занимал никакого даже теневого поста в подполье [9, с. 585]. Но когда-то, в какой-то день и час он этот подземный теневого поста занимал». С учетом докладной записки Е. Ярославского от 29.01.1929 можно констатировать, что в шаламовские тексты попали сведения не только реального, но и апокрифического характера, попросту – слухи. Архивные материалы не подтверждают сообщения Шаламова о копировании оппозицией бюрократических структур ВКП(б) типа ЦК или ЦКК «с теми же штатами, только теньвыми». Организационная структура оппозиционных групп гораздо больше тяготела к принципам построения рабочих профсоюзов. Как видно из документов, в 1929 г. Воронский не отказывался от оппозиционных взглядов, но при этом не сильно кривил душой,

которые имеются в деле Воронского в ГПУ, и прихожу к выводу: подвергать его строгой изоляции нет никакой необходимости. Достаточно будет, если он будет выслан из Москвы в непромышленный район, примерно в Липецк Тамбовской губернии, так как Воронский очень больной человек. Он, во всяком случае, не производит впечатление озлобленного человека, настроенного непримиримо враждебно к нашей партии. Он просит в случае высылки его дать ему возможность в течение нескольких часов собрать рукописи у него на квартире. Мне кажется, что ему это можно разрешить» [3, л. 153–154].

Известно, что вскоре после данной беседы в ОГПУ Воронский был освобожден из-под ареста и действительно направлен в ссылку в Липецк, где имел возможность заниматься литературным трудом. Он был арестован и расстрелян в 1937 г. В этом контексте указания Сталина «провалить Ярославского» на выборах 1937 г. получают объяснение. Сталин не забыл ни первоначального «слабого» варианта статьи «Докатились», приписав себе ее авторство уже после смерти Ярославского, ни его примирительной акции по отношению к А.К. Воронскому. Многие «проваленные на выборах» партийцы, как лишенные доверия партии, в 1937 г. легко попадали в руки НКВД. Ярославский избежал такой участи, однако в 1930-е гг. фактически сошел с политической арены. Гораздо трагичнее сложилась судьба другого сталинца – Станислава Косиора, внезапно арестованного и расстрелянного в 1938 г. Как стало известно уже в наше время, Косиор пытался заступиться за своего брата В. Косиора – «неразоружившегося троцкиста», с 1928 г. находившегося в ссылке. Сталин выразил резкое возмущение тем, что «Ст. Косиор находит возможным вмешиваться в это шантажистское дело» [7, с. 183].

О том, что Сталин ставил перед выбором даже своих ближайших сторонников, свидетельствует так называемое

отрицая свое участие в создании «оппозиционной ЦКК», поскольку таковая никогда не создавалась как оргструктура. В то же время Воронский не отрицал, что встречался с отдельными товарищами из оппозиции по поводу разбора их персональных дел.

дело Молотова, связанное с «процессом троцкистского центра» в августе 1936 г. Сенсацией, замеченной всеми, было то, что в числе руководителей СССР, якобы намеченных центром для уничтожения (пять членов и два кандидата в члены Политбюро), отсутствовал В.М. Молотов – фактически второй после Сталина человек в руководстве страны. Как указывал Троцкий, ходили упорные слухи, что невключение Молотова в число руководства страны на 1-м Московском процессе связано с его попытками отговорить Сталина от устройства позорного судилища над старыми большевиками [6, с. 48]. Своеобразная «реабилитация» Молотова, разделявшего впоследствии самые чудовищные акции «большого террора», произошла уже в конце 1936 г., когда подсудимые так называемого кемеровского процесса дали показания, что планировали путем теракта устранить Молотова, находившегося в инспекционной поездке по Сибири. Указанные выше факты объясняют, почему в 1937–1938 гг. среди репрессированных партийцев было немало рьяных борцов с оппозицией. Уничтожались даже те, кто имел заслуги в «идейном и организационном разгроме троцкизма», но при этом проявлял хотя бы толику сомнения в необходимости физического уничтожения оппозиционеров.

В этом контексте следует рассматривать многие события, описанные Шаламовым в «антиромане» «Вишера». О том, что он принципиально не скрывал там своих оппозиционных взглядов, мы написали ранее. Шаламов также показывает, что его лагерное начальство – «люди Берзина» – Филиппов, Майсурадзе, Струков, Васьков, будучи функционерами ОГПУ-НКВД, примирительно относились как к его «троцкизму» в целом, так и к конкретным акциям, включая их совместный с М.А. Блюменфельдом протест. Позже и Блюменфельд, и Шаламов, хотя и были разобщены, продолжали оставаться на руководящих и профессиональных должностях. «Троцкизм» Шаламова не помешал Э.П. Берзину предложить ему войти в «колымскую команду» [8, с. 136]. Вероятно также, что быстрый отъезд Шаламова из Березников и «потеря» письма НКВД по его розыску и задержанию также не обошлись без вмешательства начальства Вишерлага. Все упомянутые Шаламовым «берзинцы», включая самого Э.П. Берзина, погибли в ходе «великой чистки». Единственный

протокол допроса Берзина, хранившийся ранее в архиве Сталина, содержит обвинение его в том, что он «во вредительских целях» ставил в лагерях «контрреволюционеров на привилегированные работы» [4, л. 75].

В заключение мы хотели бы также упомянуть, что поздние суждения Шаламова олевой оппозиции противоречивы. Так, в «Кратком жизнеописании», говоря о своем примыкании к оппозиции, он делает пометку: «Не [к оппозиции. – М.Г.] Троцкого – к Троцкому большинство оппозиционеров относилось без большой симпатии» [10, с. 13]. Это противоречит как «антироману» «Вишера», так и сохранившимся документам о судьбе Шаламова, показывающим, что примыкал он именно к «троцкистам». Мы полагаем, что это и подобные высказывания обусловлены огромным деморализующим воздействием, которое оказали на Шаламова капитулянтские заявления части левых оппозиционеров (как «вождей» – Пятакова, Радека, Преображенского и других, так и его вчерашних товарищей по подпольной работе, которые «вовремя» присоединились к примиренческому крылу, подписали покаянные петиции и вернулись в Москву). Более того, даже после смерти Сталина, когда тщательно просеиваемые и дозированные сведения о «троцкистах» проникали в печать, которую читал Шаламов, они в первую очередь касались тех же капитулянтов, возвращенных на время на официальные должности. Пропаганда и хрущевского, и брежневского СССР пыталась привить взгляд, что «троцкистская оппозиция» поголовно состояла именно из капитулянтов. Сведения о взглядах самого Троцкого и тех его сторонников, которые не отрекались от своих идей, были надежно запрятаны в секретных архивах. Как показывает очерк Шаламова об А.К. Воронском, который, дескать, получил ссылку в Липецк, «отказываясь от взглядов по модной тогдашней формуле» (что, как мы показали выше, не соответствует действительности) [9, с. 585], Шаламов, не имея доступа к документам, экстраполировал капитулянтское поведение ряда оппозиционеров и на других вождей оппозиции. Тем не менее, на наш взгляд, это частность. Важно другое: отход Шаламова от оппозиции не привел его к идейному и нравственному

компромиссу со сталинизмом или с либерализмом, не привел к отрицанию революционных идеалов молодости.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 17, опись 171, ед. хр. 143, л. 152.
2. РГАСПИ. Фонд 17, опись 171, ед. хр. 155, л. 353–360.
3. РГАСПИ. Фонд 17, опись 171, ед. хр. 143, л. 153–154.
4. РГАСПИ. Фонд 17, опись 171, ед. хр. 345, л. 56–86.
5. Головизнин М. Варлам Шаламов и внутрипартийная борьба 20-х годов // Шаламовский сборник. Вып. 3. – Вологда : Грифон, 2002. – С. 160–168.
6. Роговин В.З. 1937. – М., 1996. – 480 с.
7. Роговин В.З. Партия Расстрелянных. – М., 1997. – 528 с.
8. Шаламов В.Т. Вишера : рассказы, очерки, стихи / [сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Есипов]. – Пермь : ИП Худяков С.А., 2021. – 304 с.
9. Шаламов В.Т. Воронский А.К. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4 / сост. подгот. текста, прим., И. Сиротинской. – М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 2005. – С. 577–587.
10. Шаламов В.Т. Воскрешение лиственницы. – Paris : УМКА-PRESS, 1985. – 321 с.

**«ЭТО СВОЕОБРАЗНЫЙ КОМБИНАТ...»:
ВИШЕРСКИЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНЫЙ ЗАВОД
В ИСТОРИИ КРАСНОВИШЕРСКОГО ГОРОДСКОГО
ОКРУГА**

*Остальцев Константин
Александрович
начальник архивного отдела
администрации
Красновишерского городского округа,
Красновишерск
arhiv_vishera@mail.ru*

Аннотация. Автор рассматривает историю «градообразующего» предприятия г. Красновишерска. Анализируются социально-экономические аспекты появления Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. Особое внимание уделено участию заключенных в строительстве ВИШХИМЗ-ВЦБК.

Ключевые слова: Красновишерск; Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат; первая пятилетка; Вишлаг; политические репрессии.

**"THIS IS A PARTY COMBINE ...". VISHERSK PULP AND
PAPER MILL IN THE HISTORY OF THE
KRASNOVISHERSK URBAN DISTRICT**

*Konstantin Ostaltsev
head of the archival department of the administration of the
Krasnovishersk district,
Krasnovishersk
arhiv_vishera@mail.ru*

Abstract. The author examines the history of the "city-forming" enterprise of the city of Krasnovishersk. The socio-economic aspects of the appearance of the Vishera Pulp and Paper Mill are analyzed. Particular

attention is paid to the participation of prisoners in the construction of VISHKHMZ-VTsBK.

Keywords: Krasnovishersk; Vishera Pulp and Paper Mill; first five-year plan; Vishlag; political repressions.

Красновишерский городской округ (с 1941 по 2006 г. – Красновишерский район, с 2006 по 2019 г. – Красновишерский муниципальный район) находится на северо-востоке Пермского края. Административным центром округа является город Красновишерск.

Красновишерский район был образован 13 января 1941 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР путем выделения его из состава Чердынского района [1, л. 1]. Районным центром стал поселок Красновишерск, которому указом Президиума Верховного Совета РСФСР 2 июля 1942 г. был присвоен статус города [5, л. 6].

История Вишерского края уходит своими корнями в глубокую древность. Но все события истории края в XX в. связаны со строительством и работой Вишерского целлюлозно-бумажного комбината (с 1976 г. – завода; с 1992 по 2003 г. – ОАО «Вишерабумпром»).

Большую роль в истории Вишерского края сыграло металлургическое чугуноплавильное производство. В 1890 г. был построен Кутимский чугуноплавильный завод. В 1897 г. было создано Волжско-Вишерское горное и металлургическое акционерное общество, в состав которого входили представители французского капитала. В 1898 г. силами акционерного общества были построены еще несколько чугуноплавильных заводов, в том числе Вижаихинский, находившийся у впадения речки Вижаихи в Вишеру и закрытый в 1907 г. Именно на месте бывшего Вижаихинского чугуноплавильного завода и был впоследствии построен Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат (далее – ВЦБК).

Начало. Подготовительный период строительства ВЦБК

В начале XX в. Вишерский край входил в состав Чердынского уезда Пермской губернии и представлял собой отсталую окраину Российской империи. Согласно «Списку населенных мест Пермской губернии», изданному в Перми

в 1905 г., из 23 волостей Чердынского уезда на долю Вишерского края приходилось четыре: Верх-Язьвинская, Губдорская, Морчанская, Сыпучинская – и поселок Кутимского завода. В их составе были 107 пунктов с населением около 13 тыс. человек. Плотность населения была небольшая: около 1 человека на квадратный километр [31].

В 1917 г. в Вишерском крае, как и во всей России, была установлена Советская власть.

Коснулись Вишерского края и события Гражданской войны. Так, с декабря 1918 г. по июль 1919 г. юго-западная часть Вишерского края была захвачена войсками адмирала Колчака [1, л. 62]. В 20-е гг. Вишерский край по-прежнему оставался одной из отсталых окраин Советского Союза. Но вскоре его ожидало пробуждение.

В июне 1924 г. в журнале «Бумажная промышленность» была напечатана статья «Перспективы русской бумажной промышленности», в которой автором сделан анализ состояния бумажной промышленности в СССР. Было отмечено, что с конца 1923 г. выявился резкий рост потребления бумаги в СССР, отмечалась отсталость русской бумажной промышленности. Это, по мнению автора, «неизбежно приведет к прогрессивно растущему импорту бумаги». Сделан вывод, что нужны средства не только на развитие существующих жизнеспособных предприятий, но и «на постройку новых, чтобы полностью покрыть не только теперешний, но и всякий будущий спрос на бумагу» [26, с. 285]. Статьей было дано направление на строительство новых целлюлозно-бумажных предприятий в СССР.

В 1925 г. Народным комиссариатом по военным и морским делам было принято решение о строительстве ВЦБК. Это одна из особенностей ВЦБК: в его строительстве было заинтересовано военное ведомство. Проект получил название «ВИШХИМЗ» – Вишерские целлюлозно-бумажные химические фабрики и заводы. В том же году был создан трест «ВИШХИМЗ», который первоначально относился к военно-хозяйственному управлению при начальнике снабжения Рабоче-крестьянской Красной армии [30, с. 4]. При Главном военно-хозяйственном управлении РККА была организована проектная ячейка «ВИШХИМЗ», которая установила производственное задание

для ВЦБК и составила предварительные наброски проекта [20, л. 2 об.]. Интерес военных к строительству ВЦБК объясняется, видимо, тем, что целлюлоза является сырьем для производства бездымного пороха. Однако было понятно, что «постройка фабрики в глуши, вдали от железнодорожной сети, в местности с суровым климатом и редким населением, связана с большими трудностями. Трудности такого же порядка предстоят и в будущем, при эксплуатации построенной фабрики» [28, с. 6]. Это еще одна особенность ВЦБК – строительство вдали от снабжающих и потребляющих центров.

Поэтому в 1925 г. начался подготовительный период строительства комбината, который продолжался три года. В этот период было сделано многое. Рассчитана экономическая целесообразность строительства комбината на дальнем севере, учитывающая прежде всего огромные лесные ресурсы этого района. Ель предполагалось использовать в качестве сырья для выработки целлюлозы, перестойную ель – в качестве дров. Береза являлась ценнейшим источником лесохимии. «Однако все эти богатства оставались бы недоступными, если бы весь массив не был изрезан сетью пригодных для сплава рек с рекой Вишерой на первом месте» [28, с. 13]. По причине бездорожья началось строительство дорог, идущих вдоль Вишеры от склада к складу, а также ответвлений от них. При расчете экономической целесообразности строительства комбината в Вишерском крае рассматривались общие природные и климатические условия, возможности разработки полезных ископаемых, развития сельского хозяйства.

В ноябре 1925 г. Народным комиссариатом по земельным делам СССР тресту «ВИШХИМЗ» были переданы в аренду на 30 лет около 10000 квадратных километров лесных массивов в Верхнекамском регионе, в бассейне реки Вишеры и ее притоков [20, л. 11 об.].

В связи с отсутствием рабочей силы на территории строительства в 1926 г. здесь было создано Вишерское отделение Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОИ), заключенные которого и занимались всеми лесозаготовительными и строительными работами. «По косвенным данным можно

предположить, что на 1926/27 операционный год... численность заключенных должна была составить 1200 человек» [30, с. 5].

В 1927 г. начальником строительства комбината был назначен Эдуард Петрович Берзин, сотрудник ОГПУ при Совете народных комиссаров (правительстве) СССР, старый чекист, участник Гражданской войны, воевавший в дивизии латышских стрелков. Именно он явился инициатором строительства комбината силами заключенных. В том же году трест «ВИШХИМЗ» был передан в ведение ОГПУ.

Подготовительный период строительства комбината был очень важен. Он имел значение прежде всего в достижении высоких темпов в период промышленного строительства комбината; была проделана организационная работа, выразившаяся в создании работоспособного управленческого аппарата; к началу промышленного этапа строительства был предпринят ряд мер: шла разработка камня, организовано складское хозяйство, налажены транспорт и связь, работали агентства по доставке оборудования и материалов, были построены некоторые подсобные предприятия, лесосплав полностью обеспечивал стройку строевым лесом [28, с. 24–25].

В 1926 г. в СССР начинается разработка I пятилетнего плана хозяйственного развития СССР, в котором было отмечено, что развитие целлюлозно-бумажной промышленности должно происходить на Урале: «Целлюлозно-бумажное производство на Урале, ввиду наличия здесь дешевого древесного сырья, должно получить широкое распространение в предстоящем пятилетии. В связи с общим планом развития целлюлозно-бумажной промышленности в СССР надлежит запроектировать постройку двух целлюлозно-бумажных комбинатов общей производительностью около 120 тыс. тонн бумаги; один из этих комбинатов должен быть в районе Тавды и другой – в Камском районе».

Первоначально проект «ВИШХИМЗ» не вошел в первый пятилетний план. Скорее всего, было много аргументов против строительства. Во-первых, сказывалась отдаленность будущего места комбината. В короткий северный навигационный период до него можно было добраться только по реке. А расстояние по грунтовой дороге до ближайшей железнодорожной станции Солеварня составляло 120 километров.

Во-вторых, проблемой было отсутствие рабочей силы для строительства комбината в связи с малонаселенностью края.

Однако место постройки ЦБК в Вишерском районе Свердловской области, на левом берегу реки Вишеры, у устья реки Вижаихи, было выбрано неслучайно. Здесь находилась площадка разрушенного металлургического завода французского акционерного общества. В районе строительства имелись большое количество древесины, хорошего качества, без содержания железа вода реки Вишеры, дешевые и хорошего качества известняк и доломиты. Близко (140 километров по грунтовой дороге и 256 километров по водному пути) находился Березниковский химический завод – поставщик ряда химикатов для целлюлозно-бумажного производства. Имелась возможность спуска щелоков непосредственно в реку Вишеру, так как вниз по течению на протяжении 75 километров не было ни одного населенного пункта.

Благоприятными условиями осуществления строительства на выбранной площадке было наличие достаточно хорошо для начала работ оборудованных механических мастерских, кирпичного завода, 4-рамного лесопильного завода, деревообделочных мастерских и других подсобных предприятий, построенных в ходе подготовительных работ с 1925 по 1928 г. Кроме того, строилось еще одно – 6-рамный лесопильный завод.

Одним из главных аргументов в пользу строительства было наличие большого количества рабочей силы, обеспеченной жилыми помещениями (лагеря ОГПУ) [20, л. 1, 3, 11, 12].

Все вышеуказанные причины и предпосылки давали возможность постройки в данном месте целлюлозно-бумажного комбината в более короткие сроки, с затратой меньших средств, чем на других площадках.

Отдаленность комбината от потребляющих центров обусловила выбор ассортимента продукции – чисто целлюлозной высокосортной бумаги, которая смогла бы выдержать стоимость далекой перевозки. К этому же побуждало хорошее качество вишерской воды.

Учитывая все положительные и отрицательные факторы строительства, Совет труда и обороны СССР принимает постановление от 13 июня 1928 г.: «...признать целесообразным

строительство ВИШХИМЗом бумажной фабрики» [24, л. 211]. Первоначальный технический проект предполагал строительство ВЦБК в две очереди: первая очередь – на производство печатной бумаги в количестве 17 400 тонн в год; вторая очередь – на производство писчей бумаги в количестве 11 100 тонн в год. Срок постройки первой очереди комбината был установлен в течение двух лет. Вишерский комбинат задним числом включают в план первой пятилетки. Предприятие получает порядковый номер – 518. Здесь тоже выявляется интересная особенность ВЦБК, его своеобразие. Между ведомственным решением о строительстве комбината и постановлением Совета труда и обороны прошло три года! Подготовительные работы шли уже полным ходом, а государственного решения о признании строительства целесообразным все еще не было. Видимо, много было аргументов против строительства. И только сочетание многих причин и предпосылок, обосновавших строительство, перевесило аргументы «против» и привело к положительному решению.

ВИШХИМЗ и Вишерский лагерь ОГПУ

Одной из важнейших особенностей ВЦБК является то, что он был построен силами заключенных Вишерского лагеря. Это подчеркнул Г.И. Бокий, член коллегии ОГПУ, на одном из совместных собраний партийных ячеек ВИШХИМЗа и лагеря в своем выступлении перед коммунистами: «...военвед начал постройку завода только потому, что ОГПУ согласилось организовать тут лагерь для использования рабочей силы заключенных; это своеобразный комбинат: не будь здесь лагеря, не было бы и завода, не начни военвед постройки заводов, не было бы смысла открывать тут лагерь» [20, с. 4]. Само существование лагеря было одним из главных условий строительства комбината на Вишере.

Лагерь был создан в 1926 г. Сначала это было 4-е – Вишерское отделение Соловецкого лагеря особого назначения. Затем, в 1928 г., 4-е отделение было реорганизовано в самостоятельное Управление Вишерского лагеря особого назначения, а в 1929 г. – в Управление Вишерского исправительно-трудового лагеря.

По сути, вся территория Вишерского края была территорией лагеря. В его структуру входили:

1-е отделение – Вижаихинское, находилось на территории будущего Красновишерска;

2-е отделение – Северное находилось на севере Вишерского края, центром его был поселок Усть-Улс;

3-е отделение – Ленва находилось в Березниках на строительстве химического комбината;

Красновишерское лесное отделение находилось в юго-восточной части Вишерского края;

отделение Вишерского лагеря находилось в Перми; оно было реорганизовано в командировку в 1931 г.

Весь подготовительный период к промышленному строительству комбината, начиная с 1926 г., был проведен силами заключенных лагеря.

Вишерский лагерь имел огромное значение в будущем образовании и развитии Красновишерского района. При всем негативе самого факта существования лагеря, он играл созидательную роль в Вишерском крае. Заключенные лагеря строили ВЦБК. Силами заключенных, их тяжелым трудом производилась заготовка леса как строительного материала, дров, а в будущем и как сырья для производства целлюлозы. С этой целью на территории Вишерского края создавались многочисленные командировки, лесозаготовительные пункты, многие из которых в последующие годы стали крупными поселками. Именно Вишерский лагерь положил начало лесозаготовительной отрасли в Вишерском крае, которую продолжил Вишерский леспромхоз, созданный в июне 1932 г. На карте Вишерского леспромхоза за 1932 г. (то есть во время существования лагеря) таких командировок, лесозаготовительных пунктов и поселков насчитывается 54 [15, л. 1]. То есть заключенные Вишерского лагеря фактически осваивали территорию будущего Красновишерского района.

Руководством лагеря были созданы Сельскохозяйственное отделение (Сельхоз) и опытный сельскохозяйственный участок на правом берегу р. Вишеры, где изучались возможности развития земледелия в условиях местного климата. Именно на этом участке работал А.А. Тамарин, герой рассказа В. Шаламова «Хан-Гирей».

В лагере был построен кинотеатр, носивший безликое название «УВЛОН ОГПУ» – по своей принадлежности. Через него лагерь выполнял воспитательную, культурно-просветительскую функции. В лагере была своя типография, где печаталась газета «Темп».

По инициативе родителей и культурно-воспитательного отдела (КВО) УВИТЛ в 1931 г. в Красновишерске была организована школа 5-й и 6-й групп. (Такие группы организовывались из детей, которые не прошли школу 1-й ступени и проходили ее программу ускоренным курсом, за 1–2 года). Педагогический состав в этой школе был подобран из состава заключенных лагеря [2, л. 3].

Количество заключенных Вишерского лагеря постоянно увеличивалось в связи с активизацией строительства ВЦБК, увеличением масштаба лесозаготовок, расширением географии Вишлага. Его заключенные строили ВИШХИМЗ, Березниковский химкомбинат, занимались лесозаготовками, сплавом леса, начинали строительство Краснокамского целлюлозно-бумажного комбината.

Количество заключенных Вишерского лагеря возросло с 1200 чел. в 1926 г. до 39 000 чел. в апреле 1931 г. [30, с. 10]. Заключенные лагеря работали на самых разных работах и занимали самые разные должности: административные, инженерные, квалифицированных рабочих и др.

В архивном отделе хранятся приказы по управлению лагеря за 1931–1932 гг. Эти приказы повествуют об организации труда заключенных, о взаимоотношениях между управлениями ВИШХИМЗа и лагеря.

Интересен договор между руководством 1-го отделения УВИТЛ ОГПУ и руководством ВИШХИМЗа от 15 августа 1931 г., заключенный «исходя из необходимости урегулировать отношения на началах хозяйственного расчета». Лагерь обязывался предоставлять рабочую силу в количестве 200 000 человеко-дней ежемесячно. Лагерь принимал на себя обязательства обеспечить потребности ВИШХИМЗа в служащих и инженерно-техническом персонале, всемерно содействовать в укомплектовании его кадров высококвалифицированными специалистами из заключенных. ВИШХИМЗ был обязан принять

их в качестве постоянных служащих наравне с вольнонаемными специалистами. То же касалось использования на работах ВИШХИМЗа штатных квалифицированных рабочих и младшего обслуживающего персонала. Предоставление массовой рабочей силы осуществлялось на основании своевременно поданных заявок [21, л. 59–62]. Читая строки этого документа, невольно вспоминаются другие строки, написанные В. Шаламовым в антиромане «Вишера»: «Строительство бумкомбината велось силами заключенных, их мозгом, их умом, их знаниями» [33, с. 123].

В приказе по Вишлагу и ВИШХИМЗу от 31 октября 1931 г. № 192/291 отмечались трудовые достижения заключенных: *«Сентябрьский штурм на строительстве комбината ВИШХИМЗ был проведен при активном участии заключенных Вишлага. В штурмовой месяц ими было проявлено особо добросовестное отношение к делу, и во многих случаях были достигнуты исключительные результаты»* [22, л. 4].

В ознаменование пуска комбината был издан приказ Главного управления лагерей ОГПУ от 31 октября 1931 г., согласно которому 261 заключенный получил досрочное освобождение, а 2341 заключенному сокращены сроки заключения [22, л. 5].

В № 32 журнала «Огонек» от 20 ноября 1931 г. рассказывалось о пуске ВЦБК. В статье открыто и с нескрываемой гордостью писалось, что *«для постройки целлюлозно-бумажного комбината ВИШХИМЗ в подавляющей своей части была использована рабочая сила исправительно-трудовых лагерей ОГПУ... В торжественный момент пуска фабрики эта категория рабочих тоже не была забыта. Коллегия ОГПУ отметила лучших из них сокращением сроков и полным освобождением некоторой их части. В зале клуба на рабочей конференции в торжественный день пуска фабрики представители ударников-строителей из заключенных присутствовали среди вишерского пролетариата. В день пуска комбината перед ними открывались двери в новую жизнь: они освобождались из заключения и тут же вступали в строй вольных рабочих. Бывшие преступники, воры-рецидивисты, уголовники, доказавшие, что они целиком и полностью*

отказались от своего прошлого, что они действительно исправились, стали полноправными гражданами СССР, и все, как один, остались работать на Вишерском комбинате в качестве вольнонаемной рабочей силы. Многие из них стали высококвалифицированными рабочими: техниками, монтерами, мотористами и т. д.» [32, с. 6].

После завершения строительства комбината Вишерский лагерь работал еще в течение трех лет. Заключенные лагеря продолжали работу по лесозаготовкам и обеспечению комбината древесным сырьем и топливом. Лагерь был ликвидирован в 1934 г.

Первое отделение лагеря – Вижаихинское находилось в черте поселка. На его территории было построено более 80 деревянных зданий, в числе которых 60 барачков, остальные – административные и хозяйственные [13, л. 1]. После ликвидации лагеря в 1934 г. все его имущество, в т. ч. и лагерные бараки, было передано комбинату. В бараки были поселены рабочие ВЦБК. А территория бывшего 1-го отделения лагеря была названа поселком имени Максима Горького, всем улицам которого было присвоено имя этого пролетарского писателя: 1-я им. М. Горького, 2-я – до 6-й [4, л. 60, 68]. В настоящее время от лагеря ничего не осталось. На его месте строится индивидуальное жилье. Но само существование лагеря на территории Красновишерска оставило неизгладимый след в памяти людей. Последние лагерные бараки на территории города сохранялись до конца 90-х гг., и в них жили люди. До сих пор понятие «лагерь» живет в сознании людей, и не только старшего поколения. А само слово «лагерь» сохранилось в лексиконе жителей города до сих пор.

После ликвидации лагеря комбинату были также переданы Сельхоз и опытный сельскохозяйственный участок, которые впоследствии стали подсобным хозяйством комбината.

В брошюре «Восемнадцать месяцев, которые создали комбинат ВИШХИМЗ», изданной Управлением строительства ВИШХИМЗ в 1931 г., почему-то нет упоминания о том, что здесь был Вишерский лагерь ОГПУ и что ВЦБК строили заключенные этого лагеря. Точно так же нет упоминания о лагере и заключенных в книге В.К. Бушманова «Пробуждение тайги» о строительстве ВЦБК [27].

Промышленное строительство ВЦБК

После принятия постановления СТО от 13 июля 1928 г. и включения ВЦБК в I пятилетний план хозяйственного развития СССР работы по подготовке к строительству комбината активизируются. В 1928–1929 гг. происходит реорганизация лагеря. Количество заключенных увеличивается.

В июле 1929 г. организуется Проектное бюро «ВИШХИМЗ» в Москве для разработки проекта комбината. К ноябрю 1929 г. создан эскизный проект, составлена смета и получены первые ассигнования на постройку. Этот эскизный проект был положен в основу технического проекта комбината, разработка которого была завершена к маю 1930 г. Техническим проектом установлена мощность первой очереди – 20 тыс. тонн бумаги № 1 в год [20, л. 12].

В декабре 1929 г. комиссия в составе Э.П. Берзина, инженеров Соколовского и Готмана выехала в Америку и Западную Европу для ознакомления с производством высокосортной бумаги. Они ознакомились с работой целого ряда лучших предприятий Германии и США и учли последние достижения западноевропейской и американской техники при проектировании. В Берлине комиссия занялась размещением заказов на оборудование. Заказ на бумажную машину был передан фирме «Фюльнер», предоставившей двухлетний кредит. За границей были также размещены заказы на оборудование паросиловой станции, насосной станции, целлюлозного завода, механического завода и разное вспомогательное оборудование. В марте 1930 г. комиссия вернулась в Москву, были развернуты работы по составлению рабочего проекта [20, л. 12 об.]. Ведущим автором проекта комбината был дипломированный инженер Дмитрий Степанович Соколовский. Помощником начальника строительства был назначен Завел Арменакович Алмазов (Алмазян). Под его руководством были досрочно закончены работы по составлению проекта комбината, проводившиеся силами молодых советских инженеров.

Промышленное строительство комбината началось в апреле 1930 г. Все строительные работы разделились на следующие этапы: первый – от начала работ до наступления летнего строительного сезона 1930 г.; второй – летний

строительный сезон 1930 г.; третий – зимний сезон 1930–1931 гг.; четвертый – летне-осенний сезон 1931 г. [28, с. 31].

На первом этапе проводились работы по очистке местности от леса, выкорчевыванию пней и планировке. Затем началась постройка фундамента варочного корпуса.

В летний период 1930 г. приступили к постройке корпусов механического завода с литейным и древесным отделениями; начались земляные работы под фундаментами рольного корпуса и зала бумажных машин. С первого августа начались работы по постройке корпусов паросиловой станции, включая электротехническую часть, постройке корпусов котельной и машинного отделения. Из начатых прежних работ к концу сезона были закончены корпуса механического завода, древесного отделения и варочного [28, с. 32].

В зимний период 1930–1931 гг. работа производилась в трудных условиях: морозы, подпочвенная вода, недостаток квалифицированных рабочих. Ввиду запоздания с развертыванием строительных работ в начале сезона ряд корпусов пришлось оканчивать зимой 1930–1931 гг. в тепляках: это постройка зала бумажных машин, отделочного и шлифовального корпусов. Зимой же в тепляках было закончено строительство зданий паросиловой, питательного корпуса, кислотного отделения и сжежи. Одной из самых серьезных работ, произведенных зимой в тепляках, была постройка здания насосной станции с водоводом. Работа в тепляках – это еще одна из особенностей строительства ВЦБК. Внутри тепляков поддерживалась температура +12 °С при наружных температурах, доходивших до –40–50 °С. При таких морозах строительные материалы обращались в камень, надо было проводить пар для их отогревания. Для этого устраивалось временное отопление [28, с. 33].

Весной 1931 г. были закончены отделочный отдел, трансформаторный отдел рольного корпуса и хлорное отделение. Летом 1931 г. были построены паккамера, переходы из древесного в варочный корпус и из очистно-отбельного в рольное отделение. К 15 сентября были построены корообдирочное и слешерное отделения. К концу летнего сезона было начато строительство здания заводоуправления.

Еще зимой 1930 г. была проведена планировка территории лесной биржи. Весной-летом 1931 г. была построена эстакада-самотаска для вытаскивания из воды бревен. Лесная биржа была оборудована вишерскими механическими лопарями – механизмами для выгрузки бревен из воды, ставшими детищем ВЦБК. Лопарь был изобретен и изготовлен на комбинате. Система оказалась эффективной, дешевой и экономной в отношении затрат энергии и рабочей силы.

«Доставка оборудования происходила почти исключительно по воде на баржах, гусянах и шитиках» [28, с. 14]. Доставка началась в навигацию 1930 г. Часть оборудования была отправлена в 1930–1931 гг. от Соликамска по сухому пути, а все остальное оборудование было доставлено в навигацию 1931 г. [20, л. 12 об.].

Монтажные работы были начаты 1 января 1931 г. и завершены в основном в августе 1931 г. Еще одной особенностью ВЦБК является то, что монтаж оборудования производился одновременно с достраиванием зданий. «Во всех стадиях строительства, лишь только состояние здания представляло возможность для установки оборудования, сразу начинали работу монтажники, которые часто работали в две и три смены» [28, с. 30].

Монтаж паросиловой станции и целлюлозного завода начался также в январе 1931 г. К монтажу бумажной машины приступили в марте 1931 г. Для монтажа импортного оборудования прибыло около 30 монтеров иностранных фирм. С бумажных фабрик Советского Союза было привлечено большое количество советских монтеров [20, л. 13].

Готовились кадры для монтажа оборудования и на месте. При комбинате в 1930 г. были открыты курсы по подготовке подручных разных специальностей для монтажа оборудования на комбинате. 15 января 1931 г. был проведен первый выпуск набора курсантов в количестве 90 человек. Курсанты, окончившие курсы удовлетворительно, были переданы «в распоряжение главного механика П.П. Кузнецова для использования на работе по назначению». На курсах были подготовлены подручные слесарей, модельщиков, электромонтеров, сварщиков, котельщиков и других специалистов [21, л. 17].

Срок строительства был установлен в два года. Однако строители взяли встречный план – построить ВЦБК к 1 августа 1931 г. Для достижения цели объявлялись штурмовые месяцы, создан штаб штурма, выделен специальный фонд премирования, проведена кампания ударничества, развернуто социалистическое соревнование. Однако к этому сроку комбинат построить не удалось из-за трудностей с заброской строительных материалов и оборудования.

Строительство комбината происходило в чрезвычайно трудных условиях Северного Урала (оторванность от железной дороги, короткое навигационное время, малонаселенность края, трудность заброски строительных материалов). Это тоже одна из особенностей ВЦБК. «Комбинат строился далеко от центров и был лишен завидной доли других строек – быть под повседневным общественным оком» [28, с. 3].

За подготовку кадров на Вишерском комбинате отвечал болгарский политэмигрант Мирче Колев Ионов (Ионовский), с 1931 г. руководивший отделом кадров на комбинате. Благодаря его деятельности в 1931 г. была создана школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), он же был назначен заведующим школой ФЗУ. В июне 1933 г. состоялся первый выпуск школы ФЗУ ВЦБК в количестве 75 человек по специальностям энергетиков, химиков-экономистов, целлюлозно-бумажников, металлистов, плотников. Основная подготовка кадров для комбината производилась на Сясьском целлюлозном заводе и на фабрике «Сокол».

Вместо двух запланированных лет комбинат был построен за 18 месяцев и пущен в эксплуатацию 1 ноября 1931 г. В приказе по ВИШХИМЗу от 31 октября 1931 г. № 290 говорилось: «Задача, возложенная на Управление строительства ВИШХИМЗ, выполнена. Строительство 1-й очереди Вишерского целлюлозно-бумажного комбината закончено» [21, л. 97]. ВЦБК стал первым целлюлозно-бумажным предприятием на Урале. На комбинате было установлено немецкое оборудование, изготовленное по спецзаказу немецкой фирмой «Фюльнер», в том числе самая большая на то время бумажная машина не только в СССР, но и в Европе. Ее ширина составляла 5,05 м – на 2,5 м шире обычных бумажных машин, а длина – 80 м [32, с. 7].

В структуру комбината входили целлюлозно-бумажное производство (целлюлозно-бумажная фабрика с лесной биржей), механический завод, лесопильный завод, известковый завод, деревообделочная фабрика, кирпичный завод, транспортный отдел (транспорт водный, гужевой, автотранспорт, авиатранспорт), жилищно-коммунальный отдел. Первоначально в состав комбината входила и лесная контора (до 1931 г. – лесной сектор, лесной отдел). В июне 1932 г. лесная контора выделяется из состава комбината и реорганизуется в самостоятельное предприятие – Вишерский леспромхоз, основной задачей которого было обеспечение комбината древесиной.

Комбинату было присвоено имя т. Менжинского. В апреле 1932 г. комбинат был передан из ведения ОГПУ в ведение Всесоюзного объединения бумажной, целлюлозной и древесно-массной промышленности («Союзбумага»).

Комбинат положил начало Красновишерску и стал его градообразующим предприятием на многие десятилетия.

В архивном отделе администрации Красновишерского городского округа хранятся уникальные документы – фотонегативы на стекле, на которых запечатлено строительство ВЦБК и поселка Вишхимз. Фотографии, напечатанные с фотонегативов, позволяют окунуться в атмосферу строительства, увидеть, как вырастали цеха комбината, как шел монтаж оборудования, как строился поселок, и, самое главное, увидеть лица людей, которые строили комбинат и работали на нем в последующие годы [16].

Первыми героями труда на предприятии стали заведующий целлюлозным заводом К.А. Вейнов, прораб четвертого строительного участка Ф.З. Максов, помощник прораба первого строительного участка М.А. Заборенок, мастер целлюлозного завода И.В. Власенко, заместитель начальника строительства З.А. Алмазов и др. Около 150 человек по окончании стройки получили различные награды.

Сразу после постройки ВЦБК, в ноябре 1931 г., Берзин был назначен начальником треста «Дальстрой» (Колымзолото). Успешно использовал там опыт, полученный в ходе строительства ВЦБК. В 1935 г. он был награжден орденом Ленина. Впоследствии Берзина постигла судьба многих людей

того времени. В 1937 г. он был арестован как шпион иностранных разведок и в 1938 г. расстрелян.

Уезжая из Красновишерска, Берзин издал приказ от 26 ноября 1931 г. № 208-а, в котором подводил итог своей многолетней работы на Вишере и анализировал причины успеха: «Оставляя свою должность после ряда лет работы, считаю своим долгом отметить следующее: создание мощного промышленного предприятия, каким является Вишерский комбинат, в одном из отдаленных и безлюдных участков территории Союза – дело чрезвычайно нелегкое даже в нашу эпоху, полную необычайных достижений. Только при упорном напряжении всех сил и средств, при правильной организации рабочей силы заключенных, умелом ее использовании удалось побороть многочисленные трудности строительства. Строительство завершилось успешно благодаря тому, что горячий энтузиазм связывал воедино всех его участников, начиная с ближайших моих заместителей и помощников и кончая сознательными рядовыми заключенными. Оставляя Вишхимз, приношу всем работникам свою благодарность за совместную работу по пути социалистического освоения Вишерского края, индустриализации и культурного подъема одной из отсталых окраин Советского Союза. Надеюсь, что работники Вишхимза будут продолжать развитие Вишерского края теми же темпами, которыми было осуществлено строительство комбината, и обеспечат ему место, соответствующее его естественным богатствам» [22, л. 29].

Э.П. Берзина на посту директора комбината сменил Абрам Наумович Пемов, он работал в этой должности с октября 1931 г. по май 1932 г. До этого он занимал пост начальника снабжения. В 1932 г. он по приглашению Берзина уехал в трест «Дальстрой», работал там начальником управления по добыче полезных ископаемых. Был арестован и расстрелян в 1938 г.

ВЦБК вышел на проектную мощность – 20 тыс. тонн бумаги в год в 1935 г. В октябре 1936 г. он был принят в эксплуатацию комиссией Наркомлеса СССР [20]. По итогам приемки мощность комбината была установлена уже 28 тыс. тонн бумаги в год.

Перед комбинатом возникли перспективы расширения и дальнейшего развития Вишерского края. «Итак, на 3-м году пятилетки комбинат выстроен и пущен в ход. В республике

прибавится печатной бумаги этого сорта на 50 % к тому количеству, которое она имеет в настоящее время. Но рост культурных потребностей вызывает все большее и большее потребление бумаги. Слово, таким образом, за второй очередью» [28, с. 48].

«Территориальное расположение комбината на крайнем северо-западе Урала, вдали от железной дороги, в районе слабо населенном и почти неосвоенном определяет чрезвычайно разносторонний и многообразный характер хозяйства» [20, л. 13 об.].

Обсуждался вопрос о постройке железной дороги Соликамск – Красновишерск, которая свяжет комбинат нормальным железнодорожным путем с внешним миром. *«Вопрос о железной дороге Соликамск – Красновишерск ставился всегда как проблема транспортного пути для металлургического Вишерского района... При осуществлении второочередного строительства комбината этот вопрос может коренным образом измениться, и железная дорога Красновишерск – Соликамск будет обеспечена ежедневным ж.д. составом в 50 вагонов»* [20, л. 117].

Распоряжение Народного комиссариата лесной промышленности СССР от 17 сентября 1936 г. предписывало Главвостбумпрому и Гипробуму *«для увеличения писчей и печатной бумаги составить к 1 декабря 1936 г. проектное задание на реконструкцию и расширение Вишерского комбината – 2-я очередь. Предусмотреть: установку бумажной машины шириной 4200 мм; установку санитарной машины для использования всех отходов целлюлозного и бумажного производства; реконструкцию и расширение целлюлозного завода; утилизацию щелоков и коры»* [20, л. 176 об.].

Однако вторая очередь комбината построена так и не была. Не была построена и железная дорога.

Тем не менее Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат, будучи построенным и пущенным в эксплуатацию, успешно набирал темпы по выпуску бумаги. Его история полна многочисленных взлетов и падений, достижений и упадка. Он выпускал высокосортную бумагу и бумагу, на которой печаталось собрание сочинений В.И. Ленина. Выпускаемая им

бумага распространялась по всему СССР. Вместе с комбинатом рос и развивался Красновишерск, а с 1941 г. и Красновишерский район.

До 1951 г. директора комбината менялись каждые 2–3 года:

Петр Карпович Тонкошуров (1932–1933)

Мирча Комвич Ионовский (1933–1935)

Николай Алексеевич Белавин (1935–1937)

Иван Федорович Батов (1937–1938)

Евгений Алексеевич Трушкин (1938–1940)

Михаил Кириллович Полешиков (1940–1942)

Михаил Иванович Лысков (1943–1945)

Лев Борисович Биргер (1945–1948)

Николай Михайлович Румянцев (1948–1951).

В годы Великой Отечественной войны комбинат, несмотря на объективные трудности и снижение выпуска бумаги до 15–17 тыс. тонн, продолжал работать и выпускал такие виды бумаги, как печатная, писчая, картографическая, светочувствительная, тетрадная, оберточная.

На базе эвакуированного в 1941 г. оборудования ленинградской фабрики «Техбумага» был построен новый цех для выработки светорулонов – светоцех. В нем организована выработка парафинированной бумаги для упаковки бумаги и светорулонов, что улучшило сохранность продукции [19, л. 143].

В механической мастерской для нужд комбината были освоены изделия, которые ранее не производились: линзовые компенсаторы, фундаментные плиты для лесорамы, ленточные транспортеры для химикатов, разрыватели для листовой целлюлозы, стиральные и чесальные машины для пимокатных мастерских и др. [18, л. 32–33]. В ТЭЦ был установлен второй турбогенератор.

Многие работники комбината ушли на фронт, а те, которые оставались на предприятии, достойно трудились во фронтовых и комсомольско-молодежных бригадах.

Кроме работы на основном производстве работники комбината участвовали в обеспечении продовольствием фронта и тыла: в заготовке грибов, ягод, дикорастущих лекарственных трав, ловле рыбы, засолке овощей; оказывали помощь колхозам

района в посевной работе и уборке урожая. Успешно в годы войны работало подсобное хозяйство ВЦБК.

В 1942 г. на коллектив комбината была возложена подготовка здания средней школы № 1 для организации в нем эвакуационного госпиталя № 3783 [6, л. 126].

Мужчин, ушедших на фронт, заменили женщины. Они стали машинистами буммашины, старшими варщиками, турбинистами, возглавили фронтовые бригады. Работники деревообрабатывающей фабрики делали для фронта лыжи.

У коллектива комбината установились тесные связи со многими частями Красной армии. Было налажено производство посылок на фронт с блокнотами, записными книжками, почтовой бумагой, теплыми вещами.

Руководство ВЦБК осуществляло помощь бойцам, комиссованным из армии по ранению, в трудоустройстве. На бумкомбинате были подготовлены инструкторы по обучению раненых бойцов столярным работам и холодной обработке металла [7, л. 83].

По итогам работы в декабре 1943 г. коллектив комбината получил премию Народного комиссариата бумажной промышленности СССР. Премия, а также переходящее Красное знамя Всесоюзного центрального совета профсоюзов были получены в сентябре 1944 г. Тогда же, а также в июле-августе 1945 г. ВЦБК было вручено переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны СССР [23, л. 125, 131].

1609 работников Вишерского целлюлозно-бумажного комбината были награждены орденами и медалями за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [3].

В 1945 г. комбинат получил и успешно выполнил государственное задание по изготовлению специальной бумаги для печати собрания сочинений В.И. Ленина.

После Великой Отечественной войны Вишерский комбинат приобретал все большую известность в стране. Вместе с ним росли и развивались город и район.

Директора комбината с 1951 г.:

Павел Алексеевич Слесарчук (1951–1960)

Владимир Иванович Мартышин (1962–970)

Александр Алексеевич Скочилов (1970–1974)

Иван Игнатьевич Аристов (1974–1984)

Борис Васильевич Изотов (1984–1987)

Владимир Николаевич Тимшин (1987–1993)

В 1953 г. была установлена вторая буммашина по производству оберточной бумаги, полученная из Германии в качестве репараций. В 70-е гг. началась постепенная замена устаревшего оборудования, но этот процесс так и не был завершен. В 1976 г. ВЦБК преобразован в Вишерский целлюлозно-бумажный завод (ВЦБЗ). Производство бумаги выросло до 43 тыс. тонн в год. В 1981 г. за трудовые успехи и в честь 50-летия Вишерский целлюлозно-бумажный завод был награжден орденом «Знак Почета».

В 90-е гг. работа ВЦБЗ заметно ухудшилась. В связи с новыми экономическими условиями началась реорганизация предприятия. В 1992 г. ВЦБЗ был реорганизован в акционерное общество открытого типа, в 1996 г. – в открытое акционерное общество (ОАО) «Вишерабумпром». В 2003 г. ОАО «Вишерабумпром» после процедуры банкротства было ликвидировано. На производственной базе создано новое предприятие – общество с ограниченной ответственностью (ООО) «Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат», ликвидированное в 2004 г. На его базе создается ООО «Вишерская бумажная компания». Данное предприятие в 2007 г. фактически прекратило деятельность, и в 2008 г. было окончательно ликвидировано. Так закончилась история предприятия, давшего развитие Вишерскому краю и жизнь – Красновишерску и Красновишерскому городскому округу. История Вишерского края продолжается, а Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат продолжает жить в архивных документах, фотографиях и памяти людей.

ВЦБК, Красновишерск и Красновишерский район

Параллельно строительству комбината строился и рабочий поселок, который первоначально во всех проектах назывался «Поселок Вишхимз». История комбината и поселка неразрывна.

Первый вариант генерального плана поселка «Вишхимз» был утвержден начальником строительства Э.П. Берзиным 10 марта 1930 г. [11, л. 1]. Красновишерск, согласно этим планам и их описанию, подпадает под концепцию вновь создаваемых

социалистических городов, изложенную в книге архитектора Н.А. Милютин «Проблемы строительства социалистических городов», изданной в 1930 г. [29, с. 20–24]. Красновишерск был идеальным местом для проектирования соцгорода. Над ним не довлело дореволюционное буржуазное прошлое. Он создавался почти на пустом месте: рядом были село Морчаны, три небольшие деревни и поселок Вижаиха бывшего металлургического завода французского акционерного общества.

Поселок был спроектирован отдельными зонами или участками [10, л. 1]. Комбинат был расположен в промышленной (заводской) зоне поселка. Жилая зона спроектирована севернее комбината, выше его по течению Вишеры. Между комбинатом и жилой зоной спроектирован Парк культуры и отдыха, для которого был оставлен участок соснового бора на высоком берегу Вишеры. В парке планировались театр, Дом искусств, центральная библиотека, клуб, спортивные площадки [14, л. 1].

«Планировка поселка была принята социалистическими кварталами. Каждый квартал должен был состоять из 6 жилых деревянных 12-квартирных домов с объединением их во 2-ю очередь кирпичными блоками с расположением в них культурно-бытовых учреждений (клуб, столовая, детсад). Благоустройство поселка предусматривало водопровод, канализацию, освещение. Улицы по поселку предусматривались трех типов: бульварные – шириной 40 м и поселковые – шириной 20 м и 15 м с устройством зеленых насаждений, газонов, тротуаров и палисадников перед зданиями» [20, л. 34 об.].

Отдельно была спроектирована хозяйственно-снабженческая зона, в которую должны были войти Сельхоз, (частично расположенный на правом берегу Вишеры), коммунальные предприятия, склады, товарная пристань, бойня, хлебозавод и другие предприятия местного значения. Зона располагалась южнее комбината.

Южнее хозяйственно-снабженческой зоны был выделен участок предполагаемой колонизации площадью 15 га. Он предназначался для колонистов из бывших заключенных лагеря.

В январе 1931 г. поселок Вишхимз получил официальный статус рабочего поселка и наименование Красно-Вишерск

(поначалу название поселка писалось через дефис). Был избран поселковый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, первая сессия которого состоялась 3 февраля 1931 г. [8, л. 3].

Руководством поселка составлялись проекты будущего устройства Красновишерска. В 1932 г. архитектором-художником Вишкомбината А.А. Тиминским был разработан новый проект г. Красновишерска [12, л. 1; 17, л. 1], подробно описанный в газете «Красная Вишера» от 15 июня 1932 г. Статья называлась «Здесь будет город-сад» с подзаголовком «Будущий большой Красновишерск». Автор статьи писал: «Красно-Вишерск проектируется как социалистический город-сад высококультурного типа... Проект рассчитан в своем первоначальном ядре на 50 000 жителей, с возможностью дальнейшего расширения...» [25, с. 3]. Кроме этого, по данному проекту предполагались особые кварталы для учреждений различного типа: административных, детских, торговых, учебных заведений и др. А средствами сообщения предполагались несколько автобусных и трамвайных линий. Восточнее комбината и жилой зоны был спроектирован железнодорожный городок, т. к. планировалась постройка железной дороги.

Трамвайные линии, как и железная дорога, не были построены.

К 1936 г. были построены жилые дома разных типов (108 – приспособленных под квартиры, 15 – 4-квартирных, 57 – 8-квартирных, 11 – 12-квартирных), семилетняя школа (кирпичная), здание почты (кирпичное), больничный городок, школа ФЗУ, клуб, гостиница, баня, прачечная, столовая, четыре котельные. Однако «фактически соцпоселок осуществлен со значительными отклонениями, как в части объемов строительства, так и в планировочной части» [20, л. 34]. Это было отмечено комиссией Народного комиссариата лесной промышленности СССР при приемке ВЦБК им. Менжинского в октябре 1936 г.

В акте комиссии отмечено: «При строительстве комбината обеспечение рабочей силой намечалось по линии ВИШЛАГ, вследствие чего площадь запроектированного поселка утверждена в количестве 42 12-квартирных домов, что могло обеспечить лишь ИТР комбината. Имеющаяся жилплощадь не обеспечивает рабочих и ИТР комбината» [20, л. 34 об.]. Осуществленная часть

поселка с общей жилой площадью около 43 тыс. кв. м при фактическом наличии населения около 17 тыс. чел. является совершенно недостаточной. На 1 человека в среднем приходится 2,53 кв. м жилой площади при норме 6 кв. м, а для ИТР – 9 кв. м. Недостающая жилая площадь составляла более 25 тыс. кв. м (при имеющейся общей жилой площади около 43 тыс. кв. м). Жилой фонд представлял собой дома разного типа в общем количестве 191, 44 временных каркасных барака (износ – более 50 %) и 2 общежития на 290 чел.

«Благоустройство поселка почти не осуществлено... Дороги в поселке отсутствуют. Водопровод осуществлен со значительными отклонениями от проекта (вместо постройки отдельной станции для питьевого водоснабжения построен временный водопровод от общей насосной станции комбината)... Канализации в поселке не имеется» [20, л. 36]. В 1932, 1934 гг. в поселке произошло несколько вспышек эпидемий сыпного и брюшного тифа [9, л. 1, 2].

В поселке не было построено специальных зданий для детских учреждений. Клуб временной каркасной конструкции был пригоден только для кинопоказа, а для кружковой работы – нет. Таким был Красновишерск в 1936 г.

В предвоенные годы ВЦБК занимался в поселке жилищным, социально-культурным строительством. Был построен Дом культуры им. Дзержинского.

13 января 1941 г. произошло закономерное событие: указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании новых районов в составе Молотовской области» был образован «Красновишерский район с центром в рабочем поселке Красновишерск за счет разукрупнения Чердынского района» [1, л. 1]. Главными промышленными предприятиями района многие годы оставались Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат и Красновишерский леспромхоз.

В суровые дни войны, 2 июля 1942 г., указом Президиума Верховного Совета РСФСР поселку Красновишерску был присвоен статус города [5, л. 6].

После Великой Отечественной войны Вишерский комбинат приобретал все большую известность в стране. Вместе с ним росли и развивались город и район.

В 1956 г. силами ВЦБК был построен Дом культуры бумажников, который, к сожалению, сгорел во время пожара в 2016 г., не «дожив» до своего 60-летнего юбилея. В 1960 г. ОКС ВЦБК осуществил проектирование и строительство взлетно-посадочной полосы в г. Красновишерске, обеспечив тем самым авиасообщение с г. Пермью.

Дальнейшее строительство в городе велось в соответствии с генеральным планом, разработанным в 1960 г. на основании планов, созданных в 30-е гг.

Таким образом, рождение и вся история Красновишерска и Красновишерского городского округа связана с Вишерским целлюлозно-бумажным комбинатом.

Список источников и литературы

1. Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа (далее – АОАКГО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
2. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2.
3. АОАКГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9а.
4. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 17. [по улицам]
5. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 35.
6. АОАКГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1802.
7. АОАКГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1812.
8. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2.
9. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 5.
10. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 2.
11. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 3.
12. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 14.
13. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 16. [план 1-го отделения лагеря]
14. АОАКГО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 18.
15. АОАКГО. Ф. 80. Оп. 2. Д. 3.
16. АОАКГО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1–425.
17. АОАКГО. Ф. 187. Оп. 3 н/с. Д. 418а.
18. АОАКГО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 4.
19. АОАКГО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 5.
20. АОАКГО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1778.
21. АОАКГО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1989.
22. АОАКГО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1990.

23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 26. Д. 236. Д. 324.
24. ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 9. Д. 14.
25. 70 ярких лет, весен и зим: юбилею Красновишерска посвящается : буклет. – Красновишерск, 2012.
26. Бельский Н. Перспективы русской бумажной промышленности // Бумажная промышленность. – 1924. – № 6. (Июнь).
27. Бушманов В.К. Пробуждение тайги. – Пермь, 1973.
28. Восемнадцать месяцев, которые создали комбинат ВИШХИМЗ // Издание Управления строительства «ВИШХИМЗ». – 1931.
29. Милютин Н.А. Проблемы строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест в СССР [Электронный ресурс]. – М.; Л. : Госиздат, 1930. – URL: archgrafika.rusfolder.net (дата обращения: 16.08.2022).
30. Обухов Л.А. История строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината // Хрупкая летопись : фотоальбом. – Пермь, 2012.
31. Список населенных мест Пермской губернии [Электронный ресурс]. – Пермь, 1905. – URL: <https://istmat.info/node/53948> (дата обращения: 04.09.2022).
32. Целлюлозно-бумажный комбинат ВИШХИМЗ // Огонек. – 1931. – № 32 (20 ноября).
33. Шаламов В. Вишера. Очерки, рассказы, стихи. – Пермь, 1921.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ОБЩЕСТВЕ

***Паздникoва Наталья Павловна**
д-р экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой
«Государственное
управление и история»,
Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет,
Пермь
razdnikovan@mail.ru*

***Шипицына Светлана Евгеньевна,**
канд. экон. наук, доцент кафедры
«Предпринимательства
и экономической безопасности»,
Пермский государственный
национальный
исследовательский университет,
Пермь
sv-in-sure@mail.ru*

Аннотация. Анализируются основные современные концепции феномена «социальное доверие», рассматриваются его содержательные и структурные характеристики. В качестве методического подхода для измерения уровня социального доверия в обществе предлагается экономическая оценка социальной защиты в обществе, ее различных форм: социального обеспечения, социального страхования, социальной защиты.

Ключевые слова: доверие, социальное доверие, социальный риск, социальное страхование, социальное обеспечение, социальная защита.

ECONOMIC ASSESSMENT OF SOCIAL TRUST IN SOCIETY

Natalya Pazdnikova

*doctor of economical sciences, associate professor,
head of history and public management department
Perm National Research Polytechnic University,
Perm
pazdnikovan@mail.ru*

Svetlana Shipitsyna

*candidate of economical sciences, associate professor,
entrepreneurship and economic security department
Perm State University,
Perm
sv-in-sure@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the main modern concepts of the phenomenon of ‘social trust’, examines its content and structural characteristics. As a methodological approach for measuring the level of social trust in society, an economic assessment of the social protection of society is proposed, in various forms: social security, social insurance, social protection.

Keywords: trust, social trust, social risk, social insurance, social security, social protection.

Изначально дефиниция «доверие» получила развитие в философско-социологической плоскости. К примеру, И. Кант, Дж. Локк, Э. Дюркгейм рассматривали доверие в качестве «договорных общественных отношений». В начале XX в. Н. Бердяев, Б. Вышеславцев и другие раскрывали доверие через этические и моральные принципы [1; 4].

Значительное развитие теория доверия получила в 1990-е гг., доверие стали изучать в различных сферах жизни: общественных и межличностных отношениях, экономике. С. Айзенштадт, Б. Бербер, Г. Зиммель, А. Селигмен, Ф. Фукуяма вводят понятие «социальное доверие», представляют его как «социальный капитал», как средство, обеспечивающее полноценное развитие общества [1; 4; 7; 8]. С развитием демократии, формированием гражданского общества, возрастанием личной активности граждан в научном дискурсе ученые начинают рассматривать социальное доверие в условиях риска и неопределенности. По мнению

Э. Гидденса, Н. Лумана, П. Штомпке, «в условиях неконтролируемости и неуверенности в будущем в современном обществе размывается пространство безопасности, образуются зоны риска, следствием этого оказывается увеличение потребности в доверии» [3; 6; 10].

Анализ теоретических воззрений и определений феномена социального доверия показал, что в подавляющем большинстве ученые характеризуют его как действие, которое выражается через поведение конкретного актора, определенную его деятельность и способ проявления доверия. С точки зрения типологии и функционала исследователи разделяют социальное доверие на горизонтальное и вертикальное. «Горизонтальное доверие – межличностное доверие, между близкими людьми и членами социальных групп. Вертикальное доверие – институциональное доверие людей к государству, социальным институтам, партиям, правительству, органам правопорядка, церкви, профсоюзам, полиции и др.» [5].

По мнению И.В. Глушко, феномен социального доверия относится к числу иррациональных явлений, в этом и состоит трудность его исследования, по его суждению, сложно оценить доверие, доверчивость, доброжелательность, заботливость, дружбу, сотрудничество и другие смысловые конструкции доверия [4]. Однако Дж. Коулман, основатель теории рационального выбора в социологии, предлагает рассматривать доверие как «рациональное действие на микроуровне с функционированием различных конфигураций социальных систем, доверие – это набор решений, которые принимаются в ситуациях риска» [1].

Согласимся и признаем иррациональность горизонтального социального доверия в части межличностных отношений, которые имеют нематериальную составляющую и моральное измерение. С точки зрения вертикальной системы социального, институционального доверия отношения между гражданином и государственными институтами вполне измеряемы и формализованы.

Это подтверждается многочисленными прикладными исследованиями в области социального доверия, в частности, результатами международных проектов World Values Survey (WVS) и Trust Barometer Edelman, где в режиме реального

времени отражаются уровни доверия населения к правительствам своих стран, финансовым услугам, здравоохранению, технологиям и т. п. В основе методологии оценки доверия в этих проектах лежат социологические опросы населения. Этот механизм довольно часто используется и в российской практике при оценке эффективности государственного и муниципального управления, при мониторинге доверия населения президенту, правительству, партиям и др. Конкретность результатов такой оценки зависит от многочисленных факторов, в первую очередь от качества и объема выборки респондентов. Результаты социологических опросов опровергает французский социолог П. Бурдьё: «...не каждый человек имеет свое мнение, и всякое мнение одинаково значимо... наличие консенсуса далеко не всегда верно при решении проблемы» [2].

На наш взгляд, наиболее точным в оценке социального доверия в обществе будет экономический подход. Так как социальное доверие в обществе должно покрывать потребности граждан в защищенности, в качестве оценки предлагается механизм социальной защиты в обществе.

Социальная защита – это совокупность форм, методов и источников финансирования в обществе, направленных на обеспечение достойного уровня жизни и гармоничного развития личности.

Социальная защита осуществляется на различных уровнях: гражданин – государство, работник – работодатель, гражданин – общество. В Российской Федерации можно выделить различные формы социальной защиты: социальное обеспечение, социальное страхование, социальная помощь.

Социальное обеспечение – это безвозмездная форма государственного финансирования. На социальном обеспечении со стороны государства находятся особые категории граждан: военнослужащие и приравненные к ним лица, государственные служащие, инвалиды, дети и т. п.

Социальное страхование – возмездная форма финансирования, может осуществляться как в обязательной, так и в добровольной форме, за счет средств работодателей (страховые взносы), уплачиваемые во внебюджетные фонды (ПФ, ОМС, ФСС). В РФ в соответствии со ст. 8 федерального закона

«Об основах обязательного социального страхования» [№ 165-ФЗ] государство гарантирует гражданам страховое обеспечение по отдельным видам обязательного социального страхования:

- оплата медицинской организации расходов, связанных с предоставлением застрахованному лицу необходимой медицинской помощи;
- пенсия по старости;
- пенсия по инвалидности;
- пенсия по случаю потери кормильца;
- пособие по временной нетрудоспособности;
- страховые выплаты в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием, оплата дополнительных расходов на медицинскую реабилитацию, санаторно-курортное лечение, социальную и профессиональную реабилитацию;
- пособие по беременности и родам;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком;
- иные виды страхового обеспечения, установленные федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка.

Кроме того, организации могут заключать договоры добровольного коллективного страхования, тем самым обеспечивая дополнительные социальные гарантии своим работникам.

Еще одной формой социальной защиты является социальная помощь. Социальная помощь – это оказание поддержки на безвозмездной основе малоимущим семьям, одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, попавшим в сложные жизненные ситуации в виде денежных вознаграждений, в натуральном выражении, а также предоставлением различных услуг социального назначения. Социальная помощь может оказываться наряду с социальным обеспечением государства различными общественными организациями, профсоюзными организациями, а также частными лицами.

Уровень социальной защиты в государстве без труда формализуется, оценивается через систему социально-экономических показателей и может быть экстраполирован на оценку уровня доверия, защищенности и удовлетворения граждан в обществе [9]. Система социальной защиты граждан постоянно трансформируется под влиянием различных факторов, тем самым мобилизуя органы власти и приспособляясь к удовлетворению текущих потребностей населения.

Список литературы

1. Алишев Т.Б. Основные теоретические подходы к интерпретации феномена доверия в социологии // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 1. – С. 22–29.
2. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. Гидденс Э. Последствия современности. – М. : Праксис, 2011. – 352 с.
4. Глушко И.В. Социальное доверие: концепт и структура // Философия права. – 2013. – № 6 (61). – С. 94–98.
5. Иванов А.В., Данилов С.А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11-8. – С. 1852–1859.
6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / СПб. : Наука, 2007. – 643 с.
7. Селигмен А. Проблема доверия. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 200 с.
8. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М. : Academia, 1999. – 162 с.
9. Шипицына С.Е. Роль социального страхования в обеспечении социальной безопасности региона // Страхование и управление рисками: проблемы и перспективы : моногр. / под ред. С.А. Белозерова, Н.П. Кузнецовой. – М. : Проспект, 2017. – С. 259–277.
10. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Раздел 1. ВЫЗОВЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

УДК 94(470.53).08

ПЕРМСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА В ГОДЫ НЭПА, 1922–1930 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Арестов Владимир Андреевич
главный археограф
научно-исследовательского отдела,
Государственный архив Пермского края,
Пермь
arestovvolodya@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность и социальный состав Пермского общества взаимного кредита в период новой экономической политики. В документах фонда Пермского общества взаимного кредита содержится информация о создании Пермского ОВК, его руководящих органах, социальном составе участников. Рассмотрен вопрос о структуре капиталов общества, проанализированы основные виды операций. Приведены факты, подтверждающие эволюцию государственной политики по отношению к частным предпринимателям от временного сотрудничества к тотальному вытеснению из экономики.

Ключевые слова: новая экономическая политика, Пермь, общество взаимного кредита, торговля.

PERM MUTUAL CREDIT SOCIETY DURING THE NEP YEARS, 1922–1930 (BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE PERM REGION)

Vladimir Arestov
chief archaeographer,
research department of the State Archive of Perm Region,
Perm,
arestovvolodya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the review of the activities and social composition of the Perm Mutual Credit Society in the period of the new economic policy. The documents of the Perm Mutual Credit Society Foundation contain information about the creation of the Perm HVAC, its governing bodies, and the social composition of participants. The question of the capital structure of the company is considered, the main types of operations are analyzed. The facts confirming the evolution of state policy towards private entrepreneurs from temporary cooperation to total displacement from the economy are presented.

Keywords: new economic policy; Perm; mutual credit society; trade.

Впервые Общества взаимного кредита в России возникли в 1870-х гг., Пермское общество взаимного кредита было учреждено в 1873 г. За период существования Общества взаимного кредита завоевали право на свое бытие. На основании циркуляра Народного комиссариата финансов от 10 октября 1918 г. «О ликвидации обществ взаимного кредита» Пермское общество, как и другие Общества взаимного кредита, прекратили свою деятельность.

Процесс воссоздания общества взаимного кредита на Урале был начат в 1922 г., когда Губернское экономическое совещание выдвинуло предложение о создании в Перми общества взаимного кредита и поручило Пермскому отделению государственного банка принять непосредственные меры к его организации. Чтобы узнать мнение заинтересованных в открытии общества взаимного кредита представителей торговой и промышленной деятельности, отделение государственного банка приняло решение созвать организационное собрание для обсуждения касающихся этой темы вопросов [3, л. 2 об. – 3] (рис. 1).

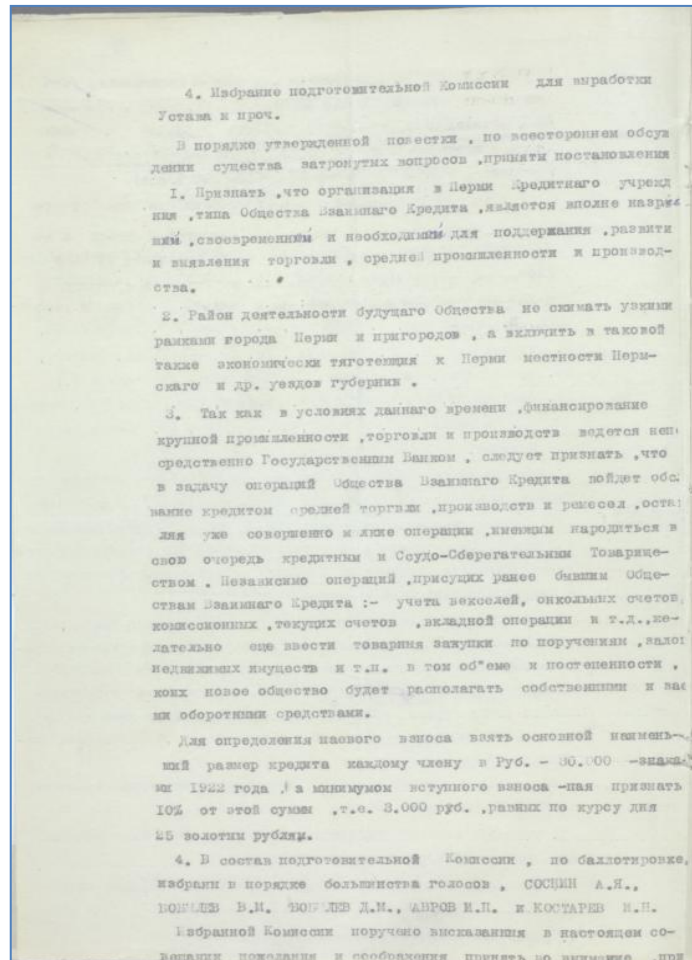
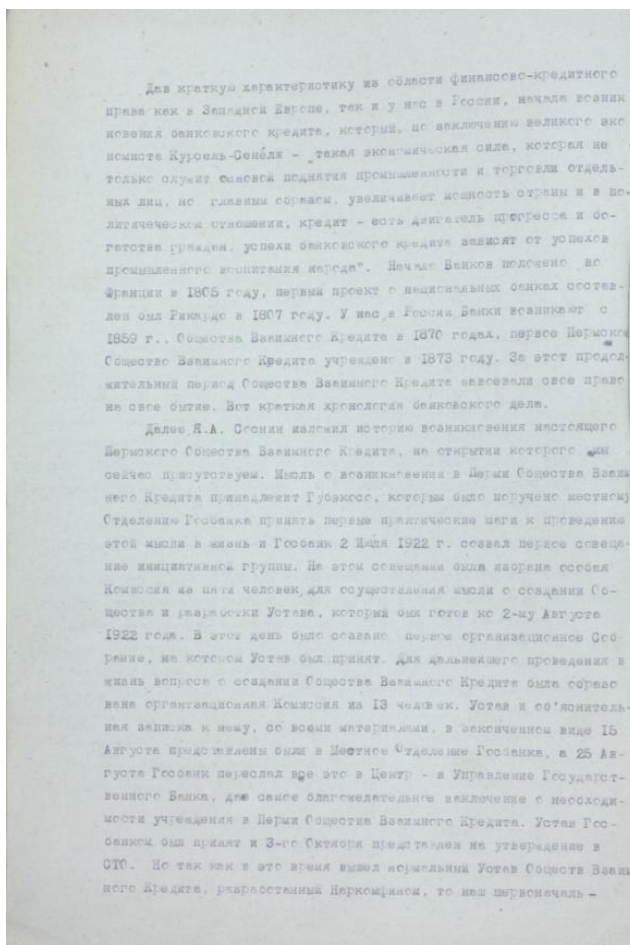

Рис. 1. Из протокола совещания инициативной группы граждан г. Перми по вопросу об учреждении Общества взаимного кредита. 1922 г. [3, Л. 2 об.]

2 июля 1922 г. было проведено первое совещание инициативной группы. На этом совещании была избрана особая комиссия из пяти человек для осуществления инициативы о создании Общества и разработки Устава, который был готов ко 2 августа 1922 г.

В этот день по воспоминаниям председателя правления Я.А. Соснина было созвано первое организационное собрание, на котором был принят устав. Для дальнейшего проведения в жизнь вопроса о создании ОВК была образована организационная комиссия из 13 человек [4, л. 5 об.] (рис. 2).

*Рис. 2. Из протокола заседаний совета депутатов
Пермского общества взаимного кредита.
1920-е гг. [4, Л. 5 об.]*

Устав и объяснительная записка к нему были представлены 15 августа в местное отделение госбанка, а 25 августа госбанк переслал все материалы в центр – Управление государственного банка, дав положительное заключение о необходимости учреждения в Перми ОВК.

Устав госбанком был принят и 3 октября представлен на утверждение в Совет труда и обороны (СТО). 5 января 1923 г. устав был принят и в конце января отправлен в Пермь для проведения его в жизнь.

15 февраля было созвано первое общее собрание учредителей – членов Пермского ОВК, на котором была проведена вся дальнейшая подготовительная работа; собрание закончилось созывом заседания общества. 3 марта 1923 г. Соснин

считает днем претворения мысли инициаторов о создании ОВК в действительность [4, л. 6].

Пермское ОВК появилось 16 марта 1923 г. в составе 96 членов с капиталом 61721 руб. К моменту первой годовщины общества количество членов составило 245, увеличившись в два с половиной раза.

В уставе Пермского ОВК, утвержденном в 1928 г., говорится о членах общества:

«Членами общества могут быть:

а) физические и юридические лица, занимающиеся торговлей, промышленностью или иной промысловой деятельностью в районе деятельности общества;

б) собственники строений и застройщики, владеющие строениями в районе деятельности общества;

в) лица, имеющие не менее трехлетнего стажа работы в кредитных учреждениях или промышленных и торговых предприятиях, в случае избрания их в члены правления общества» [5, л. 88] (рис. 3).

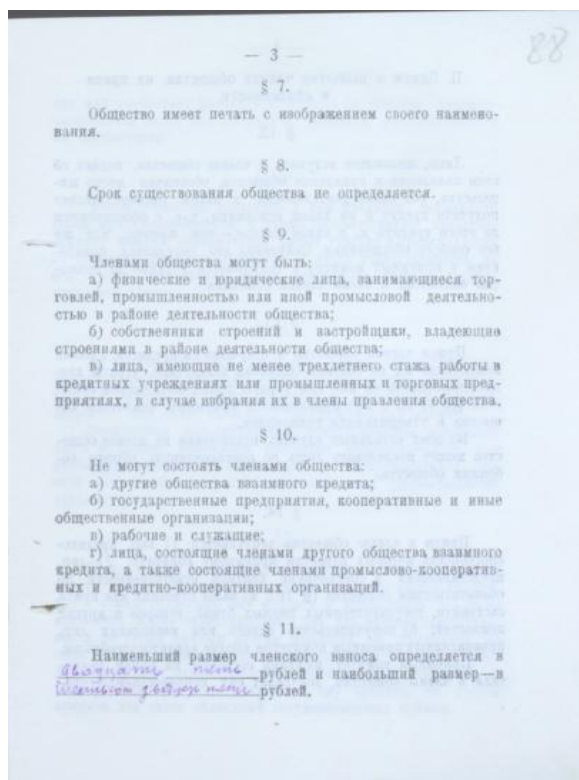

Рис. 3. Из устава Пермского общества взаимного кредита. 1920-е гг. [5, Л. 88]

В задачи общества входило главным образом обслуживание средней и мелкой торговли и промышленности.

Для этой цели общество производило всевозможные банковские операции: учет векселей, выдачу ссуд под товары, товарные документы и ценности, комиссионные поручения, выдачу аккредитивов, прием от членов и посторонних лиц вкладов на текущие счета и вкладов срочных именных и на предъявителя, прием на хранение процентных бумаг, акций и других ценностей и т. д. [9, л. 1].

При разработке проекта устава Пермского ОВК предполагалось, что основными источниками средств, необходимых для развития деятельности, будут капиталы, привлеченные на текущие счета и вклады. В «Объяснительной записке к проекту устава Пермского общества взаимного кредита» отношения будущего общества с государственным банком характеризовались следующим образом: «Влияние государственного банка на операции ОВК, в смысле единства банковской политики, будет проведено путем переучета обязательств в госбанке и хранения свободных средств на текущем счете в том же банке» [8, л. 22 об.].

Очевидно, что разработчики проекта устава планировали обойтись без кредита в государственном банке, рассчитывая на приток средств со стороны тех, для кого и организовывалось общество, – торговцев и промышленников. В процессе работы ОВК эти надежды не оправдались. Уже 26 апреля 1925 г. в президиуме секции частной торговли и промышленности при Пермской товарной бирже один из представителей пермского ОВК заявил, что он «находит необходимым теперь же возбудить ходатайство перед госбанком об увеличении капитала ОВК, на предмет удовлетворения частных торговцев кредитом, и настаивает на том, чтобы секция энергичнее поддерживала это ходатайство» [7, л. 39 об.].

В ответ на это члены секции заявили, что «есть официальное уведомление от госбанка в ОВК о том, что деньги могут быть отпущены обществу при условии, если оно при кредитовании будет взимать заранее установленный процент и если торговцы будут согласовывать свои цены на товары с ценами Оквнторга» [7, л. 40]. Эта позиция государственного

банка была predeterminedена политикой государства по отношению к частному капиталу и резко отличалась от позиции, выраженной в 1922 г., когда при обсуждении проекта устава Пермского ОВК представители госбанка заявляли о готовности оказывать обществу содействие в его работе без выдвигания особых условий.

На совещании инициативной группы граждан г. Перми по вопросу об учреждении ОВК были утверждены взносы для вступления в ОВК. Для определения паевого взноса наименьший размер кредита составлял 30000 совзнаками 1922 г., а минимумом вступительного взноса – пая было признано 10 % этой суммы, т. е. 3000 руб., равных по курсу дня 25 золотым рублям [3, л. 2 об.].

Ситуация в Пермском ОВК была значительно лучше, чем в Свердловском. В докладе правления общества по отчету за 1928/29 г., несмотря на то что именно в этом году произошел переход на новый устав и общество лишилось значительного числа своих членов, присутствуют следующие данные о состоянии вкладов и текущих счетов: «Количество текущих счетов на 1 октября 1928 г. было 562, а на 1 октября 1929 г. – 503. Из них членам общества принадлежит 275 счетов, а посторонним лицам – 228» [6, л. 56 об.]. Появление в обществе текущих счетов посторонних лиц, по-видимому, было новым способом привлечения средств, который противоречил прежней практике. Еще в 1925 г. в президиуме секции частной торговли и промышленности при Пермской товарной бирже представитель Пермского ОВК специально подчеркивал, что «общество не может кредитовать не членов ОВК» [7, л. 39].

Динамика привлечения средств выглядела следующим образом: с октября 1928 г. объемы средств на текущих счетах снижались, а с февраля 1929 г. начали постепенно расти, но в октябре 1929 г. уровня октября 1928 г. так и не достигли. Вклады же, наоборот, до февраля 1929 г. увеличивались, а затем пошли на убыль [6, л. 57].

При рассмотрении проекта устава Пермского ОВК на организационном собрании, состоявшемся в 1922 г., в «Объяснительной записке к проекту устава Пермского общества взаимного кредита» было заявлено следующее:

«...представляет собой определенный круг лиц, взаимно заинтересованных в развитии его операций, опираясь на самоуправление своих членов, несомненно, завоеует широкое доверие своего слоя и привлечет капиталы в виде вкладов и текущих счетов, и отсюда будет проводником возрождения промышленности и торговли, выдавая краткосрочные ссуды под учет вексельных операций и разных ценностей, тем самым способствуя торговле» [8, л. 22] (рис. 4).

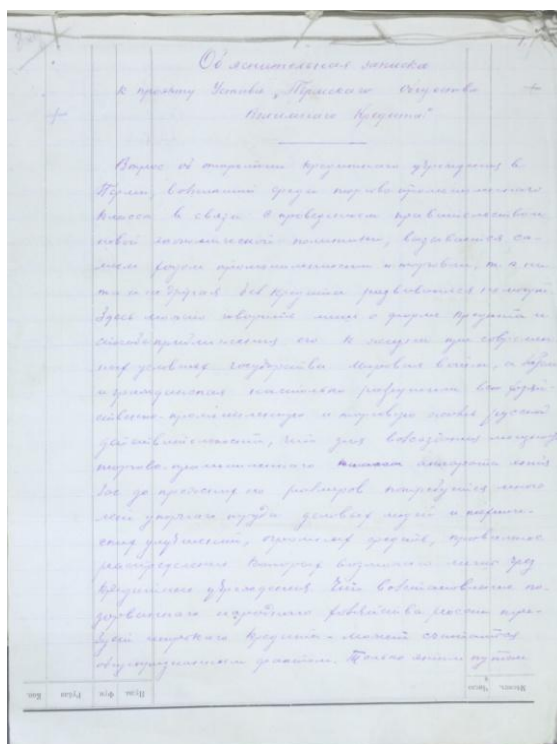

Рис. 4. Объяснительная записка к проекту устава Пермского общества взаимного кредита [8, Л. 22]

Можно предположить, что под «определенным кругом лиц», которые в первом параграфе проекта устава определялись как «занимающиеся коммерческой деятельностью», в этом случае подразумевались более или менее крупные предприниматели: оптовые торговцы и владельцы предприятий. Хотя в той же «Записке» давалось пояснение, что «наряду со средним промышленником и торговцем совершенно свободно может пользоваться кредитом и занимающийся мелким хозяйством, вырабатывающий продукт производства на рынок» [8, л. 22 а].

При обсуждении проекта устава выяснилось, что «комиссия при разработке устава ставила себе вопрос о выдаче ссуд известной части общества и не думала принимать на себя задачу объять необъятное» [8, л. 16 об. – 17].

В итоге разработчики проекта устава заявили: «Да мы и не скрываем, что будущее общество предполагает обслуживать главным образом деятельность торгово-промышленной жизни, так как полагаем, что задачи более мелкого кредита остаются за кредитными и ссудосберегательными обществами или кассами» [8, л. 17].

Такая позиция со стороны учредителей ОВК вызвала некоторое недовольство представителей отделения государственного банка, присутствовавших на совещании. Они предлагали «разгрузить работу госбанка и дать возможность более широкому кругу лиц воспользоваться кредитом» [8, л. 16 об.], расширить операции вновь открываемого общества, чтобы его членами могли состоять «не только коммерсанты, но и служащие различных учреждений и мелкие собственники» [8, л. 16 об.], а иначе оно будет иметь «уклон в сторону торгово-промышленного класса» [8, л. 17].

Эти возражения со стороны представителей отделения государственного банка не помешали при голосовании единогласно принять первый параграф в первоначальной редакции. К сожалению, мы не имеем точных сведений о том, был ли первый параграф проекта устава Пермского ОВК утвержден именно в таком виде, в каком проголосовали за него, или же нет. Но можно предположить, что некоторые уступки со стороны власти были сделаны, потому что его разработчики заявляли, что учли требования к границам деятельности ОВК, опубликованные в «Экономической жизни» и «Известиях ВЦИК» [8, л. 17]. Об этих уступках в какой-то мере может свидетельствовать и «Список учредителей Пермского общества взаимного кредита», который предположительно был составлен уже после организационного собрания, так как именно на нем было принято решение изменить название общества с «Пермского промышленно-коммерческого общества взаимного кредита» на «Пермское общество взаимного кредита».

При анализе «Списка учредителей» Пермского ОВК видим, что из 51 учредителя 26 были торговцами, причем все – с дореволюционным стажем. У 19 человек нет указаний на род деятельности, которой они занимались до и после 1917 г. Один из двадцати шести – бывший крупный коммерсант, еще двое были до революции владельцами магазинов (оптического и писчебумажного) и возобновили свою деятельность в 1920-е гг. Один, бывший владелец мельницы, занимался торговлей и поставками хлеба, еще один был торговым агентом, а двое – членами Торгового товарищества. Тринадцать из 51 учредителя были служащими, в большинстве своем государственными: агент государственных хозяйственных предприятий, заведующий хозяйственными заготовками Лесотреста, служащий Горнозаводского треста, представитель Главхима, агент Госстраха и т. д.

Интересно отметить, что двое из них до 1917 г. имели опыт работы в ОВК. Пятеро были членами различных товариществ, например, товарищества «Уралпенька», Товарищества технической конторы, «Хлебопек» и т. д.; трое были предпринимателями, возобновившими свою деятельность в годы НЭПа: лесопромышленник, владелец столярной мастерской и владелец лесопильного завода; были также три банковских деятеля и один владелец прачечного заведения [3, л. 20–21] (рис. 5). Пермское ОВК перешло на новый устав 26 марта 1929 г.

В докладе правления общества совету Пермского ОВК по отчету за 1928/29 г. говорилось: «Переход с 26 марта на новый устав, который лишил значительную группу служащих и рабочих, в подавляющем большинстве домовладельцев, права быть членами общества; ограничение района деятельности пятью городами также вызвало выход членов, а всего в согласовании с требованием нового устава выбыло 187 чел.» [6, л. 55] (рис. 6).

С П И С О К
УЧРЕДИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО КРЕДИТА

№	Имя, фамилия, отчество	Должность и род занятий	Возраст, образование, сведения о семье
1.	Сидоров, Иван Иванович	Секретарь и кассир	Семейный человек, 4 детей, образование высшее, член партии, член Общества, член Комитета
2.	Васильев, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
3.	Михайлов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
4.	Петров, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
5.	Смирнов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
6.	Иванов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
7.	Кузнецов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
8.	Левин, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
9.	Соловьев, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
10.	Тихонов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
11.	Яковлев, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
12.	Зинин, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
13.	Королев, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
14.	Варламов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
15.	Попов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
16.	Морозов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
17.	Степанов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
18.	Лыткин, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
19.	Савин, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек
20.	Козлов, Иван Иванович	Секретарь	Семейный человек

Рис. 5. Список учредителей Пермского общества взаимного кредита. 1922 г. [3, Л. 20]

С О В Е Т У Пермского Общества Взаимного Кредита

по отчету за 1928-1929 операционный год.

П РА В Л Е Н И Е

Д. О. К. И. А. Д.

В отношении депрессии для основной массы клиентуры минувший отчетный год являлся продолжением предыдущего, что вызвало со стороны управленческого аппарата Общества /Совета, Президиума и Приемного Комитета/ необходимость постоянно-го наибольшего напряжения внимания и забот, чтобы сохраняя с одной стороны интерес Общества, с другой стороны не перегнуть палку и излишней трудливой осторожностью не пошатнуть положение своих членов.

Помимо того, в течение отчетного года в жизни Общества произошло серьезное событие - переход с 25 марта на новый Устав, который диктовал значительную группу /служащих и рабочих/, в подавляющем большинстве - домоладельцев, права быть членами Общества; ограничение района деятельности 5-ю городами также вызвало выход членов, в всего в соответствии с требованием нового Устава вышло 127 чел. с членскими взносами 2154 руб. и взыскан кредитом более 40.000 рублей. Требовалось особое внимательное наблюдение, чтобы дать возможность вышедшим членам безболезненно для Общества и себя покрыть свои обязательства. Коммерческая клиентура выполнила свои обязательства в срок и аккуратно, без каких либо потерь для Общества. Что же касается рабочих и служащих, то, ввиду их положения, пришлось дать им целый ряд льгот и рассрочек, в некоторых случаях довольно длительных, и тем не менее по статье рассроченных долгов на следующий год перешла сумма всего только в 1004 руб., в значительной своей части обеспеченная залогом имущества.

Рис. 6. Доклад правления Пермского ОБК по отчету за 1928-1929 гг. [6, Л. 55]

По данным на 1 октября 1928 г., всего в обществе состояло 493 человека. При таком резком сокращении необходимо было дать возможность выбывшим выполнить свои обязательства перед обществом. В докладе отмечалось, что «коммерческая клиентура выполнила свои обязательства в срок и аккуратно, без каких-либо потерь для общества. Что же касается рабочих и служащих, то, входя в их положение, пришлось дать им целый ряд льгот и рассрочек, в некоторых случаях довольно длительных» [6, л. 55]. Динамика социального состава членов общества за 1928/29 г. выглядела следующим образом. Кустарей и ремесленников выбыло 40 чел., вступило 71, розничных торговцев выбыло 35, вступило 42, домовладельцев соответственно – 32 и 36, лиц свободных профессий – 1 и 2. Равное число выбывших и вступивших – 1 чел. – было в категориях промышленников и оптово-розничных торговцев. Служащих и рабочих выбыло 175 чел., лиц без определенных занятий – 33 и сельских хозяев – 2. Среди вновь вступивших в члены общества лиц этих социальных категорий населения не было.

«В результате получается, что уменьшение произошло, главным образом, за счет служащих и рабочих, а увеличение дали: кустари и ремесленники – 31, розничники – 7 и домовладельцы – 4, причем необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что выбывшие 40 кустарей имели членский взнос в среднем 84 руб., а 25 розничников – 70 руб., вступившие же 71 кустарь и ремесленник имеют средний членский взнос 53 руб. и 42 розничника – 49 руб., что указывает на изменение характера состава членов в пользу мелких за счет крупных» [6, л. 56 об.].

Если в 1922 г. главными клиентами Пермского ОВК были представители торгово-промышленных слоев населения, располагавшие некоторыми капиталами, то к 1925 г. появляется тенденция к увеличению числа розничных торговцев, кустарей-ремесленников и, несмотря на протесты профсоюзов и рекомендации валютного отдела НКФ, рабочих и служащих.

Пермское ОВК участвовало в сборе материальной помощи Пермскому университету, пострадавшему от пожара в ночь с 21 на 22 января 1927 г. Общество отпустило на помощь университету 1000 рублей. Члены общества отказывались на ту

же цель от дивиденда, отчисленного им за 1925/1926 операционный год. Кроме того, была открыта подписка для сбора добровольных пожертвований [9, л. 60 а] (рис. 7).

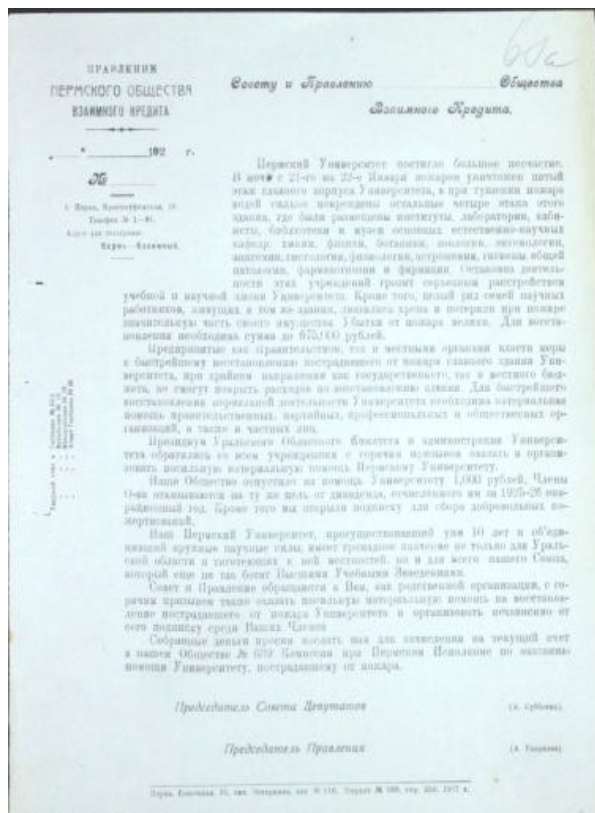

Рис. 7. Обращение Пермского общества взаимного кредита об оказании помощи в ликвидации последствий пожара в Пермском университете. 1927 г. [9, Л. 60 а]

Как создание кредит-бюро в 1920-е гг., так и обсуждение этого вопроса в современных условиях вызвано одними и теми же причинами – потребностями в развитии финансово-кредитных отношений в условиях рынка. Эта организация в силу специфики своей деятельности являлась рыночной, ее доходы напрямую зависели от активности на рынке ссудного капитала, востребованности кредитных ресурсов заемщиками. Именно поэтому свертывание нэпа напрямую отразилось на его деятельности. Сложность и противоречивость ситуации заключалась еще и в том, что в обязанность кредит-бюро вменялась ликвидация ОВК [1, с. 297].

Ликвидация Пермского ОВК была инициирована не самим обществом, а властями. По решению Окружного финансового

отдела со счетов общества в беспорядном порядке была списана сумма членских 299 взносов, которую предполагалось направить на погашение якобы имеющейся задолженности по налогам отдельных членов ОВК. В случае полного погашения вексельного портфеля ОВК и возвращения изъятых средств Общество, как было заявлено на чрезвычайном собрании его членов 9 марта 1930 г., могло погасить имеющиеся долги; более того, оно имело бы на счетах дополнительные средства. В ответ на требование Окружного финансового отдела пополнить складочный (уставной) капитал члены ОВК ответили отказом. В сложившихся условиях собрание вынуждено было принять решение о ликвидации общества [2, л. 13] (рис. 8). На 1 февраля 1930 г. баланс Пермского ОВК составлял 167 055 руб., а на 10 марта 1930 г. – 131 344 руб. 42 коп. (рис. 9).

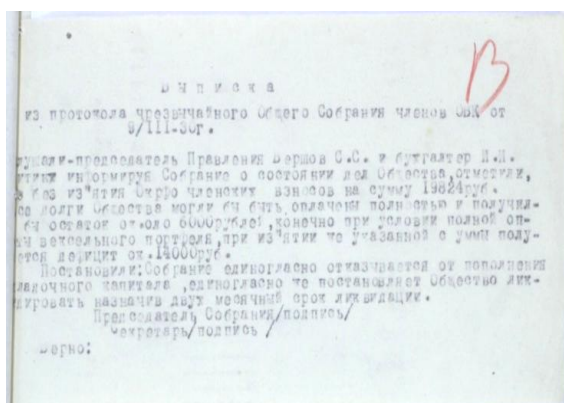

Рис. 8. Выписка из протокола чрезвычайного общего собрания членов Общества взаимного кредита от 9 марта 1930 г. [2, Л. 13]

Денежные счета в кредит, учред.	1700	89	14	34	Уставной (складочный) капитал	30847	40	84
Госуд. и гарант. Промыш. ценные бумаги	12277	24	14	82	Специальный капитал	4018	13	84
Кредитовые кредиты операции	39806	38	44	37	Прочие собств. капиталы и фонды	1363	37	84
Кредитовые под. ценные бумаги	97094	72	84	46	Перечисл. вклад и переводы "	—	—	—
Корреспонденция	3259	39	14	50	Выплата в ст. вклада сроч. и востанов.	91000	23	84
Расчеты по зам. операций с ценност.	755	11	84	53	Корреспонденция	19	48	—
Расчеты с другими организациями	18	65	—	55	Навострированные суммы	7194	11	84
Расчеты с банками	898	11	13	37	Кредитовые операции с товарищами и организациями	1425	25	14
Ценные бумаги залогового резерва	6900	06	14	36	Расчеты кредиторов	3281	31	84
Пая и акции	638	—	84	36	Прочие взаимные операции	3433	14	84
Имущество	6380	82	14	89	Прочитые и недоим. переводы, на балансе	24	83	—
Расчеты перевод. на бум. деньги	3023	04	14	61	Резервный счет	21861	66	84
Резервный счет	3023	04	14	61				
Прочие балансовые	3023	04	14	61				
БАЛАНС	167055	36	84	388	БАЛАНС	167055	36	388

Рис. 9. Баланс Пермского общества взаимного кредита на 1 февраля 1930 г. [2, Л. 7]

Тот факт, что ликвидация ОВК планировалась заранее и не была вызвана финансовыми проблемами, подтверждает обращение уполномоченного госбанка П.И. Славина в адрес правления Урало-Башкирской конторы кредит-бюро. В письме, в частности, говорилось: «По имеющимся у нас сведениям, Пермское ОВК предполагают ликвидировать по нецелесообразности дальнейшего существования. Ввиду того, что Общество своею деятельностью находится в некоторой зависимости от Областного финансового отдела (а не Окружного

финансового отдела) просим Вас, если возможно, переговорить с Областным финансовым отделом о ликвидации Общества через кредит-бюро» [2, л. 7 а] (рис. 10).

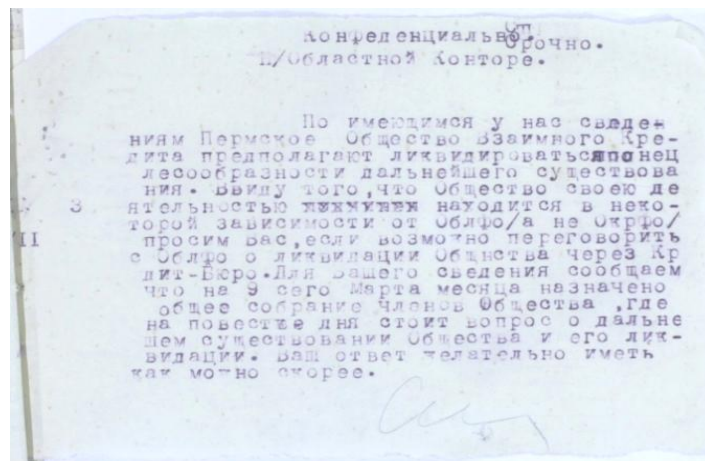

Рис. 10. Ликвидационная комиссия по делам Пермского общества взаимного кредита по иску Пермского общества на решение Пермского окружного суда. 1929–1930 гг. [2, Л. 7а]

Процесс ликвидации ОВК затянулся; в него помимо кредит-бюро были вовлечены налоговые, судебные органы (Пермский окружной суд), ОГПУ, и в результате он приобрел ярко выраженный массовый и пропагандистский характер, явился проявлением классовой борьбы с частнокапиталистическими элементами. Можно говорить о демонстративном и показательном характере этого процесса. В его ходе имели место факты «благотворительной» деятельности Пермского ОВК. По инициативе Окружного финансового отдела обществом была предоставлена ссуда Мотовилихинскому заводу (одному из крупнейших предприятий города), так как он испытывал «заминку» в деньгах для выплаты заработной платы. Ссуда была предоставлена на 10 дней по ставкам государственного банка.

Таким образом, оценивая роль кредит-бюро в экономике 1920-х гг., можно говорить о нем как необходимом элементе инфраструктуры финансово-кредитной системы. В оценках современников подчеркивается его позитивная роль для хозяйства страны в целом и отдельных регионов в частности [2, л. б/н].

Кредит-бюро, возникнув как элемент рыночной инфраструктуры, сыграло существенную роль в развитии

кредита. Одним из условий эффективного функционирования различных хозяйственных укладов являлся доступ к кредитным ресурсам. Соответственно, кредит-бюро вносило определенный вклад в «политику мирного сосуществования» кредитных учреждений различных форм собственности.

На завершающем этапе нэпа эта организация, напротив, использовалась государством как инструмент ликвидации учреждений мелкого кредита в борьбе с многоукладностью.

Список литературы и источников

1. Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты : монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 606 с.

2. Ликвидационная комиссия по делам Пермского общества взаимного кредита по иску Пермского общества на решение Пермского окружного суда. 1929–1930 гг. // Государственный архив Пермского края. Ф. р-138. Оп. 1. Д. 39.

3. Об учреждении Общества взаимного кредита с приложением нормального устава Общества взаимного кредита и протокола совещания инициативной группы граждан г. Перми по вопросу об учреждении Общества взаимного кредита. 1922 г. // ГАПК. Ф. р-424. Оп. 1. Д. 154.

4. Протокол заседаний совета депутатов Пермского общества взаимного кредита. Протокол заседания депутатов совета, членов правления и ревизионной комиссии. 1920-е гг. // ГАПК. Ф. р-138. Оп. 1. Д. 12.

5. Протокол местного очередного собрания членов Пермского общества взаимного кредита с вопросом. Отчет правления Пермского общества взаимного кредита. Список членов Пермского общества. 1920-е гг. // ГАПК. Ф. р-138. Оп. 1. Д. 32.

6. Протокол седьмого очередного общего собрания членов Пермского общества взаимного кредита. 1920-е гг. // ГАПК. Ф. р-138. Оп. 1. Д. 36.

7. Типовое положение о секции частной торговли и промышленности при товарных биржах, протокол общего собрания частных торговцев г. Перми, созданных биржевым

кабинетом Пермской товарной биржи по вопросу об организации секции частной торговли. 1925 г. // ГАПК. Ф. р-55. Оп. 1. Д. 41.

8. Уставы Пермского общества взаимного кредита (1909, 1923). Устав Екатеринбургского общества взаимного кредитования (1912). Вестник финансов (№ 31 от 28 сентября 1922). Документы об учреждении Пермского общества взаимного кредита (протоколы совещаний, список участников, журнал организационного собрания, список учредителей, уведомления, расчетная книжка по текущему счету комиссии по организации общества, акт передачи помещения и др.) // ГАПК. Ф. р-138. Оп. 1. Д. 8.

9. Циркуляры, положение о Пермском обществе взаимного кредита, протоколы очередного общего собрания членов Пермского общества взаимного кредита, постановление экспертного заседания совета депутатов. 1920-е гг. // ГАПК. Ф. р-138. Оп. 1. Д. 18.

**«ВЕЛИКИЕ СТРОЙКИ» 1930-Х ГОДОВ
В СИСТЕМЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
И В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ**

Быкова Светлана Ивановна
*канд. ист. наук, доцент,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург
sibykova@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа комплекса источников раскрыты разные аспекты социалистической колонизации: 1) стремление советской власти освоить районы, непривлекательные для добровольного переселения, но значимые с точки зрения добычи полезных ископаемых и создания новых индустриальных центров; 2) проблема «колонизации колонизаторов» – эксплуатации энтузиастов построения нового общества на огромных просторах СССР; 3) неоднозначный образ новостроек, сформировавшийся в представлениях советских людей в 1930-е гг.

Ключевые слова: социалистическая колонизация, ГУЛАГ, принудительный труд, следственные дела НКВД, неподцензурный фольклор.

**«THE GREAT CONSTRUCTION PROJECT» OF THE 1930s IN
THE SYSTEM OF SOCIALIST COLONIZATION AND IN THE
PERCEPTION OF CONTEMPORARIES**

Svetlana Bykova
*candidate of historical sciences, associate professor,
Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg
sibykova@mail.ru*

Abstract. The report based on the analysis of a set of sources shows various aspects of socialist colonization: 1) the wish of the Soviet government to develop areas that are not attractive for voluntary resettlement but significant from the point of mining natural resources and the creation of the new industrial centers; 2) the problem of colonization of colonizers – the exploitation of enthusiasts of building a new society in the large territories of the USSR; 3) the ambiguous image of new buildings formed in the representations of Soviet people in the 1930s.

Keywords: socialist colonization; GULag; forced labor; investigative cases of NKVD; uncensored folklore.

Советский опыт индустриализации 1930-х гг. в современной исторической политике и научных исследованиях остается одним из дискуссионных вопросов. Самым политизированным аспектом темы является функционирование системы ИТЛ/ИТК и использование принудительного труда при строительстве «гигантов социалистической индустрии». Некоторые российские политики как регионального, так и федерального уровня, комментируя достижения первых советских пятилеток, признают «полезность» труда заключенных для государства, не считая возможным говорить об условиях их содержания и высокой смертности. Не только политики, обычные россияне, но и отдельные ученые оправдывают экстремальные методы социалистического хозяйствования, не задумываясь об альтернативных моделях. Данная ситуация напоминает дискуссии, происходившие на рубеже 1920–1930-х гг.

Исследователи продолжают изучать вариативность предлагавшихся моделей советской экономики и результаты их обсуждений. М. Меерович, анализируя подготовку и реализацию планов первых пятилеток, основным их механизмом назвал тотальную принудительность. Отметив в дискуссиях конца 1920-х гг. отличие двух основных подходов – «генетического» и «телеологического», ученый акцентировал внимание на необходимости изучения истории СССР как первого в человеческой цивилизации полностью искусственного общества [21, с. 35–39]. Целеустремленность победивших сторонников «телеологического» подхода не предполагала внимательного отношения власти к жизни и интересам людей, способствовала жесткой централизации планирования и управления.

Л. Грэхэм указал на другое измерение дискуссий в конце 1920-х гг. при планировании показателей пятилетнего плана – между сторонниками «функционального» и «регионального» планирования: «функционалисты» считали возможным учитывать только общегосударственные интересы, в то время как «регионалисты» отстаивали необходимость детального изучения региональных особенностей (в т. ч. показателей концентрации населения, наличие транспортных путей и др.) [15, с. 61–62]. Петр Пальчинский (1875–1929), выпускник Горного института, имевший до революции опыт деятельности в европейских компаниях, ставший консультантом Госплана, считал целесообразным комбинирование этих подходов, но в его аналитических отчетах очевидно предпочтение «региональному» планированию. Уже в 1922 г. он критиковал пристрастие большевиков к индустриальным гигантам, выступал за симбиотическую комбинацию предприятий разных типов. Кроме того, для П. Пальчинского была характерна экологическая озабоченность – не нанести непоправимого ущерба природе, в отличие от большевиков, гордившихся покорением новых пространств в труднодоступных регионах и экстремальных климатических зонах [15, с. 16, 63].

Как и некоторые другие специалисты, он был за гуманистическую инженерию – против ставших модными в советской России «тэйлоризма» и «фордизма». Особенно тревожило П. Пальчинского отношение власти к трудящимся: то, что в условиях ускоренной индустриализации И. Сталин считал незначительными издержками, профессиональный инженер – свидетельством неразумности, неэффективности и несправедливости. В частности, при проектировании Днепрогэса, который из грандиозных большевистских сооружений был самым осмысленным с инженерной точки зрения, т. к. его реализации предшествовал тщательный анализ комплекса факторов и советские руководители еще были склонны прислушиваться к специалистам, П. Пальчинский был против по многим причинам из-за не принимаемых властью во внимание скрытых издержек (в т. ч. необходимости «очистки» территории предполагаемого водохранилища от крестьян, среди которых – около 10 тыс. трудолюбивых немцев-меннонитов) [15, с. 73, 89–90].

Тщательный анализ П. Пальчинского и критика им проекта Магнитогорского металлургического комбината (одно из его замечаний – «никто до сих пор не удосужился досконально исследовать вопрос об общих запасах железа этого месторождения») и других планов закончились смертным приговором, как и для имевших мировую известность Н. Кондратьева и А. Чаянова, считавших нерациональной политику коллективизации и индустриализации.

Исследователи, изучавшие особенности советской экономической политики 1930-х гг., обратили внимание на ее сходство с классическим империализмом. Ханна Арендт одной из первых провела параллель с капиталистической экспансией, результатом которой было разрушение политических и социальных структур, лишение огромного количества людей их жизненных корней, что равнозначно утрате человеческого мира цивилизации [23, с. 223, 234]. Анализируя тоталитарные режимы, она назвала одной из их характерных черт почти полное отсутствие стратегической рациональности в использовании средств террора: уничтожение не врагов, а специально отобранных групп населения уже после утверждения тоталитарной власти [23, с. 225].

Современные ученые имеют возможность продолжить изучение советской политики в данном направлении, используя методы постколониальных исследований. Некоторые из них анализируют советскую колониаторскую политику в «классическом» варианте – в отношении к этническим группам, входившим в состав СССР. В частности, Ф. Хирш подробнейшим образом изучила практики административно-территориального деления, паспортизации этничности и дискуссии по методам определения этнической принадлежности при проведении переписей 1926, 1937 и 1939 гг. [27]. В монографии, акцентирующей внимание на взаимодействии советской власти и ученых, она характеризует национальную политику большевиков в 1920–1930-е гг. как синтез идей цивилизаторской миссии по отношению к «отсталым народам», характерных для западноевропейского колониализма, и марксистско-ленинского учения, содержавшего идеи равенства и интернационализма.

Возвращаясь к дискуссии рубежа 1920–1930-х гг. об использовании термина «колонизация», Ф. Хирш отмечает, что советские эксперты пришли к выводу о возможности его сохранения в социалистическом государстве, которое в отличие от других способно координировать потребности колонизованных регионов «с интересами союза всех федеративных республик, с интересами всего человечества» [27, с. 132–136]. Были созданы Государственный колониционный научно-исследовательский институт и другие организации, сотрудничавшие с Госпланом и Наркоматом по национальным делам в целях интеграции разных этнических групп в социалистическое общество, их возможного участия в промышленном освоении огромных территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока. Ф. Хирш указывает, что сотрудники института изучали опыт европейских и североамериканских колониционных программ [27, с. 131].

На мой взгляд, весьма значимым ракурсом советского колониционного дискурса, исследованного Ф. Хирш, является его противостояние нацизму, в пропаганде которого народы СССР были отнесены к низшим расам и обречены на вымирание [27, с. 372–375]. Стремясь доказать, что отсталость – результат эксплуататорских политических и экономических отношений, советская власть проводила индустриальную и культурную «модернизацию» бывших имперских «национальных окраин». Однако в реальной государственной политике не только территории, но и сами народы рассматривались лишь как источники богатства и рабочей силы.

И. Калинин отметил, что дискуссии большевиков о формировании нового советского человека и социалистической экономики уже в середине 1920-х гг. имели колониальную перспективу: в частности, Н. Бухарин и Г. Зиновьев, полемизируя с Е. Преображенским, обвиняли его в отношении к крестьянству как внутренней колонии [17, с. 36]. Позднее термины «колония» и «колонизация» в официальных документах получили «классические» коннотации.

А.Б. Суслов, исследуя логику развития советской пенитенциарной политики и формирование ее концепций, отметил, в частности, что уже в первой записке наркомов юстиции и внутренних дел в СНК в апреле 1929 г. содержалось

предложение о создании концлагерей для освоения северных районов. 13 мая 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление о переходе «на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет».

В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК «Об использовании труда уголовно-заключенных» от 11 июля 1929 г. предлагалось расширить существующие и организовать новые лагеря «в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы». Постановление предполагало досрочный перевод на вольное поселение за «хорошее поведение», наделение землей отбывших срок заключенных, которые не имели права согласно приговору выбирать место жительства и пожелавших остаться добровольно [25, с. 21–22]. Следует подчеркнуть, что именно в тексте этого постановления, провозглашавшем идею «перевоспитания преступников трудом» и предписывавшем переименование концлагерей ОГПУ в исправительно-трудовые, указана триада задач «классической» колонизации (экономическая, политическая, культурная) – освоение новых территорий и их богатств, используя труд переселяемых групп людей для их «переделки/перековки».

В ситуации депортации раскулаченных крестьян появляется термин «спецпоселок» – в постановлении СНК РСФСР от 10 декабря 1930 г. В его тексте вновь отчетливо выражена хозяйственно-колонизаторская цель спецпереселения: «Спецпоселки организуются в местностях, где ощущается недостаток в рабочей силе для лесозаготовительных работ, работ по разработке недр, для рыбных промыслов, а также для освоения неиспользованных земель» [25, с. 26].

Если сравнивать пенитенциарные концепции, то в начале 1930-х гг. на фоне активно пропагандировавшейся идеи «перевоспитания» на неофициальном уровне обсуждалась идея самокупаемости лагерей. Именно хозрасчет и постоянные отказы высших инстанций утвердить фонды снабжения лагерей, удовлетворить их заявки привели к ограничению норм потребления, физическому истощению и гибели многих заключенных. А.Б. Суслов делает вывод, что экономическая

политика, ориентированная не на рентабельность, а на выполнение планов, на фактическое уничтожение людских ресурсов, утрачивает рациональность [25, с. 35, 45].

Адекватной объяснительной моделью чрезмерной жестокости советской власти по отношению к «своему» народу может быть концепция внутренней колонизации, предлагаемая постколониальными исследованиями [26; 29]. А. Эткинд, Д. Уффельманн и И. Кукулин определяют внутреннюю колонизацию как применение практик колониального управления внутри государства. Одной из особенностей советского варианта внутренней колонизации ученые называют приоритетное значение мобилизационных и репрессивно-силовых методов решения экономических и политических проблем; указывают, в частности, что советское «освобождение» крестьян было реализовано через продразверстку, военное подавление восстаний, коллективизацию. Экстремальной формой внутренней колонизации, по их мнению, стал ГУЛАГ [30, с. 46–47]. На мой взгляд, особенностью социалистической колонизации является именно ее идеологизация – оправдание насилия исторической необходимостью и благородными целями создания нового общества, свободного от эксплуатации и неравенства. Вероятно, данный аспект имели в виду А. Даниэль и И. Флиге, настаивая на специфическом характере советской репрессивной политики [16, с. 395].

Циничный прагматизм, несомненно, был неотъемлемой частью советской внутренней колонизации. Канадский исследователь Дж. Харрис отметил, что политические руководители регионов (в т. ч. Уральской области) были серьезно озабочены проблемой закрепления рабочей силы на строительстве и новых заводах, т. к. завербованные рабочие, недовольные условиями труда и жизни, уходили [31]. На «стройках социализма» и промышленных предприятиях активно пропагандировали «самозакрепление» как один из вариантов доказательства гражданской ответственности и советского патриотизма: ударники, комсомольцы и коммунисты, работавшие на новостройках и заводах Урала, давали клятву остаться на определенный срок, несмотря на производственные трудности и невыносимость бытовых условий. В частности, «закрепившиеся до конца пятилетки»

имелись среди побывавших в 1931 г. в заграничном путешествии на теплоходе «Украина» уральцев – ударников труда – рабочих и мастеров ВИЗа, Магнитки, УЗТМ, шахт и рудников [8]. Однако ни вербовка, ни энтузиазм не являлись надежными источниками трудовых ресурсов. Создание ИТК/ИТЛ и использование принудительного труда могли решить проблему дефицита рабочей силы. Таким образом, стремления центральной власти и региональных элит по расширению лагерной системы для реализации форсированной индустриализации совпадали [31].

Имеющиеся исследования новостроек 1920–1930-х гг. опровергают утверждение С. Коткина о принципиальном различии советских городов и мест заключения: «ИТК была лагерем для преступников, а отнюдь не социалистическим городом, пусть даже с изъянами» [18, с. 292]. Большинство новых советских городов неразделимы с ИТК/ИТЛ – их история начинается с создания колонии заключенных. В частности, согласно статистике, приводимой Л.А. Максимовой, 7 из 10 городов современной Республики Коми построены заключенными, в 1930–1940-е гг. прирост их населения происходил за счет увеличения контингента колоний и лагерей, долгое время бараки заключенных являлись частью городского пространства, а заключенные составляли до 90 % городского населения. Более того, облик таких городов определялся не только природно-климатическими условиями, политикой высшей власти, но и субъективным мнением начальника ИТК/ИТЛ, а также возможностями архитекторов-заключенных, которых он привлекал к проектированию [20, с. 870, 872–873, 875]. Изучая «амбициозные замыслы плановиков ГУЛАГа» на Европейском Северо-Востоке, Л.А. Максимова показывает непоправимые последствия лагерной индустриализации, преступное отношение к природе и людям (в т. ч. к талантливому ученому) [19, с. 70]. Неслучайно В. Подорога, анализируя творчество В. Шаламова, акцентирует внимание на его образе ГУЛАГа как мира анти-природы [24, с. 160–161].

В 1930-е гг. современникам событий – уральцам, как и жителям других регионов СССР, чрезвычайно трудно было понять причины массовых арестов и суровых приговоров. Однако осознание опасности, угрожавшей каждому, приводило

к постоянным размышлениям и поиску ответа. Пытаясь разобраться в ситуации, они воспринимали версии, распространяемые официальной пропагандой, весьма своеобразно. Несмотря на то что материалы печати и радио, документальные фильмы о показательных процессах содержали «убедительные доказательства» преступной деятельности «контрреволюционных», «диверсионных» и «шпионских» организаций, многие современники высказывали иные точки зрения.

Одним из наиболее распространенных объяснений происшедших событий было предположение о стремлении власти получить таким образом рабочую силу, необходимую для строительства новых предприятий и освоения отдаленных районов страны. Так, согласно данным Челябинского обкома ВКП(б), П.М. Мясоедов (зав. отделом народного питания Усть-Катавска) и И.А. Ширяев (рабочий Усть-Катавского завода) открыто заявляли, что «судят людей зря, чтобы иметь бесплатных рабочих», что «построили тяжелую промышленность страны на “принудиловцах”» [11].

Обсуждая начавшиеся аресты, люди высказывали предположения о новых подобных мероприятиях власти. Некоторые из уральцев, как, например, Н. Пархачев (зав. здравотделом, г. Камышлов), говорили: «Нужны будут люди построить еще один такой канал, как Москва – Волга» [1]. О достаточно широкой распространенности таких представлений свидетельствует случай, произошедший в 1937 г. в г. Нижняя Салда. Во время ареста счетовод А. Постыляков заявил сотрудникам НКВД: «Нашли “врага народа”... Давайте, ведите меня, где у вас снова открылся канал» [5]. В. Ефимов, студент Уральского индустриального института, при новом аресте студента из своей группы выразил опасения, если «пришьют, как и тем трем огурчикам, 58-ю, и поедет наш Иван на Волго-Дон» [4].

В серии анекдотов об анекдоте как причине ареста и обвинения великие стройки также упоминались. В частности, в одном из них воспроизведен диалог встретившихся знакомых: «Знаешь анекдот?» – «А ты знаешь, кем построен Беломорканал?» – «Нет». – «Анекдотчиками» [22, с. 35].

В Уральском регионе в условиях форсированной индустриализации подобная интерпретация событий была

особенно объективной и подтверждалась повседневной реальностью. Неофициальный фольклор отразил эту ситуацию. На новостройках пели – среди прочих – такую частушку:

*Советские правители
До чего доправили –
Весь молоденькой народ
На Урал отправили [10].*

Однако многие осознавали это лишь после долгих лет заключения. М. Шангин, осужденный в 16 лет, наблюдая за настроением других заключенных, сделал вывод: большинство людей, вначале надеявшихся на то, что «Сталин узнает и всех освободит», с течением времени рассматривали произошедшее не как ошибку, а как заранее спланированную, продуманную акцию произвола. Вспоминая собственные ожидания и отражая надежды находившихся в лагере рядом с ним людей, отметил: «Только в 1939 г. все убедились – никакого пересмотра дел не будет... [Сталину] нужны были миллионы дешевых рук задавленных, сломленных, безропотных роботов, потом и кровью которых он укрепит свой режим» [28, с. 204].

Великие стройки являлись для большевиков не только местом «перековки» людей, но и символом покорения природы. Большинство новостроек открывалось в труднодоступных районах Севера, Урала и Сибири. Раскулаченные крестьяне, сосланные в Свердловск, Первоуральск, Нижний Тагил и другие места строительства новых предприятий, воспринимали окружающее пространство с тревогой: «густая тайга», «темные леса» вдали от родной земли усугубляли их положение, обостряли чувство несправедливого наказания. В стихотворении «Немыслимая доля», изъятном во время ареста у Ивана Дубаневича (1904 г.р.), перебежчика из Виленской губернии Польши, описание вызывающей опасения природы рифмуется со строками о голодной жизни, неволе и безвинном страдании ссыльных: «Юные малые дети / скитаются с ними в тайге, / Их мысли как ласточки вьются / о далекой родной стороне». В заключительном четверостишии автор обратился с мольбой к современникам: «Послушайте, добрые люди, / О нашей несчастной судьбе / Почему вы от нас отказались? / Возьмите обратно к себе» [2].

В тексте «плача» девушки, предлагавшей своей подруге уехать домой, гудок символизирует жестокий мир стройки/завода, вызывающий желание вернуться к родной матери:

*Стань-ко, маменька, поране
И послушай на заре:
Не твоя ли дочка плачет
На чужой на стороне.
На чужой на стороне
Солнышко не греет,
На чужой на стороне
Никто не пожалеет [9].*

Индустриальные гиганты являлись особой гордостью большевиков и символом превосходства социалистической экономики. Согласно официальной идеологии, мелкие предприятия, мастерские, кустарные промыслы объявлялись пережитками прошлого. Однако как официальные документы, так и источники личного происхождения свидетельствуют о преобладании в процессе советской индустриализации негативных тенденций, отрицающих даже формальные характеристики модернизации. Одна из них – преобладание на новостройках и предприятиях ручного труда. О параллельном существовании новейшей техники и азиатских методов труда говорил открыто в 1930 г. на партийной конференции секретарь Уралобкома И. Кабаков; в 1934 г. народный комиссар Г.К. Орджоникидзе назвал «египетской работой» увиденное им строительство тоннеля на Уралвагонзаводе [12]. На совещании у наркома тяжелой промышленности 14 марта 1936 г. отмечалось, что даже на авиационных заводах ручной труд составляет 90 % [13]. Исследователи современной российской исторической политики отмечают постоянное применение в разных текстах слов «раб» и «рабский» для характеристики положения узников ГУЛАГа и даже прямых сравнительных аналогий с античным рабством [14, с. 26–28].

Дискурс покорения природы и грандиозности новостроек был характерен даже для ходатайств, направляемых заключенными из лагерей. В частности, бывший главный инженер Половинкинского рудоуправления И.Ф. Сидоркин

в своем письме в НКВД акцентировал внимание на трех аспектах своей жизни в 1930-е гг.: успешной работе шахты, провокационных методах следствия и несправедливости обвинения, а также строительстве Воркуты, в котором он принимал участие как заключенный: «Соревнование с другими наиболее передовыми странами волновало меня, и каждому успеху своей страны я радовался, как и на воле. Это обстоятельство помогло мне легче переносить условия жизни в лагере». Он признавал, что «чувство нужности, возможность бесправному человеку участвовать в великом строительстве» компенсировали тяжесть труда и моральные страдания [3].

Трудовые подвиги и самоотверженность воспринимались как высшая форма советского патриотизма, сознательности и социальной активности. Как правило, герои, образы которых создавала официальная пропаганда, отличались оптимизмом, верой в возможность новых достижений. Несмотря на чрезвычайные ситуации, постоянные угрозы аварий советские специалисты и рабочие испытывали гордость и радость от результатов своего труда, достигнутых вопреки всем препятствиям. Власть прагматично использовала энтузиазм передовиков производства и их показатели – для увеличения норм выработки в отрасли. Кроме того, добившись рекорда, они должны были оставаться примером для других, не имея возможности реализовать свои жизненные планы. Передовики на предприятиях так же зависели от распоряжений своего директора, как и заключенные от начальника лагеря или поселенцы – от коменданта спецпоселка. Некоторые из них, стремившиеся к знаниям и занимавшиеся на курсах после напряженной работы, как мастер-орденоносец В. Шевчук (ММК), с сожалением констатировали: «Учусь, начал усиленно заниматься – хочу в Промакадемию. Пока не пускают» [7]. Оператор блюминга ММК П. Огородников (1910 г.р.) более жестко выразил степень своей несвободы: «Мне бы хотелось, чтобы меня послали учиться, чтоб стать техником или инженером, а у нас этого нет... У нас – ни шагу, ни передвижения – ничего, работай как вол» [6].

И. Калинин, акцентируя внимание на дискурсивном аспекте формирования «советского субъекта» и усилении его культурной

колонизации через принуждение к письму и речи, завершил свое исследование выводом: террор 1930-х гг. стал трагической формой исторического признания нового человека [17, с. 41]. Использование принудительного труда заключенных на всех «великих стройках» СССР в годы первых пятилеток и позднее следует рассматривать как логическое продолжение радикального метода «колонизации колонизаторов» – романтические идеи о строительстве социализма, вдохновлявшие как участников революционного движения, так и представителей первых советских поколений, многие из них могли реализовать на огромных пространствах Севера, Урала и Сибири, будучи причислены к категории «врагов народа»¹.

Список источников и литературы

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААО СО), ф. 1, оп. 2, д. 17208, л. 5.
2. ГААО СО, ф. 1, д. 20519, л. 10.
3. ГААО СО, ф. 1, оп. 2, д. 17554, т. 30, л. 86–92.
4. ГААО СО, ф. 1, оп. 2, д. 20790, т. 2, конверт.
5. ГААО СО, ф. 1, оп. 2, д. 20883, л. 7.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7952, оп. 5, д. 312, л. 11.
7. ГАРФ, ф. 7952, оп. 5 д. 313, л. 139.
8. ГАСО – Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. Р-318, оп. 1, д. 13, л. 88.
9. ГАСО, ф. Р – 2266, оп. 1, д. 61, л. 26.
10. ГАСО, ф. Р. – 2266, оп. 1, д. 153, л. 109.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 71, д. 61, л. 14
12. РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 79, л. 1.
13. РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 128, л. 44.

¹ Некоторые аспекты инверсии позитивного и негативного в конструировании советского человека в условиях политических репрессий 1930-х гг. рассмотрены в статье: *Быкова С.И.* Советский патриот как «враг народа»: дилемма личностной и официально заданной идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 35. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 77–94.

14. Гизен А., Завадский А., Кравченко А. Между рабским трудом и социалистическим строительством // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 6 (142). – С. 26–44.
15. Грэхэм Л. Призрак казненного инженера. Технология и падение Советского Союза. – СПб., 2000. – 186 с.
16. Даниэль А., Флиге И. Тачка, кирка, лопата: концепции музейной подачи принудительного труда // История сталинизма. Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память. – М., 2013. – С. 384–396.
17. Калинин И. Становление советского субъекта: колонизация колонизаторов // Транслит. Литературно-критический альманах. – 2012. – № 10-11. – С. 30–41.
18. Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. – Самара, 2001. – С. 271–342.
19. Максимова Л.А. Индустриальные проекты ГУЛАГа: методы достижения и результаты (на материалах Европейского Северо-Востока) // «Великий перелом» и его последствия: материалы XII науч. конф., г. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. – М., 2020. – С. 70–79.
20. Максимова Л.А. Социалистический город: планы и реальность (на материалах Европейского Северо-Востока) // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: материалы X междунар. науч. конф., г. Москва, 5–7 декабря 2017 г. – М., 2018. – С. 867–876.
21. Меерович М. СССР как мегапроект // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации / под ред. О.В. Горбачева, Л.Н. Мазур. – Екатеринбург, 2018. – С. 28–39.
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998. – 704 с.
23. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие-время-любовь. – М., 2013. – 526 с.
24. Подорога В. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное Зло. – М., 2017. – 268 с.
25. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае. 1929–1953 гг. – М., 2010. – 421 с.

26. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М., 2012. – 960 с.

27. Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза / пер. с англ. Р. Ибатуллина. – М., 2022. – 472 с.

28. Шангин М. Дороги // Завещание / сост. Ю.А. Дорохов, В.Н. Черных. – Свердловск, 1989. – С. 195–253.

29. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. – М., 2013. – 448 с.

30. Эткинд А.М., Уффельманн Д., Кукулин И.В. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология. – 2013. – № 2. – С. 31–52.

31. Harris J.R. The Great Urals. Regionalism and the Soviet System. – Ithaca and London : Cornell University Press, 1999. – 235 p.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАГЕРЕЙ ГУЛАГА С 1930-х гг.
ПО 1953 г.**

*Воробьева Екатерина Евгеньевна
научный сотрудник
исторического факультета,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
Москва
eev115@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена трансформации экономической деятельности лагерей ГУЛАГа с момента становления системы в 1930-х гг. до ее масштабного реформирования в 1953 г., когда в результате амнистии, изменения строительной программы и системы подчинения лагерей были свернуты работы на двадцати крупных объектах, что совместно с заметной убылью заключенных повлекло за собой прекращение деятельности одних лагерей и перепрофилирование других. Использование условно бесплатного и неквалифицированного труда на предприятиях ГУЛАГа на основе принудительных методов в 1930-е гг. способствовало развитию и наращиванию масштабов системы, а к началу 1950-х гг. высветило невозможность решения стоящих перед главком задач и потребовало экстренного реформирования, после которого система уже не смогла оправиться и перестала существовать в 1960 г.

Ключевые слова: ГУЛАГ, принудительный труд, лагерная экономика, реформирование.

TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE GULAG FROM THE 1930^S TO 1953

Ekaterina Vorobyova

research associate,

faculty of history, Lomonosov Moscow State University,

Moscow

eev115@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the transformation of the economic and industrial activities of the GULAG from the beginning of the formation of the system in the 1930s to the period of its large-scale reform in 1953, when, as a result of amnesty, changes in the Construction program and in the system of subordination of the camps, work was stopped at 20 large facilities. At the same time, there was a strong reduction in the number of prisoners, which led to the termination of the activities of some camps and the conversion of others. After the 1953 reforms, the system was unable to restore its former scale and was destroyed in 1960.

Keywords: GULAG; forced labor; camp economy; reforming.

В основе концепции первых лагерей ГУЛАГа лежала изоляция опасных преступников от общества, поэтому первые исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) начали появляться на окраинах страны, а трудоустройство заключенных не было их приоритетной задачей. Однако уже в середине 1930-х гг. ядром экономики ГУЛАГа стали крупные стройки, горнодобывающие комплексы и лесная промышленность, требовавшие массового применения неквалифицированного труда нередко в экстремальных климатических условиях.

Говоря о развитии экономики ГУЛАГа, стоит отметить, что, несмотря на заметный рост числа ИТЛ в начале 1930-х гг., численность спецпереселенцев, состоящих в основном из крестьян, в этот период в несколько раз превышала число заключенных лагерей. Так, например, в 1930–1931 гг. в ссылку было отправлено 1 803 392 чел., а количество заключенных в лагерях составляло 268 700 человек [1, л. 47]. К концу первой пятилетки спецпереселенцы обеспечивали на Урале 80 % всех лесозаготовок и около 60 % добычи угля и руды.

*Рис. 1. Количество заключенных в лагерях ГУЛАГа в 1934–1940 гг.
Составлено по данным [8]*

Расширение экономической деятельности НКВД помимо прочего было вызвано тем, что в его ведение передавались стройки и предприятия, подчинявшиеся ранее другим ведомствам (например, Соликамский сульфитно-целлюлозный завод из ведения Наркомлеса, Архангельский судостроительный завод из ведения Наркомата тяжелой промышленности, Североникель из ведения Наркомата цветной металлургии и др.). Уже в 1930-х гг. на промышленных объектах ГУЛАГа начинают активно использовать смешанный состав рабочей силы, когда вольнонаемные сотрудники (которых на тот момент было в 4–6 раз меньше) соседствуют с заключенными. В дальнейшем доля вольнонаемных специалистов будет увеличиваться.

На начало 1940-х гг. система ГУЛАГа включала в себя уже 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1 % всей товарной продукции ГУЛАГа), лесозаготовка (16,3 % от общего объема), топливная промышленность (4,5 %) и капитальное строительство (11 % от всех капиталовложений СССР). А удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общегосударственном объеме составлял определяющую долю.

Так, например, на предприятиях НКВД выпускалось никеля – 46,5 %, олова – 76 %, кобальта – 40 %, хромовитой руды – 40,5 %, золота – 60 %, лесоматериалов – 25,3 % от общесоюзных значений [6, с. 31].

Великая Отечественная война внесла серьезные коррективы в деятельность ГУЛАГа: изменились количество и дислокация лагерей, количество заключенных, производственная программа и даже кадровый состав.

Военное время очертило две тенденции в функционировании лагерной экономики:

1. Сокращение количества заключенных, что было вызвано, с одной стороны, военными амнистиями, а с другой – высоким уровнем смертности (особенно в 1942 г.) (рис. 2).

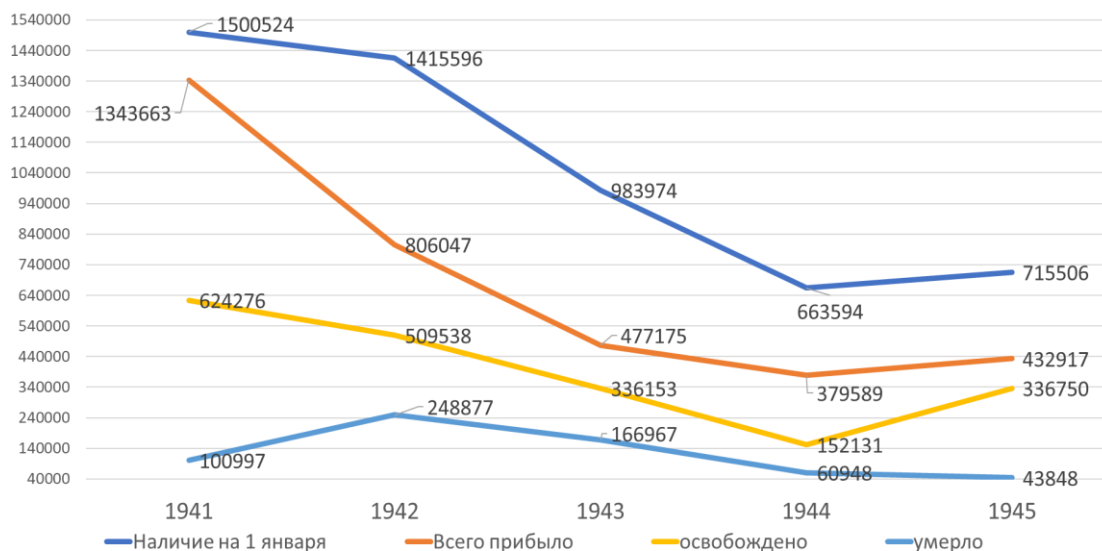

Рис. 2. Движение заключенных ИТЛ в 1941–1945 гг. Составлено по данным [8]

2. Ужесточение режима для оставшихся в лагерях заключенных (перевод лагерей на военное положение, создание фильтрационных лагерей для военнопленных, возвращение каторги).

Существенным изменениям за годы войны подвергся и кадровый состав ГУЛАГа. 117 тыс. основных лагерных работников были мобилизованы, а им на смену пришли женщины, старики и инвалиды (в августе 1944 г. штаты были укомплектованы лишь на 85 %). При этом от довоенного

кадрового состава ГУЛАГа осталось только 22 %, остальные 78 % сотрудников имели стаж работы в органах НКВД менее трех лет [9]. Некомплект рядового состава и младших командиров ВОХР составлял 6,6 тыс. человек [5, с. 283]. Логичным последствием некомплекта охраны и замены мобилизованных на людей без опыта работы в ГУЛАГе стало резкое увеличение количества побегов заключенных, особенно бандитов и рецидивистов, и падение показателей выработки.

Всего за годы войны было расформировано 69 ИТЛ и вновь организовано 40 ИТЛ [5, с. 272, 274]. По состоянию на 1 декабря 1944 г. система ГУЛАГа насчитывала 53 ИТЛ и 475 исправительно-трудовых колоний (ИТК).

За годы войны под воздействием снижения количества ИТЛ и лагерного контингента, а также стоящих перед государством задач существенно изменилась общая структура капиталовложений НКВД. По сравнению с довоенным периодом заметно уменьшилась доля железнодорожного, шоссейного и особенно гидротехнического строительства. Однако за счет этого произошло увеличение участия наркомата в строительстве предприятий черной и цветной металлургии, топливной промышленности, а также аэродромов. Военные потребности обусловили перепрофилирование многих промышленных предприятий ГУЛАГа на выпуск боеприпасов, обмундирования и т. п. [7, с. 73]. Сложно переоценить роль ГУЛАГа в поддержке экономики в годы Великой Отечественной войны, главку удалось быстро переориентироваться на новые первостепенные задачи.

За годы войны на стройки и в ИТЛ НКВД были направлены свыше 2 млн заключенных. Большинство из них работало:

- на строительстве железных дорог – 448 тыс.,
- в лесной промышленности – 320 тыс.,
- в промышленном строительстве – 310 тыс.,
- в аэродромном и шоссейном строительстве – 268 тыс.,
- в горно-металлургической промышленности – 171 тыс. человек [5, с. 276].

При этом особое внимание уделялось строительству авиационных заводов в Куйбышеве, металлургических комбинатов в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске и других городах, Богословского алюминиевого завода, Северо-Печорской

железнодорожной магистрали, стратегической железной дороги Саратов – Сталинград, железной дороги Комсомольск – Совгавань и нефтеперегонного завода в Куйбышеве [4, с. 155]. Также следует отметить важную роль заключенных ГУЛАГа в строительстве оборонительных рубежей на начальном этапе войны.

После же окончания войны казалось, что экономическая значимость ГУЛАГа будет постепенно снижаться. Даже в производственных планах НКВД на четвертую пятилетку (1946–1950 гг.) предусматривалось сокращение рабочей силы из числа заключенных и пропорциональное сокращение строительных и производственных планов. Однако по факту, в результате развертывания холодной войны и усиления репрессий, количество заключенных после войны существенно увеличилось [11, с. 463].

Война стала причиной одной из важнейших перемен в лагерной системе СССР. Она изменила контингент ГУЛАГа. Если раньше «политические» заключенные в лагерях составляли порядка 15 %, то теперь, по данным на 01.07.1946, осужденных за контрреволюционные преступления насчитывалось более 35 % [11, с. 465], причем в некоторых лагерях доля осужденных по политическим статьям была заметно выше, доходя иногда до половины всех заключенных (аналогичная ситуация сложится в ИТЛ после амнистии 1953 г., которая не затронет «политических», тем самым накалив ситуацию в лагерях). А к окончанию войны это были или люди, прошедшие войну, или жители оккупированных территорий, или осужденные по 58-й статье еще до войны, но не освобожденные во время военных амнистий. Здесь же стоит упомянуть о специфическом послевоенном контингенте, пополнившим ГУЛАГ: пособниках нацистов, членов ОУН-УПА, власовцах, РОНА и других, явно выражающих недовольство советской властью и готовых защищать свои интересы. Очевидно, что такое изменение в структуре лагерного контингента не могло не отразиться на производственных показателях.

Тем не менее вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. – это период расцвета лагерной экономики. Система работала на максимуме своих возможностей, что позволило высветить все

ее недостаткам, копившимся на протяжении долгого периода существования системы.

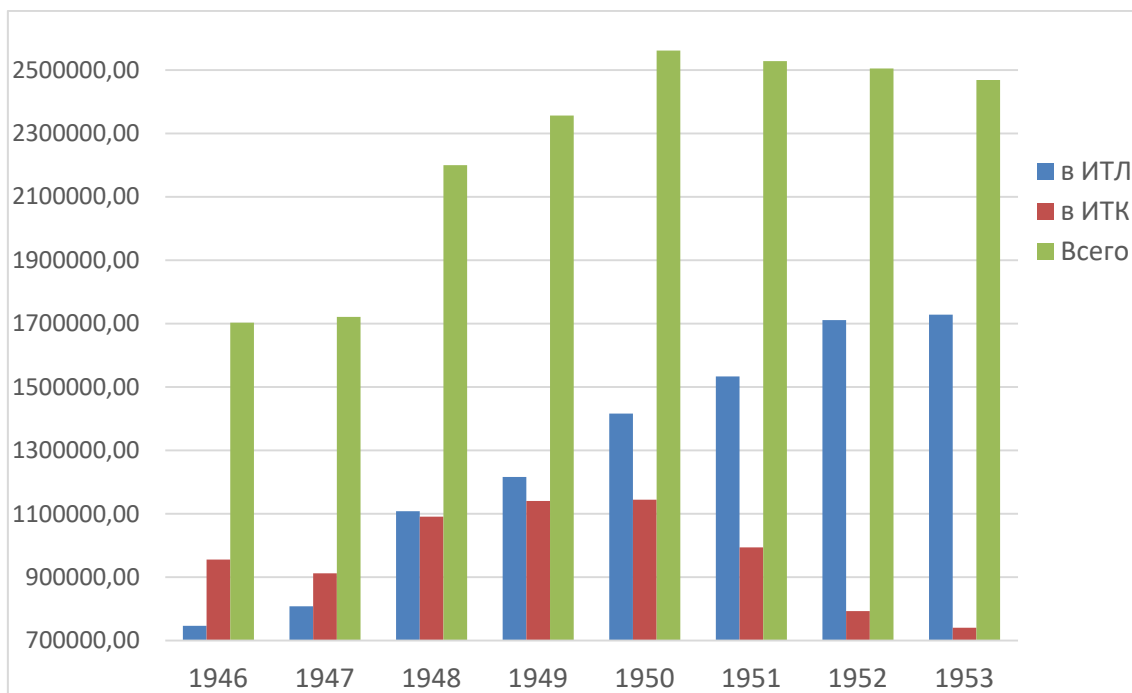

Рис. 3. Численность заключенных ГУЛАГа с 1946 по 1953 гг. (по состоянию на 1 января каждого года). Составлено по данным [8].

Во-первых, конец 1940-х – это постоянное увеличение численности заключенных (рис. 3), с которым система перестала справляться. В отчетах руководителей лагерей неоднократно отмечается, что заключенным не хватает работы, увеличивается количество простоев, производительность труда падает, издержки растут.

Однако за счет экстенсивного наращивания подневольного труда производственные показатели продолжали расти. В 1949 г. МВД выпустило промышленной продукции почти на 20 млрд рублей. На его долю приходилось 100 % добычи платины, слюды, алмазов, более 90 % золота, свыше 70 % олова, 40 % меди, свыше 35 % сажи, 33 % никеля, 13 % леса. Валовая продукция промышленности МВД СССР в 1949 г. составляла более 10 % общего выпуска продукции в стране [9].

К началу 1953 г. в СССР было 166 лагерных комплексов, подчинявшихся 16 производственным главкам и управлениям [7, с. 63], однако эта огромная система работала неэффективно.

Исследователи лагерной экономики отмечают, что в ГУЛАГе всегда было больше заключенных, чем требовалось для обслуживания крупных приоритетных объектов [7, с. 81], а стоимость содержания условно бесплатного заключенного (которое помимо питания и вещдовольствия включало в себя затраты на охрану, аппарат лагерей и т.д.) была выше зарплаты вольнонаемного работника. Например, по Волгодонстрою в 1949 г. стоимость содержания одного заключенного составляла 470 руб. в месяц, а стоимость произведенной им продукции – 388 руб. [10].

Во-вторых, усложнялись технические задания, поручаемые ГУЛАГу. Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов в одном из выступлений отмечал: «Мы должны понимать, что базировать ряд отраслей народного хозяйства, которые находятся в министерстве, только на заключенных нельзя... Когда у нас была валовая работа, земляные работы, тогда нужны были заключенные, а сейчас мы имеем дело с первоклассной техникой» [Цит. по: 9].

Проблема заключалась в том, что основные методы регулирования экономической деятельности лагерей, выработанные в 1930-е гг., оставались неизменными на протяжении 20 лет, что в условиях изменяющихся реалий к началу 1950-х гг. привело к кризису системы. В данном случае мы наблюдаем явную зависимость от изначально намеченной траектории развития системы – эффект колеи, не позволявший предприятиям ГУЛАГа стать более рентабельными, поскольку вопросы обеспечения безопасности, перевоспитания и охраны заключенных вступали в конфликт с экономической составляющей деятельности лагерей.

Поэтому сразу после смерти Сталина начинается реформирование громоздкой и нерентабельной системы. Помимо крупномасштабной амнистии, в результате которой в течение трех-четырёх месяцев были освобождены более 1,2 млн заключенных (осужденные на срок до 5 лет за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, а также беременные женщины и женщины, имевшие малолетних детей, несовершеннолетние, пожилые мужчины и женщины, больные, страдающие неизлечимыми недугами), было резко сокращено количество лагерей и у многих из них изменился профиль

деятельности. Если к началу марта 1953 г. действовало или находилось в стадии организации 175 ИТЛ, особых лагерей и отдельных лагерных отделений, то к началу мая 1953 г. их число сократилось до 81, а к концу года – до 68 единиц.

В соответствии с изменением организационной структуры ГУЛАГа менялась и отраслевая структура лагерного производства. В начале 1954 г. из 68 существовавших лагерей заключенные 42 ИТЛ (т. е. 62 %) были заняты в лесной промышленности, на строительстве «атомных» и других военных объектов, в системе Дальстроя.

Рис. 4. Распределение рабочей силы из числа заключенных на 1 января и 1 июля 1953 г. Составлено по данным [2, л. 8]

По сравнению с началом 1953 г. резко сократилось число лагерей, занятых на строительстве объектов химической промышленности, железных дорог, в золотодобыче и гидротехническом строительстве. Полностью были ликвидированы лагеря, специализировавшиеся на гражданском и промышленном строительстве. Соответственно, труд заключенных полностью перестал применяться на предприятиях химической промышленности, на изготовлении промышленных стройматериалов, строительстве шоссейных дорог и в целом на предприятиях Министерства строительства СССР. Почти в два раза сократилось трудоустройство заключенных на строительстве гидротехнических сооружений, что напрямую было связано с принятием постановления «Об изменении

строительной программы 1953 года», которое свернуло строительство Главного Туркменского канала, самотечного канала Волга – Урал, Волго-Балтийского водного пути, а также гидроузлов на Нижнем Дону и Усть-Донецкого речного порта [5, с. 789]. Заметное сокращение доли заключенных наблюдается и на специальном и железнодорожном строительствах, а также в нефтяной промышленности. Зато существенно выросла доля заключенных, занятых на объектах лесной и угольной промышленности, а также на предприятиях цветной металлургии, поскольку эти отрасли все еще могли базироваться на большом количестве ручного низкоквалифицированного труда.

Таким образом, экономика ГУЛАГа формировалась и наращивала обороты в 1930-е, успешно показала себя в годы войны и при послевоенном восстановлении экономики, достигнув своего пика к началу 1950-х, а потом захлебнулась в собственном масштабе, будучи неспособной справиться с поставленными задачами в силу того, что реалии менялись, а система оставалась прежней. Попытки реформирования системы не привели к росту производительности труда заключенных, а, наоборот, вызвали нарастание недовольства и обострили проблемы, копившиеся на протяжении 30 лет функционирования ГУЛАГа, что в конечном итоге стало первым и главным шагом на пути его ликвидации в 1960 г.

Список источников и литературы

1. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 4055. Л. 47.
2. ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1398. Л. 8.
3. Бердинских В.А., Меньковский В.И. ГУЛАГ: идеология и экономика принудительного труда в XX веке. – Сыктывкар, 2017. – 132 с.
4. Бородкин Л.И. ГУЛАГ в годы войны // Россия и современный мир. – 2016 – № 1. – С 148–158.
5. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2002. – 885 с.
6. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои: (Россия – по дороге фанатизма и мученичества) / под ред. И.В. Добровольского. – М.; СПб., 1998. – 174 с.

7. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН, 2008. – 320 с.

8. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – 1991. – № 6/7. – URL: https://scepsis.net/library/id_937.html (дата обращения: 29.01.2023).

9. Иванова Г.М. ГУЛАГ: государство в государстве // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал [Электронный ресурс] : в 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева; Рос. гос. ун-т. – М., 1997. – URL: <http://you1917-91.narod.ru/ivanova.gulag.html> (дата обращения: 29.01.2023).

10. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в. [Электронный ресурс] : сб. материалов Всерос. науч. конф., г. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. – URL: https://www.ntspi.ru/about_academy/science/scientific_problem_laboratories/lab_3/Ученый%20и%20его%20школа/book/038.html#_ftn1 (дата обращения: 29.01.2023).

11. Эплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина большого террора. – М. : АСТ, 2016. – 688 с.

КУНГУРСКИЙ ЭКСКАВАТОРНЫЙ. ОТ УЧЕБНЫХ МАСТЕРСКИХ ДО ЗАВОДА МАШИНОСТРОЕНИЯ

Елтышева Лариса Юрьевна
зав. отделом истории,
Кунгурский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник,
Кунгур
Larisa-1408@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается история Кунгурского экскаваторного завода.

Ключевые слова: учебные мастерские, школа-завод, квалифицированные кадры, экскаваторы.

KUNGUR EXCAVATOR PLANT. FROM TRAINING WORKSHOPS TO A MACHINE-BUILDING PLANT

Larisa Yeltysheva
head of the department of history,
MBUK "Kungur Historical, Architectural
and Art Museum-Reserve",
Kungur
Larisa-1408@yandex.ru

Abstract. The article discusses the history off the Kungur Excavator Plant.

Keywords: training workshops, factory school, qualified personnel, excavators.

Кунгурский экскаваторный завод создан в 1933 г. на базе мастерских Кунгурского технического, Губкина, училища, открытого на средства почетного гражданина г. Кунгура, купца А.С. Губкина в 1877 г. В двухэтажном флигеле, пристроенном

к главному зданию училища, площадью 193 кв. сажень, были помещены учебные мастерские, в которых учащиеся проходили производственную практику.

На первом этаже находились мастерские: слесарная и токарная по металлу со слесарными столами и тисками, с 16 ножными токарными станками, с 5 ручными сверлильными станками, приводимыми в движение паровым двигателем, другие станки – сверлильный, долбежный, строгательный, точильный [15, с. 321]. На втором этаже – столярная, токарная, резная по дереву с 20 верстаками, с 9 ножными токарными по дереву станками, с 2 станками для распиловки дерева, приводимыми в движение паровым двигателем. Во дворе, в продолжение этого флигеля, находилось помещение для паровой 15-сильной машины и парового котла, выписанных из Англии, паровой, литейной, кузницы с двумя двухсторонними горнами и химической лаборатории. В учебных мастерских изготовлялись сенокосилки, молотилки, сеялки, токарные, сверлильные и другие станки, разные технические приспособления: ручные и столовые тиски, разводные гаечные ключи, висячие и дверные замки и другая продукция. Все это оборудование, станки использовались впоследствии на предприятии более века, составляя производственную основу экскаваторного и машиностроительного завода. Ежегодный доход от продажи изделий мастерских достигал 3500 руб. [12, с. 462].

К 1907 г. училище окончили и работали 414 человек по следующим специальностям: механики и мастера механических заводов, мастера пароходостроения и их эксплуатации, мастера железнодорожных мастерских, техники земских управ, управляющие, помощники и смотрители железнодорожных заводов, учителя и заведующие низшими ремесленными школами, учителя городских училищ, машинисты и помощники на железных дорогах и пароходах, техники по строительству железных дорог, заведующие электростанциями и др. Многие продолжали учебу в высших учебных заведениях в России и за рубежом [13, с. 460]. Большое значение для фронта в годы Первой мировой войны имели поставки военной продукции. Учебно-производственные мастерские Кунгурского технического, Губкина, училища выполняли военные заказы.

Слесарно-токарные мастера К.М. Картышев и А.Д. Порозов ездили на Пермский пушечный завод, где познакомились со способами изготовления частей снарядов, делали съемку чертежей. Вследствие военно-промышленной мобилизации мастерских училища с 17 августа 1915 г. здесь приступили к выполнению военных заказов. С начала войны некоторые мастера мастерских были призваны в армию. Для работы в мастерских по выпуску военной продукции привлекались ученики старших классов технического училища. Изготавливали трехдюймовые головки для снарядов, диафрагмы для шестидюймовых и 48-миллиметровых шрапнелей из готовых стальных болванок, поступающих с Пермского пушечного завода, патроны, ручные гранаты образца 1914 г., чугунные снаряды к бомбомету. Получен был также заказ на изготовление образцов кинжала для пехотных частей. Было изготовлено 450 запасных деталей для 15 токарно-винторезных станков. На снарядах, выпускаемых мастерскими технического училища, ставилось клеймо «КУ». В 1915 г. мастерскими технического училища было изготовлено военной продукции на сумму 5 245 руб. [4, с. 16, 22]. До 1919 г. эти мастерские были исключительно учебными, в них обучалось до 150 человек.

В годы Гражданской войны оборудование мастерских технического училища было эвакуировано частями белой армии в Красноярск. После Гражданской войны мастерские технического училища были сильно разрушены. В 1919 г. в мастерских со штатом 13 человек было 10 неработающих станков по металлу, кузница в два горна, чугунно-литейная мастерская. В 1923 г. в мастерские техникума передали оборудование из национализированных частных механических заведений Сычева и Мозжерина. Поступили необходимые, сильно изношенные и требующие ремонта станки и с других заводов. Все это пришлось восстанавливать за счет средств от выполнения заказов. Чинили механическое оборудование для заводов, сельскохозяйственные машины и орудия, нефтяные двигатели. Наладили производство токарных и строгальных станков для обработки металла, оборудования для мельниц, маслобоен, лесопильных и кожевенных заведений, чугунного и медного литья. Рабочие мастерских, общим штатом 13 человек, выполняли помимо

учебных целей работы по ремонту сельхозинвентаря для района и оборудования заводов района. В мастерских изготовили часть оборудования для первой в Кунгурском районе Полетаевской ГЭС. Всего в 1923 г. было выпущено продукции на сумму более 12 тыс. рублей, в мастерских работало более 60 человек [10, с. 2–3].

В 1923 г. мастерскими заведовал Николай Петрович Тимшин (1893–1957), уроженец г. Кунгура, выпускник Кунгурского технического, Губкина, училища 1912 г. со званием «мастер по машиностроительному делу» [5, с. 143]. Он работал по специальности на Русско-Балтийском вагонном заводе в г. Риге, заведовал испытательной станцией нефтяных двигателей. В феврале 1915 г. мобилизован в 153-й запасной пехотный полк в г. Кунгуре и был командирован в Казанское военное училище, откуда вышел через 4 месяца прапорщиком. На фронт отправлен не был, так как состоял на особом учете, как имеющий техническое образование. В 1916 г. был командирован в г. Ораниенбаум, в распоряжение начальника офицерской стрелковой школы. Пройдя курс оружейного дела, был назначен оружейным мастером-инструктором в школу оружейных мастеров. В феврале 1918 г. был демобилизован из старой армии, вернулся в Кунгур, работал мастером на механическом заводе Сычева, в Совнархозе Кунгурского исполкома. В 1919 г. был мобилизован в белую армию. Был назначен зав. оружием 1-го Кунгурского кадрового полка. В 1919 г. в г. Красноярске сдался в плен Красной армии. Прослужил в Красной армии до 1922 г. в разных административно-хозяйственных и технических должностях [1, с. 2]. Как бывший офицер белой армии, он в 1927 г. был лишен избирательного права [14, с. 4].

В 1921 г. Кунгурское техническое, Губкина, училище было преобразовано в Кунгурский механический техникум. Н.П. Тимшин одновременно исполнял обязанности заведующего мастерскими и заведующего механическим техникумом, занимаясь его восстановлением. В 1927 г. восстановленный уже техникум дважды был намечен для перевода в Пермь и Лысьву, как расположенный в сельскохозяйственном районе и не имеющий производственной базы для практики студентов. Пришлось доказывать нецелесообразность этого перевода

и создавать свою производственную базу путем развития производственной деятельности мастерских [1, с. 3].

В 1926 г. учебно-производственные мастерские механического техникума были переведены на хозяйственный расчет и получили статус юридического лица. Общие площади двух отделений мастерских, литейного и кузнечного, занимали площадь более 282 м². Кузница была оборудована 2 горнами. В конце 1920-х гг. по плану первой пятилетки решением правительства для обеспечения квалифицированными кадрами гигантов машиностроения Урала мастерские в 1931 г. были реорганизованы в школу-завод, которая подготовила для Уральского завода тяжелого машиностроения им. Орджоникидзе 1200 квалифицированных рабочих. К 1931 г. в штате мастерских было 162 человека, из них 125 рабочих. Работали в три смены, продукции было выпущено на сумму более 320 тыс. рублей. Основной задачей предприятия стала подготовка квалифицированных кадров для Уралмашзавода. Требовалось ежегодно обучать рабочих профессиям до 1500 человек. Директором школы-завода был назначен Н.П. Тимшин, заведующий учебной частью по подготовке кадров – выпускник технического училища А.К. Шаламов. Наиболее опытные рабочие стали мастерами производственного обучения. Техническим руководителем механического цеха был назначен В.Я. Далингер [10, с. 2–3].

Далингер Владимир Яковлевич (1906–1956) родился в г. Кунгуре Пермской губернии, в семье счетовода. В 1922–1923 гг. учился на подготовительных курсах Кунгурского механического техникума, который окончил в 1926 г. Практику проходил учеником слесаря в ремонтных мастерских школы-завода. После техникума поступил на заочное отделение Уральского индустриального института [3, с. 1–2]. В 1927 г. стал членом ВКП(б). На следующий год Далингер как партийный выдвиженец по комсомольской путевке был принят на завод № 10 имени Ф.Э. Дзержинского в г. Перми в должности техника распределительного бюро сепараторного цеха. В 1927 г. он стал техническим директором завода. В 1936 г. в цехе № 2 завода произошла авария – разрыв барабана нефтеочистительного сепаратора, пострадало 5 человек. Было установлено 8 человек

виновных и арестовано несколько человек, в том числе и В.Я. Далингер. Он был арестован по обвинению в контрреволюционной организации правых на оборонном заводе № 10 им. Дзержинского. Было предъявлено обвинение по ст. 58 п. 6, 7, 8, 9 и 11 УК РСФСР. Годом ранее была арестована родная сестра Владимира Яковлевича Маргарита Яковлевна Далингер, работавшая в то время секретарем парткома одного из цехов Магнитогорского металлургического комбината. Брат Василий Яковлевич Далингер, выпускник Кунгурского машиностроительного техникума, работал конструктором в секретном «номерном» НИИ № 24 в Подмосковье. Он обращался с письмом к Верховному прокурору СССР в поддержку брата. За это его уволили с работы и отобрали военный билет. Он не сдавался и написал письмо на имя председателя Президиума Верховного Совета М.И. Калинина, а затем обратился и к самому В.И. Сталину. В марте 1940 г. В.Я. Далингер был освобожден за отсутствием доказательств вины. В годы Великой Отечественной войны генерал инженерной службы В.Я. Далингер руководил оборонным предприятием г. Молотова. Впоследствии был заместителем министра общего машиностроения СССР. Был награжден орденом Ленина [11, с. 9].

В школе-заводе обучались не только кунгуряки, но и жители близлежащих регионов. Производственный план школы-завода составлял три миллиона рублей. К концу 1931 г. штат школы-завода составлял 684 человека, из них 248 производственных рабочих. За год было отлито почти 550 тонн чугунного литья. Для такого количества обучающихся требовалось расширение производственных мастерских. С июня 1931 г. были начаты строительные работы по расширению чугунно-литейного цеха (закончены в ноябре 1931 г.) и механического цеха (закончены в феврале 1932 г.). С 1931 г. началась постройка кузнечного и модельного цехов, которая была закончена в 1932 г. В 1932 г. началось строительство специального цеха для производства разливочных машин (построен в 1934 г.), который впоследствии стал сборочным. За год в школе-заводе было отлито 1440 тонн чугунного литья, изготовлено 140 строгальных станков «Шепинг», 135 токарно-винторезных. Предприятие выпускало большой ассортимент продукции, часть которой шла на оборудование собственных мастерских.

Выполнялись заказы Уралмашстроя, Лысвеннского завода, Магнитстроя, кунгурских кожзаводов, железной дороги, лесозавода им. Степана Халтурина и других предприятий. Кроме этого, на заводе производился ремонт сельскохозяйственных машин и нефтяных двигателей. К концу 1932 г. в школе-заводе работали и обучались уже 2132 человека. Поставленные перед Кунгурским механическим школой-заводом задачи были выполнены [10, с. 5].

Начало развития школы-завода как самостоятельного производственного предприятия началось в январе 1933 г., когда она по постановлению правления Всесоюзного объединения тяжелого машиностроения была передана Уралэкскаваторстрою для реорганизации ее в Кунгурский экскаваторный завод. В течение всего 1933 г. шла подготовка к изготовлению экскаваторов. Разрабатывалась технология, изготавливались инструмент, модели для литья. В Москву и другие города командируются мастера, техники-инженеры для ознакомления с экскаваторостроением. Планировалось построить новые корпуса, разрабатывался технический проект реконструкции завода. Намеревались выпускать до 150 экскаваторов в год. Было запланировано более 200 тыс. рублей на производственные работы. Попову, директору лесозавода им. Степана Халтурина, было приказано отпустить 500 м³ леса для строительства. Директором завода был назначен Кискеев [2, с. 16]. Однако в связи с ликвидацией Уралэкскаваторстроя эти планы осуществились не полностью. В ноябре 1933 г. по постановлению Главмашпрома завод был передан тресту «Союзпромашина» в кооперации с Костромским заводом. Технический проект реконструкции завода был перестроен. На предприятии трудилось уже более 700 человек, площадь производственных помещений составляла 4500 м³, силовая станция была с нефтяным двигателем. В 1933 г. началась реконструкция завода, открылись механический и сборочный цеха [7, с. 1–2]. В течение года в цехах продолжался выпуск прежней продукции. Дополнительно в ассортименте продукции появились товары народного потребления: плиты для очага, утюги, сковороды, формы для выпечки и т. д. В начале 1934 г. начались работы по освоению

выпуска неполноповоротного экскаватора на гусеничном ходу марки М-1ДВ с ковшом 0,35 м³.

В качестве силовой установки экскаватора служил карбюраторный керосиновый двигатель типа 1-МА мощностью 52 л.с., применяемый без всяких изменений, комплектно со всем вспомогательным оборудованием, за исключением динамо-машины, которая была заменена специальной электроустановкой для освещения. Конструкция гусениц – рамная, многоопорного типа с цепным приводом. Все механизмы экскаватора получали движение от одного трансмиссионного вала. Экскаватор имел 2 скорости передвижения: 1,34 и 3,53 км/ч; вес с оборудованием лопаты – 11,2 т; кузов – металлический. Первый кунгурский экскаватор этой марки был собран в сентябре 1934 г. В 1933–1935 гг. на предприятии растет стахановское и рационализаторское движение. В 1933 г. поступило 9 рационализаторских предложений, внедрено 2 предложения. Создавались условия для развития социалистического соревнования и повышения производительности труда. Если в 1932 г. на предприятии работало 7 ударных бригад, то уже в 1933 г. – 14 [1, с. 12].

Переход на выпуск новой продукции сопровождался значительными трудностями. Приходилось вручную рубить листовую прокат, переносить тяжелые детали. В 1934 г. было выпущено четыре машины экскаватора марки М-1ДВ, в 1935 г. – 30, в 1936 г. – 62, в 1937 г. – 72 машины. В 1934 г. директором завода становится Г.П. Кулаго, человек волевой, способный, хорошо разбирающийся в производстве. В 1935 г. в управлении треста «Союзстроймашина» состоялось совещание, определившие дальнейшие пути развития предприятия. Запланировали изготовление 30 экскаваторов и 5 паровых машин. Поставки стального литья были утверждены с Ленинградского и Костромского заводов, метизов – с Воткинского завода [10, с. 14]. В 1936 г. директором предприятия был назначен Н.И. Антонов, главным инженером – Н.С. Давыдов. Руководителями конструкторского бюро были П.П. Просвирнов, Яровой, Долбунов, Аксенов, Литвинков. ОТК возглавлял Чикин, сборочный цех – П.Д. Сыромятников, Степанов, Семенов, Блинов, Антуфьев, Турицин, механический цех возглавлял

А.С. Челышев, начальником литейного цеха – Труфанов, начальником снабжения и сбыта – Б.В. Молев.

Начальником технического отдела был Н.П. Тимшин. В модельном цехе работали мастера своего дела И.М. Чашин, И.М. Грязных, П.И. Шестаков.

Директор завода Антонов Николай Иванович 1879 г.р. был уроженцем г. Серпухова. Образование получил техническое. Последнее место работы перед Кунгуром – г. Одесса, директор завода. Поступил на Кунгурский экскаваторный завод в 1936 г. Н.И. Антонов был освобожден от должности директора Кунгурского экскаваторного завода в 1937 г. Формулировка увольнения в личном деле – «вызов в Москву» [8, с. 1]. В 1937 г. на Кунгурском экскаваторном заводе работали цеха: механический, сборочный, кузнечный, чугунно-литейный, модельный. Была введена в строй первая очередь заводской электростанции. На предприятии трудилось 514 рабочих, 61 ИТР, 8 учеников [4, с. 4, 8]. На предприятии начались мероприятия, направленные на улучшение труда и отдыха трудящихся. Рабочим стали выдавать спецодежду и полотенца. С 1935 г. выпускалась заводская многотиражка «Металлист», открыта библиотека специальной и художественной литературы. В здании бывшей Успенской церкви был открыт клуб «Металлист». 29 апреля 1938 г. был разбит заводской сад «Ударник» с летней сценой, зрительным залом, танцевальной площадкой, бильярдной, фонтаном [6, с. 1].

В декабре 1937 г. директором был назначен Семенов Сергей Григорьевич, 1904 г.р. С 1926 по 1927 г. служил в Красной армии. Окончил Ленинградский индустриальный институт в 1936 г. С 1935 по 1936 г. работал на Кунгурском экскаваторном заводе мастером сборочного цеха, затем – заместителем начальника цеха. 12 декабря 1937 г. назначен директором завода. В декабре 1938 г. уволен с формулировкой в личном деле – «командировка в Москву» [9, с. 1].

В 1937 г. Кунгурский экскаваторный завод приступил к освоению и выпуску новых моделей экскаваторов: универсального полноповоротного экскаватора Д-0,35м³ на гусеничном ходу и универсального полноповоротного экскаватора Д-0,25 с полным сменным оборудованием и ковшом,

на автомобильном ходу. Экскаватор М-1ДВ Д-0,35 мог оснащаться 10 видами рабочего оборудования: прямой и обратной лопатами, стругом (скиммером), засыпателем (бекфиллером), драглайном, грейфером, скребком, корчевателем, краном и копером. Универсальный неполноповоротный экскаватор Д-0,35 «Кунгурец» серийно выпускался на Кунгурском экскаваторном заводе до 1940 г. Всего за свою короткую историю Кунгурский завод выпустил 291 экскаватор. Экскаваторы с маркой Кунгурского экскаваторного завода работали на многих стройках страны – в Ленинградской, Московской, Донецкой областях, на стройках Дальнего Востока, в Березниках [1, с. 15].

В 1939 г. Кунгурский экскаваторный завод был перепрофилирован на выпуск нефтяного оборудования и, соответственно, передан из системы Главстроймаша в ведение Главнефтемаша. Он стал называться Кунгурским машиностроительным заводом, начав тем самым новую страницу своей вековой истории. В фондах Кунгурского музея-заповедника имеется более 130 единиц хранения по истории Кунгурского экскаваторного завода.

Список источников и литературы

1. Автобиография Тимшина Н.П. ККМ НА № 191.
2. Архив КМО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5.
3. Архив КМО Ф. 277. Оп. 2. Д. 84.
4. Архив КМО Ф. 288. Оп. 1. Д. 335.
5. Архив КМО Ф. 313. Оп. 1. Д. 1.
6. Архив КМО Ф. 313. Оп. 1. Д. 2.
7. Архив КМО Ф. 313. Оп. 1. Д. 488.
8. Архив КМО. Ф. 313. Оп. 2. Д. 17.
9. Архив КМО. Ф. 313. Оп. 2. Д. 31.
10. Веретенников Л.Д. Краткая история развития Кунгурского машиностроительного завода. – 1989.
11. ККМ НА № 624.
12. Журналы Кунгурской городской Думы. – Кунгур, 1907.
13. Журналы Кунгурской городской Думы. – Кунгур, 1909.
14. Искра. – 1927. – 5 февраля.
15. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 гг., пятый период, часть вторая, 1695–1701 гг. – Пермь, 1887.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС НОРИЛЬЧАН ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

*Коробенина Лариса Олеговна,
заведующий отделом
научной информации,
Музейно-выставочный комплекс
«Музей Норильска»,
Норильск
libr@norilskmuseum.ru*

Аннотация. Из строений первых пятилеток в Норильске остались единицы. В музейном сквере стоит бревенчатый Первый дом Норильска, построенный участниками геологоразведочной экспедиции 1921 г., изучавшей возможность круглый год проводить буровые работы на Крайнем Севере. В старой части города находится каменный Дом инженерно-технических работников, открытый осенью 1942 г. как культурный центр для вольнонаемных норильчан. В тени этих домов-памятников остается проживание в палатках и бараках, жилищно-бытовые условия в которых у вольнонаемного населения и лагерного контингента различались незначительно.

Ключевые слова: Норильск, Валёк, Норильские горы, Урванцев Николай Николаевич, дом, палатка, барак, сруб, строительство, дефицит, вольнонаемный, заключенный, лагерь, фанера, уголь, медь, никель, руда, гипс, бревно, камень, поселок, улица, адрес, город, зима, зимовщик, пурга.

THE HOUSING PROBLEM OF THE NORILSK RESIDENTS OF THE PRE-WAR FIVE-YEAR PLANS

*Larisa Korobenina
head of scientific information department
Museum and Exhibition Complex 'Museum of Norilsk'
Norilsk
libr@norilskmuseum.ru*

Abstract. Only a few buildings of the first five-year plans remained in Norilsk. In the museum square stands the log First House of Norilsk, built by the participants of the geological expedition of 1921, which studied the possibility of drilling operations in the Far North all year round. In the old part of the town there is a stone House of engineering and technical workers, opened in 1942 as a cultural center for civilian employees of Norilsk. In the shadow of these monumental houses, there remains living in tents and barracks, the living conditions in which the civilian population and the camp contingent differed slightly.

Keywords: Norilsk, Valek, Norilsk mountains, Urvantsev Nikolai Nikolaevich, house, tent, barracks, log house, construction, shortage, civilian, prisoner, camp, plywood, coal, copper, nickel, ore, gypsum, log, stone, village, street, address, city, winter, winterer, blizzard.

Норильском как перспективным месторождением каменного угля для снабжения топливом судов, проходящих Северным морским путем, всерьез заинтересовались сто лет назад. Первопроходцы первой четверти XX в. неделями и месяцами на себе проверяли особенности климата Крайнего Севера, искали лучшие способы обустройства и проживания на месте. В настоящее время Норильск – каменный пяти-, девяти- и двенадцатиэтажный город. Так было не всегда. На материале фактографической картотеки отдела научной информации музейно-выставочного комплекса «Музей Норильска» рассмотрим, как изменялось жилищное строительство в Норильске в годы первых довоенных пятилеток. Фактографическая картотека – это картотека фактов норильской истории. В ее основу положены документы архивов Норильского комбината и города Норильска в хронологическом порядке.

Предыстория. До 1927 г.

Если не принимать во внимание чумы аборигенного населения Таймыра, то появление постоянного жилья в районе Норильских гор связано с началом геологоразведки, когда летом 1919 г. владелец месторождений каменного угля и руды Александр Сотников пригласил в экспедицию горного инженера Николая Урванцева.

Экспедиция проработала в Норильске две недели, был установлен астропункт, составлена схематическая карта, обследованы пласты угля и горные породы.

Что касается жилищ, то на месте была одна постройка – «дудинский житель Потанин из остатков собрал себе промысловую избушку, в которой и жил несколько лет. После смерти ее владельца она пустовала и тоже наполовину развалилась» [2, с. 37]. Участники экспедиции жили в палатках (рис. 1).

Рис. 1. Панорама Норильской долины и гора Рудная. Слева направо: изба промысловика Потанина, экспедиционные палатки и астропункт. 1919 г.

В 1920 г. к Норильским горам отправилась экспедиция из 16 человек. Возглавлял ее Н.Н. Урванцев. В качестве жилища вновь предусмотрены палатки: «Много внимания пришлось уделить палаткам. Старые, порванные, они почти не защищали от комаров. Жильцы... обложили стены снизу щебнем и плотно засыпали землей. Все дыры залатали и заштопали, вход обшили вторым рядом брезента, и только тогда ночью можно было спать спокойно» [2, с. 57]. Этот же тип жилья упоминал один из участников экспедиции Николай Ауэрбах [4, с. 148]: «Живем в палатке, в 6 ч утра встаем, сразу пьем чай и обедаем и в 7 уходим на работу. Так до 5 вечера...» Избу промысловика Потанина использовали в качестве склада.

Для решения вопроса о возможности круглогодичного ведения работ в 1921 г. в район Норильска направилась экспедиция под руководством Н.Н. Урванцева. В планах экспедиции были геологоразведочные, горнопроходческие,

географо-топографические работы. И «на территории Норильска следовало возвести первое жилье и хозяйственные постройки. Надо было поставить жилой дом на 10–12 человек, общежитие на 30–40 человек, склад, баню, конюшню. <...> Надо использовать местные ресурсы <...> подрядить дудинских жителей заготовить в Норильской долине и вывезти в Норильск 1000 бревен» [2, с. 76].

С учетом количества рабочих – 59 человек – стоянки в переходах до Норильска и размещение на месте в Норильске представляли собой целый палаточный лагерь [2, с. 79], разбитый «вблизи старого склада. Он приведен в порядок» [2, с. 79]. Определили площадку для застройки первой очереди Норильска. К осени 1921 г. из местной лиственницы для зимовщиков был поставлен жилой бревенчатый дом площадью около 90 м² [2, с. 79–80]. «В нем <...> четыре комнаты, из них три жилые, и кухня. Между ними коридор с выходом в закрытые сени» (рис. 2, 3) [1, с. 85]. Второй постройкой стало общежитие. Баню срубили у ручья. На зимовку осталось 8 человек. Для отопления использовали уголь, дрова шли исключительно для выпекания хлеба. Экспедиция 1921 г. решила поставленные перед ней задачи. Исследование норильских руд показало наличие в них кроме меди еще и никель.

Рис. 2. Первый жилой дом в Норильске. 1921 г.

Рис. 3. Дом-музей «Первый дом Норильска». 2020 г.

Для детальной разведки медно-никелевого месторождения была организована экспедиция в Норильск осенью 1923 года. Группа во главе с Н.Н. Урванцевым в Норильске заселилась в экспедиционный дом [3, с. 118]. Под кузницу и слесарную мастерскую заняли старую избу Потанина, где находился склад, для него выстроили новое помещение [3, с. 121–122]. В срубе бани, поставленном в 1921 г., устроил жилище один из работников. Участники экспедиции пользовались старой баней.

К сентябрю 1924 г. экспедиция завершила работы, норильская руда была отправлена для исследований в Ленинград; здания законсервированы, экспедиция покинула Норильск.

С трудом доказав необходимость продолжить исследования норильских недр, особенно в свете обнаруженных в руде платиноидов, Н.Н. Урванцев в 1925 г. вновь отправился к Норильским горам с экспедицией в качестве заместителя начальника.

Экспедиции в составе 150 человек требовалось больше жилья. Среди грузов экспедиции привычно значились палатки. Из Енисейска приплавляли разборные буровые вышки и дома. К сентябрю поставили в Дудинке два больших жилых дома, лабораторию, мастерскую, гараж, склад, в Норильске – два жилых дома и склад [3, с. 151]. Во время экспедиции на перевозке грузов был испытан механический транспорт,

которым были привезены *«9 тонн строительных материалов, что позволило быстро закончить возведение третьего жилого дома»* [2, с. 167]. Сплошных рудных тел за время этой экспедиции обнаружено не было, и осенью 1926 г. работы были свернуты, здания – законсервированы.

Этой экспедицией завершилось первоначальное изучение Норильска и его минеральных богатств.

I пятилетка (1928–1932)

В 1930 г. Норильская промысловая контора объединения «Цветметзолото» организовала стационарную норильскую экспедицию. Один из прибывших к Норильским горам вспоминал: *«Вблизи Шмидтихи мы увидели небольшой дом норильской фактории, а три палатки, поставленные в ряд, составили первую улицу Норильска 1930-го года. Подошедшие вслед за нами группы рабочих пристраивали к ним все новое и новое жилье. Вскоре определился контур палаточного городка. Почти в центре удобнее всех разместилась санчасть и столовая»* [5]. Геолог Александр Емельянович Воронцов вспоминал, что *«в тогдашнем Норильске было всего 3–4 недостроенных, без крыши дома»* [1, с. 68].

В навигацию 1931 г. прибыли рабочие, на производстве было занято 295 человек [6]. Прибывший в июле 1931 г. К. Боронкин жилой фонд описал так: *«...в Норильске имелось штук десять барачных, столовая-клуб, баня, небольшая электростанция, склад, магазин и контора управления. Также имелось несколько балков и нартенных чумов, в которых тоже жили люди. На буровых вышках Норильска-2 еще никаких построек не было. С помощью плотников ребята за месяц соорудили барак из местного леса. К наступлению холодов у нас было готово жилье. Железные 200-литровые бочки (вместо печей) топились круглые сутки, но жить было можно. Зимой случалось, что у ребят примерзали волосы к стене барака. В пристройке к нашему барачному был продовольственный ларек. Своими силами также соорудили небольшую баню»* [7].

К концу 1932 г. в Норильске насчитывалось 14 домов барачного типа. Были столовая на 50 человек, пекарня, баня на 25 человек [8]. Рабочих – 243, служащих ИТР – 37, счетных

работников – 5 [9]. На первой окружной партийной конференции Таймырского национального округа в январе 1932 г. делегаты слышали трезвую оценку состояния жилищного фонда в Норильске: *«Надо дать жилища рабочим. Они у нас живут хуже, чем у капиталистов»* [10].

Пожалуй, страшнее дефицита жилья для норильского руководства были требования иркутского начальства по обеспечению прибывавших специалистов квартирами [11].

Попытки использовать Норильск как место ссылки спецпереселенцев в 1932 г. провалились: Норильск отказался принимать спецконтингент, мотивируя тем, что *«продуктов, теплой одежды нет. Все они обречены на верную цингу»* [12]. Через месяц стало известно, что *«переселенцев вернули обратно ввиду отсутствия продовольствия, одежды, квартир»* [13]. В этом случае дефицит жилфонда в Норильске сослужил добрую службу.

Знаменательным событием для Норильска как населенного пункта явилось закрепление в мае 1932 г. постоянных номеров за постройками. Гражданским и хозяйственным строениям были отданы 15 номеров из 33, жилому фонду досталось 16 номеров, еще два номера достались постройкам двойного назначения [14].

II пятилетка (1933–1937)

Летом 1935 г. Норильск из ведомства Главного управления Северного морского пути передали в ведение Наркомата внутренних дел, строительство Норильского никелевого комбината было возложено на ГУЛАГ.

Газета «Красноярский рабочий» в феврале 1935 г. так рисовала грядущее Норильска: *«В далекой тундре, в Норильске, нынче весной начнется постройка маленького рабочего городка. С первыми пароходами сотни рабочих отправятся туда, чтобы грохотом стройки разбудить угрюмую тундру. Этим летом будут построены бараки на 400–500 человек, на 20 коек больница, школа, столовая <...> Будущее Норильска – сказочное будущее...»* [15]. Проектом предусматривалось проживание в Норильске *«2000 жителей <...> Поселки будут состоять из домов-общежитий для холостяков, живущих в Норильске 2–3 года»* [16], затем проектировщики увеличили количество жителей до 25000 [17].

Предстояло принять не только первые этапы заключенных, но и хозяйство Норильскстроя от Главсевморпути. Хозяйство являло собой плачевную картину, *«т. к. по своему состоянию без переделок и дооборудования ни одно строение и ни один склад не могли быть использованы для начала хозяйственной деятельности»* [18]. А что же с жильем для лагерного контингента (летом 1935 г. в Норильск по Енисею доставили первых 1200 заключенных)?

В Дудинке строители разместились не только в избах, но и в сараях и даже на чердаках [19]. В Норильске постановили *«освободить помещения складов Норильскстроя для размещения людей»* [20].

Первым построенным лагерниками в августе 1935 г. объектом стала пекарня в Дудинке [21]. Еще построили овощехранилище, электростанцию, собрали стандартный барак и утепленный гараж для заправки тракторов; строительство барачков не производилось [22]. Для строительства порта в Дудинке было оставлено 600 человек. Предполагалось, что вначале они построят себе жилье. Они не успели построить ни жилья, ни причалов, т. к. всех направили на разгрузку барж [23].

В ноябре 1935 г. закончили строительство первого двухэтажного деревянного дома – управления Норильскстроя (рис. 4) [24].

Рис. 4. Панорама Норильска. Первое двухэтажное здание управления строительства. Не ранее 1935 г.

В качестве строительного материала для зданий и жилья широко использовалась фанера. Первое паровозное депо и домик метеостанции сколотили из фанерных щитов [25]. Зимой пурга заносила дома и палатки до самых крыш [26]. Первый компрессор на угольной штольне был установлен в фанерный блок [27]. Бараки на возведении железнодорожной трассы Дудинка – Норильск также строились из фанерных щитов. В отчете за 1936 г. отмечалось «большое разнообразие типов барачков», фанерные обходились дорого, считались менее основательными. С оптимизмом отзывались о быстрой установке палаток на жердях [28]. При этом очередная инспекция показала, что жилые бараки и палатки не утеплены, печей нет, в бараках темно, холодно, грязно [29], что *«в стахановской палатке нет воды, палатки лагерников, где помещается около 400 строителей, горняков и других рабочих не радиофицированы, особо тяжелое положение в палатке горняков. В палатке № 3 лагерники вынуждены находиться в верхней одежде даже во время сна. Палатка абсолютно не утеплена»* [30]. От холода страдали и бухгалтеры: *«Счетный аппарат принужден работать в холодных помещениях, с температурой до 10–15 градусов ниже нуля, иногда и больше <...> одна чернильница работает, другая греется на печке»* [31]. О вместимости палаток можно судить по строкам из рапорта начальника 2-го железнодорожного участка: *«На участке в Амбарной имеются 2 подконвойные палатки с количеством до 150 человек...»* [32].

Изредка жилищные условия были чуть более благоприятными. Мерзлотовед Пчелкин писал из Норильска, что *«живут в десятиквартирке в двух комнатах. Есть электричество. Посреди комнаты – печурка, топится углем, труба выведена в форточку. Около печурки тепло, а возле окна температура минусовая. Спят в спальнях мешках»* [33].

Бытовая неустроенность не отменяла стратегического планирования: утверждали строительные площадки под Норильский медно-никелевый комбинат и соцгород [34]. Проектно-сметное бюро с отделением гражданского строительства [35] прорабатывало варианты отопления, канализации и водоснабжения, типы застройки и квартальной планировки города [36]. Проблема с доставкой строительных

грузов заставила переориентироваться на местные строительные материалы [37]. В начале 1937 г. начались производство извести [38], добыча бутового камня [39]. Было открыто месторождение гипса [40].

Писатель Георгий Кублицкий так охарактеризовал Норильск осенью 1936 г.: *«Норильск никакой не город, а просто барачный поселок. Есть, правда, два приличных коттеджа. Грязь, хмурое утро, мрачные горы»* [41].

Еще одно осеннее описание Норильска (1937 г.): *«Довольно широкая и очень грязная улица застроена четырьмя длинными бараками, тремя рублеными небольшими домами и двухэтажным домом. Рядом две или три больших палатки. Вдоль улицы штук пять столбов с лампочками. В двухэтажном доме – управление строительства. Рядом – ИТРовский барак. Поместились в комнате на четверых человек. Потом тяжелый сон – мириады клопов»* [42].

В отчете по капитальному строительству за 1937 г. указаны следующие позиции по гражданскому строительству: 4 палатки; бараклов разного типа и размера для вольнонаемных и заключенных – 11; домов – 7. В Дудинке дожидались транспортировки срубы еще 35 домов [43].

Начало эры коммунальных удобств в Норильске – оборудование двадцатиквартирного дома паровым отоплением [44] было запланировано на 1938 г.

III пятилетка (1938–1942)

В 1938 г. А.П. Завенягина назначили на должность начальника Норильского комбината и ИТЛ НКВД СССР. В передаточном документе зафиксировано, что *«постройки жилищного, коммунального и прочего назначения, выполненные в 1936–1937–1938 годах, сделаны дорого и плохого качества. Жилые дома внутри не оштукатурены, междуэтажные перекрытия звукопроводны, кровли временного типа и в дождь протекают, лагерники жили в необорудованных палатках...»* [45].

В жилищном строительстве появился гипс. Из гипсового раствора стены получались ровные и белые [46]. Потом стены домов стали возводить из бутового камня, в качестве раствора использовали чистый гипс [47]. Норильский кирпич

не использовали, т. к. продукция кирпичных заводов шла на промышленное строительство.

Менялась структура комбината и лагеря. Создан проектный отдел [48]. Стали прорисовываться контуры поселка Норильск – в ноябре 1938-го первым шести улицам Норильска присвоены наименования [49], норильчане получали адреса. Обладатели благоустроенных и не очень квадратных метров стали оплачивать коммунальные услуги. Два года спустя коммунальщики привели цены за съем жилья в соответствие с реальными условиями: снизилась ставка за 1 м², делались скидки за отсутствие электроосвещения, теплой уборной, за мансардные комнаты (чердак), сырые, полутемные или темные комнаты [50].

До конца 1938 г. спешили пустить отопление восьмиквартирных домов, закончить строительство детского сада и штрафного изолятора, строительство бутовых домов № 8, 10, 12, 13, 14 и т. д. [51].

Сани-розвальни с бочкой воды и запряженной в них лошадью шутливо называли норильским водопроводом. Работа по прокладке и пуску настоящего водопровода проводилась, хотя и с задержками [52].

Положение заключенных и вольнонаемных было разным. Но беды были общими, и страдали от них все категории населения Норильска.

Баракы в лагере приходили на смену палаткам, но без угля спасения в этом было мало [53]. Вольнонаемное население также страдало от перебоев в снабжении углем, которое нарушала пурга, центральное отопление перемерзало [54].

Антисанитария в лагерных помещениях мало отличалась от того же в местах проживания вольнонаемного населения. Так, жильцы дома ИТР жаловались на *«тысячи тараканов и клопов, протекающую крышу, забитые грязью коридоры, кухню, уборную и бездействие коммунхоза»* [55].

Резкий наплыв вольнонаемного населения с семьями опрокинул и без того скромный по площади жилищный фонд. Как бы ни торопились отстраивать дома, на вольного специалиста приходилось около 2 м² жилплощади [56]. Дома были в разной степени готовности. Норильчанка с 1939 г. Вождаева вспоминала: *«Нас поселили в недостроенном доме, еще*

не было лестницы, и мы ходили по трапам» [57]. Прибывших в Норильск 92 человек на пару дней поселили в школе, затем переселили в почти готовое здание Промбанка СССР [58]. Отведенная Норильскому отделению Промбанка [59] комната не отапливалась, и работать приходилось в пальто [60]. В 1940 г. в Норильск прибыли 12 выпускниц медучилища. Сперва их поселили в барак, но вскоре переселили на чердак здания поликлиники. Там они и зимовали [61]. Под отделение организуемой Центральной лагерной больницы был передан дом по улице Заводской [62]. В 1941-м из дома по той же Заводской улице выселили людей, а здание отвели под центральную химическую лабораторию [63].

Если лозунгом 1938 г. было «Догнать и перегнать Подкаменную Тунгуску!», то в 1939 г. в области строительства Норильск замахнулся превзойти саму Игарку. Тем более что тогда Норильск обрел статус рабочего поселка [64], стройка перешагнула за озеро Долгое, туда, где сейчас и находится Норильск. В 1940 г. в Москву на утверждение был направлен технический проект Норильского комбината. Среди 260 томов генплана было и проектное задание по городу Норильску [65] с расчетной численностью населения от 95 до 150 тысяч человек [66].

В начале 1941 г. начали строить первое трехэтажное здание [67]. По итогам 1940 г. жилья все так же остро не хватало, на вольнонаемного приходилось 2–3 м² жилплощади.

Начавшаяся война и эвакуация из Мончегорска в Норильск специалистов комбината «Североникель» усугубляли и без того скверное положение с жильем. «Отдельная квартира» у эвакуированных получалась благодаря подвешенным на веревках простыням [68], в одной комнате жили по 2–3 семьи [69]. Прибывших летом 1942 г. по комсомольскому призыву 300 девушек из Красноярского края разместили в холодных бараках с двухъярусными нарами [70].

В октябре 1941 г. вышла временная инструкция, которая исключала строительство объектов соцкультбыта, в гражданском строительстве предписания носили регрессивный характер: жилые дома возводить малоэтажными с печным отоплением, без оштукатуривания и окраски [71].

В повестке военных будней стоял максимально скорый запуск Большого металлургического завода по выпуску никеля. Встречаются и такие способы мотивации, как «обеспечить ИТР завода жилплощадью в районе Аварийного поселка <...> для рабочих БМЗ предоставлять жилплощадь в первую очередь...» [72]. Упомянутый Аварийный поселок был ближе всего к металлургическому производству. В феврале 1942-го БМЗ пустили.

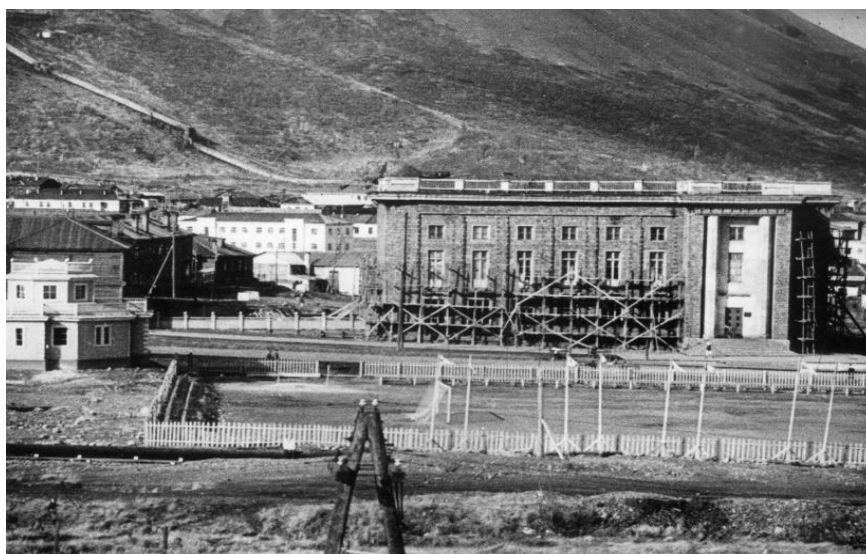

Рис. 5. Отделка ДИТРа. Около 1942 г.

Рис. 6. Бывший Дом инженерно-технических работников. 2009 г.

В сентябре измученные невзгодами военной поры норильчане (600 вольнонаемных по спецпропускам) получили в свое распоряжение великолепное трехэтажное каменное здание – Дом инженерно-технических работников (ДИТР) (рис. 5, 6) Это был центр культурной жизни Норильска на десятилетия. Прибывший в Норильск замнаркома внутренних дел А.П. Завенягин на хозяйственном активе своим выступлением фактически отменил действие временной инструкции и потребовал повысить культуру строительства. Среди главных тем прозвучал призыв к строительству жилья, к строительству города.

Рис. 7. Панорама Талнаха. Палатки поселка геологов. Копры рудника «Маяк». 5-этажные дома нового поселка. Снимок с горы Отдельной. Сентябрь 1965 г. .

В завершение можно было бы сказать, что вместе с третьей пятилеткой палаточный период в Норильске был завершен. Но открытие Талнахского месторождения медно-никелевых руд 20 лет спустя и связанное с этим обширное строительство рудников еще на десятилетие вернуло к жизни палаточные городки (рис. 7).

Список литературы и источников

1. Очерки по истории открытий минеральных богатств Таймыра [начало XX в. – 90-е гг.] / сост. и ред. А.Г. Самойлов; Рос. геол. о-во Таймыр. отд-ние. – Новосибирск : Изд-во СО РАН филиал «Гео», 2003. – 348 с.

2. Урванцев Н.Н. Норильск: История открытия и освоения медно-никелевых руд Сибирского севера. – М. : Недра, 1969. – 87 с.

3. Урванцев Н.Н. Открытие Норильска. – М. : Наука, 1981. – 176 с.

4. Чагин В.В. Николай Ауэрбах: бегство на Север // Сибирские огни. – 2019. – № 10. – С. 136–154.

5. 300000₂ Фактографическая картотека отдела научной информации муниципального бюджетного учреждения «Музейно-выставочный комплекс “Музей Норильска”».

6. 310602	31. 361230 _в	59. 390806 _а
7. 310732	32. 370522	60. 390902 _а
8. 320000	33. 361232	61. 400832 _в
9. 320000 _б	34. 360911	62. 391214
10. 320123 _с	35. 361005	63. 410907
11. 320305	36. 371209	64. 391300 _п
12. 321028	37. 360905 _б	65. 401015 _б
13. 321111	38. 370132	66. 401300
14. 320520	39. 370331 _б	67. 410400
15. 351300 ₇	40. 370832 _в	68. 410622 _г
16. 351205	41. 361300 ₁₆	69. 410904
17. 360715 _в	42. 370923	70. 420832
18. 350714, 350714 _а	43. 371032 _л	71. 411008
19. 350701	44. 371219	72. 411030 _б
20. 350629	45. 380530, 380530 _{а,б,в}	
21. 350820	46. 380410	
22. 351123; 351300 _в , 351300 _м	47. 380711 _а	
23. 350926 _б	48. 380504 _г	
24. 351115 _в	49. 381104 _а	
25. 370815 _б	50. 401215	
26. 360204	51. 381205	
27. 360715 _г	52. 390121	
28. 361015 _а	53. 390201	
29. 361015 _в ; 361113	54. 390202	
30. 361123	55. 390616	
	56. 390817 _в	
	57. 390918	
	58. 390921 _а	

СТРОИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЕРЕЗНИКОВСКОГО ХИМИЧЕСКОГО КОМБИНАТА

Петров Роман Павлович
заведующий историческим отделом,
Березниковский историко-
художественный
музей им. И.Ф. Коновалова,
Березники
PalychRomanPalych@yandex.ru

Аннотация. Представлены основные вехи строительства первой очереди Государственного Березниковского химического комбината (ГБХК) (1929–1932 гг.). Возведением промышленного гиганта первой пятилетки занимались заключенные Вишлага, вольнонаемные и иностранные рабочие и специалисты. Для реконструкции портрета строителя комбината использованы произведения советских классиков: В.Т. Шаламова, К.Г. Паустовского, а также брошюры 1930-х гг.

Ключевые слова: Березниковский химкомбинат, Березникхимстрой, Вишлаг, Лёнва, Чуртан, ТЭЦ.

BUILDERS OF THE STATE BEREZNIKI CHEMICAL PLANT

Roman Petrov
head of the historical department
Ivan Kononov Berezniki Historical and Art Museum,
Berezniki
PalychRomanPalych@yandex.ru

Abstract. The article presents the main milestones in the construction of the first stage of the State Chemical Plant (1929–1932). The construction of the industrial giant of the first five-year plan was carried out by Vishlag prisoners, civilian and foreign workers and specialists. For the reconstruction of the portrait of the builder of the plant, the works of

Soviet classics were used: Varlam Shalamov, Konstantin Paustovsky and brochures of the 1930s.

Keywords: Berezniki chemical plant, Bereznikihimstroy, Vishlag, Lenva, Churtan, thermal power plant.

В апреле 1929 г. XVI конференция ВКП(б) приняла первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В резолюции было записано: «По химической промышленности намечается строительство химических комбинатов (Березниковского, Московского, Донбасского и др.)». С помощью новых химических гигантов предполагалось поднять выпуск химических удобрений в 1932–1933 гг. до 8 млн тонн против 175 тыс. тонн в 1927–1928 гг. ВСНХ поручил строительство Главному управлению химической промышленности (Главхимпрому).

Строительная площадка Березников появилась не на пустом месте. С XVI по XX в. Соликамский уезд поставлял на внутренний и внешний рынок соль-пермянку. Вокруг соляных производств сформировались крупные промысловые города и села: Дедюхино, Усолье, Лёнва, Веретье, Зырянка, Орёл и др. Сотни работников трудились на промыслах, рубке, вывозке и сплаве леса, на баржестроении. В 1912 г. солепромышленники С.А. Строганов, С.М. Голицын, Е.А. Балашева, С.С. Лазарев вываривали в Усолье и Лёнве 8 млн 740 тыс. пудов готовой соли [1, л. 70–76]. В 1873–1895 гг. рядом со старыми мануфактурными промыслами вырос Березниковский солеваренный завод европейского типа И.И. Любимова, на 1912 г. дававший 2,5 млн пудов готовой соли. В 1881–1883 гг. рядом с солеваренным производством был возведен Березниковский содовый завод (БСЗ), флагман дореволюционной химической промышленности северного Прикамья. Содовый завод появился благодаря товариществу «Любимов, Сольве и К^о» и со временем вошел в химический концерн Э.Г. Сольве, объединявший содовые фабрики в Бельгии, Франции, Германии, США и России [11, с. 9]. За период 1883–1917 гг. завод дал 878 тыс. тонн кальцинированной соды (в среднем 25 тыс. тонн в год) [4, с. 14]. В 1918 г. все частные солеварни и заводы были национализированы и перешли в собственность государства. В годы нэпа «пермянка» была вытеснена с рынка конкурентными видами соли. Закрытие

солеваренных заводов и набирающая актуальность химическая индустрия обусловили внимание Главхимпрома к Березникам.

В 1926 г. на БСЗ началась масштабная реконструкция. Тресту «Химстрой» Главхимпрома и Северохимтресту было поручено установить «2-й элемент» и расширить башню дистилляции БСЗ для удвоенной выработки кальцинированной соды. С 1927 г. строятся цеха электролитического каустика, хлорной извести, хлористого бария. Для питания производства появляются новые электростанция и насосная станция. С 1929 г. возводятся цеха хлорной группы, бертолетовой соли и др. Строительству были необходимы рабочие руки. В.Т. Шаламов в антиромане «Вишера» вспоминает, что узким местом была разгрузка ж/д вагонов со стройматериалами и оборудованием и погрузка в них «красивых барабанов с продукцией завода» [14, с. 63]. Тяжелой работой занимались заключенные Вишлага (2-я командировка лагеря, Лёнва). БСЗ с внешним миром связывала Луньевская ветка Уральской железной дороги. Она кончалась станцией Солеварни за р. Толыч, к югу от пос. Лёнва, куда писатель с другими заключенными был командирован осенью 1929 г. Ветеран содового завода А.И. Чудаков приводит пример вольнонаемной артели костромских плотников из 100 человек. Артель также жила в Лёнве «на частных квартирах»: на обед и обратно с работы ходили по сигналу старшего в Лёнву [13, с. 65]. В 1930 г. Березниковский содовый завод был включен в состав строящегося Березниковского химкомбината.

Зимой 1929/1930 г. заключенные Вишлага «обживали» каменные коробки, воздвигнутые по вольному найму в Чуртане [14, с. 79]. Пос. Чуртан (Старый Чуртан) появился еще в конце 1870-х гг. при станции Усольской Уральской железной дороги и до конца 1920-х гг. не имел каменной жилой застройки. Упомянутый В.Т. Шаламовым поселок часто именовался в локальной среде Новым Чуртаном и являлся по факту соцгородом ГБХК. Среди уральских собратьев соцгород Березников выделялся своей удаленностью от градообразующего предприятия, что было обусловлено химической специализацией комбината. У В.Т. Шаламова находим: «С Чуртана до площадки было километра четыре». В 1935–1936 гг. для связи города с производством было возведено образцовое широкополосное

Чуртанское шоссе с фонарным освещением и велосипедными дорожками. Сегодня Чуртанское шоссе – единственный городской топоним, напоминающий об историческом начале города. «Каменные коробки Чуртана» – это непритязательные функциональные 12-квартирные кирпичные дома без балконов и ризалитов. Они строились в Новом Чуртане с 1928 г., обозначая первые улицы города: Индустриализации и Пятилетки. Сейчас они являются историей: в 2010-х гг. ветхие дома были признаны аварийными и уничтожены.

В 1930 г. близ станции Березники (ст. Усольская Уральской ж/д) останавливались этапы, следующие в Управление Вишерских лагерей особого назначения (УВЛОН). Заключенные Вишлага, в том числе «транзитные», некоторое время занимали пролетарский «Город Света» Чуртана. Обозначение В.Т. Шаламова здесь неслучайно. Будучи масштабным градостроительным экспериментом, соцгорода 1920–1930-х гг. воплощали в себе многочисленные надежды и мечты советских людей, в том числе утопического плана. В книге современника строительства Г.М. Горева Березники называются «городом серпа и молота», причем не столько из-за методов его социалистической стройки, сколько из-за очертаний его границ с высоты птичьего полета [6, с. 8]. Последнее – это явная выдумка, хотя проектировщики Уралгипрогора действительно разделили будущий город двумя пересекающимися хордами-магистралями «на просвет» (проспект Сталина и Советский проспект). «Город креста» был таким образом заменен на идеологически верный «город серпа и молота».

В 1928–1930 гг. город-спутник сумел обогнать по темпам роста своего родителя, что само по себе являлось тревожным симптомом. Коллегия Главхимпрома ВСНХ СССР наметила ввод Березниковского химического комбината на 1 января 1931 г. К существующему и расширенному содовому производству нужно было добавить завод синтетического аммиака, азотно-туковый завод, ТЭЦ и вспомогательные производства. Выполнить ответственное обещание Химстрой (с 1930 г. – Березникхимстрой) не смог. В мае 1930 г. начальник Государственного управления по постройке ГБХК М.А. Грановский телеграфировал в Москву: «Работы

по сооружению фундаментов продвигаются медленно из-за нехватки рабочих рук и отсутствия документации на работы. Запланированные сроки пуска БХК находятся под угрозой» [10, с. 536]. Для ликвидации прорыва и ускорения работ строительство было объявлено Всесоюзной ударной стройкой. Наркомат труда и Наркомат химической промышленности СССР приняли ряд соответствующих постановлений. В различные районы страны отправились вербовщики. Однако вольнонаемные рабочие в большинстве своем не хотели ехать в Березники, где ощущался недостаток жилья и снабжения. Кадровую проблему решили путем привлечения на стройку заключенных. Наркомат труда рекомендовал ОГПУ представить по контракту Березникхимстрою 4 тыс. рабочих (заключенных) УВЛОНа.

На работы отправились «плотники, землекопы и просто здоровые люди 4-й категории». Пресловутое «сооружение фундаментов» означало подсыпку строительной площадки грунтом и песком. Для регулярной работы ГБХК требовалось 28 тыс. кубометров воды в час (норма Нью-Йорка 1930 г.), покрыть такой расход могла только Кама [12, с. 11]. Однако ее низкий заболоченный берег ежегодно подвергался затоплению паводковыми водами. Рытье искусственного канала привело бы к удорожанию строительства и усложнению навигации. Комиссия Химстроя еще в 1929 г. высказалась за подсыпку береговой площадки. Дешевый вариант состоял в перемещении 1,5–2,5 млн кубометров грунта для поднятия берега Камы на 2–2,5 м, строительстве защитной дамбы, устройстве свайных фундаментов для защиты будущих зданий от так называемого пльвуна. Первый начальник построечного управления ГБХК Владимир Петров весной 1929 г. лично видел «многоводие» Камы [7, с. 8–9]. Предшественник М.А. Грановского был убежден, что в подобном болоте нельзя ничего строить. После безуспешных попыток склонить начальство Химстроя на свою сторону он покинул пост.

Бороться со стихией начали заключенные – «каналармейцы» наоборот. Несколько сотен вольнонаемных крестьян на телегах-«грабарках» перемещали добытую ими землю с южных окраин Березников (Веретьи, Адамовой горы), зимой по замерзшей Каме с Усольских кряжей завозили речной

песок. Ресурсные базы и хозяйственные методы стройки были отработаны еще на реконструкции БСЗ в 1926–1929 гг. Основными инструментами строителей были лопаты, кайла, ломы, тачки. Только в 1931 г. карьер у Адамовой горы стал разрабатываться экскаватором, а загребаемая им земля стала отправляться на площадку на ж.-д. платформах по узкоколейке. Характерно, что для ссыпки заготовленного грунта в Каму все равно использовали ручной труд [3, с. 10].

Для фундаментов 25 зданий ГБХК было забито более 6 тыс. опор: 4 тыс. деревянных и 2 тыс. железобетонных. Советские издания увещевали публику, что сваями занимались «мощные паровые копры», однако в реальности большую их часть забили в землю архаическими «бабами» команды из 6–8 физически крепких человек. Забивка, как и подсыпка, производилась круглые сутки, летом и зимой, даже при морозе в 40 градусов и ниже.

«Египетская стройка» ГБХК в 1929–1930 гг. включала широчайший фронт работ для заключенных. Тут были заготовка и подъем сплавной древесины, плотницкие работы по созданию строительных лесов, погрузочно-разгрузочные работы, сортировка и поднос кирпича и др. В 1929–1930 гг. происходил разбор мешавшего строительству Березниковского солеваренного завода И.И. Любимова, уничтожение отживших частновладельческих солеварен. В комментариях к «Вишере» В.Т. Шаламов отметит: *«Я сам принимал участие во взрывах двух Строгановских солеварен – в Усолье и в Дедюхине. Просоленные бревна не поддавались топору. Плесень счищали лопатой, бревна обнажались белые-белые, костяные... Взрывали солеварни динамитом»* [14, с. 248].

Фрагменты титанической борьбы за первый пятилетний план в Березниках оставил на своих полотнах Ф.К. Лехт. В его официальной трактовке трудового подвига нет места заключенным. Отражая ключевые события социалистической стройки, художник отдал все краски ударникам строительства. На его холстах нет безымянной армии в одинаковых зеленых суконных бушлатах. Нет их и в повести К.Г. Паустовского «Великан на Каме». Писатель собрал ее из своих корреспондентских очерков для «Рабочей газеты» 1931 г.

Советский классик описал в глухом таежном углу стройку века. В растущие циклопические здания ГБХК было вложено более 160 млн руб. На 25 зданий пошло более 34 млн кирпичей, в них залили более 100 тыс. тонн бетона. Потрясенный Паустовский пишет: *«...березниковских строителей нельзя поразить ничем. Скажите им, что надо выстроить вторую Эйфелеву башню для нужд комбината, и они начнут ее строить, назвав “башней № 2 на первом аммиачном участке” или что-нибудь в этом роде»* [8, с. 54–55].

В Березниках осенью 1931 г. запускалось инженерное чудо – первая в СССР и Европе по мощности ТЭЦ высокого давления на 80 МВт. Писатель сравнил ее с океаническим кораблем, превышавшим «Аквитанию»: *«Он застрял на суше, он сверкал иллюминаторами и мачтовыми огнями. Ветер пел в вышине, в стальных тросах, державших три громадные трубы. Рабочие на палубе клепали болты. Корабль тяжело гудел и сотрясался. Казалось, он только что отдал якорь после ночного штурма»* [8, с. 34]. Объем Березниковской ТЭЦ превышал 240 тыс. кубометров. Ее начали возводить в марте 1930 г. и закончили 7 ноября 1931 г. В этот день станция дала первый ток. Оборудование для ТЭЦ было выкуплено у 40 фирм Великобритании и Германии. В котельном зале было установлено три паровых котла судового типа фирмы Бэбкок-Уилкоккс, два паровых котла судового типа фирмы Ганомаг. Каждый котел был рассчитан на 480 тонн пара в час (200 кг пара с каждого квадратного метра нагрева). Пар из котлов подавался в турбогенераторы высокого давления. Мощность каждой паровой турбины фирмы «Броун-Бовери» составляла 12 МВт. При полной работе станция требовала 1500 тонн угольной пыли – 100 вагонов угля в сутки.

Монтажом сердца ГБХК руководил молодой инженер Энергостроя Захаров. Ему едва исполнилось 28 лет, однако ученый уже успел осмотреть в командировках все американские и европейские станции высокого давления. Один из ветеранов стройки сумел подсчитать, что Захарову подчинялась целая армия березниковских строителей и монтажников: 1500 рабочих, 52 инженерно-технических работника, 145 служащих и 80 иностранных специалистов.

Захаров представлялся К.Г. Паустовскому новым типом человека эпохи социализма: бодрым, энергичным, требовательным, внимательным, веселым: «В каждом жесте и каждом слове видна законченная до последней мелочи высокая культура». Сдать ТЭЦ за 18 месяцев Захарову помог «строительный штурм». Г.М. Горев писал: *«Рядом с монтажником работает строитель. Внизу монтируют котлы, переключают паропроводы, а наверху устанавливают арматуру, льют бетон. В одном зале собирают и свинчивают турбогенераторы, а рядом, в соседнем зале, плотники сбивают леса. Не успеет строитель закончить какую-либо часть здания, как уже туда приходят монтажники устанавливать машины».*

Кроме портрета Захарова К.Г. Паустовский представил читателю обязательную для 1930-х гг. галерею рабочих-ударников стройки. Рабочий подвиг совершили нацмены Мирсаид Ардуанов и Мифстах Султанов, удостоенные ордена Ленина. Уроженцы Татарии прошли школу ликбеза, технический кружок, превратившись из чернорабочих-землекопов в бригадиров каменщиков-бетонщиков, выполняющих задания на 120–130 %. Березниковский горсовет в феврале 1939 г. увековечил обоих в названиях улиц: Ардуановский переулок заменил улицу К. Маркса (имя апологета получила более широкая магистраль), а Султановский переулок – улицу Гоголя [9, с. 2]. Далеко за пределы стройки вышел подвиг Н.А. Вотинова. Вместе с бригадой слесарей он ликвидировал прорыв ледяной камской воды на строящейся водонасосной станции Березниковского химкомбината. По сохранившейся легенде, во время работ Николаю Александровичу было сообщено о смерти родного брата. Начальство отпустило Вотинова, но он отказался: «Брату уже не поможешь. Стройка не ждет».

У В.Т. Шаламова в «Вишере» есть строки: *«Березниковский химкомбинат был подлинным гигантом первой пятилетки, опытным гигантом, где проверялась способность рабочих работать и учиться, а инженеров-вредителей – руководить».* При всем скепсисе автора «Колымских рассказов» к произведениям К.Г. Паустовского эти строки уместно применить для описания всей стройки, вольной и невольной.

Березниковский химкомбинат строили не только советские граждане, но и иностранные подданные. Проекты, оборудование и специалисты поступали из Германии, Чехословакии, Англии, США, Франции, Швейцарии. В Березниках были представители фирм: Найтроджен/Nitrogen, Кемико/Chemico, Пауэр-газ/Power-Gas Corporation, АЕГ/Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft, Бобкок-Вилькокк/Babcock, Wilcox & Company, Ганномаг/Hanomag, Симменс-Шуккерт/Siemens-Schuckertwerke, Керстнер, Борзиг/Borsig, Бальке/Balcke, Альгемайне Рорлейтунг/Allgemeine Rohrleitung, Линде/Linde, Броун-Бовери/Brown, Boveri & Cie и др. Всего на строительстве Березниковского химического комбината было задействовано около 40 иностранных фирм. В производстве первой очереди комбината импортное оборудование составляло до 90 %. Технологию конверсионного получения синтетического аммиака предоставила американская фирма Nitrogen. Только на проект «крупнейшего в Европе завода синтетического аммиака» советское правительство потратило 17 млн руб. (из них 5,3 млн в валюте). Еще дороже была ТЭЦ – почти 30 млн руб. (6 млн в валюте). Чтобы обеспечить азотнокислый завод иностранным оборудованием, было потрачено 1,2 млн руб., сернокислый – 230 тыс., завод аммиачной селитры – 355 тыс., завод сульфатаммония – 450 тыс. [2, с. 51–52].

Советские писатели 1930-х гг. воспринимали присутствие капиталистов на советской стройке как временное и вынужденное явление. Интернационал был позволителен в редких случаях коммунистического братства. Г.М. Горев описал старого мастера Лейна-Верке/Leinawerke Вильгельма Штейна, уволенного с родного предприятия по «красному списку». По приезду в Березники Штейн на монтаже ТЭЦ быстро вошел в число ударников. На вопрос о Родине Штейн идеологически верно ответил: «Уезжать не думаю. Приехал навсегда». Геноссе Штейн был в меньшинстве, иностранные монтажники Березников работали по контрактам и не планировали оставаться надолго в «диком краю большевиков». К западным специалистам в Березниках относились с прохладцей, западная деловая этика, культура и язык противостояли суровой советской действительности 1930-х гг. Иностранцы никогда не голодали и проживали в гостиницах

со штатом прислуги. При монтаже они не применяли «штурма», «социалистического соревнования», ударничества. Зарубежные инженеры и техники старались исполнять нормы безопасности и надлежащие инструкции. Для них в диковинку было участие женщин в строительстве и работе химического предприятия.

Несколько сотен иностранцев на Березниковском химкомбинате обслуживались всего 36 переводчиками, квалифицированными из которых были лишь шесть. Положение в данном случае спасали инженеры дореволюционной школы и командированные на строительство специалисты из Москвы: В.В. Ошанина, А.И. Ля'Никка, М.И. Студёнов, Э.А. Яшек, Е.Ш. Левин, А.М. Кендар. Большинство переводчиков на ходу обучалось производственной терминологии. Левин фигурирует в антиромане «Вишера»: вольнонаемный В.Т. Шаламов делит с ним одну комнату в бараке специалистов ТЭЦ. Левин – 24-летний инженер, выпускник Московского института тонкой химической технологии, на комбинате – переводчик немецкого инженера Баума.

23 апреля 1932 г. заработал завод синтетического аммиака Березниковского химического комбината. На следующий день «Правда» оповестила страну: «Введен в строй гигантов социалистической индустрии химический комбинат». В 1932 г. была введена 1-я очередь производства, в 1934 г. – 2-я очередь, в 1935 г. коллектив комбината вышел на выполнение плановых показателей. Синтетический аммиак и сложносоставные удобрения (аммиачная селитра, лейна-селитра) из Березников отпавились на хлебные и хлопковые поля СССР. Сода и содовые продукты отправлялись в химическую, текстильную, стекольную, мыловаренную, сталеваренную и другие отрасли.

Комбинат имел не только мирное, но и военное предназначение. В годы Великой Отечественной войны он производил химическое сырье для пороха, взрывчатку, хлор и его соединения для отравляющих газов, самовоспламеняющуюся химическую смесь, бертолетову соль, взрывосмесь Р-100 и т. д. [5, с. 31–33]. Первым из советских предводителей на строящемся ГБХК побывал нарком обороны СССР, маршал К.Е. Ворошилов в сентябре 1931 г. По ходатайству Уральского облисполкома ВЦИК СССР

и Наркомат тяжелой промышленности весной 1934 г. определили называть ГБХК им. К.Е. Ворошилова. Березниковский район Уральской области получил наименование Ворошиловский, юные Березники сохранили свое историческое название.

Строители ГБХК совершили подвиг, воздвигнув в сложной заболоченной местности «гигант химии на Каме». Стройка первой пятилетки до сих пор удивляет своей масштабностью и нацеленностью в будущее. Спустя десятилетия успешно работают наследники ГБХК: АО «Березниковский содовый завод» и филиал «Азот» АО «ОХК “Уралхим”». Память о строителях ГБХК и г. Березников увековечена в 14-метровом памятнике скульптора Л.С. Мартынова (1968 г.) на площади Первостроителей. В фондах МАУК БИХМ сохранились фотографии великой стройки, полотна Ф.К. Лехта, документы первостроителей. Горожане помнят, что Березники родились сплочением творческих и физических сил технической интеллигенции, рядовых рабочих, вольных и подневольных участников стройки, иностранных специалистов. Молодой промышленный центр гордится своей рабочей славой и чтит память своих устроителей 1930-х гг.

Список источников и литературы

1. ГАПК. Ф. 111. О. 2. Д. 1180.
2. БИХМ. Ф. 198. Исторический очерк о Березниковском азотно-туковом заводе им. К.Е. Ворошилова – первенце азотной промышленности.
3. Березники и Соликамск // СССР на стройке. – 1932. – № 5.
4. Березниковский содовый завод / ред. В.Ф. Чернов. – Пермь : 2-я книжная типография Облполиграфиздата, 1960.
5. Варнакова О.Н. Город Березники в годы Великой Отечественной войны : справочник. – Соликамск : Типограф, 2015.
6. Горев Г.М. Люди, бетон, кирпич. Очерки социалистической организации труда на строительстве Березниковского химкомбината. – М. : ОГИЗ, 1932.
7. Круч В.Н. Гигант химии. Страницы истории ОАО «Азот». – Соликамск : Типограф, 2008.

8. Люди страны чудес / сост. Р. Белов. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1964.

9. Об упорядочении в названии улиц и переулков г. Березники // Ударник. – 1939. – № 53 (6 марта).

10. Сидорова И.Т. Участие иностранных фирм в строительстве Березниковского химического комбината на этапе индустриализации // Вестник Пермского государственного технического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2011. – № 3.

11. Содовый на Каме. История продолжается / В.В. Шилов, О.Н. Сафрошенко. – Пермь : ЛитерА, 2008.

12. Хжановский В.В., Фодиман И.В. Березниковский химический комбинат. – М. : Гос. науч.-тех. изд-во, 1932.

13. Чудаков А.И. Содовый на Каме. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1973.

14. Шаламов В.Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи. – Пермь : ИП Худяков С.А., 2021.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ХИМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОМИ АССР

Рощевская Лариса Павловна
д-р ист. наук, профессор,
главный научный сотрудник
Отдела гуманитарных
междисциплинарных исследований
Коми научного центра Уральского
отделения РАН,
заслуженный деятель науки
Коми АССР и РФ,
Сыктывкар
lp38rosh@gmail.com

Аннотация. Индустриальное наследие понимается как культурное наследие единственного в мире уникального химического производства в пос. Водном Коми АССР, где в рамках «империи ГУЛАГа» в 1930–1956 гг. добывали радий из попутных нефтяных вод. Одним из объектов культурного наследия является памятное место, основным признаком которого – мемориальность. Тема рассматривается на стыке научно-инженерной деятельности и истории памятников истории и культуры, то есть в русле социальной истории. Поэтому поставлена задача показать вклад в развитие российской науки выдающихся ученых, оказавшихся в Водном, ввести в научно-пропагандистскую сферу и туристские маршруты новые сведения. Выдвинуто предложение обозначить памятное место, где действовала химическая лаборатория.

Ключевые слова: Ухтпечлаг, поселок Водный, химическая лаборатория, И.Я. Башилов, И.И. Гинзбург, Н.С. Козлов, М.Д. Крашенинников, Г.А. Разуваев, Ф.А. Торопов, Д.Г. Хомяков.

INDUSTRIAL HERITAGE OF CHEMICAL PRODUCTION IN KOMI ASSR

Larisa Roschevskaya

*doctor of historical sciences, professor,
Chief Researcher of Department of Humanitarian Interdisciplinary
Research Komi Scientific Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Honored Scientist of the Komi ASSR and RF,
Syktyvkar
lp38rosh@gmail.com*

Abstract. Industrial heritage is understood as the cultural heritage of the world's only unique chemical production in the village. Water Komi ASSR, where, within the framework of the 'GULAG empire' in 1930–1956. radium was mined from associated oil waters. One of the objects of cultural heritage is a memorial place, the main feature of which is memoriality. The topic is considered at the intersection of scientific and engineering activities and the history of historical and cultural monuments, that is, in line with social history. Therefore, the task was set to show the contribution to the development of Russian science of outstanding scientists who found themselves on Vodny, to introduce new information into the scientific and propaganda sphere and tourist routes. The article put forward a proposal to designate a memorable place where the chemical laboratory operated.

Keywords: Ukhtpechlag, Vodny village, chemical laboratory, Ivan Bashilov, Ilya Ginzburg, Nikolay Kozlov, Mikhail Krasheninnikov, Grigory Razuvaev, Fedor Toropov, Dmitry Khomyakov.

Пермский край и Республика Коми имеют экономические, культурные и научные связи, что объясняется национальным родством и этноязыковой общностью народов финно-угорской группы – коми-пермяков и коми-зырян, территориальным соседством, путями сообщения.

Актуальность выбранной темы обоснована 100-летием Республики Коми и тем, что 2022–2031 гг. объявлены десятилетием науки и технологий. Методологические позиции сообщения опираются на федеральный закон 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (№ 73-ФЗ). В законе введен новый вид культурного наследия – достопримечательное, памятное место,

выявленное на основе признака мемориальности, связанного с жизнью выдающихся исторических личностей.

Тема рассматривается на стыке научно-инженерной деятельности на химическом производстве и истории памятников истории и культуры, то есть в русле социальной истории. Индустриальное наследие понимается как культурное наследие развития производства в 1930–1956 гг.

В Коми АССР в 1930-х гг. силами репрессированных было создано уникальное химическое производство, включавшее добычу, изучение и переработку минерализованной подземной воды для получения одного из самых дорогостоящих жидких металлов – радия. Первым историком лаборатории был репрессированный инженер Д.Г. Хомяков, который рассказал о ее становлении. Исследования по истории химического производства в поселке Водном¹ Коми АССР начались в середине XX в. в Институте биологии Коми филиала АН СССР по инициативе генетика профессора П.Ф. Рокицкого (с 1967 г. – действительного члена АН Белорусской ССР) при дезактивации зараженной территории. Но результаты исследования стали известны в статьях директора Института биологии АН СССР А.И. Таскаева только в начале XXI в.² В иностранных справочных изданиях информация о химическом производстве появилась в энциклопедии международной общественной организации Баренц-региона (Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия)³. Позже информационный урок о памятниках подготовила учительница Т.В. Ковач⁴, а краеведческую публикацию – А.И. Фоменко⁵. В связи со 100-летием Республики Коми по инициативе Министерства культуры, туризма и архивного дела республики Национальной библиотеке

¹ Поселок с 1931 г. назывался «Промысел № 2 им. ОГПУ», с 1940 г. – Водный промысел. Отнесен к категории рабочих поселков под названием Водный (1944). Включен в состав муниципального образования «Город Ухта» в 1998 г.

² *Кичигин А.И., Таскаев А.И.* «Водный промысел»: История производства радия в Республике Коми (1931–1956 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 4.

³ *Larisa Roshchevskaya.* Vodnyi // Encyclopedia of The Barents Region. Vol. 2. N-Y Oslo: Pax Forlag, 2016. 593 p. P. 288–289.

⁴ Презентация по истории коми на тему «Памятные места в поселке Водный»: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/prezentaciya-po-istorii-komi-na-temu-pamyatnie-mesta-v-poselke-vodniy-1749185.html?ysclid=l8n3vz1ve7742961070> (дата обращения: 27.07.2022).

⁵ *Фоменко А.И.* Памятники и достопримечательности пгт Водный МОГО «Ухта» // Роль краеведения в изучении и сохранении историко-культурного наследия, истории коми народа. Ухта, 2022. 100 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ukhta-lib.ru/resources/pub/rio/pub.pdf> (дата обращения: 26.07.2022).

Республики Коми при финансовой поддержке общества М.А. Кастрена создан электронный портал «Культурная карта Республики Коми» на русском и коми языках (2013–2022). Информация об индустриальном наследии помещена в разделе «Памятники архитектуры», но ограничена данными только о Кажимском железодельном и Сереговском солеваренном заводах (XVIII–XIX вв.) и водонапорной башне в Инте, созданной в «империи ГУЛАГа».

О «паровом котле, застрявшем по дороге в Ухту и брошенном там среди болот», с горькой иронией писал географ Ю.П. Иорданский⁶. О временном памятнике в виде деревянной арки на пути из Ухты упоминал в 1940 г. академик А.Е. Ферсман: *«Мы проехали под какой-то сказочной аркой с надписью «Водные промыслы». Перед нами открылись ряды красивых домов, залитых электрическим светом, вдали были видны вышки. Здесь прошли дни нашей работы, дни ярких впечатлений, осмотра заводов, лабораторий, ознакомления с научными материалами»*⁷.

В начале нашего века в Водном сохранено несколько памятников индустриального наследия. Это остатки первого в мире нефтеперегонного предприятия, основанного в 1745 г. Ф.С. Прядуновым на р. Ухте, и первая нефтескважина России предпринимателя М.К. Сидорова (1868–1871 гг.). Памятники впервые были взяты под государственную охрану постановлениями Совета Министров Коми АССР (1949 и 1957 гг.) и Совета Министров РСФСР (1974 г.) и получили федеральный статус в 2018 г.⁸

В 1980-х гг. на месте нефтяной скважины Варваринского промысла оборудован памятный знак с табличкой «Скважина инженера А.Г. Гансберга пробурена на нефть в 1905 году. Была действующей до 1925 года». В 2008 г. по инициативе компании «Комиэнерго» в поселке поставлен новый памятник в честь 100-летия появления в регионе электричества. Это историческое событие произошло благодаря построенной инженером из Риги

⁶ Иорданский Ю.П. Колонизация Севера. Пд.: Типо-литография специальных технических и экономических изданий Народного комиссариата путей сообщения, 1920. С. 16.

⁷ Ферсман А.Е. Радиевые месторождения Ухты // Индустрия. 1940. 2 июня.

⁸ Утверждены приказами Управления Республики Коми по охране объектов культурного наследия 19 декабря 2018 г. № 144-ОД; 145-ОД.

А.Г. Гансбергом в 1908 г. первой в этих местах электростанции. Станция была оснащена динамо-машиной мощностью всего 14 л. с., но благодаря ее работе дома промысла освещались электричеством.

В поселке имеется также памятный знак в виде стилизованной буровой вышки на месте, где начались исследования радийсодержащей воды: «Казённая скважина № 1 пробурена в 1911 году инженером Стукачевым. На этом месте в 1930 г. была пущена первая установка по извлечению радия из минеральной воды». Памятный знак установлен в 1991–1993 гг.

Для сохранения горькой памяти о первопроходцах выделим памятное место, где в 1930 г. на Водном построена первая химическая лаборатория. Источниковой базой являются приказы Управления Республики Коми по охране объектов культурного наследия о включении памятников в реестры федерального или республиканского значения и архивные документы. В сообщении поставлена задача: исходя из основного признака понятия «памятное место» – мемориальности, отразить вклад в развитие российской науки выдающихся ученых химической лаборатории пос. Водного Республики Коми и тем самым ввести в научно-пропагандистскую сферу и туристские маршруты новые сведения.

Среди научных работников химической лаборатории был талантливый репрессированный **химик-технолог Дмитрий Григорьевич Хомяков**, имевший значительный опыт исследовательской и организационной работы. После ареста его доставили на р. Чибью в мае 1930 г. **С 1933 г. Хомяков был заместителем начальника 2-го промысла, затем – начальником завода по переработке концентратов.** Освобожден в апреле 1932 г. с прикреплением к Ухтпечлагу. С 1936 г. был старшим инженером горного отдела Ухтпечтреста, с 1937 г. – начальником проектного отдела. В 1938 г. переведен в Норильстрой.

Д.Г. Хомяков писал, что весной 1930 г. начали строить химическую лабораторию – «единственное здание, украшавшее командировку». Главным объектом исследования в лаборатории была сначала вода из Казенной скважины № 1. Изучение месторождения включало систематическое геологическое, химическое и радиометрическое наблюдение над бурившейся

скважиной. Сотрудники ежедневно проводили объемные работы по контролю за составом воды. За время бурения проделано более 1000 определений, что позволило сразу поставить вопрос о большой программе бурения на воду.

Одновременно разрабатывали технологию обработки воды. Задачи постоянно расширялись в связи с выдвижением теоретических проблем. Весной 1931 г. приступили к проектированию большого завода, что привело к расширению лаборатории в три раза⁹.

Создателем и первым руководителем лаборатории в 1929–1932 гг. стал один из основоположников геохимических методов поиска полезных ископаемых, геохимик и минералог Илья Исаакович Гинзбург (1882–1965). Его арестовали в 1928 г. и отправили на Водный. И.И. Гинзбург сформулировал научную проблему о принципах переработки минерализованной воды и производственные задачи для решения этой проблемы. К началу декабря 1930 г. на промысле не только протянули первые деревянные водоводы от скважин, но и внедрили несколько вариантов заводской установки и получили радиевый концентрат. 20 июня 1931 г. Гинзбург был переведен на вольное поселение. Именно Гинзбург начал подбирать для лаборатории кадры специалистов – химиков и физиков из числа репрессированных научных работников и инженеров.

Редкой в истории ГУЛАГа стала поездка И.И. Гинзбурга в Москву, где 1 марта 1932 г. на заседании Совета по изучению производительных сил (СОПС) он доложил о жидких радиевых рудах Ухты. Академик В.И. Вернадский доклад И.И. Гинзбурга в присутствии ГПУ назвал «удивительным анахронизмом»: «Научно-практический интерес и жандармерия». Он писал в дневнике об ужасном положении ученого в бараках на севере («работа ученых здесь идет в рабских условиях»), упоминал «долгий разговор о воде, условиях работы». В ноябре 1932 г. на очередной встрече Гинзбург, по словам академика,

⁹ Хомяков Д.Г. Промысел № 2 имени ОГПУ // Роцевский М.П., Роцевская Л.П., Бровина А.А. Печорская бригада академика А.П. Карпинского. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2015. 646 с. С. 294–299.

«рассказывал о своих страданиях. Доволен сейчас тем, что приходится участвовать в большом деле»¹⁰.

По докладу Гинзбурга в СОПС приняли решение о промышленном освоении месторождения. В Водном докладчика назначили руководителем химического сектора Ухтпечлага. Его освободили в 1934 г., а в 1936 г. сняли судимость. Ученый стал доктором геолого-минералогических наук (1943 г.) и лауреатом Сталинской премии за открытие месторождений никелевых руд на Южном Урале (1946 г.).

Автором технологии получения радиевых концентратов из радиоактивных вод стал химик-технолог и инженер-металлург Иван Яковлевич Башилов (1892–1953), доктор технических наук (1937), профессор химии, технологии радия и редких металлов. Еще в 1922 г. он пришел к выводу, что «в радиии мы имеем ключ к использованию внутриатомной энергии». И.Я. Башилов участвовал в создании опытного радиевого завода на Табошарском месторождении руд в Таджикистане. В 1932 г. вышел учебник Башилова по технологии редких элементов. Когда он оказался на Водном, в нем узнали автора этого пособия и перевели на работу в химлабораторию с октября 1929 г.

Башилов и разработал технологию получения радия из попутных нефтяных вод. По его технологии на Водном построили в 1930–1934 гг. завод, единственный по производству радия и мезотория в годы Великой Отечественной войны. В ноябре 1931 г. на промысле получили из Комитета по изобретательству при Совете труда и обороны (СТО) патенты И.Я. Башилова с описанием способов обработки ферганской ураново-ванадиевой руды (№ 6669) и разделения хлористого бария и хлористого радия (№ 5046).

5 мая 1942 г. он писал: «...присужденное мне “наказание” я отбываю в лагерях на том самом предприятии, первом и пока единственном в мире, которое добывает радий из ископаемых вод по способу, авторское свидетельство на который принадлежит мне. Этот изобретенный мной способ я <...> передал с подробными инструкциями (так же безвозмездно) ГУЛАГу ОГПУ в 1929–1930 годах, и в делах лагеря и посейчас еще

¹⁰ Вернадский В.И. Дневник. [Электронный ресурс]. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/vernadsky/> (дата обращения: 26.07.2022).

сохранились следы моей консультантской работы по постановке дела в первые годы работы этого промысла»¹¹. Но ученого перевели в Восточную Сибирь, где за исследования по высшей очистке платины он стал лауреатом Сталинской премии (1948 г.) В Красноярске в его честь названа улица Башиловская.

Следующий этап истории химической лаборатории соотносится со временем руководства ею химиком и радиохимиком Федором Александровичем Тороповым (1932–1953 гг.). Он выдвинул задачу планомерного и систематического изучения радиоактивности в пределах Коми АССР.

Ф.А. Торопов (1884–1953) окончил Бернский университет в Швейцарии (1912 г.), еще до первой мировой войны защитил диссертацию о черном серебре и получил ученое звание «доктор философии с отличием». Одно из его первых научных исследований (1915 г.) вошло в довоенные немецкие и русские учебники. В 1917–1929 гг. Торопов занимал пост выборного директора, затем – главного инженера крупных химических заводов, многое сделал для развития химической промышленности на Украине. Но в 1929 г. ученый был арестован и доставлен в Ухтинскую экспедицию ОГПУ. В 1932 г. Федора Александровича досрочно освободили без права выезда, что заставило его остаться на Водном. В 1932–1953 гг. он был начальником химической лаборатории и главным технологом радиевого завода.

Интенсивные научные исследования Ф.А. Торопова подтверждаются многими фактами. В 1933 г. Торопов был участником научных совещаний Печорской бригады Полярной комиссии АН СССР в Водном, на которых доложил о химии ухтинских радиоактивных вод. В соавторстве с Г.А. Разуваевым для служебного пользования была написана монография «Методы получения радия кристаллизацией, обогащение до чистого радия». «Работа была напечатана на машинке», – позже свидетельствовал академик Г.А. Разуваев. Под руководством Торопова разработана технология извлечения радия из попутных нефтяных вод, которую непрерывно усовершенствовали.

¹¹ «Посмотрите же на мои дела!» Из писем и дневников И.Я. Башилова // Химия и жизнь. 1989. № 11. С. 26.

Ученый сделал несколько важных изобретений. Часть из них была зафиксирована в публикации¹². В 1933 г. Ф.А. Торопову и заключенному С.П. Сударикову выдано авторское свидетельство на изобретение «Способ переработки радионесущих руд», а в Бюро изобретений Госплана зарегистрировано описание изобретения о способе получения радиевых концентратов, заявленное в сентябре 1938 г. и опубликованное в августе 1945 г. Для переработки концентратов Ф.А. Торопов и С.П. Судариков внедрили оригинальный муфельный способ. В отчете за 1937 г. написано, что «технологический процесс обработки концентрата в печном отделении составляет патент завода».

В 1939 г. Торопов тоже побывал в Москве и встретился с В.И. Вернадским. Как писал академик, гость поведал о лагерных условиях: «Не выпускают (за пределы поселка) и условия тяжелые <...>. Все НКВД поставлены как люди второго ранга». Главной темой разговора стала подготовка докторской диссертации: «новая методика, огромн[ая] лаборатория (50 чел[овек]) и новые технологии».

Академик Г.А. Разуваев вспоминал: «Торопов сделал докторскую диссертацию тут же в Чибью по сланцам, и она была утверждена ВАКом без защиты». Так Торопов в 1940 г. стал еще и доктором технических наук.

Благодаря работам Ф.А. Торопова извлечение радия-мезотория из вод промысла было увеличено почти в два раза. Федор Александрович стал заслуженным деятелем науки и техники Коми АССР (1943 г.) и заслуженным деятелем науки и техники РСФСР (1946 г.). В альбоме «Ухтинский комбинат за 15 лет (1929–1944 г.)», выпущенном Ухто-Ижемским лагерем НКВД СССР тиражом 17 экземпляров в 1944 г., имеются фотоснимки интерьера лаборатории и портреты сотрудников. Подпись под одной фотографией гласит: «Главный технолог радиевого промысла Федор Александрович Торопов, награжденный орденом Ленина, проверяет результаты радиометрических измерений, сделанных сотрудницей центральной химической лаборатории»¹³.

Выдающийся теоретик и практик, Ф.А. Торопов являлся инициатором научно-организационных мероприятий. В июле

¹² Торопов Ф. А. Геохимия Ухтинских радиоактивных вод // Роцевский М.П. Указ соч. С. 273–194.

¹³ Национальный архив Республики Коми. 2-е хранилище. Ф. 3728. Оп. 1. Д. 1611. 81 л.

1939 г. в докладе о применении радиоактивных вод в государственной плановой комиссии Совнаркома Коми АССР наряду с производственно-техническими задачами он говорил о необходимости развертывания научных исследований на новой основе. «Работы по проблематике на Ухте много. Она выходит за пределы исследовательских задач, которые имеются на Ухте <...>, а отсюда возникает необходимость создания в Коми АССР научного учреждения для разрешения всех проблем (вопросы нефти, углей и других полезных ископаемых)». Он говорил, что создание такой организации «мыслится на следующих началах»: необходим подробный план работ, а программу должна утвердить Академия наук.

Федор Александрович уделял большое внимание сохранению документов химической лаборатории. На первой конференции научных работников Коми АССР в Сыктывкаре в 1939 г. Ф.А. Торопов подчеркивал богатство собранных на Водном данных: «У нас имеются огромные материалы, которые находятся под спудом <...>, еще не известны широкой публике. Нигде нет такого богатого материала по изучению радиоактивности, как на Ухте», потому что радиоактивность района «является беспримерной во всем мире».

Этапом развития научных исследований на Водном стал конец 1940-х гг., когда появился практически неограниченный источник сырья – отходы урановой промышленности. Это произошло также под руководством Ф.А. Торопова. Образцы руды из Табошара на Водном получили в 1946 г. Способ переработки выдвинул Ф.А. Торопов. В 1949–1951 гг. завод по переработке радиевых концентратов реконструировали, а объем готовой продукции значительно возрос. Федор Александрович Торопов за разработку нового метода получения химического продукта стал лауреатом Сталинской премии (1947 г.). Именем Торопова названа улица в поселке Водном (1990 г.).

Несколько сотрудников лаборатории также получили Государственные премии.

С 1942 г. начальником завода концентратов на Водном являлся химик-органик Григорий Алексеевич Разуваев (1895–1989), академик АН СССР (1966 г.), Герой Социалистического Труда (1969 г.), лауреат Ленинской премии (1959 г.) и двух

Государственных премий СССР (1971, 1985 гг.), основатель Института металлоорганической химии РАН, который носит его имя. Как видно из отчета производственно-технического отдела Ухтпечлага, на Водном Разуваев внес много усовершенствований в технологический процесс, разработал рецепт переработки забалансовых отвальных гипсов. Его нововведение позволяло улавливать до 97 % радия, при этом резко уменьшился объем воды при переработке, к тому же «работу завода удалось наладить бесперебойно». В 1945 г. Г.А. Разуваев получил возможность доставить ампулу с продукцией завода в Москву, где навестил академика А.Н. Несмеянова. Академик просил его разыскать оттиски опубликованных до ареста трудов и «велел мне по ним немедленно защищаться», – писал Г.А. Разуваев¹⁴. В 1946 г. Г.А. Разуваев был освобожден и в том же году защитил докторскую диссертацию.

Еще одним создателем индустриального наследия Водного был инженер-электротехник Михаил Дмитриевич Крашенинников (1898–1953), который обеспечил производство и химическую лабораторию электроэнергией. После досрочного освобождения в 1936 г. Крашенинников остался работать в Водном по вольному найму, исполнял обязанности начальника энерго-механической колонны, с июня 1938 г. – главный инженер, в 1944–1946 гг. исполнял обязанности начальника Водного промысла. В 1947 г. Крашенинникову вместе с Ф.А. Тороповым присуждена Сталинская премия.

Сотрудником лаборатории являлся Николай Семенович Козлов (1907–1993), академик АН БССР (1966 г.), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1965 г.), лауреат Государственной премии БССР (1984 г.). Николай Семенович возглавлял Институт химии АН БССР (1933–1938 гг.) и Институт физико-органической химии АН БССР (1967–1973 гг.). В 1946 г. – профессор кафедры химии Молотовского (Пермского) государственного педагогического института. Еще до войны в поселке Водном он исследовал химический состав нефти.

¹⁴ Разуваев Г.А. Рассказы без подробностей // Химия и жизнь. 1988. № 2. С. 15–19.

Он имел до 200 авторских свидетельств на изобретения, внедренные со значительным экономическим эффектом.

В химической лаборатории научное лидерство принадлежало теоретикам, но действовал инженерный коллектив, проводивший многочисленные опыты, внедривший немало технических нововведений и обеспечивший решение многих технологических задач. В химической лаборатории трудилось более 60 человек.

Таким образом, в 1940-е гг. Водный промысел был одним из самых крупных и высокотехнологичных предприятий в Коми АССР. Работал завод по переработке радиевых концентратов, 12 радиохимических заводов, электростанция и другие подразделения. В эксплуатации постоянно находилось около 150 скважин. Производственные объекты предприятия располагались в радиусе 40 км.

Центром научно-исследовательской работы Водного была химическая лаборатория, которая фактически представляла собой мощный исследовательский институт. Ученые промысла выдвигали такие задачи, которые свидетельствовали о государственном складе их ума и определяли перспективы исследования региона. Здесь работали талантливые ученые и инженеры, отмеченные государственными наградами и званиями. Шесть исследователей стали лауреатами Сталинской (Ленинской) и Белорусской государственных премий: И.Я. Башилов, И.И. Гинзбург, Г.А. Разуваев, Ф.А. Торопов, М.Д. Крашенинников, Н.С. Козлов. Здесь работали будущий академик АН СССР Г.А. Разуваев и несколько докторов наук. Это были создатели и организаторы уникального научно-производственного предприятия.

Все сказанное позволяет выдвинуть предложение, что территорию поселка, где в 1930-м – середине 1950-х гг. действовала химическая лаборатория, целесообразно выделить и включить в реестр как памятное место.

РОЛЬ ГУЛАГА В ПОДГОТОВКЕ К ВОЙНЕ И ЕГО ВКЛАД В ПОБЕДУ (1920–1945 гг.)

Суслов Михаил Григорьевич
д-р ист. наук,
профессор кафедры теории
и практики управления,
Пермский филиал РАНХиГС при
Президенте Российской Федерации,
Пермь
suslovmi@yandex.ru

Аннотация. Исследуются отношение органов власти к наказанию противников и преступников, их содержанию и использованию в производственной сфере, изменение политики власти в отношении правонарушителей после научного прогноза на Вторую мировую войну. Анализируются объемы работ, выполненных заключенными по производству военной продукции, а также помощь государству деньгами и драгоценностями, сданными в фонд обороны.

Ключевые слова: ГУЛАГ в межвоенный период, его вклад в подготовку к войне и в производство вооружения в годы войны.

CONTRIBUTION OF THE CONCLUDED GULAG TO THE VICTORY OVER FASCIST GERMANY

Mikhail Suslov
Doktor of Historical Sciences (Advanced Doktor) Professor,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Perm
suslovmi@yandex.ru

Abstract. The article examines how production activities were organized in the camps of the Gulag system during World War II, it analyzes the volumes of work performed by prisoners, reveals the absolute and relative indicators of military products produced in the camps, as well as products used for the needs of the army, and substantiates the contribution of these activities in achieving victory over the enemy.

Keywords: Gulag, production, weapons, equipment, ammunition, prisoners, management.

В постсоветский период теме ГУЛАГа посвящено много работ. В массе своей они призваны показать жестокость сталинского режима и бесчеловечность советской политической системы вообще. В условиях перехода и адаптации исследователей к рынку это вполне естественно. Однако тема репрессий не так проста. Исследователи нечасто вписывают историю ГУЛАГа в обстановку, в которой оказалась наша страна в 1920–30-е гг., тем более в годы Великой Отечественной войны.

Если проследить карательную политику Советского государства в отношении правонарушителей и врагов советской власти, то можно увидеть, как под влиянием внешних и внутренних обстоятельств происходило изменение во взглядах и подходах, в теории и практике формирующейся советской пенитенциарной системы.

В настоящее время мало кто обращает внимание на то, что первые шаги советской власти в отношении мнимых и реальных врагов были несколько странными. Еще не завершился захват власти большевиками, а глава Временного правительства А.Ф. Керенский бежит на фронт, поднимает и ведет Дикую дивизию во главе с генералом Красновым на Петроград, чтобы подавить начавшееся восстание.

Оружием и пропагандой вооруженные рабочие и матросы дивизию остановили, не дав учинить кровавую расправу над восставшими. Генерал Краснов был взят в плен. Казалось бы, поднявшего на рабочих оружие следовало, как классового врага, тут же расстрелять или, по меньшей мере, судить и изолировать. Но вместо этого генералу предлагают дать честное генеральское слово, что вооруженную борьбу против советской власти он вести не будет. Генерал дал слово, и его отпустили.

В знак генеральской «благодарности» он бежит на Дон, поднимает казаков, которые рубят большевиков и их сторонников, как капусту. Всех изрубить не удалось, и генерал-лейтенант П.Н. Краснов бежит с остатками белого движения за границу. Не успокоилась душа генерала, и вместе с фашистскими войсками он еще раз решил «отблагодарить» большевиков, приведя казачью дивизию, которая снова беспощадно рубила и стреляла солдат Красной армии. На сей раз генералу не удалось уйти от расплаты, и после войны он был повешен.

Большевики, восставшие рабочие и матросы делали свое дело, взяли Зимний дворец, арестовали Временное правительство, отправили его в крепость, но потом отпустили. Юнкера в Петрограде дважды с оружием в руках поднимались на борьбу с советской властью, и оба раза их разоружали и отпускали по домам.

Любопытна история с графиней Паниной. Она была министром Временного правительства, но от революции бежала, прихватив кассу министерства. Ее поймали и судили. Судил не обыкновенный суд, а революционный трибунал. Часто спрашивал и спрашиваю студентов – юристов и иных – о том, что сделали большевики с классовым врагом – графиней, да еще министром враждебного Временного правительства, к тому же совершившей кражу денег министерства. Во все времена ответ один: суд присудил расстрелять – и расстреляли. В реальности революционный трибунал присудил объявить графине Паниной **ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОРИЦАНИЕ**. Всякий раз меня удивляло не только решение трибунала, но и представление советской и постсоветской молодежи о пролетарском суде.

В декабре 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) как специальный орган по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с Ф.Э. Дзержинским. Свое дело комиссия делала, вела борьбу и могла приговорить к расстрелу. Условие приговора было одно: за расстрел должны были проголосовать единогласно, т. е. все члены комиссии. Первый такой приговор комиссия вынесла только в феврале 1918 г. князю Эболи. На вопрос студентам, за что же его расстреляли, ответ всегда стандартен: за то, что он князь, т. е. классовый враг.

В реальности князь Эболи организовал группу единомышленников, которые, изготовив фальшивые удостоверения, под видом чекистов приходили в дома и квартиры богатых граждан Петрограда и изымали деньги и драгоценности. Когда пошли по городу, а потом и по стране разговоры и слухи, что чекисты – это обыкновенные бандиты и советская власть – это бандитская власть, были приняты меры по аресту группы. Арестовав князя Эболи, ВЧК приговорила его к расстрелу.

Что касается реальных классовых врагов и противников советской власти, то большевики долго проявляли терпимость, если те не брались за оружие. Но после убийства Урицкого и ранения Ленина 30 августа 1918 г. большевики решили ответить тем же. 5 сентября 1918 г. объявлен «красный террор» и начинаются расстрелы классово чуждых элементов. Расстреливали, списки расстрелянных публиковали. Среди них были и ни в чем не повинные люди. Цель «красного террора» была одна – запугать классово чуждые элементы так, чтобы они не посмели взять в руки оружие и вести вооруженную борьбу против советской власти. Однако уже в октябре 1918 г. в массах зреет недовольство расправами над невиновными и в ноябре фактически заканчивается «красный террор», так как разгоравшаяся Гражданская война пустила выяснение отношений между классами и социальными группами на другие рельсы.

Что касается борьбы с преступными элементами, то вместо Главного тюремного управления (ГТУ) Министерства юстиции царских времен создается Главное управление местами заключения (ГУМЗ), а на местах образовывались тюремные инспекции [5]. В апреле 1918 г. вместо ГУМЗа создали Центральный карательный отдел (ЦКО), который 23 июля 1918 г. ввел «Временную инспекцию НКЮ о лишении свободы», действовавшую до ноября 1920 г.

17 декабря 1919 г. был принят декрет СНК, разрешающий отпускать отбывающих наказание по приговорам ревтрибуналов, нарсудов или ЧК на работу в совучреждения и госпредприятия «по месту нахождения заключенного» на срок до трех месяцев [3, с. 422–423].

В основе тюремной политики были два принципа: самокупаемость и полное перевоспитание заключенных [8, с. 11].

Из перевоспитания трудом ничего не получилось, так как в условиях безработицы лишь 2 % заключенных были заняты производительным трудом [11, с. 22]. Постановлением ВЦИК был создан Отдел принудительных работ, которому поручили создать лагеря принудительных работ в каждой губернии [2, с. 174]. К концу 1920 г. в РСФСР было 84 лагеря в 43 губерниях, где содержалось около 50 тыс. человек. В 1922 г. насчитывалось 80 тыс. заключенных. Они должны были работать 8 часов, получать зарплату по расценкам профсоюзов, проживать на частной квартире, если не допускали нарушений, и являться в лагерь только для работы.

Положение с лагерной системой и принудительным трудом начинает меняться после 1925 г. Что же случилось, что стало поводом для этого? В 1924–1925 гг. теоретически была просчитана будущая Вторая мировая война. Это сделал выдающийся полководец и военный теоретик Михаил Васильевич Фрунзе. Он дал два тезиса: 1) следующая война будет войной потенциалов, 2) в той войне будет применяться стратегия истощения. Чей потенциал будет истощен первым, то государство будет уничтожено.

Узнав о прогнозе Фрунзе, Сталин захотел получить данные о потенциалах вероятных противников. Такие данные учеными были даны. Потенциал Великобритании больше нашего в пять раз, Германии – в шесть, США – в десять. Это стало для Сталина веским основанием для того, чтобы на XIV съезде партии в декабре 1925 г. провозгласить курс на индустриализацию страны. Позднее он говорил, что если страна за 10 лет не сделает столько, сколько Европа за 100 лет, то нас сомнут.

Итак, военная наука и власть отчетливо понимали ситуацию, т. е. меру нависающей над страной угрозы, выход из которой был один – срочно и бешеным темпом наращивать потенциалы, чтобы не быть уничтоженными. Это означало также мобилизацию и рациональное использование всех трудовых и людских ресурсов.

Уже 19 декабря 1926 г. ВСНХ РСФСР было принято решение «Об использовании на лесозаготовках труда заключенных», в котором всем государственным организациям

предлагалось привлечь к труду «максимальное количество заключенных» [12].

Начиная с 1928 г. власти оказывали давление на народные суды, чтобы мелких преступников они осуждали к принудительным работам без содержания под стражей. В результате к 1930 г. 20 % убийц, 31 % насильников, 46,2 % грабителей и 69,7 % воров были осуждены к принудительным работам без содержания под стражей [4, с. 25].

В марте 1928 г. в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» предлагалось разработать проект закона о принудительных работах, в который заложить принципы: безопасности, хозяйственной выгоды и создания такой организации, чтобы заключенные представляли реальную силу репрессий [7].

Весной 1929 г. наркоматы юстиции, внутренних дел и ОГПУ предложили СНК создать в качестве эксперимента несколько лагерей «емкостью» в 50 тыс. человек для освоения северных окраин, что позволит сократить расходы на содержание заключенных с 250 до 100 рублей в год [13].

В мае 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «Перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районах Ухты, Индиго и т. д.» [16].

В июле 1929 г. правительство принимает решение о расширении использования труда заключенных на лесоповальных работах в отдаленных районах. Поскольку лес являлся одной из главных статей экспорта страны, то заключенные становились реальными добытчиками валюты, необходимой для проведения индустриализации. Тогда же правительство принимает постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», предусматривавшее создание сети исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), а для осужденных на сроки от года до трех лет – промышленные и сельскохозяйственные колонии (исправительно-трудовые колонии – ИТК) [1, с. 56–57].

В апреле 1930 г. было создано Управление лагерями ОГПУ при СНК СССР, сокращенно – УЛАГ ОГПУ. Через год УЛАГ превратился в ГУЛАГ, т. е. Главное управление лагерями, занятое 150 тысячами заключенных, которые использовались

за плату на контрагентских работах. Кроме того, лагеря организуют собственные производства в виде мелких мастерских, сельскохозяйственных и рыболовецких предприятий.

С 1931 г. ОГПУ превращается из поставщика рабочей силы в непосредственного производителя. В связи с осложнением международной обстановки в лагерях увеличивается продолжительность рабочего дня, отменяются выходные, привлекаются к труду инвалиды. С успешно проводившейся индустриализацией в 1930 г. ликвидирована в стране безработица, выросла потребность в рабочей силе, и появился экономический смысл расширения лагерей. На 1 января 1934 г. в лагерях находилось уже 510 тыс. заключенных. Появляются лагеря, в которых были десятки тысяч человек. В Белбалтлаге, например, насчитывалось 107 900 заключенных [14].

С приходом к власти в Германии фашистов угроза войны становится очевидной. Чрезвычайные обстоятельства вынуждают органы власти принимать чрезвычайные меры. Труд заключенных начинает использоваться на самых тяжелых участках, а именно на строительстве каналов и железных дорог, добыче нефти и каменного угля и на других участках, на которых не желали работать вольнонаемные.

В 1939–1940 гг. обязанности производственно-хозяйственного управления брали на себя специализированные производственные главки, созданные на базе бывших производственных управлений ГУЛАГа. Шесть основных главков управляли промышленным, железнодорожным, шоссейно-дорожным, гидротехническим строительством, горно-металлургической промышленностью, строительством по Дальнему Северу, два производственных управления – лесной и топливной промышленностью, аэродромным строительством.

В годы войны число лагерей и колоний увеличилось. За годы войны было вновь организовано 40 ИТЛ, 11 УИТЛК и 15 ОИТК НКВД. 69 ИТЛ, 17 ИТЛК и 15 ОИТК подверглось реформированию. Созданная система управления позволяла решать поставленные задачи и вносила большой вклад в создание тех потенциалов, которые приближали победу. Более 2 миллионов человек было вовлечено в производственную деятельность. Из них на строительстве железных дорог работало

448 тыс., в промышленном строительстве – 310 тыс., в лесной промышленности – 320 тыс., в горной металлургии – 171 тыс., на аэродромном и шоссежном строительстве – 268 тыс. [6; 9].

225 тыс. заключенных содержалось в специальных ИТК: промышленности боеприпасов и вооружений – 39 тыс., авиационной и танковой промышленности – 20 тыс., угольной и нефтяной промышленности – 15 тыс., лесной промышленности – 10 тыс. [15]. Начальником ГУЛАГа НКВД В.Г. Наседкиным приводились данные о предоставлении рабочей силы из лагерей и колоний другим наркоматам: в 1941 г. – 266 000 чел., в 1942 г. – 457 777 чел., в 1943 г. – 595 000 чел., в 1944 г. – 927 000 чел. В 1945 г. НКВД предоставляло рабочую силу на 764 объекта 38 наркоматов [10, с. 299]. Тенденция увеличения числа выделяемых наркоматам заключенных связана с призывом в армию мужской части коллективов предприятий и увеличением числа военнопленных, переселенцев с оккупированных территорий и других категорий, опекаемых НКВД.

Война требовала много оборонной продукции, и с первых дней войны пошла перестройка предприятий на выпуск всего, что требовалось фронту. Прежде всего требовались боеприпасы, и уже в 1942 г. выпуск всех их видов составил 15,5 млн единиц, что было в 20 раз больше, чем в 1941 г.

Общие итоги выпуска боеприпасов за годы войны подведены 12 июля 1945 г. в «Справке о предприятиях НКВД, изготовлявших военную продукцию в годы Великой Отечественной войны». На выпуск боеприпасов и спецкупорки было переключено 101 предприятие ГУЛАГа. За три года войны общий выпуск всех видов боеприпасов предприятиями ГУЛАГа составил 70 700 000 единиц, или 104 % плана. В неизменных ценах весь выпуск боеприпасов определялся в 1 250 000 000 рублей [15].

Всего за четыре года войны было произведено мин осколочных (М-50, М-82, М-120) – 37 672 600 штук, противотанковых мин деревянных (ПМД-6) – 11 793 100, (ПМД-Б) – 321 100, противопехотных мин заграждения (ПОМЗ-2) – 2 321 500, ручных гранат – 47 000 000, унифицированных запалов ручных гранат (УЗРГ) – 31 735 700, авиационных осколочных бомб (АО-25) – 14 100, (А-10) – 46 800, химических авиабомб (ХАБ-100)

– 18 200, (ХАБ-500) – 19 600, фугасных авиационных бомб (ФАБ-500) – 22 600, спецукупорки – 27 960 600 [10, с. 332–333].

Заклученные использовались на строительстве новых заводов, на восстановлении разрушенных фашистами предприятий, в том числе Сталинградского и Харьковского тракторных заводов. Только в Пермской области за годы войны было построено 44 крупных предприятия, 368 цехов, 29 угольных шахт, 5 химических заводов, 3 электростанции, проложено 260 км железнодорожных путей. Более трети всей рабочей силы, предоставляемой НКВД СССР другим наркоматам, было задействовано на добыче угля в Донецком, Подмосковном и Кузнецком угольных бассейнах, на шахтах треста «Карагандауголь».

В сферу производственной деятельности ГУЛАГа входили и другие производства, не связанные с оборонной продукцией: лесные, текстильные, пенько-джутовые, трикотажные, обувные, кожевенные, валяльно-войлочные, швейные, пошивочно-скорняжные, гончарные, кожетехнические, лесохимические, металлообрабатывающие, деревообрабатывающие и др.

В настоящее время следовало бы изучать и больше писать не столько об ужасах ГУЛАГа, сколько о тех, кто в тяжелейших условиях лагерного быта выполнял производственные нормы на 200–300, 400–500 процентов и более, кто в фонд обороны сдавал миллионы рублей, золотые украшения и даже бриллианты. Будем надеяться, что настанет время, когда власть и ученые скажут спасибо тем, кто в местах заключения проявлял трудовое усердие для скорой победы над фашизмом.

Список литературы и источников

1. Административный вестник. – 1929. – № 9. – С. 56–57.
2. Декреты советской власти. – Т. 5. – С. 174.
3. Декреты советской власти. – Т. 7. – М., 1975. – С. 422–423.
4. Исправительно-трудовая политика реконструктивного периода // Советская юстиция. – 1931. – № 25. – С. 25.
5. Климьшкин П. К амнистии // Каторга и ссылка. – 1921. – № 1. – С. 8–20.

6. Комплектование строителей и лагерей НКВД рабочей силой и специалистами из заключенных [Электронный ресурс]. – URL: <https://liewar.ru/content/view/76> (дата обращения: 10.09.2021).

7. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. – М., 1959. – С. 202–203.

8. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР : справочник. – М. : Звенья, 1998. – С. 11.

9. Суржик Д.В. Роль ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны: к истории одного стереотипа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-history-2016-6/3-surzhik.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

10. Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. – Пермь : Пушка, 2005. – С. 299, 332–333.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4042. Оп 1а. Д. 39. Л. 171.

12. ГАРФ. Ф. 4042. Оп 1а. Д. 39. Л. 171.

13. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 11а. Д. 555. Л. 32 об.

14. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 148, 178.

15. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 10–15, 44.

16. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 740. Л. 6.

СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РАСКУЛАЧИВАНИЯ

Филатов Владимир Викторович
*д-р ист. наук, доцент,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
ведущий научный сотрудник научно-
исследовательского института
исторической антропологии и филологии,
Магнитогорск
v.philatov@mail.ru*

Аннотация. Урал, особенно его северная часть, стал крупнейшим регионом ссылки раскулаченных крестьян. Подневольные крестьяне помогали государству решать задачу освоения новых земель, лесозаготовок, разработки полезных ископаемых, строительства промышленных предприятий. Организация труда ссыльных находилась на низком уровне. Исследование показало, насколько неорганизованно проходил процесс расселения раскулаченных в спецпоселениях. Режим проживания в спецпоселках значительно ограничивал права человека. Ссыльные не были обеспечены нормальным питанием, жильем, медицинским обслуживанием.

Ключевые слова: спецпоселения, Урал, раскулаченные крестьяне, организация принудительного труда, условия проживания.

SPECIAL SETTLEMENTS OF THE URAL REGION DURING THE INITIAL PERIOD OF DISKULAKIZATION

Vladimir Filatov
*Associate Professor, Doctor of historical sciences,
Nosov Magnitogorsk state technical University,
Leading Research Fellow of the Research
Institute of Historical Anthropology and Philology,
Magnitogorsk
E-mail: v.philatov@mail.ru*

Abstract. The Urals, its special northern part, became the largest region of exile for dispossessed peasants. Forced peasants allowed the state to solve the problem of developing new lands, logging, mining, building industrial enterprises. The labor organization of the exiles was at a low level. The study showed how unorganized the process of resettlement of the dispossessed in special settlements was. The regime of living in special settlements significantly limited human rights. The exiles were not provided with normal food, housing, and medical care.

Key words: special settlements, Ural, dispossessed peasants, organization of forced labor, accommodations.

Актуальность проведенного исследования вызвана тем, что проблема ссылки раскулаченных крестьян требует дальнейшего изучения, поскольку позволяет лучше понять процессы, происходившие в стране в 1930-е гг. – период массовой коллективизации. Ученые-историки, такие как Н.А. Ивницкий, С.А. Красильников, В.Н. Земсков [4; 5; 3] и другие, внесли значительный вклад в исследование различных аспектов организации ссылки зажиточных крестьян. Однако, на наш взгляд, еще недостаточно разработаны отдельные вопросы специальных поселений в Уральском регионе, крупнейшем месте ссылки раскулаченных. Цель нашего исследования – восполнить пробелы в изучении данной проблемы. Хронологические рамки исследования охватывают 1930–1931 гг., когда проходило массовое выселение так называемого кулачества.

Выселение крестьян проходило строго по разработанному плану, хотя в ряде случаев имелись отклонения от первоначально определенных заданий. Специфика Уральского региона заключалась в том, что местным органам советской власти приходилось не только заниматься отправкой своих кулаков второй категории в северные территории и расселением кулаков третьей категории, но и принимать прибывавший спецконтингент из других мест СССР. С февраля 1930 г. по сентябрь 1931 г. в северные районы Уральской области выселили 128,2 тыс. крестьянских семей (592,1 тыс. человек). Большая часть высланных была с Украины – 22,2 %, из Уральской области – 21,6 % и с Северного Кавказа – 20,9 %. Крестьяне высылались на Урал из 13 регионов. По численности ссыльных крестьян Уральский регион занимал первое место в стране [7, с. 312–313].

Средний состав семьи, выселенной на Урал, равнялся 4,2 человека, из них трудоспособные составляли 37,9 %, то есть в семье было 1,6 работника, хотя по установке центра соотношение трудоспособных и нетрудоспособных среди спецпереселенцев должно было составлять 6 к 4 [9, с. 15].

Властные структуры установили для каждого члена кулацкой семьи, отправляемой на север Уральской области, обязательно оставлять теплые вещи (тулуп, валенки, шапку, рукавицы), самые необходимые предметы домашнего обихода (белье, постельные принадлежности, посуда), некоторые элементарные средства лесозаготовок и рыболовецкого производства на каждого взрослого члена семьи (топоры, лопаты, пилы, сети и т. д.), один хомут на хозяйство, продовольствие на три месяца. Из отобранных во время раскулачивания денег выделялось 500 руб. для проезда и устройства на месте [12, л. 48].

Первоначально по постановлению Уралоблисполкома от 8 февраля 1930 г. расселение высылаемых кулаков второй категории производилось небольшими поселками, которые управлялись назначенными комендантами [2, л. 96]. На первых порах ссыльные имели возможность писать письма во власть, домой о своей жизни в неволе. Но в апреле 1930 г. ОГПУ приняло решение о задержании корреспонденции отбывавших ссылку кулаков [7, с. 458–459]. Для организации агентурно-оперативной деятельности ОГПУ проводило вербовку осведомителей из расчета на каждые 50 семей – не менее двух осведомителей, причем половина из них должна была формироваться из молодежи. Для выявления контрреволюционной верхушки намечалось иметь не менее одного спецосведомителя на поселок [10, с. 447–449].

13 октября 1930 г. вышло постановление СНК РСФСР «О трудовом устройстве кулацких семей, выселенных в отдаленные местности, и о порядке организации и управления специальными поселками». Специальные поселки для второй категории раскулаченных создавались в местностях, где ощущался недостаток в рабочей силе для лесозаготовок, рыбных промыслов, освоения неиспользованных земель и разработки недр. Их образовывали вдали от железных дорог, городов,

селений. Места расположения специальных поселков, а также количество кулацких семей, в них проживающих, определялись областным земельным управлением и административным управлением.

Из заработной платы спецпереселенцев удерживалось 25 % на нужды управления поселками. Хозяйственные организации были обязаны прикрепленных спецпереселенцев обеспечить жилыми помещениями по специальным нормам. Спецпереселенцы должны были обеспечиваться продовольствием и продуктами первой необходимости. Из особого фонда выделялись средства на нужды школьного и дошкольного воспитания детей спецпереселенцев.

Передвижение спецпереселенцев и членов их семей было ограничено. Они могли покидать территорию поселка только с разрешения коменданта поселка. При достижении 16 лет члены семьи спецпереселенцев могли выходить из состава поселка для работы по найму, но за пределами района, где находился поселок.

После пятилетнего пребывания в спецпоселке спецпереселенцы могли выйти из него с восстановлением в гражданских правах по постановлению райисполкома, утвержденному облисполкомом, лишь при условии лояльности к советской власти и неуклонного выполнения своих обязанностей. Нарушение спецпереселенцами правил внутреннего распорядка, уклонение от выполнения порученной им работы и плановых заданий, а также совершение мелких бытовых преступлений влекли за собой административное взыскание [7, с. 72–75]. Как показала жизнь, первоначально отчисления из зарплаты кулаков производились произвольно. Вместо 25 % в некоторых местах из зарплаты высчитывали до 40 % [10, с. 378].

Повседневность проживания ссыльных показала, что их права постоянно нарушались. К спецпереселенцам применялись репрессии не только комендатурой, но и десятниками, бригадирами. Например, в каждом спецпоселке Петропавловского леспромхоза были созданы арестантские помещения («каталажки»), в которые беспричинно заключались переселенцы всех возрастов. Они содержались в неотапливаемых помещениях, раздетыми, по несколько суток и без пищи, избивались вплоть до смертельных случаев. В Надеждинском районе Уральской

области переселенцев избивали не только в каталажках, но и на улице, в лесу на работах и во время отдыха. Женщины и девушки подвергались избиениям, изнасилованиям. У спецпереселенцев отбирали деньги, вещи, продукты, вымогали взятки [9, с. 26, 54–55]. Хотя многие из этих должностных лиц и понесли наказание, но отношение к ссыльным оставалось прежним.

Установленный жесткий режим проживания в спецпоселках высланных зажиточных крестьян приводил к побегам. С весны 1930 по сентябрь 1931 г. в Уральской области сбежало из 530726 спецпереселенцев 2,4 %, хотя в Северном крае доля сбежавших достигала 29,2 % [7, с. 532].

В справке Особого отдела ОГПУ (февраль 1931 г.) указывалось, что спецпереселенцы в правовом отношении приравнивались к осужденным в ссылку. Они лишались права на всякую собственность, кроме предметов узко личного потребления. Все остальное имущество являлось собственностью государства. Все элементы, из которых складывался быт переселенцев, обобществлялись: питание по установленным нормам из общего котла через общественные столовые, общественные бани, медпункты, школы, клубы, детские дома.

В марте 1931 г. Уралобком ВКП(б) принял «Положение о спецпереселенцах». По нему спецпоселки делились на лесозаготовительные, рыбопромысловые, сельскохозяйственные. Спецпоселки в зависимости от местных условий имели от 80 до 150 домов. Спецпереселенцы разбивались на пять групп. На каждые десять семей распоряжением коменданта поселка выделялся старший. Все спецпереселенцы лишались права свободного передвижения вне территории спецпоселка и мест работы. Посевы и промыслы спецпереселенцев освобождались от налогообложения до 1933 г.

Личные ограничения в правах предполагали запрет передвигаться и селиться по собственному усмотрению, участвовать в собраниях без разрешения поселковых комендантов. У спецпереселенцев не имелось никаких документов, кроме личной книжки установленного образца и пропуска на временные отпуска.

Штрафные команды образовывались в целях исправительно-трудового воздействия на спецпереселенцев, не выполнявших нормы выработки. Эти спецпереселенцы привлекались на работы

в принудительном порядке и обязывались выполнять установленные для них нормы выработки. Они лишались зарплаты, и им выдавалось лишь бесплатное питание из общего котла [8, с. 604–605].

В мае 1931 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О специальных поселках», которое регламентировало организацию спецпоселков и управление ими. Непосредственное управление этими поселками осуществляли райисполкомы через уполномоченных. На уполномоченных возлагался большой круг обязанностей, включавший надзор за соблюдением законодательства, режима, привлечения рабочей силы и т. д. Побег из спецпоселков влек за собой направление в исправительно-трудовой лагерь. За нарушение режима уполномоченный имел право ареста и наложения штрафа. В том же месяце в полное ведение ОГПУ было передано хозяйственное, административное и организационное управление спецпереселенцами.

В июне 1931 г. был установлен штат комендатур в Уральской области в количестве 739 человек [7, с. 511, 515]. По сравнению с концом предыдущего года штатное расписание персонала спецпоселков значительно возросло. В конце 1931 г., по неполным данным, в Уральской области имелось около 650 спецпоселков, расположенных в 69 районах и трех национальных округах [9, с. 15].

В октябре 1931 г. было принято «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». По этому положению комендатуры спецпоселков подчинялись или непосредственно отделам по спецпереселенцам при полномочных представителях ОГПУ, или участковым и районным комендатурам.

Во многом это положение повторяло предыдущие документы. Новым было лишь то, что в вопросах оплаты их труда и снабжения продовольствием и товарами раскулаченные приравнивались к вольнонаемным рабочим, хотя это положение часто не выполнялось. С заработка спецпереселенцев работодатели стали удерживать 15 % на расходы, связанные с их административным обслуживанием, по сравнению с 25 % ранее. Они получили право на прием в местные школы, на курсы

на одинаковых условиях с вольнонаемными, а также на участие в культурно-просветительских организациях. Спецпереселенцы имели право собираться по вопросам соревнования и ударничества и общественно-бытового порядка в поселках. Они могли получать и приобретать газеты и литературу.

Спецпереселенцы и их семьи пользовались неограниченными правами обмена всякого рода корреспонденцией, посылками и денежными переводами. Они имели право возводить для себя за свой счет жилые дома и приобретать имущество личного обихода, скот и инвентарь. Спецпереселенцы имели право через комендатуры ОГПУ передавать своим родственникам и знакомым на воспитание и иждивение детей в возрасте до 14 лет и нетрудоспособных стариков и старух.

В права комендатур входило привлечение к ответственности спецпереселенцев, нарушающих порядок и законы. За нарушения, содержащие в себе элементы политических уголовных преступлений, дела передавались для разрешения в Коллегию ОГПУ или органы Наркомата юстиции [11, с. 238–243].

Количество прибывавших ссыльных возрастало, а организация их труда оставалась на низком уровне. Порой спецпереселенцы не знали о своих заданиях на работу, о нормах выработки, отсутствовало материальное стимулирование перевыполнения норм. По решению уральских партийных органов прибывавшие люди должны были максимально использоваться на лесозаготовках и рыбозаготовках [12, л. 40]. Однако чаще этого не происходило. Так, по четырем леспромхозам Северного Урала занято было только 83,3 % ссыльных. Они получали в месяц в среднем 12 руб. 87 коп. каждый, тогда как нормальная зарплата должна была составлять 30 руб. На основных работах было занято только 60,5 % трудоспособных, остальные выполняли второстепенные работы [7, с. 500]. Не зная, чем занять прибывший спецконтингент, крестьян бросали то на освоение земли, то на лесозаготовки, то на заготовку рыбы.

В «Ураллесе» для спецпереселенцев были установлены нормы наполовину больше, чем для вольнонаемных рабочих. Однако выполнение таких норм было невозможным. Фактически в леспромхозах нормы в среднем ссыльными выполнялись на 65–75 %, а в промышленности – на 80–85 % от нормы вольнонаемного

рабочего. Если для взрослого спецпереселенца средняя норма составляла в леспромхозе 3 м³ заготовленного леса в день, то для 12-летних детей, женщин и стариков – 2–2,5 м³. Продукты питания выдавались спецпереселенцам в зависимости от выработки. Выполнение повышенных норм было нереально, и поэтому многие спецпереселенцы получали лишь 25–50 % продуктовой нормы [9, с. 25]. Спецпереселенцы работали сутками, чтобы выполнить норму. Они замерзали, обмораживались [15, л. 36]. В Уралоблисполкоме считали, что следовало организовать труд слабосильных и подростков на посильных работах (очистка листвы, сбор ягод, грибов, плетение лаптей и т. д.) [13, л. 144 об.].

В леспромхозах были случаи невыплаты зарплаты, что вело к отказу работать, нарушениям трудовой дисциплины, побегам с мест работы [6, с. 19–20]. Постановление СНК СССР (май 1930 г.) устанавливало, что оплата труда спецпереселенцев должна быть на 20–25 % ниже по сравнению с занятыми на этих работах рабочими, законы о социальном страховании на них не распространялись [10, с. 378]. Только в следующем году их формально уравнивали с вольнонаемными.

Жилье в первых спецпоселках строилось медленно. Построенные дома имели плохое качество, в том числе и помещения общего пользования (бани, хлебопекарни и т. п.) [13, л. 143 об.]. Часто под застройку поселков выделялись неподходящие для проживания места. План по строительству жилья не выполнялся. Для спецпереселенцев устанавливалась норма жилья на человека 3 м² [7, с. 1022]. Однако данная норма практически не выполнялась [6, с. 18; 9, с. 101, 103].

Из-за отсутствия спецодежды и постельных принадлежностей спецпереселенцы работали в своей одежде, подстилали ее во время сна, ею же и укрывались, что превращало ее в лохмотья. У спецпереселенцев не имелось теплой обуви и одежды [9, с. 102]. На лесозаготовках одну пару теплого белья давали на шесть человек [16, л. 57].

По сравнению с другими местами ссылки нормы снабжения в Уральской области были меньше. Здесь муки отпускалось 200 г в сутки на человека, капусты – 100 г, картофеля – 195 г. [4, с. 245–246]. Продовольствия явно не хватало. Иногда спецпереселенцы ели траву, мох, ягоды, грибы. Это вызывало массовые эпидемии.

По оценке медиков, спецпереселенцы получали 600 калорий в день. Пища не предусматривала противочингового набора. Такие нормы питания, что вполне естественно, не давали работоспособности и хорошего здоровья [14, л. 48–52]. В 1931 г. в спецпоселках Уральской области умерло 32,7 тыс. человек, а в следующем году – в 1,5 раза больше [3, с. 22–23]. Плохое медицинское обслуживание приводило к высокой заболеваемости. Во всех северных округах переселенцы расселялись на далекое расстояние от медпунктов, в среднем на 25–30 км, поэтому большинство ссыльных было лишено не только постоянной медицинской помощи, но порой и экстренной. Так, в 1930 г., с апреля по июнь, в трех северных округах Уральской области заболело 26 тыс. спецпереселенцев, из которых умерло 639 человек [1, л. 68].

Таким образом, исследование показало, что расселение спецпереселенцев проходило хаотично. Места размещения не были готовы к приему большого количества раскулаченных крестьян. В спецпоселках был установлен строгий режим пребывания. Поселения не имели элементарных условий проживания: нормальной обеспеченности жильем, питанием, медицинским обслуживанием. Властные структуры не только изолировали ссыльных от сельского социума, но и применяли их труд на стройках пятилеток, лесозаготовках и других тяжелых физических работах. Организация и оплата труда спецконтингента были организованы плохо. Все это свидетельствовало о суровом наказании крестьян за то, что они трудились на земле лучше, чем другие.

Список источников и литературы

1. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 88. Оп. 1а. Д. 58.
2. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 451. Оп. 2. Д. 9.
3. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 8. Д. 54.
4. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 390.
5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 42.

6. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238.
8. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М. : Наука, 2003. – 304 с.
9. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М. : Интерпракс, 1994. – 267 с.
10. Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. – М. : РОССПЭН, 2003. – 285 с.
11. Мошкин В.В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север (1931–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тобольск, 2008. – 23 с.
12. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. Кн. 2. – М. : РОССПЭН, 2006. – 1120 с.
13. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. – М. : РОССПЭН, 2003. – 864 с.
14. Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг. Сб. док. Вып. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1994. – 232 с.
15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Док. и материалы: В 5 т. Т. 2: Ноябрь 1929 – Декабрь 1930. – М. : РОССПЭН, 2000. – 925 с.
16. Филатов В.В. Уральское село, 1927–1941 гг.: ссылка раскулаченных: моногр. – Магнитогорск : МГТУ, 2010. – 253 с.

СТАНОВЛЕНИЕ СУРГУТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1920–1930-е гг.

Шаймиева Лилия Индусовна
старший научный сотрудник,
МБУК «Сургутский краеведческий
музей»,
Сургут
shaymieva_li@admsurgut.ru

Аннотация. Раскрывается роль спецпереселенцев в становлении промышленности Сургутского района.

Ключевые слова: промысел, рыбозаготовка, лесозаготовка, спецпереселенцы, спецпоселение, рыбзавод, леспромхоз, Обьрыбтрест, Обьлестрест, промышленность, сельское хозяйство.

FORMATION OF THE SURGUT INDUSTRY IN THE 1920S– 1930S

Liliya Shaimieva
senior researcher,
MBUK 'Surgut Museum of Local Lore',
Surgut
shaymieva_li@admsurgut.ru

Abstract. This article reveals the role of special settlers in the development of industry in the Surgut region.

Keywords: fishing, harvesting of fish, timber harvesting, special settlement, fish factory, timber industry enterprise, Obrybtrest, Oblestrest, industry, agriculture.

В СССР во второй половине 1920-х – 1930-е гг. чрезвычайно актуальным стал вопрос комплексного освоения северных территорий, обладающих мощным потенциалом природных ресурсов. Важное государственное значение на Обь-Иртышском Севере придавалось развитию рыбного и лесного хозяйств. Рыболовные угодья в регионе считались лучшими из всех угодий Западной Сибири.

Промысловое значение имели такие виды рыб, как осетровые (стерлядь, осетр), сиговые (нельма, муксун, сырок, щекур, пыжьян), частиковые (чебак, окунь, язь, щука, карась). Территория обладала значительными запасами еще не затронутых эксплуатацией лесных массивов.

В 1920-е гг. территория Обь-Иртышского Севера на порядок уступала сопредельным промышленным и сельскохозяйственным районам Урала и Сибири по численности и плотности населения, по уровню социально-экономического и культурного развития. Господствующее положение в экономике занимало комплексное промысловое хозяйство: охота, рыболовство, оленеводство, огородничество, собирательство ягод, орехов. Применялись примитивные орудия лова и охоты, хищнические способы эксплуатации ресурсов [2, с. 141].

В 1924 г. территория Обь-Иртышского Севера в составе пяти районов – Березовского, Кондинского, Обдорского, Самарского и Сургутского вошла в состав Тобольского округа Уральской области. 10 декабря 1930 г. в составе Уральской области были образованы Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий) национальные округа. В 1934–1944 гг. входили в состав Омской области.

В середине 1920-х гг. на обширной территории Сургутского района площадью 234,8 тыс. кв. км проживало население численностью 6399 человек [2, с. 29]. Русские составляли примерно 54 % жителей района, остяки (ханты) – около 32 %, самоеды (ненцы) – около 12 % [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 231, л. 34]. Сургут, лишившись городского статуса из-за низкой плотности населения (0,03) [2, с. 29], именовался селом – районным центром. Население занималось преимущественно охотой, рыболовством и в незначительных размерах оленеводством.

Рыболовство, будучи важной отраслью экономики района, испытывало кризис. В 1925 г. на рыбопромысловых угодьях Сургутского района было добыто 1570 тыс. кг рыбы, в 1926 г. – 520 тыс. кг [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 231, л. 35]. Сокращение рыбных запасов вследствие снижения уровня воды в Оби в 1924–1925 гг., нерационального способа добычи, в совокупности с низкими закупочными ценами на продукцию, делали промысел убыточным [6, с. 12]. В итоге к середине 1920-х гг. произошел отток населения с рыбных промыслов на пушной, как наиболее выгодный из-за высокой товарной стоимости пушнины. По данным на 1928 г., из 1178 хозяйств Сургутского района доля охотничьих хозяйств составляла 28 %, рыболовных – 26 %, смешанных – 42 % хозяйств, проч. – 4 % [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 231, л. 34]. К концу 1920-х ситуацию удалось выправить, однако кризисные явления все же сохранялись.

В 1920-е гг. в Сургутском районе функционировали мелкие промысловые предприятия и торговые организации: Сургутское отделение акционерного общества «Хлебопродукт», Обь-Иртышский союз кооператоров «Северсоюз», Сургутское агентство Тобольской пушно-сырьевой конторы «Уралгосторга» [5, ф. 158, оп. 1, д. 16, л. 2, 14]. Местная промышленность не была развита.

В январе 1927 г. состоялась конференция производительных сил Урала по вопросам перспективного социально-экономического развития северных районов Тобольского округа. Участники секции Севера пришли к выводу, что для преодоления социально-экономической отсталости территории и внедрения ее в систему народного хозяйства страны необходимо «заменить первобытные примитивные способы обработки сырья индустриальной техникой, с введением в систему эксплуатации еще не использованных богатств» [2, с. 85]. Предполагалось развивать «крупное промышленное строительство комбинированного характера с рациональным использованием сырья и развитием кустарной промышленности».

Создание крупной промышленности, всестороннее научное изучение края и формирование природоохранного законодательства – все это должно было стать залогом успешного социально-экономического развития региона. Большое значение

придавалось поддержке туземного населения и вовлечению его в социалистическое строительство.

В 1928 г. открылась Сургутская рыбоконсервная фабрика – первое промышленное предприятие в районе. Она расположилась на месте рыбозасолочного участка в доме бывшего купца 2-й гильдии М.Г. Баскина. Многочисленные склады фабрики были разбросаны по всему Сургуту. Их обустраивали в конфискованных у зажиточных сургутян домах: И. Тетюцкого, Я. Конева, А. Чукчеева, в пристройке Троицкого храма и т. д. Фабрика была оснащена несложным оборудованием: обжарочной печью, автоклавом для стерилизации, закаточной машиной. В начале 1930-х гг. были открыты утильзавод, овощехранилище, холодный склад (ледник) для хранения продукции [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 293, л. 9–10].

В 1928 г. фабрика выпустила 85 тыс. банок консервов из рыбы и местной боровой дичи, в 1930 г. – 1 млн 178 тыс. банок (49,6 % общего плана) [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 102, л. 53]. В ночь на 1 мая 1930 г. на складе готовой продукции произошел пожар, который нанес непоправимый урон предприятию. Была уничтожена большая часть продукции предприятия.

В 1928 г., с принятием 1-го пятилетнего плана, советское руководство взяло курс на форсированную индустриализацию. Он предусматривал наращивание военной и экономической мощи государства максимально быстрыми темпами. В сложившихся условиях кратно выросшая потребность в естественных ресурсах отбросила ранее намеченные в середине 1920-х гг. планы по освоению Обь-Иртышского Севера. Острый дефицит рабочей силы и капиталовложений предопределил в начале 1930-х гг. практику массового трудоустройства раскулаченного и высланного крестьянства для хозяйственного освоения территории.

В 1930-е гг. Сургутский район стал местом принудительного переселения раскулаченных крестьян из Тюменского, Свердловского, Ишимского, Курганского, Челябинского, Тобольского округов Уральской области, Икрянинского, Камызякского и других районов Астраханской области.

Отправной датой начала ссылки на Обь-Иртышский Север называют 16 февраля 1930 г. [1, с. 243]. Вплоть до 10 марта 1930 г.

было выселено 6540 человек [4, ф. п. 30, оп. 1, д. 972, л. 62–63]. Высланные крестьяне с семьями следовали гужевым транспортом по зимнему пути. К концу марта в Сургутский район прибыло 818 человек (152 семьи) [4, ф. п. 30, оп. 1, д. 297, л. 71]. Следующая партия кулаков отправилась к месту высылки с началом навигации водным путем по Оби и Иртышу на пароходах «Усиевич», «Жан Жорес» [1, с. 245]. Всего за 1930 г. в район было выслано 6432 спецпереселенца (1876 семей) [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 49]. В 1931 г. в спецсылке насчитывалось, по разным данным, от 8895 человек (2022 семьи) [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 49] до 8973 человек (2076 семей) [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 346, л. 24.]. Для сравнения: численность местного населения в указанный период составляла 8151 человек [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 134, л. 73]. В Сургутском районе проживало спецпереселенцев: в 1932 г. – 8455 человек (1838 семей), в 1933 г. – 7355 человек (1609 семей), в 1934 г. – 7250 человек (1609 семей) [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 49].

Спецпереселенцы были задействованы на рыбных промыслах, лесозаготовках и в сельском хозяйстве. Административное и хозяйственное устройство кулаков на местах их расселения было поручено хозяйственным организациям – Обьрыбтресту и Обьлестресту. В 1931 г. за Обьлестрестом было закреплено 4365 человек (1024 семьи), из них: трудоспособных – 1798, нетрудоспособных – 994, детей и подростков – 1573. За Обьрыбтрестом – 4608 человек (1021 семья), из них: трудоспособных – 2057, нетрудоспособных – 874, детей и подростков – 1677 [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 346, л. 24].

В 1930 г. силами ссыльных по берегам Оби и ее притоков, зачастую в отдаленных труднодоступных местах района, стали возводиться режимные поселения. К 1934 г. по линии Обьлестреста было построено в Сургутском районе 11 спецпоселков (Сосновый, Сухов, Боровой, Ямской, Песчаный, Рыбацкий, Озерный, Погорельский, Островной, Ореховский, Черный Мыс), по линии Обьрыбтреста – 6 поселков (Зарям, Высокий Мыс, Нагорный, Новый Покур, Банное, Черный Мыс). Поселок Черный Мыс находился в ведении двух хозяйственных организаций [1, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 25]. С 1931 г. административное и хозяйственное устройство кулаков на местах

их расселения осуществлялось органами ОГПУ через назначаемых поселковых комендантов.

В 1930 г. на берегу реки Черной – притока Оби, в 5 км от Сургута, спецпереселенцы приступили к строительству Сургутского рыбзавода. В феврале 1931 г. проложили дорогу к районному центру. Вскоре появились первые цеха рыбзавода и постройки будущего спецпоселка Черный Мыс.

Тогда же районные власти всерьез задумались о переводе рыбоконсервной фабрики из Сургута в Черный Мыс. Фабрика не справлялась с выполнением годовых производственных планов, чем вызывала частые нарекания со стороны административно-хозяйственного и партийного аппарата округа и области. Плохое техническое оснащение предприятия в совокупности с большими управленческо-хозяйственными расходами на хранение и транспортировку сырья, дефицитом квалифицированных кадров нередко признавались главными причинами его неэффективной деятельности.

Однако Обьрыбтрест затягивал с решением данного вопроса, несмотря на продолжающееся снижение плановых показателей по выработке продукции с 1 млн 292 тыс. в 1932 г. до 618 тыс. в 1933 г. [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 102, л. 53]. В 1934 г. фабрику в Сургуте закрыли.

Сургутский рыбзавод в пос. Черный Мыс был ориентирован на добычу и переработку рыбы (соление, вяление и копчение). Добытую рыбу отправляли на Самаровский рыбоконсервный комбинат (Самаровский район, Остяко-Вогульский национальный округ). В 1932 г. открылись рыбзаводы в Локосове и Сытоmine.

В районе рыбодобыча осуществлялась на Черномысовском, Тундринском рыбоучастках, а также в рыбартелях в Локосове, Покуре, Заряме и др. В 1934 г. за Черномысовским и Тундринским рыбоучастками было закреплено 3658 человек, трудоспособного населения – 1395 человек [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 33]. Среднемесячная заработная плата у рыбака-спецпереселенца в 1933 г. была зафиксирована в пределах 18–45 руб. в месяц в зависимости от сезона. Рыбтрест имел большую задолженность по заработной плате, за 1933–1934 гг. составлявшую 32 тыс. рублей [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 43].

Спецпереселенцы были широко задействованы на лесозаготовительных работах Сургутского леспромхоза, образованного в 1931 г. На лесоучастках механизация труда была минимальной. Лес валили вручную, преимущественно двуручными пилами, топорами. Вывозка леса из делянок к сплавным рекам велась на санях конной тягой. Сплавляли древесину по рекам Салым, Юган, Лямин. Древесина заготавливалась как для внутреннего потребления (дрова, пиломатериалы для жилищного строительства, для нужд речного пароходства), так и на экспорт. В 1934 г. за Сургутским леспромхозом было закреплено 3669 человек, из них трудоспособного населения – 1602 [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 32]. Средний месячный заработок спецпереселенца в Леспромхозе равнялся 72 руб. Задолженность по зарплате, по данным 1933–1934 гг., составила 124 тыс. руб. [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 43].

Часть населения (пожилые, инвалиды, многодетные матери, подростки) была занята в сельскохозяйственных неуставных артелях, которые специализировались на полевом огородничестве, животноводстве, рыболовстве, кустарном производстве. В спецпоселках работала 41 кустарная мастерская: бондарная, столярная, смолокурная, санная, кирпичная, сапожная, скорняжная и др. [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 40]. На сельхозработах и кустарно-промысловых артелях в 1934 гг. было задействовано 2997 человек [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 36].

Поставленные задачи хозяйственные организации решали с большим трудом, за что нередко подвергались резкой критике окружного и областного партийного руководства. Зачастую их упрекали в невыполнении плановых показателей, неэффективном трудоустройстве спецконтингента. В 1933 г. по линии Обьрыбтреста было задействовано на ловле рыбы лишь 26,8 % из общего числа трудоспособного населения, «что указывает на беспечное отношение директоров Промыслов к живому человеку и выполнению государственных задач по рыбе» [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 33]. В Сургутском леспромхозе на прямых работах (заготовка, вывозка, разделка древесины) использовалось 19 % населения [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 32].

Вероятно, такой низкий процент использования трудовых ресурсов спецпереселенцев был обусловлен следующими факторами:

1. Изначально на рыбо- и лесозаготовках хозяйственные организации предполагали использовать гораздо меньше трудоспособного населения, чем было доставлено в первые годы ссылки. В поселке Черный Мыс (Обьрыбтрест) первоначально планировалось разместить 80 семей [3, ф. р. 176, оп. 3, д. 49, л. 1], к 1931 г. расселили в 4,8 раза больше – 387 семей (1480 человек) [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 346, л. 24.], в Нагорном (Обьрыбтрест) – 63 [3, ф. р. 176, оп. 3, д. 43, л. 1], по факту – 117 семей (565 человек) [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 346, л. 24.], в поселке Песчаный (Обьлестрест) по плану – 111 [3, ф. р. 176, оп. 3, д. 54, л. 1], фактически – 138 семей (497 человек) [5, ф. р. 1, оп. 4, д. 346, л. 24].

2. Значительная часть населения не обладала специальными навыками для работы на рыбо- и лесозаготовках. Переселенцы из Урала традиционно занимались хлебопашеством и животноводством. Этим отчасти объясняется высокий процент трудоиспользования спецпереселенцев в сельском хозяйстве (84 %) [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 36]. Потомственные рыбаки из Астраханской области с трудом приспосабливались к суровым природно-климатическим условиям севера.

3. Территория Сургутского района не была в должной мере исследована на предмет выявления наиболее перспективных участков для разработок. «Выбор со стороны Обьрыбтреста и Обьлестреста глубинных участков заготовки леса и рыбы <...> ничем не оправдывается и лишь подтверждает отсутствие изучения как лесных массивов, так и рыбных угодий, при наличии неосвоения их в ближайших участках. Кроме того, все спецпереселенцы направляются на работы в глубинные пункты пешком, при выдаче им в пути 400 гр. хлеба, за исключением Рыбтреста. Люди на производственные участки являлись обессиленными, вымотанными, и их производительность была очень низка. При таких условиях они не могли выработать установленных норм выработки и вынуждены были жить на голодном пайке, кто выработывал норму, но не имел возможности выкупить паек за невыдачей полного расчета...» [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 27].

4. Отсутствие жилья, острый дефицит продовольствия, одежды, строительных материалов и инвентаря, плохое медицинское обслуживание, тяжелые условия труда – все это усугубляло и без того тяжелое положение спецпереселенцев. «Снабжение кооперацией до сих пор не налажено. Смотрят на колонистов так: “Кулаки, их можно не обслуживать”. Прямо заявляют: “Мы ваших кулаков обслуживать не будем”. <...> Доходило до курьеза. Добьется уполномоченный выдачи хлеба, так не дадут соли, а о других предметах говорить не приходится. Ничего не давали и не дают даже из присланного по линии переселенцев... Многие колонисты босые и лохматые, хотя бы начать отпуск на починку. Места разработок не обслуживаются, отказывались обслуживать места построек новых поселков... <...> Производительность тесно связана с питанием. В Кушниково в одно время выдавали хлеб, крупу, рыбу и масло, выработка достигла до 2,3 км, а как только <...> воспретили выдачу, так упала до 1 км. А местами, где совсем не выдавались, даже и того не вырабатывали. И ниже всех, кто босиком и в рваной одежде (не дают работать комары и мошки)...» [4, ф. п. 30, оп. 1, д. 972, л. 32–33].

5. Среди спецпереселенцев, особенно в первые годы, наблюдалась высокая смертность. За период с 1931 по 1934 г. смертность превышала рождаемость почти в 2,5 раза (умерло – 774, родилось – 219) [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 49]. В данной статистике не учтены значительная убыль населения при транспортировке к месту высылки, а также данные по смертности за 1930 г. Реальные цифры гораздо выше. Вследствие плохого питания люди часто болели простудными заболеваниями, гриппом, страдали дисфункцией щитовидной железы, желудочно-кишечного тракта и т. д. Потере трудоспособности способствовали обморожения и высокий травматизм.

К середине 1930-х гг. жизнь в спецпоселениях района постепенно стала налаживаться. Были пережиты потрясения первых лет ссылки. Массовая высылка раскулаченного крестьянства в Сургутский район фактически прекратилась к 1933 г. [4, ф. п. 107, оп. 1, д. 209, л. 49].

В середине 1930-х гг. ликвидировали бесперспективные поселки: Сухой, Сосновый, Рыбацкий, Озерный, Боровой и другие,

а население переселили в ближайшие спецпоселения. В 1936 г. Сургутский леспромхоз вошел в состав Остяко-Вогульского леспромхоза (с 1940 г. – Ханты-Мансийский), и до 1942 г. в районе временно прекратились разработки. В 1939–1940 гг. открылись моторно-рыболовная и машинно-тракторная станции.

В 1945 г. Сургутский леспромхоз возобновил свою деятельность как самостоятельное предприятие.

В конце 1920-х – 1930-е гг. в Сургутском районе, несмотря на большие трудности, происходило становление местной промышленности. В последующие десятилетия Сургутский рыбоконсервный комбинат и Сургутский леспромхоз прошли большой трудовой путь, достигнув в 1970–1980-е гг. ведущих позиций в экономике региона. В начале 2000-х гг. предприятия были ликвидированы.

Список литературы и источников

1. Алексеева Л.В. Начало «кулацкой ссылки» на Тобольский север (1930) // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 238–252.

2. Гололобов Е.И. Человек и природа Обь-Иртышского Севера (1917–1930): исторические корни современных экологических проблем / Ин-т развития образования. – Ханты-Мансийск, 2009. – 222 с.

3. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. р. 176. Оп. 3. Д. 49. Л. 1; Ф. р. 176. Оп. 3. Д. 43. Л. 1; Ф. р. 176. Оп. 3. Д. 54. Л. 1.

4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. п. 107. Оп. 1. Д. 102. Л. 53; Ф. п. 107. Оп. 1. Д. 209. Л. 23–57; Ф. п. 107. Оп. 1. Д. 134. Л. 73; Ф. п. 30. Оп. 1. Д. 972. Л. 62–63; Ф. п. 30. Оп. 1. Д. 297. Л. 71.

5. Сургутский городской архив. Ф. р. 1. Оп. 4. Д. 346. Л. 24; Ф. р. 1. Оп. 4. Д. 231. Л. 34–63; Ф. р. 1. Оп. 4. Д. 293. Л. 9–12; Ф. 158. Оп. 1. Д. 16. Л. 2, 14.

6. Сургутский район Тобольского округа: географическое и статистико-экономическое описание с 6 приложениями и 8 диаграммами / сост. С.А. Куклин, лесничий Сургут. лесничества; Сургут. район. испол. ком. [Тобольская типография «Северянин»]. – Тобольск, 1925. – 56 с.

РОЛЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Шевырин Сергей Андреевич
канд. ист. наук, заведующий научно-
методическим отделом
Мемориального музея-заповедника
«Пермь-36»,
Пермь
shewirin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются причины, которые способствовали становлению системы принудительного труда заключенных и спецпереселенцев на севере Пермского края. Тяжелые бытовые условия в необжитых районах и низкая зарплата привели к значительному оттоку вольнонаемной рабочей силы со строек первых пятилеток. Решение проблемы было найдено в использовании труда заключенных и спецпереселенцев.

Ключевые слова: ГУЛАГ, заключенные, труд, индустриализация, ОГПУ, Березники, Берзин.

THE ROLE OF PRISONERS IN THE INDUSTRIAL CONSTRUCTION OF THE FIRST FIVE-YEAR PLANS (BASED ON THE MATERIALS OF THE PERM REGION)

Sergey Shevyrin
candidate of historical sciences,
head of the scientific and methodological department
Memorial Museum-Reserve 'Perm-36',
Perm
shewirin@mail.ru

Abstract. The article discusses the reasons that contributed to the formation of the system of forced labor of prisoners and special settlers in the north of the Perm Region. Difficult living conditions in uninhabited areas and low wages led to a significant outflow of freelance labor from the construction sites of the first five-year plans. The solution with the labor forces was found in the use of the labor of prisoners and special settlers.

Keywords: Gulag, prisoners, labor, industrialization, OGPU, Berezniki, Berzin.

Первоначальные планы первой пятилетки (индустриализации) не предполагали масштабного использования принудительного труда (заключенных, спецпереселенцев). Так, председатель комиссии по пятилетнему плану Пермского исполкома писал в 1928 г. в Московский институт народного хозяйства имени Плеханова: «Вопрос о рабочей силе для химической промышленности на Урале не может стать остро; металлургическая промышленность поглощает не всю рабочую силу, кроме того, с повышением жизненного уровня прилив рабочей силы будет обеспечен...» [1, ф. р-319, оп. 1, д. 72, л. 150 об.].

Но форсированные темпы индустриализации привели к острому кризису трудовых ресурсов: рабочие не хотели ехать в северные необустроенные районы для работы на стройках первой пятилетки.

Так, начатое в мае 1929 г. «ударное» строительство Березниковского химкомбината уже летом застопорилось из-за недостатка рабочей силы. Газеты 1929 г. пестрели заметками о неудовлетворительном ходе строительства Березниковского химкомбината. «Торгово-промышленная газета» писала о чрезвычайно медленном строительстве комбината, в другом номере этой же газеты было сообщалось: «Строительство химкомбината в Березниках испытывает острый недостаток в рабочей силе. Не хватает около 1000 плотников, 500–600 человек чернорабочих, 250 коновозчиков» [1, ф. р-319, оп. 1, д. 72, л. 158, 261]. По информации Верхне-Камского окружкома ВКП(б), рабочие не хотели ехать в Березники из-за жилищного кризиса и недостатка снабжения [3, ф. 156, оп. 1, д. 211, л. 2]. Чернорабочие, завербованные в Тверской губернии, даже написали письмо Сталину, где жаловались на несоответствие

зарплаты и уровня цен в Березниках: «Химстрой предоставляет расценки рабочим 1,2 руб. в день, в то время как дороговизна продуктов заставляет проживать не менее 1,5 руб.» [3, ф. 156, оп. 1, д. 215, л. 77]. Проверка условий жизни рабочих выявила еще и плохие жилищные условия. Так, в бараке № 2, рассчитанном на 40 человек, проживало 100 [3, ф. 156, оп. 1, д. 215, л. 116]. В акте проверки Верхне-Камским окружкомом ВКП(б) быта березниковских строителей в 1929 г. было написано: «Заводское строительство растет довольно быстро, а жилищное – наоборот – медленно. <...> Причем надо отметить, что в рабочих конурках живет по 2–3 семьи вместе. Все приезжие для работы на заводе рассчитывают целиком на заводские квартиры, а их нет». При средней зарплате в 65 рублей на среднюю семью в 5–6 человек рабочий тратил 33 рубля на питание (из перечисленных продуктов – мука, мясо, сахар, чай, соль, перец, лук), около 20 рублей – на одежду, обувь, дрова и керосин (освещение), 8–10 рублей – на водку и 1 рубль – на подписку газет [3, ф. 156, оп. 1, д. 291, Л. 71–71 об.]. Причем цены приведены кооперативные, а не рыночные. В магазинах кооперации часто не было товаров. Рыночные и кооперативные цены могли расходиться в десятки раз (табл. 1):

Таблица 1 [7, с. 78]

Соотношение рыночных и кооперативных цен

	Рынок	Кооперация
Пуд муки	20–30 р.	3 р.
Килограмм мяса	3–4 р.	70 коп.
Килограмм картошки	56 коп.	8 коп.
Литр молока	1 р.	
Килограмм сливочного масла	7 р.	1–3 р.
10 яиц	2 р.	50 коп.

Таким образом, рабочий имел довольно скудное и однообразное питание, «конурку» на 2–3 семьи и никаких накоплений при довольно суровом климате и в необжитом краю. Вполне естественно, что рабочие искали места лучше. Именно этим объясняется такая большая текучесть и нехватка кадров, с которой столкнулись почти все стройки и предприятия Прикамья.

Кадровые проблемы стояли остро на всем прикамском севере, где количество вольнонаемных рабочих составляло всего 40 % от необходимого числа. Эти проблемы касались и строительства вишерских химических комбинатов [5]. Проблемы с рабочими на строительстве Красновишерского целлюлозно-бумажного комбината с приходом Э.П. Берзина – кадрового чекиста – решились путем создания в 1929 г. Вишерских лагерей особого назначения. Количество рабочих, занятых на строительстве и подсобных работах, увеличилось с 800 человек в апреле 1930 г. до 16 000 человек в сентябре 1931 г. [4, с. 38]. Соответственно, выросло и население Вишерских лагерей [8, с. 185]. О том, что это была общегосударственная тенденция, говорит тот факт, что Наркомат труда в 1929 г. предлагал Коллегии ОГПУ оставить на Березникхимстрое 4000 работоспособных рабочих (заключенных) УВЛОН (Управление Вишерскими лагерями особого назначения) [2, ф. 5515, оп. 17, д. 7, л. 29–32].

В лесопромышленном секторе экономики были такие же проблемы с кадрами. На заседании в Москве по вопросам лесосплавных работ в июне 1930 г. было отмечено: «У нас ощущается большой недостаток в рабсиле... отдельные участки совершенно оголены и не имеют рабочих. На некоторых пунктах обеспечение рабочей силой доходит до 10 %». Особо был отмечен Уральский район: «...вопрос с обеспечением рабочей силой обстоит наиболее скверно». В ходе дискуссии о преодолении этой проблемы была высказана мысль: «...т. Энде – я бы предложил принять такие меры в тех районах, где можно применять труд заключенных – применять их труд» [2, ф. 5515, оп. 17, д. 132, л. 124–125, 132, 128].

Проблема кадров в лесопромышленном секторе Прикамья в начале и середине 1930-х гг. была решена с помощью потока спецпереселенцев. Более 25 тысяч семей (около 100 000 человек) раскулаченных по 2-й категории были размещены в северных районах Уральской области (в то время Пермская область входила в состав Уральской) [10, с. 368].

«Успешный» опыт использования труда заключенных на строительстве Красновишерского целлюлозно-бумажного комбината, который был построен за 18 месяцев вместо плановых

27 месяцев [11, с. 70], дал пример многим организациям Прикамья. В местные органы власти, обкомы, райкомы, пенитенциарные учреждения от различных хозяйственных организаций стали приходить заявки на рабочую силу из заключенных. Об этом говорилось летом 1930 г. в Москве, в докладе т. Толмачева о деятельности НКВД (из стенографической записи доклада): «Переходя к вопросам хозяйственного порядка, т. Толмачев (НКВД) указал на увлечение хозяйственных организаций невзыскательной рабочей силой заключенных. Об этом свидетельствуют значительные заявки на рабочую силу, посылаемые ими в НКВД» [1, ф. р-122, оп. 3, д. 8, л. 5 об.].

Дефицит рабочей силы на строительстве Калийного рудника в Соликамске уже в сентябре 1930 г. отчасти покрывался за счет заключенных домзака [3, ф. 59, оп. 1, д. 8, л. 86 об.]. Постоянное невыполнение плана строительства комбината «К» (1-й квартал 1931 г. – 19 %, апрель – 26 %, май – 12 %) Уралсовет решил преодолеть с помощью 1500 «принудиловцев» [3, ф. 58, оп. 1, д. 1, л. 88]. Решение кадровой проблемы начальник пермского Водоканалтреста видел только в получении необходимой рабочей силы от колонии № 5 и Вишерских лагерей [3, ф. 1, оп. 1, д. 569, л. 79–85]. Весной 1932 г. заключенные УВИТЛ работали на хлорном, калийном, химическом заводах в Березниковском районе [3, ф. 59, оп. 1, д. 51, л. 22, 33–35]. В 1933 г. в Пермском порту из 1370 грузчиков 900 человек – заключенные УВИТЛ [3, ф. 1, оп. 1, д. 952, л. 231].

В годы форсированной индустриализации (конец 1920-х – начало 1930-х) власть столкнулась с тем, что ее цели разошлись с целями трудящихся. Существовавший в стране рынок труда, т. е. возможность лично свободного гражданина продавать свои способности к труду тому предприятию, которое сможет предложить лучшие условия труда и зарплату, стал противоречить становящейся планово-распределительной экономике.

Попытки найти иные пути привлечения рабочих на стройки и предприятия окончились неудачей. Сталин в речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. призывал покончить с текучестью кадров с помощью экономического закрепления

рабочих за предприятием – закрепления при помощи высоких зарплат, улучшения снабжения и жилищных условий рабочих [9, с. 20–21]. Но средств на форсированную индустриализацию и одновременно на повышение зарплаты и улучшение условий жизни рабочих не хватало.

Вероятно, в годы первой пятилетки шел активный эмпирический поиск выхода из сложившейся ситуации, поиск различных путей привлечения рабочей силы, механизмов стимулирования труда. Поиск шел одновременно в кардинально разных направлениях.

5 декабря 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью», которое обязывало предприятия перейти на хозрасчет [6, с. 86]. То есть при жестком планировании оставались элементы рыночных отношений.

В том же году было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» [12, с. 17–20], которое представляло иной путь решения проблемы недостатка рабочих рук.

Но основной тенденцией первых пятилеток стали уничтожение рынка труда в стране и замена его планово-распределительной системой, достигшей пика в указах 1940 г.¹ Эти указы ужесточали трудовое законодательство и вводили элементы принуждения во все трудовые отношения в стране.

Внеэкономическое принуждение к труду в предвоенные годы стало нормой в отношениях государства-работодателя и рабочего-заключенного-спецпереселенца, во многом определив дальнейшую историю взаимоотношений советского государства и человека.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

¹ Указы от 26 июня «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», 10 июля «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся Ремесленных, Железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».

3. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПЕРМГАСПИ).

4. 18 месяцев, которые создали комбинат «Вишхимз». – Красновишерск, 1933. – 48 с.

5. Обухов Л.А. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря [Электронный ресурс] // Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря // Центр исторической памяти. – URL: rmet.ru (дата обращения: 20.11.2022).

6. Овсянников В.А. Хозрасчетная бригада и дисциплина труда // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – Тольятти, 1999.

7. Осокина Е. За фасадом «Сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941 годы. – М., 1999. – 271 с.

8. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справ. – М. : Звенья, 1998. – 888 с.

9. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. – М. : Госполитиздат, 1952. – 652 с.

10. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). – Екатеринбург; Пермь, 2003. – 421 с.

11. Тиунов В. Индустриальные пятилетки Западного Урала. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1977. – 514 с.

12. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. – М., 1998. – 172 с.

Раздел II. ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА «МЕЖВОЕННЫХ» ДЕСЯТИЛЕТИЙ: КОНКУРЕНЦИЯ ДИСКУРСОВ

УДК 371:94(47).08

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В 1920-е гг.

Асамбаева Любовь Александровна
канд. пед. наук,
доцент кафедры английского языка
навигации и связи,
Государственный университет
морского и речного флота имени адмирала
С.О.Макарова,
Санкт-Петербург
liubovgrigorieva@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается период становления советской школы в 20-е гг. XX в. Описаны основные типы школ: городские и сельские, профессиональные, заочные, школы-коммуны. Выявлены социальные и политические причины проведения образовательной реформы.

Ключевые слова: советская школа, 20-е гг. XX в., городские школы, сельские школы, профессиональные школы, школы-коммуны, заочные школы.

FORMATION OF THE SOVIET SCHOOL IN THE 1920S

Lyubov Asambaeva
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
department of navigational and communicational English
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
Saint-Petersburg
liubovgrigorieva@yandex.ru

© Асамбаева Л.А., 2023

Abstract. The article is devoted to the period of the soviet school formation in the 20-ies of XX century. It defines the main types of the school: urban school, rural school, professional school, commune school, correspondence school. It underlines the reasons of the school reorganization. The peculiarities of each school type are described.

Keywords: soviet school, the 20-ies of XX century, urban school, rural school, professional school, commune school, correspondence school.

Смена власти в 1917 г. повлекла за собой изменения во внутренней политике, что отразилось на целях, которые государство ставило перед образованием. Для развития промышленности, экономики и сельского хозяйства требовались специалисты, обученные в короткие сроки и солидарные с идеями советской власти. В связи с этим Наркомпрос поощрял создание разного типа школ, в том числе экспериментальных школ, в которых апробировались новые формы и методы обучения и воспитания, способствующие достижению поставленных целей. Существовавшие школы можно распределить по следующим группам: городские школы, сельские школы, школы-коммуны, профессиональные школы, заочные школы.

Первостепенной задачей новой власти стала ликвидация безграмотности. Появляются различные типы школ для массового охвата населения (школы крестьянской молодежи, школы фабрично-заводского ученичества, передвижные школы, специальные отделения для заочного обучения, школы по радио).

В начале 1920-х гг. в советской педагогической литературе появился новый термин – «распространительное образование», образованный от западного понятия «extension work» [2, с. 9]. В основе его лежали отделы заочного обучения при различных школах, ставившие для себя задачу распространить комплекс знаний, даваемых школой, далеко за ее пределы, обслужить им кадры учащихся гораздо более значительные, чем те, которые обслуживаются внутри школы, сделать его доступным для тех широких масс, для которых получение данного комплекса знаний внутри школы по тем или иным причинам невозможно. Такой вид образования представлялся наиболее доступным и требовал наименьших затрат средств и руководящих сил. На базе общеобразовательных школ и профессиональных учебных заведений разного уровня в РСФСР были открыты специальные

отделения для заочного обучения. При этом были учтены нюансы заочного обучения: изданы специальные образовательные пособия, налажена почтовая связь между учащимися и преподавателями, созданы специальные службы для обработки обращений учащихся.

На I Всесоюзном совещании по самообразованию в октябре 1925 г. вопрос организации заочных школ получил одобрение работников. В 1926 г. одна за другой становятся на этот путь организации, руководящие различными видами самообразования и кадрами самоучек. Самообразование вошло в общую систему просвещения. В результате были созданы губернские, областные и всесоюзные совещания по вопросам самообразования, губернские, районные и уездные бюро, консультационные пункты, уголки самообразования при библиотеках, клубах, избах-читальнях.

В общем образовании также появилась тенденция заочного самообучения. В начале 1920-х гг. оно осуществлялось преимущественно в форме различных кружков и консультаций, организованных при библиотеках и избах-читальнях. Но к середине 20-х гг. появляются специальные печатные издания «Учись сам» и «Деревенский самоучка». Журнал «Деревенский самоучка» содержал учебный материал в рамках школьной программы. Он был рассчитан на обучение взрослых крестьян в течение двух лет. «Журнал этот группирует вокруг себя деревенские кружки, обслуживая их не только материалом для учебы, но и всеми необходимыми указаниями и пояснениями, а также проверкой работ средствами аппаратов самообразования при политпросветах» [1, с. 5].

Следующей ступенью общего заочного образования был рабочий университет на дому. Отделения заочных рабочих университетов возникали при действующих университетах и других учебных заведениях, использовали их помещения, оборудование и педагогическую силу. Обучение длилось два года. Каждый год представлял собой законченный цикл знаний.

Существовали рабочие университеты на дому с техническим уклоном. В них срок обучения был три года. Но по своей сути рабочие университеты на дому являлись подготовительной ступенью к профессиональному обучению в университете.

Потребность в квалифицированной рабочей силе и ограниченность в финансовых средствах для организации очных

учебных заведений повсеместно обусловили появление профессионального заочного образования. Организация заочного обучения по отдельным специальностям осуществлялась на базе соответствующих вузов или техникумов. Оно было ориентировано на лиц, занятых на производстве, с целью поднять их квалификацию.

Учащимся рассылались комплекты учебных пособий с рекомендациями по их выполнению, в основу которых были положены программы ГУСа (Государственного ученого совета). При университетах и местных лабораториях были открыты консультативные пункты. В отличие от описанных выше видов заочного обучения, профессиональные заочные учреждения не предусматривали контроля за усвоением знаний по почте.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. появился новый вид образовательных учреждений – заочная средняя школа взрослых. Она была создана Наркомпросом РСФСР для трудящихся, которые по условиям своей работы не могли учиться в стационарных школах. Заочное обучение давало возможность получить образование без отрыва от производства, на дому, путем самообразования. В школу принимались все граждане не моложе шестнадцати лет. Обучение в заочных школах было бесплатным, но учащиеся приобретали учебники, письменные принадлежности и методические задания за свой счет. Для поступления в школу необходимо было сдать экзамен в консультационных пунктах или в областной школе.

Заочная школа должна была давать учащимся общеобразовательную и политическую подготовку в объеме неполной средней и средней школы, необходимую во всех отраслях их трудовой и общественной жизни. Кроме того, обучение в заочной школе способствовало подготовке учащихся, закончивших неполную среднюю или среднюю школу, к поступлению в техникумы и вузы. При необходимости учащиеся могли не изучать всю программу заочной средней школы, а лишь углубить знания по определенным предметам.

Заочное обучение осуществлялось в течение всего года. Изучение программы каждого класса было рассчитано на один год, но учащиеся могли проходить курс и более быстрыми темпами. Учебный план школы предусматривал самостоятельную

работу заочника, посещение консультаций и выполнение самостоятельных работ. Перевод из одного класса в другой и выпуск заочников производился областной заочной средней школой взрослых на основании оценки всей работы заочника по учебному плану и программам данного класса, а также по результатам проверочных работ.

Обучение почти полностью строилось на самостоятельной работе учащихся. Помощь учителя сводилась к минимуму. Учащиеся-заочники учились по программам и учебникам обычной средней школы, к которым были изданы специальные задания. После проработки определенного курса учащийся выполнял письменную контрольную работу, которую отправлял почтой в областную заочную школу на проверку.

В 1937 г. из-за неумелого руководства, постоянных реорганизаций и отсутствия материальной базы заочное обучение зашло в тупик. Проверка Наркомпроса выявила ряд серьезных ошибок. В 1938 г. работа заочных средних школ возобновилась. Приказ Наркомпроса РСФСР от 7 июля 1938 г. обязал все Наркомпросы автономных республик, областные и краевые отделения народного образования серьезно заняться организацией заочного обучения. В результате консультационные пункты были организованы при лучших средних школах для взрослых. Руководство работой консультационных пунктов было возложено на директоров соответствующих школ. Проведение консультаций и рецензирование работ входило в обязательную работу преподавателей школы. Руководство школ несло ответственность за своевременное составление и утверждение точного календарного расписания работы консультационных пунктов. Все директора школ, при которых не было консультационных пунктов, были обязаны оказывать помощь обращающимся заочникам в их учебных занятиях, организуя консультации, выполнение необходимых лабораторных опытов и т. д.

Отдельного внимания заслуживает процесс становления сельских школ. Советские педологи пришли к выводу, что особенности сельских школьников (более медленный темп усвоения материала по сравнению с городскими школьниками) и специфика сельской жизни требуют пересмотра учебных программ. Идея построения образцовой школы крестьянской

молодежи была описана сторонником политехнического образования и лидером комсомольского движения А.П. Шохиним. Он утверждал, что школа должна иметь сельскохозяйственный уклон, но при этом оставаться общеобразовательной. Содержание образования, методы работы и средства обучения должны соответствовать этому уклону. «Почему крестьянский ребенок бросает школу? Да только потому, что вся работа школы идет мимо и совершенно не захватывает то, чем этот крестьянский ребенок живет у себя в семье» [7, с. 22]. Автор утверждал, что организация сельской школы требовала немедленного пересмотра. Он выявил основные причины малой посещаемости детьми сельской школы:

- несоответствие школьной программы реальным потребностям жизни сельского жителя;
- бедность населения (нехватка еды и одежды);
- удаленность школ от населенных пунктов;
- неподготовленность учителя к жизни в селе, незнание им основ сельского хозяйства;
- низкая и несвоевременно выплачиваемая заработная плата учителя;
- слабое финансирование школ государством;
- недоверие населения, скептическое отношение к школе.

В соответствии с предложенной А.П. Шохиним концепцией сельской школы обучение в школе должно было вестись по двум-трем комплексам, которые разбивались на ряд последовательных тем. Эти темы прорабатывались учащимися под руководством педагога. Комплексный характер обучения не подразумевал деления предметов на общие и специальные. Сведения общего и профессионального характера объединялись в рамках изучения той или иной темы. Позднее, в 30-х гг. XX в., после отказа от комплексной системы обучения, специальные предметы изучались в процессе клубной и кружковой работы.

Основным методом обучения стал метод коллективных проектов. Учащиеся объединялись в кружки и группы для проработки темы. В процессе работы над темой обучающиеся разделялись на две группы: первую – «грамотную» группу, состоявшую из ребят, окончивших школу первой ступени, и вторую – объединившую школьников, «опытных в сельском хозяйстве». Первая группа занималась проработкой книжного материала, вторая – применением этого материала на практике.

Подобная дифференциация по уровню подготовленности детей была связана с высоким процентом малограмотных детей, которых следовало вовлечь в учебную деятельность.

В условиях объявленного всеобщего обучения необходимо было найти приемлемую форму организации школы, которая позволит в сжатые сроки обучить большое количество людей в деревне. Автор предложил несколько вариантов переходных форм организации школы:

- 1) сельскохозяйственный кружок крестьянской молодежи;
- 2) 7–10-месячные передвижные курсы для взрослых;
- 3) двухлетняя школа крестьянских подростков, обучающая малограмотных ребят;
- 4) «недоразвернутая» (термин А.П. Шохина) 1–2-годичная школа крестьянской молодежи с законченной программой [7].

Изменения затронули и городские школы. В школах ввели совместное обучение мальчиков и девочек. В 1918 г. по приказу Наркомпроса № 44 в школе была введена новая форма обучения, близкая к лабораторному плану. Все предметы делились на три цикла: естественный, филологический и математический. Преподавание родственных предметов поручалось одному преподавателю. Предлагалось располагать предметы в расписании так, чтобы в один учебный день изучалась одна группа «родственных дисциплин». Кроме того, городские школы тесно сотрудничали с фабриками и заводами, что в конце 1920-х гг. позволило пересмотреть концепцию единой трудовой школы. Профильное обучение школьников на промышленных предприятиях стало основой политехнической школы.

После 1917 г. произошла постепенная замена рабочих на всех уровнях производства (от низших до высших чинов).

Приоритет при приеме на работу отдавался претендентам, поддерживающим советскую власть. Многие сотрудники, работавшие в дореволюционный период, после 1917 г. подверглись сокращению. В сложившейся ситуации от государственной власти требовались незамедлительные меры по реформированию системы образования, которые были предприняты в начале 1920-х гг. Одной из задач этой реформы было установление связи между Единой трудовой школой и «специальной школой», дающей профессиональное образование [6]. Были установлены типы профессиональных

учебных заведений, учитывавшие интересы народного хозяйства и потребности промышленных районов, которые находились в упадке и требовали вливания обученных рабочих. Установленная система профессионального образования позволила удовлетворить потребность страны в квалифицированных кадрах, а также обеспечить выпускников гарантированным трудоустройством.

Специальная школа строилась на основе общего образования. Она могла готовить специалистов широкого профиля или узкоквалифицированных работников. Учреждения профессионального образования предусматривались на среднем и высшем этапах обучения, после подготовки в Единой трудовой школе первой или второй ступени. Учащиеся, окончившие вторую ступень Единой трудовой школы, имели возможность поступить в институты или техникумы. Выпускники первой ступени школы могли продолжить обучение в Единой трудовой школе с профильным уклоном. Такие школы получали статус профессионально-технического училища. Программы третьего и четвертого годов обучения кроме общеобразовательных предметов предусматривали специальные. После окончания профессионально-технического училища учащиеся получали квалификацию в той или иной области. Благодаря тому, что первые два года обучения в школах второй ступени были общими для всех школ, учащиеся могли поступать в училище из разных школ и регионов страны. Главной задачей обучения в профессиональных школах была передача практических знаний и опыта. В связи с этим в процессе обучения преобладали лабораторный и студийный методы.

В результате военных действий (Первая мировая война, революции 1905, 1917 гг., Гражданская война) многие дети потеряли родителей и вынуждены были зарабатывать себе на жизнь всеми доступными способами. Число бездомных и беспризорных детей росло с каждым годом. Основным способом решения возникшей проблемы стало создание особых школ-коммун, где учащиеся получали жилье, питание и находились под надзором воспитателей и учителей. В марте 1926 г. правительство РСФСР приняло положение о борьбе с беспризорностью, а в сентябре утвердило трехлетний план этой борьбы [3]. Были созданы следующие виды детских учреждений:

- 1) приемники-распределители (временного пребывания);
- 2) детские дома;
- 3) школы-коммуны.

Школа-коммуна представляла собой объединение нескольких детских домов, школ, фабрично-заводских училищ (ФЗУ) с обслуживающей их инфраструктурой и подсобными учреждениями. Школы этого типа были открыты во всех регионах страны. В отличие от детских домов, рассчитанных на детей до 12–14 лет и организовывавших их воспитание и обучение, трудовые коммуны принимали подростков старших возрастов, где наряду с общеобразовательным велось и трудовое обучение, широко применялись принципы трудового самообеспечения и самоуправления. Все школы-коммуны ставили перед собой задачу вернуть учащихся к честной трудовой жизни, вселить в них веру в себя и свое будущее. Поэтому очень важной особенностью воспитательной методики было правило «не говорить о прошлой жизни».

Одной из первых это правило ввела школа в селе Максимовке. Дети, поступившие в данное учебное заведение, воспринимались как несчастные и нуждающиеся в помощи. Термин «преступник» был строго запрещен в обращении к учащемуся. О прошлом детей никогда не вспоминалось, педагогические беседы велись только о настоящем и будущем. Целью бесед стало внушение детям мысли, что они не были преступниками и способны к исправлению. «Первой и главной заботой сотрудников-воспитателей является укрепление в них (учащихся) веры в себя, в свои силы, в возможность полного их исправления» [5, с. 27]. Из процесса воспитания были исключены все репрессивные меры. Впоследствии это правило применялось во многих учреждениях данного типа.

Следующей особенностью воспитательной работы школы-коммуны был принцип «доверия в полной мере». Воспитанникам в Максимовке была предоставлена свобода, в школе не было охранников и надзирателей. В воспитании младших учащихся принимали участие старшие. Основным методом воздействия на воспитуемого была сила авторитета воспитателя.

Особое внимание уделялось сближению интересов воспитанников и воспитателей. Большая педагогическая

энциклопедия вводит термин «коммунарская методика», который означает систему приемов и организационных форм воспитания учащихся школьного возраста, направленную на формирование и творческое развитие воспитательного коллектива в процессе совместной деятельности детей и взрослых [4].

Описанные меры, принятые в школах для привития учащимся чувства ответственности за себя и коммуны, способствовали развитию чувства коллективизма, учили воспитанников работать в команде.

Конечная цель воспитания в школе – адаптация ребенка к жизни в обществе немислима без приучения ребенка к труду и привития ему привычки работать. В связи с этим в каждой школе-коммуне велось трудовое обучение. Применение профильной дифференциации позволило выстраивать трудовое обучение с учетом интересов учащихся.

Советская система образования являлась новаторской по своей сути и отражала потребности общества и государства.

Список литературы

1. Заочная средняя школа. Проспект / Упр. школ взрослых Наркомпроса РСФСР. – М. : Отд. заоч. обучения и самообразования. – М., 1937.
2. Как работать заочнику / Высшая школа Профдвижения. – М. : Сектор заочного обучения, 1931.
3. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаета М.Ф. История педагогики : учебник для студентов пед. ин-тов. – 5-е изд., доп. и перераб. – М. : Просвещение, 1982. – 447 с.
4. Куфаев В.И. Школа-коммуна имени Ф.Э. Дзержинского (из опыта работы). – М. : Учпедгиз, 1938. – 192 с.
5. Мирандов А.Ф. Максимовка. Школа для нравственно-дефективных детей. – Симбирск : Симбир. отд. гос. изд-в, Симбир. типогр. № 1 С.Н.Х., 1921.
6. Хрестоматия по истории советской школы и педагогики / сост. А.Н. Алексеев, Н.П. Щербов, М.И. Анисов. – М. : Просвещение, 1972. – 407 с.
7. Шохин А. Фабзавуч. Ленинская школа. – М. : Молодая гвардия, 1925. – 72 с.

**СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА В ОПТИКЕ ВЛАСТИ 1930-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА»)**

*Безукладникова Влада Викторовна
магистрант направления «История»
профиля «Социальная история технологий
и коммуникаций»
историко-политологического факультета,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет;
экскурсовод научно-методического отдела,
Мемориальный музей-заповедник
истории политических репрессий
«Пермь-36»,
Пермь,
vlbezukladnikova@yandex.ru*

Аннотация. В 1930-е гг. на страницах журнала «Работница» конструировался портрет советской женщины. Она осваивала новые социальные роли, сохраняя прежние; материнство и заботу о доме необходимо было совмещать с работой на производстве. Приоритетная задача советской власти по вовлечению женщин в трудовую деятельность была выполнена за счет вдохновляющих статей об успешных женщинах, которые смогли изменить свою жизнь. «Работница» стала своеобразной площадкой для обсуждения социальных проблем, что можно назвать способом введения в повседневность вопросов социальной политики.

Ключевые слова: образ женщины, 1930-е гг., советская периодика, «Работница», социальная политика.

**A SOVIET WOMAN IN THE OPTICS OF POWER IN THE
1930S (BASED ON THE MATERIALS OF ‘RABOTNICA’
MAGAZINE)**

*Vlada Bezukladnikova
a master's student in ‘History’, ‘Social History of Technologies and
Communications’ profile, faculty of history and political science
Perm State National Research University;
city guide of the scientific and methodological department,
Memorial Museum-Reserve of the history of Political repression ‘Perm-36’
Perm
vlbezukladnikova@yandex.ru*

Abstract. In the 1930s, a portrait of a Soviet woman was constructed on the pages of the ‘Working woman’ (‘Rabotnica’). She mastered new social roles, while maintaining the old ones: motherhood and taking care had to be combined with the development of a profession. The priority task of the Soviet government to involve women in the workforce was fulfilled through inspiring articles about successful women. The ‘Rabotnica’ has become a kind of platform for discussing social problems, which can be considered a way of introducing social policy issues into everyday life.

Keywords: image of a woman, 1930s, Soviet periodicals, the ‘Working woman’ (‘Rabotnica’), social policy

Журнал «Работница» выпускается с 8 марта 1914 г. по настоящее время. «Работница» стала первым легальным журналом большевиков, который главной целью назвал защиту интересов женского рабочего движения. Он просвещал женщин в политической сфере, пропагандировал социалистические идеи, а также рассказывал о бытовых вопросах. В 1930-е гг. на страницах журнала были предъявлены образцы поведения женщины в разных сферах. Советская женщина, читательница журнала «Работница», должна была увидеть новые эталоны, узнать нормы, которым нужно следовать в той или иной ситуации, научиться совмещать разные модели поведения и вести себя соответственно им.

Участие в политической деятельности рассматривалось как равнодушие к проблемам страны, наличие «достойного» уровня интеллекта, т. е. способность понимать, о чем речь, и как вызов обществу: женщины были мало представлены в государственном аппарате. Задачей политической кампании было устранение социальной отсталости женщин для дальнейшего их вовлечения в производственную сферу. Работа на производстве требовала повышения уровня образования, культуры и, что важно, идейно-политического уровня. Для того чтобы привлечь большее число женщин в общественно-политическую сферу, созывались делегатские собрания, организовывалась работа в артелях, женских клубах, женотделах [11, с. 35–36.].

Активное привлечение женщин в партию как часть общей политики большевистской партии, направленная на увеличение числа работающих женщин, началось в 1930 г. Автор одной из статей утверждает: «Убыль чуждого партии элемента, исключенного из партии, должна быть возмещена за счет лучшей

части беспартийных активисток, в первую очередь работниц и батрачек-колхозниц» [7, с. 5]. Вовлечение женщин в политическую работу было необходимым для устранения проблемы нехватки кадров. Именно женщины становились тем «ресурсом», которым можно восполнить недостаток приверженцев партии.

В 1935 г. на страницах журнала разворачивается новая кампания по интенсификации политической активности женщин. Эта политическая кампания связана с проведением выборов и последующим занятием женщинами руководящих постов. П. Зайцев пишет: «Этот большой рост выдвижения женщин в советы и на руководящую работу в советы не является пределом. Мы должны смелее выдвигать трудящихся женщин в советы и на руководящие посты в советы» [5, с. 3]. В то время произошла феминизация государственного аппарата: число как мужчин, так и женщин в этой отрасли составило почти 300 000 человек, при этом процентное соотношение от общего числа у женщин было больше [3, с. 116].

Советская власть еще с 1920-х гг. активно занималась ликвидацией безграмотности. С началом процесса индустриализации это приобрело характер политической кампании, направленной на повышение профессиональных навыков. Чтобы занять желаемую должность, женщинам приходилось получать квалификацию, сдавать гостехэкзамен, ходить на курсы и повышать уровень грамотности. Довольно часто появляются статьи-примеры, посвященные возможностям женщины стать квалифицированным работником фабрики, получить высшее техническое образование. Так, в статье 1930 г. сообщается о курсах, организованных на фабрике «Коммунистический авангард» для подготовки работниц и дочерей рабочих на рабфак и во втузы [4, с. 16]. При этом на фоне беспорядков, конфликта трудящихся и власти показана неграмотная женщина Америки, живущая в плохих условиях, без уверенности в будущем [15, с. 25]. При таком описании рассказ о советской женщине выглядит, несомненно, позитивным.

Привлекает внимание история Изумруды Мамедовой и Хайрасы Султановой, о плохой учебе которых сообщила группа ликбеза «Освобожденная тюрчанка». Девушки не посещали

занятия не потому, что не имели желания быть образованными, а из-за того, что их не пускали мужа [19, с. 12–13]. Поведение мужей этих женщин связано с особенностями культурных традиций и ролью женщины на Востоке, с трудностями изменения укоренившихся стереотипов о месте женщины в обществе, о страхе того, что жена станет самостоятельной и не будет покорно сидеть дома. Журнал подчеркивает, что советская женщина должна отбросить эти архаичные традиции и жить по-новому.

Журнал «Работница» предъявлял образцы для поведения в быту. С начала 1930-х гг. на страницах журнала часто публикуются статьи о детях, женах, материнстве. Обратим внимание на то, что активно встречаются пропагандистские призывы отказаться от работы по дому ради общей цели – построения коммунизма: работа по дому – это оковы, связывающие женщину, их необходимо сбросить. В опубликованном в статье 1930 г. выступлении А.В. Артюхиной (редактор «Работницы» в 1924–1931 гг.) на пленуме МК ВКП(б) она утверждает: «Настоящее освобождение женщин, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство» [6, с. 3]. То есть женщина будет находиться в плену домашнего труда, скованная семейным бытом, до тех пор, пока большевистская власть не предпримет меры по превращению рутинных дел женщины в общее хозяйство. Семейные отношения выступают в роли непрочного, приносящего неудобства союза мужчины и женщины. (Позже, к середине-концу этого десятилетия, государство будет выступать за единение мужа и жены, укрепление института семьи).

Среди проблем в бытовой сфере можно выделить усталость от рутины. Девушка пишет в редакцию в 1935 г.: «Как хочется жить, быть полезной обществу, но горшки и ухваты останавливают меня, и я отстаю от сегодняшнего дня» [12, с. 16]. Статья превращает единичный случай в типичную проблему, подчеркивая ее социальный контекст. Жизнь советской женщины кардинально меняется, появляется много сфер, в которых нужно преуспевать. Мягко отмечается социальная несправедливость:

проблема заключается в том, что роли женщины меняются, а новых обязанностей у мужчин не появляется. В результате на женщин приходится и домашняя, и общественная работа.

Очень важным сюжетом является тема самостоятельного заработка и того, как им следует распорядиться советской женщине. Через экономическую тематику конструируется вариант новой репрезентации женщины себя в социальном пространстве. Девушка, которая получила заработную плату в 219 рублей, рассказала, «что хочет носить из хорошей ткани платье, хочет носить красивые туфли, ходить в кино, в театр на лучшие места, читать хорошие книги. В этом ответе чувствуется, как выросла работница, как возросли ее потребности» [17, с. 10–11]. Именно такие расходы, ориентиры, заботы о себе становились постепенно свойственны женщинам Советского Союза. Появляются общие правила того, как нужно выглядеть женщине, какую одежду носить, о чем говорить и чем увлекаться.

Потребности советской женщины возросли, но она оставалась женой и матерью, воспитательницей «нового» советского человека, что означало необходимость выполнения обязанностей в быту. Журнал стремился чутко реагировать на изменения в ролях женщины. Так, в 1930 г. была организована касса взаимопомощи матерей, созданная для борьбы с подкидыванием и детской беспризорностью [9, с. 16]. Принимались определенные меры для облегчения положения матери и снижения уровня детской смертности, предотвращения роста детей-беспризорников, сирот.

Примером новой нормы воспитания служит статья об организации всероссийской кампании против битья и наказания детей. А. Фрейдгейм призывает родителей перестать наказывать и ругать детей, он считает этот метод воспитания недейственным и жестоким [20, с. 18]. Для большинства семей, где архаичные и патриархальные практики воспитания вполне естественны, отказ от насилия был показателем прогресса.

Любопытен конкурс на лучшее культурное воспитание детей, который проводился для того, чтобы повысить уровень ответственности матерей. Те семьи, которые отличились в конкурсе, должны были получить премию. «В конкурс включились все партийные, общественные и профессиональные

организации», что подчеркивает масштабность мероприятия [14, с. 18]. Была проведена работа с родителями о том, как воспитывать ребенка, как организовать пространство для него, специально был брошен лозунг «Поднять ребят с пола на кровать!», потому что многие дети спали на полу, что часто приводило к болезням. Организовывались детские уголки и кружки, благодаря которым развивались способности ребенка: «Многие родители так и не подозревали, что их дети обладают талантами» [14, с. 19]. Таким образом, конкурс направлял родителей на правильный курс воспитания «нового» советского гражданина.

На обложке за январь 1937 г. изображена жена майора Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, участница Всесоюзного совещания жен командного и начальствующего состава РККА, награжденная орденом Трудового Красного Знамени, Валентина Семеновна Хетагурова (рис. 1).

Рис. 1. Обложка журнала «Работница», № 1, 1937 г.

Она является основоположницей «хетагуровского движения». После того как в «Комсомольской правде» опубликовали ее письмо с призывом к женщинам Советского Союза ехать на Дальний Восток, чтобы перестроить приморскую и приамурскую тайгу, десятки тысяч девушек отправились на другой конец страны. Жена офицера просила присоединиться к мужьям и братьям для освоения богатств социализма. Такая верная, самоотверженная и поддерживающая жена становилась примером для многих женщин СССР.

В журнале представлен образ идеальной советской семьи. Родители и шестеро детей заключили договор, пункты которого исполняются обязательно [18, с. 16]. «Дети обязаны приносить домой хорошие отметки, а мать – снять икону, никогда не бить детей и пускать их в кино на хорошие картины», – пишет Н. Сергеева. На стенгазете отображен распорядок дня, которого должны придерживаться все члены семьи. Идеальная семья не может обойтись без плана организации быта, подобного заводскому. Распределение обязанностей, договор, распорядок дня – образцом служит заводская культура. Ежедневные занятия включают в себя подъем, уборку кроватей, занятия физкультурой, завтрак, помощь по хозяйству матери и приготовление уроков. В статье сказано, что детьми могут гордиться и родители, и школа, и фабрика. Это вариант переноса нормативов из производственной среды в бытовую. Семья не закрытое автономное приватное пространство – журнал активно вмешивается в конструирование семьи, задавая роли, образцы, требует перемен в организации быта. «Работница» конструирует новую советскую семью, которая должна быть примером для остальных.

Достижение гендерного равенства подразумевало, в том числе, одинаковые условия труда как для женщин-работниц, так и для мужчин-работников. Эпоха индустриализации в 1930-е гг. означала появление у женщин ряда новых профессий, которые раньше считались мужскими. Цель журнала, по мнению О.Д. Минаевой, состояла в том, чтобы профессионально воспитать женскую аудиторию [13, с. 8]. Воспитание заключалось в публикациях историй успеха женщин, которые смогли подняться от крестьянки до работницы на производстве,

и обозначении на страницах журнала моделей поведения, социальных ролей, к которым должна была приспособиться женщина, чтобы работать наравне с мужчиной.

Рассмотрим нарратив журнала о женщине на производстве. В 1930 г., публикуя статью, журнал обозначает проблему получения женщиной не только политических, но и экономических прав. Эта задача должна активно решаться. Представитель ВЦСПС в докладе на совещании профсоюзов по работе среди женщин сказал: «Наступило время, когда трудящаяся женщина СССР выходит на широкий путь окончательного своего раскрепощения. Дав женщине широкие политические права, советская власть сейчас уничтожает и экономическое ее неравенство» [2, с. 4–5]. Сначала большевистская власть дала женщинам политические права, а теперь настало время установить экономическое равенство среди полов, сделав женщину более независимой от мужчины. Это окончательно должно было поставить женщину на один уровень с мужчиной. Профсоюзом предпринимались меры по «трудовой грамотности» – распространялись идеи о том, что женщина Советского Союза должна работать наравне с мужчиной.

В начале 1930-х гг. статьи журнала не отличались большим разнообразием: производство было преобладающей темой. В номере «Работницы» опубликована таблица успехов женщин на 13-й год революции. Больше количество женщин вовлечено в горсоветы, ударные бригады, сельсоветы, распространены профессии народных судей, встречаются среди женщин директора и помощники директоров, секретари окружкомов и райкомов, многие состоят в партии и комсомоле [21, с. 12]. Распространены профессии торфяниц [10, с. 10]. Такое разнообразие женских профессий является успехом, шагом вперед в эмансипации женского труда, реализуемой советской властью в условиях индустриального прорыва первых пятилеток.

О правах женщин на новых должностях повествуют статьи, в которых подчеркивается профсоюзный аспект. В течение 1930–1931 гг. встречается несколько статей, в которых упоминаются профсоюзы. В них – открытые призывы идти в ударную бригаду. Более того, необходимо было мобилизовать других женщин: «Делегатка-активистка, объявив себя ударницей, должна повлечь

за собой десятки и сотни работниц» [8, с. 15]. Осуществлялось привлечение женщин к повышенному труду, это объявлялось их долгом.

В 1935 г. работа по вовлечению женщин в трудовую сферу продолжается. Изменившаяся ситуация позволяет журналу иначе показывать позицию женщин – теперь они наравне с мужчинами. Женщин, понимающих и знающих, что такое социализм, каковы его задачи и куда движется страна, стремились продвигать на руководящую работу: «Задача заключается в том, чтобы еще шире вовлекать женщин во все звенья государственной, профсоюзной и другой общественной работы, чтобы еще смелее выдвигать растущих, способных бороться за социализм женщин на руководящую работу...» [1, с. 2–4]. Такими словами была наполнена статья, посвященная празднику женщин во всем мире, – призывами к участию большего числа женщин в общественной работе.

Журнал проводил политику последовательной организации кампании по формированию образа экономически независимой женщины. Нередко женщины получали возможность полностью изменить свою карьеру – так, например, статья журнала рассказывает о женщине, которая была работницей, а благодаря возможностям, созданным государством, заняла пост руководителя областного отдела народного образования [16, с. 11]. Такие единичные примеры должны были вдохновить женщин на самообразование, самосовершенствование. «Работница» задавала образцы, к которым должны были стремиться простые женщины, работающие в колхозах, необразованные, в головах которых остались архаичные традиции о месте женщины в обществе.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что перед нами конструируется портрет советской женщины, которая активна, политически грамотна, при необходимости может освоить нужную профессию и пользуется поддержкой власти, чтобы преодолеть культурные различия. В журнале были продемонстрированы образцы поведения, к которым должна была стремиться каждая гражданка СССР. Образованная строительница социализма, принимающая активное участие в политической жизни страны, – публичные роли, возлагаемые на хрупкие плечи

женщин. Семья превратилась из закрытого автономного пространства в публичное, общественное, на которое активно оказывает влияние социальная политика, используя «Работницу» как инструмент конструирования и реорганизации быта.

Государство поставило цель вовлечь женщин в трудовую деятельность. Журнал «Работница» выступило идеологическим рупором, сопроводив процесс индустриализации в гендерном ракурсе. Женщина включалась в процесс индустриализации через множество ролей: здесь успешно соединялись два вектора властной политики – индустриализация и равенство женщин и мужчин. За десятилетие женщины смогли освоить профессии, ранее им недоступные, что является большим шагом по установлению равенства между полами. Женщина становилась полноправной участницей производства, способной сделать карьеру в условиях, созданных советской властью.

Итак, «Работница» стала своеобразной площадкой для обсуждения социальных сюжетов, что можно назвать способом введения в повседневность вопросов социальной политики.

Список литературы

1. 8 марта в стране социализма // Работница. – 1935. – № 5/6. – С. 2–4.
2. Анчарова М. Профсоюзы – лицом к работнице // Работница. – 1931. – № 8. – С. 4–5.
3. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). – М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 358 с.
4. Д.Д. Курсы по подготовке работниц и дочерей рабочих // Работница. – 1930. – № 2. – С. 16.
5. Зайцев П. Путь борьбы и побед // Работница. – 1935. – № 2. – С. 3.
6. Из выступления тов. Артюхиной. За социалистическую переделку быта // Работница. – 1930. – № 4. – С. 3.
7. И.Н. Лучших пролетарок – в партию // Работница. – 1930. – № 3. – С. 5.

8. Каган Л. Профсоюзы – классовая организация пролетариата // Работница. – 1930. – № 2. – С. 15.
9. К-ая. Касса взаимопомощи матерей // Работница. – 1930. – № 2. – С. 16.
10. Конференция торфяников и торфяниц // Работница. – 1935. – № 11. – С. 10.
11. Мазурова Я.С. Участие женщин в социалистической индустриализации страны // Опыт КПСС в решении женского вопроса. – М. : Мысль, 1981. – С. 35–54.
12. Мельникова. Не хочу жить, зарывшись только в своей семье // Работница. – 1935. – № 11. – С. 16.
13. Минаева О.Д. «Неженские» профессии советских женщин 1930 гг. (по материалам журнала «Работница») // Медиаскоп. – 2009. – № 2. – С. 1–8.
14. Наши дети. Конкурс на лучшее воспитание детей // Работница. – 1935. – № 5/6. – С. 18.
15. Растет армия безграмотных женщин // Работница. – 1935. – № 5/6. – С. 25.
16. Самарин И. Бывшая уборщица – руководитель областного отдела народного образования // Работница. – 1935. – № 10. – С. 11.
17. Сергеева Н. Знатные люди пенько-джутовой промышленности // Работница. – 1935. – № 8/9. – С. 10–11.
18. Сергеева Н. Примерная семья // Работница. – 1935. – № 12. – С. 16.
19. Слово имеет грамотная женщина советского Востока // Работница. – 1935. – № 2. – С. 12–13.
20. Фрейдгейм А. О наших детях // Работница. – 1930. – № 3. – С. 18.
21. Шин А. Два мира // Работница. – 1930. – № 12. – С. 12.

«ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ» ВЫСТАВКИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

*Конивец Анна Валентиновна
старший научный сотрудник,
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург
konivets@hermitage.ru*

Аннотация. Во второй половине 1920-х гг. российские музеи были призваны уделять особое внимание просвещению и идеологическому воспитанию народа. В это время в Эрмитаже создается Просветительский отдел, открываются рабочие кружки, организуются передвижные выставки. В начале 1930-х гг. к участию в создании выставок активно привлекаются различные общественные организации.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, Зимний дворец, агитационные выставки, Комиссия по чистке, выставки 1930-х гг., идеологические выставки.

‘IDEOLOGICAL’ EXHIBITIONS DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

*Anna Konivets
senior researcher
the State Hermitage museum
Saint-Petersburg
konivets@hermitage.ru*

Abstract. In the second half of 1920-ies the Russian museums were called upon to pay special attention to the enlightenment and ideological education of the people: Educational Department was created in the State

Hermitage museum, Educational circles for workers were opened, traveling exhibitions were organized. In early 1930-ies various public organizations were actively involved in the creation of exhibitions.

Keywords: State Hermitage museum, Winter palace, agitation exhibitions, ideological exhibitions, exhibitions of early 1930s.

После Октябрьской революции, когда Императорский Эрмитаж стал народным достоянием, доступным всем без исключения слоям общества, в структуре музея многое изменилось. Важные решения теперь принимались Советом Эрмитажа, в который кроме сотрудников музея входили известные ученые и общественные деятели; появились новые отделы, в частности, отдел, призванный заниматься просвещением и эстетическим воспитанием населения. Выставки первых послереволюционных лет, как правило, сопровождались лекциями, которые могли посетить все желающие. Особое внимание уделялось тому, чтобы эти выставки были доступными для неподготовленного зрителя. В конце 1920-х гг. внимание к просветительской деятельности музея усиливается, при Эрмитаже открываются рабочие кружки. В 1928 г. сотрудники Наркомпроса при участии представителей трудовых коллективов Ленинграда провели обследование экскурсионной работы Эрмитажа. Выводы, которые сделала эта комиссия, в целом положительно оценившая проводимую музеем просветительскую работу, были частично отражены в экспликации к выставке, посвященной истории Эрмитажа. Особо подчеркивалось, что «Императорский Эрмитаж посещался узким кругом избранной публики; советский Эрмитаж, отвечая на все растущие культурные запросы пролетарских масс и директивы правительства о культстроительстве, превратился из бессистемного хранилища древностей и редкостей для немногих любителей-эстетов в учреждение массовой политпросветработы на основе научного показа экспонатов». Далее говорилось, что на смену кратким этикеткам, применявшимся в императорском музее, пришли подробные, «распространенные» этикетки, кроме того, появились планы залов, указатели, путеводители и даже музыкальное сопровождение. «В связи с изменением назначения Эрмитажа и превращением музея из доступного лишь привилегированным классам в музей, обслуживающий широкие

массы, вопрос о введении надписей и этикеток, разъясняющих значение и темы картин, становится крайне существенным» [3, с. 166]. В условиях продолжавшейся борьбы с разного рода вредителями, – ведь процесс по громкому делу Промпартии, тянувшийся с 1925 г., еще не был закончен, – все большее значение придавалось идеологическому воспитанию масс. В учреждениях Ленинграда начиналась подготовка к массовым чисткам. В декабре 1929 г. на общем собрании сотрудников музея в повестке дня были «выборы обследовательских троек для проведения подготовительной работы по чистке аппарата Гос. Эрмитажа». В результате было образовано двенадцать подкомиссий во всех отделах музея [1, ф. 1, оп. 17, д. 171, л. 23].

1930 г. принято считать годом начала «реконструкции» Эрмитажа, когда преобразования затронули разные сферы деятельности музея (хотя фактически изменения в его структуре начались гораздо раньше, еще в 1918-м). Одним из главных направлений становится научно-просветительская работа. Основные проблемы и задачи, связанные с преобразованиями в музее, изложены в брошюре «Социалистическая реконструкция Эрмитажа», вышедшей в 1934 г. Ее автор – директор Государственного Эрмитажа в 1930–1934 гг. Борис Васильевич Легран (1884–1936), биография которого была весьма богата событиями: воевал на фронтах Первой мировой войны; «в 1901 г. вступил в социал-демократическую партию и был первый раз арестован жандармами; работал в Тифлисской организации социал-демократической партии со Сталиным, Шаумяном и др. <...> в 1907 был арестован в Баку вместе с Ав. Енукидзе» [1, ф. 1, оп. 13, д. 470, с. 3]. В ноябре 1917 г. в Петрограде Легран был назначен товарищем комиссара по военным делам; в начале 1920-х гг. был на дипломатической работе в Армении, Азербайджане, Грузии, Туркестане; служил генконсулом СССР в Харбине. Это был человек прекрасно образованный, учился на юридическом факультете Петербургского университета, из-за арестов продолжил учебу в Казани; в юности водил дружбу с Николаем Гумилевым (учились в одной гимназии в Тифлисе) и помогал Осипу Мандельштаму... Как отмечал Б.Б. Пиотровский в «Кратком очерке истории Эрмитажа», «вся громадная, предусмотренная решениями инстанций и самого Эрмитажа

работа по реконструкции музея проводилась под руководством Леграна» [4, с. 81]. При нем штат Эрмитажа пополнился молодыми специалистами, не связанными прежними представлениями о том, каким должен быть музей, и готовыми ко всему новому. По мнению Леграна, это новое заключалось в том, что «советский музей основной задачей своего существования считает массовую просветительскую работу. Он стремится сделать науку доступной для самых широких масс пролетариата и трудящихся. Это относится в полной мере и к художественной экспозиции. <...> Назначение Эрмитажа – помочь широким массам трудящихся Советского Союза критически разобраться в различных формах культуры, которые выдвигались различными классами на исторических этапах развития общества, и выделить в непрерывной смене культур, которую дает нам исторический процесс, то, что может войти в состав культурного наследия пролетариата, созидающего свою пролетарскую, социалистическую культуру» [2, с. 28, 56]. Для создания выставок, доступных и понятных посетителям, многие из которых приходили в музей впервые в жизни, необходимо было не только понимать, что этот новый зритель ожидает и хочет увидеть в музее, но и суметь правильно донести до него значение и смысл музейных экспозиций. Для этих целей в Эрмитаже был создан методологический кабинет, сотрудники которого разрабатывали планы занятий и лекций, участвовали в подготовке экспликаций к выставкам.

В начале 1931 г., в «декаду обороны», когда Эрмитаж открывал очередную выставку ко Дню Красной армии, партийными органами Ленинграда в музей были направлены два документа – «Рабочая программа по чистке и проверке аппарата» и «Сталинская эстафета по вопросу кадров». Здесь следует отметить, что циркуляры предназначались для всех учреждений города: заводов, фабрик, институтов, Эрмитаж не был исключением. Руководству музея предстояло ответить на вопросы, поставленные в этих документах, а также заполнить таблицу, дающую представление о социальном составе служащих и их принадлежности к партийным организациям. Из сведений, указанных в таблице, следовало, что в 1931 г. в штате Государственного Эрмитажа числилось 144 человека, из них

членами ВКП(б) состояли восемь сотрудников и двое значились кандидатами в партию; комсомольцев на весь музей было всего трое; при этом дворян – 57 человек и один рабочий. В таблице была также графа «Бывшие под арестом ГПУ». Таких в Эрмитаже на тот момент числилось девять человек [1, ф. 1, оп. 5, ч. II, д. 1310]. В «Сталинской эстафете...» были также вопросы, касающиеся просвещения народных масс, в частности: «Как Эрмитаж приспособлен для обслуживания политпросветительных и агитационных учреждений?», «Какую продукцию дает массам?». «Продукция» музея – это, прежде всего, – выставки и, чтобы соответствовать требованиям, указанным в официальных директивах, приходилось прибегать к разного рода ухищрениям. Например, выставкам давались названия, соответствующие духу времени. Но при этом по своему содержанию большинство выставок мало чем отличалось от прежних, классических, которые показывали различные школы живописи, прикладного искусства или знакомили посетителя с творчеством великих мастеров прошлого. Так, выставки: «Классовая борьба в Нидерландах», «Искусство итальянских городов республики и итальянской торговой буржуазии», «Искусство Франции в эпоху феодальной реакции» были посвящены не революционному движению в Нидерландах, Италии и Франции, а истории медальерного искусства и денежного обращения в этих странах. Отдел Запада, знакомя посетителей с искусством Франции, подготовил выставки с такими названиями: «Искусство дворянства и ростовщической буржуазии периода разложения абсолютизма во Франции» (иными словами – посетитель музея знакомился с французской живописью XVIII в., а центром экспозиции был знаменитый Амур Фальконе); «Французское искусство мелкой и средней буржуазии периода победы абсолютизма над феодальной знатью» (реализм в живописи XVII в. с хрестоматийным «Семейством молочницы» Луи Ленена); «Искусство буржуазии накануне Великой французской революции» (живопись третьей четверти XVIII в. с главным экспонатом – статуей гудоновского Вольтера). Выставки с идеологически правильными названиями в полной мере соответствовали требованиям проверяющих органов к той «продукции», которую музей должен нести

в массы. Здесь, наверное, и пригодился богатый дипломатический опыт директора Эрмитажа. Таким образом, несмотря ни на что, Эрмитаж продолжал делать большое количество выставок, знакомящих зрителя с историей мирового искусства. Но мы остановимся лишь на тех, которые были типичны для периода первых пятилеток и носили агитационный и пропагандистский характер. Как правило, такие «идеологические» выставки Эрмитаж готовил совместно с другими городскими музеями и организациями. Одной из наиболее важных и известных была Антирелигиозная выставка, приуроченная к пятилетию Союза воинствующих безбожников. Она открылась в Зимнем дворце 15 апреля 1930 г., в ее подготовке помимо Эрмитажа участвовали Музей антропологии и этнографии Академии наук (Кунсткамера) и Ленинградский совет Союза воинствующих безбожников. В объявлении, помещенном в городских газетах, говорилось, что выставка предназначена для широких рабочих масс. Она заняла бывшие покои императора Александра II, расположенные на втором этаже дворца, и зал на первом этаже, в котором были представлены экспонаты, рассказывающие о происхождении Вселенной, Земли и человека. Вдоль лестницы (Салтыковской), соединяющей залы первого и второго этажа, размещались антирелигиозные плакаты, вставленные «в огромные рамы, содержащие раньше драгоценные французские гобелены», а бывшие апартаменты императора, «залы, набитые выцветшей мебелью и разным хламом, пришлось вычистить <...> фигурные стены обшить фанерными щитами и обтянуть холстом» [3, с. 162], как было написано в пояснительной брошюре. Антирелигиозной выставке придавалось такое большое воспитательное значение, что было принято решение превратить ее в постоянный музей. По этому поводу 7 сентября 1930 г. вышло постановление Президиума Академии наук СССР. Предполагалось, что новый музей останется в залах Зимнего дворца. Эрмитаж, которому в то время принадлежала лишь половина дворцового здания (вторую половину с 1920 г. занимал Музей Революции) и который остро нуждался в экспозиционных площадях, естественно, выступил категорически против этого решения. В результате в распоряжение академии был передан

Казанский собор, в помещении которого 15 ноября 1932 г. открылся новый музей, впоследствии получивший название Музея истории религии и атеизма. В 2000 г. Казанский собор был возвращен Русской православной церкви, а Государственный музей истории религии переехал в другое здание.

Еще одна «идеологическая» выставка – «Восток в огне» – была посвящена преобразованиям в республиках советского Востока и готовилась Эрмитажем совместно с Музеем Революции, Русским музеем и Обществом востоковедения. Характерно, что совещание по вопросу ее концепции, состоявшееся 28 декабря 1930 г., проводил не директор Эрмитажа, не заместитель по науке и не заведующий Отделом Востока, а заместитель директора по политико-просветительной части, что говорит прежде всего об идеологической направленности этой выставки, тема которой связывалась с современной политической обстановкой в мире. Участники совещания пришли к соглашению, что «выставка должна отразить следующие основные моменты:

1. Проникновение империализма на восток и его последствия.
2. Современное положение Востока зарубежного и Востока советского.
3. Борьба империалистов за источники сырья и рынки.
4. Переход национальной борьбы в колониях в классовую борьбу» [3, с. 162].

Примером того, как представители общественных организаций, промышленных предприятий и учебных заведений принимали участие в подготовке выставок, может служить выставка мебели, открывшаяся 28 февраля 1931 г. в Первом филиале Эрмитажа (бывшем Музее Центрального училища технического рисования барона Штиглица). В работе над ней также участвовали: Древлест (Ленинградский областной государственный трест деревообрабатывающей промышленности), Политпросветбаза, Лентехкустпром (Ленинградский техникум кустарной промышленности), Государственный техникум художественной промышленности и даже Комиссия по чистке Государственного Эрмитажа. На общественный просмотр

выставки были приглашены представители различных организаций, чтобы они высказали свои замечания и пожелания.

Эти замечания вполне отражали главные задачи, поставленные перед народом на первую пятилетку, которая должна была положить начало индустриализации страны. Поэтому в отзывах часто встречается слово «производство». Приведем некоторые из наиболее характерных отзывов: «Надо отметить, что выставка, которую мы просмотрели сейчас, еще не может быть названа советским музеем. Это не музей, а собрание отдельных вещей, но в своем настоящем виде может быть названа скорее буржуазным музеем. <...> Музей должен иметь производственный характер, это самое главное. Сейчас еще нет ни показа производства, ни комплекса, ни системы»; «Если выставку открыть, то лишь с производственной целью. Хорошо бы представить нашу современную послереволюционную мебель»; «Перестроить Музей надо совместными силами с привлечением товарищей с производства и политпросвета, и создать комиссию из постоянных представителей заинтересованных организаций. Представитель Древлтреста должен быть непременно членом этой комиссии» [3, с. 164]. Даже по этим нескольким отзывам (в действительности их было гораздо больше) можно понять, что представители общественных организаций, призванные давать советы и наставления музейщикам, имели весьма смутное представление об истинных задачах и целях деятельности музея как такового. Тем не менее руководство Эрмитажа, приняв эти замечания к сведению, решило дополнить выставку современной мебелью (чего обычно не бывало в стенах Эрмитажа), и в мае 1931 г. Б.В. Легран обратился в Древлтрест с просьбой предоставить образцы продукции фабрик, а также каталоги, фотографии и чертежи мебели.

Члены Комиссии по чистке Государственного Эрмитажа, которые значатся в числе представителей общественности города, участвовавших в просмотре выставки, были приглашены, вероятно, потому, что как раз в это время комиссия работала в музее, проверяя работу отделов. Сотрудники отчитывались о выполнении соответствующих распоряжений вышестоящих инстанций, в основном это касалось «идеологической

грамотности». В отчетах говорится, например, о «повышении своей марксистской подготовки», о пополнении фондов научной библиотеки Эрмитажа марксистской литературой; о том, что было сделано, «чтобы оживить организованный в октябре месяце, но не работавший кружок марксистского музееведения», и т. д. [1, ф. 1, оп. 17, д. 171, л. 31]. Нужно отметить, что первые «чистки госаппарата» проходили довольно формально. Многие сотрудники, «вычищенные» из музея, впоследствии были восстановлены в должностях. В то время еще была возможность подачи апелляции в Комиссию по чистке и попытки оспорить принятое решение. Так, десять человек в результате дополнительных разбирательств были оставлены на работе. Кто-то был переведен на другую должность, другие, получив выговор, остались на прежнем месте. Некоторым даже выдавали новый «трудсписок», в котором уже не было «записи Комиссии по чистке соваппарата» [4, с. 497, 323]. Но все же атмосфера в музее была тревожная. То и дело приходили известия об арестах. Из отчетов о работе отделов Эрмитажа можно составить представление о том, в каких условиях сотрудникам приходилось трудиться. Так, отмеченная комиссией «неудовлетворительность» работы над экспозицией, посвященной эпохе абсолютизма во Франции, объяснялась тем, что «работа задержалась еще и потому, что двое из трех человек, работавших на выставке, были арестованы ГПУ. Пришлось привлекать новых людей» [3, с. 165]. Если в начале 1930-х гг. это были единичные аресты, как правило, заканчивавшиеся ссылкой, то в 1937–1938 гг. приговоры были уже более суровые. В 1933 г. во время подготовки выставки в Харькове был арестован заведующий Арсеналом А.А. Автономов, в 1938-м его повторный арест закончился смертным приговором. В 1933 г. был арестован сотрудник Отдела нумизматики Р.Р. Фасмер и сотрудник Отдела Запада Н.Г. Зенгер. Фасмер скончался через четыре года в лагере, Зенгер, отбывавший срок в Белбалтлаге, в 1938 г. был вновь арестован и приговорен к высшей мере. В начале 1935 г., после убийства С.М. Кирова, из Ленинграда стали массово высылать «чуждый элемент». Среди высланных оказались бывший директор Эрмитажа С.Н. Тройницкий и сотрудник Отдела Запада М.Д. Философов, которого в 1937 г. обвинили

в «контрреволюционной деятельности» и приговорили к расстрелу. В этом же году к высшей мере приговорили обвиненного в шпионаже сотрудника Отдела Запада В.Ф. Миллера.

Тем не менее работа в музее не прекращалась, выставки следовали одна за другой. Перед новым 1932 г. состоялся общественный просмотр постоянных музейных экспозиций Сектора Западноевропейского искусства – «Искусство эпохи абсолютизма во Франции» и «Искусство эпохи промышленного капитализма во Франции», на который были приглашены представители горкома ВКП(б), горкома ВЛКСМ, Комакадемии, Русского музея, Музея Революции, облоно, облпрофсовета, промышленных предприятий, Рабочего кружка Эрмитажа. Просветительская деятельность музея не ограничивалась устройством выставок в их привычном виде. Помимо отдела, занимавшегося экскурсионной работой, в Эрмитаже был создан Сектор музыкальной культуры и техники, сотрудники которого готовили «музыкально-исторические звучащие экспозиции», или концерты-выставки. Названия этих программ также отвечали требованиям текущего момента: «Французская музыка эпохи разложения феодализма и буржуазной революции» (скорее всего, программа была посвящена композиторам Жану-Батисту Люлли и пришедшему ему на смену Жану-Филиппу Рамо), «Немецкая музыка эпохи промышленного капитализма» (Ференц Лист, Рихард Вагнер и Рихард Штраус), «Борьба за реализм в французской музыке XVIII века» (вероятно, речь шла о творчестве Руже де Лиля, автора «Марсельезы»). Концертные программы проходили в стенах роскошного Эрмитажного театра, построенного по велению Екатерины Великой, а музыканты играли на «подлинных инструментах, для которых была написана соответствующая музыка» [2, с. 14]. В просветительских целях помимо экскурсий по экспозициям музея готовились и тематические передвижные выставки с использованием различного изобразительного материала. Эти выставки предназначались специально для представления на предприятиях города и области, они сопровождались лекциями сотрудников Эрмитажа. Шла работа и в рабочих кружках, в которые сотрудники Просветчасти старались привлечь как можно

большее число участников из числа работников различных предприятий города. Как показывают отчеты, работа эта была довольно трудной, далеко не все трудящиеся стремились посещать музей на постоянной основе, и фактически в начале 1930-х гг. лекции посещали лишь 100–120 человек (при том, что зал Эрмитажного театра, где проходили занятия, рассчитан на 350 мест), а экскурсии иногда приходилось и вовсе отменять из-за неявки групп. В просветительских целях сотрудники музея сами выезжали на предприятия и заводы, но план выездных лекций не всегда выполнялся. Скорее всего, причина была не в музейщиках, а в неготовности аудитории. Тем не менее планы проведения таких занятий постоянно увеличивались, поэтому работа в этом направлении не прекращалась [5, с. 340]. В январе 1931 г. сектор науки Народного комиссариата просвещения, потребовав от Эрмитажа отчет о проведении музеем «агитации и пропаганды за укрепление обороноспособности Советского Союза», приходит к выводу, что «почти все выставки были использованы недостаточно и не выполнили первоначальной своей цели – выезжать на заводы и фабрики и служить переходным мостом между Красными Уголками заводов, где они должны были агитировать за музей, и самим Эрмитажем». Как видно из отчетов, так называемых «выставок-передвижек» было подготовлено большое количество, при этом все они отличались злободневностью и, как правило, были приурочены к праздничным и памятным датам: 8 Марта, 3-му большевистскому севу, Дню МОПР'а (Международная организация помощи борцам революции – коммунистическая благотворительная организация) и Дню Парижской коммуны, 1 Мая – «Кризис капитализма и нарастание мировой пролетарской революции», 15-летию Октябрьской Революции – «Наши достижения», «СССР на стройке», Антирождественская выставка и др. В подготовке этих выставок также принимали участие общественные организации, добровольные общества и Рабочий кружок Эрмитажа.

Во второй половине 1930-х гг. все большее внимание уделяется теме героического военного прошлого нашей страны, чему способствует напряженная обстановка в мире, стоящем на пороге войны. Выставки на эту тему открываются одна

за другой, и некоторые из них превращаются в постоянные музейные экспозиции.

Список источников и литературы

1. Архив Государственного Эрмитажа.
2. Легран Б.В. Социалистическая реконструкция Эрмитажа. – Л., 1934.
3. Матвеев В.Ю. Эрмитаж «уединенный», или Выставочная мозаика. Материалы к выставочной деятельности музея: выставки в Эрмитаже и в центрах Государственного Эрмитажа. – СПб., 2014.
4. Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. – М., 2000.
5. Эрмитаж. История и современность. 1764–1988 / Г.А. Васильева, Л.Н. Воронихина, И.А. Куреева, Ю.Г. Шапиро ; Научно-просветительный отдел. – Л., 1990.

ИСТОЧНИКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ШАЛАМОВА И А. АХМАТОВОЙ

Кротова Дарья Владимировна
канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный
университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва
da-kro@yandex.ru

Аннотация. В понимании источников поэтического творчества у В. Шаламова и А. Ахматовой выявлена глубинная общность, прослежены линии преемственности художественного сознания автора «Колымских тетрадей» по отношению к своей старшей современнице. Видение источников творческого вдохновения и объектов поэтической рефлексии непосредственно связывает Шаламова с акмеистической традицией. В то же время проведенный анализ высвечивает неповторимый, глубоко индивидуальный облик Шаламова как художника слова, раскрывает особенности его понимания поэзии и искусства в целом.

Ключевые слова: русская литература, Шаламов, Ахматова, акмеистическая традиция, творческие импульсы, поэзия и повседневность, контаминация образных рядов.

THE SOURCES OF POETIC IMAGERY IN THE WORKS OF V. SHALAMOV AND A. AKHMATOVA

Krotova Daria Vladimirovna
Candidate of philological sciences, associate professor
Lomonosov Moscow State University,
Moscow
da-kro@yandex.ru

Abstract. In Shalamov's and Akhmatova's understanding the sources of poetic creativity revealed a deep community; traced the lines of continuity in the artistic consciousness of the 'Kolyma Notebooks' author to his older contemporary. The vision of sources of creative inspiration and objects of poetic reflection directly connects Shalamov with the acmeistic tradition. At the same time, the undertaken analysis highlights the unique, deeply individual appearance of Shalamov as an artist, reveals the peculiarities of his understanding of poetry and art in general.

Keywords: Russian literature, Shalamov, Akhmatova, acmeistic tradition, creative impulses, poetry and everyday life, contamination of figurative rows.

Варлам Шаламов связан с Анной Ахматовой отношениями глубинной художественной преемственности. Творчество Ахматовой, и шире – акмеизм, – это важнейшая часть шаламовской поэтической генеалогии. Автор «Колымских тетрадей» обращался к осмыслению наследия и личности Ахматовой и в поэзии, и в эссеистике, и в записных книжках. Стихотворения Ахматовой Шаламов со школьных лет ценил и любил. В своем эссе «Ахматова» он вспоминал: «...стихи “Ты письмо мое, милый, не комкай...” и “Звенела музыка в саду...” были стихами юности моей» [8, т. 5, с. 194]. В том же эссе Шаламов утверждал, что «Анна Андреевна была представительницей русского Ренессанса XX столетия, характером современным, ничуть не менее значительным, чем пресловутые характеры Возрождения» [8, т. 5, с. 196], а также рассуждал об Ахматовой как о «жизненном явлении» [8, т. 5, с. 193]. Подобные высказывания говорят о том, что творчество выдающейся представительницы Серебряного века Шаламов воспринимал не только как сугубо художественный факт, но и как феномен бытийного порядка.

Весьма характерна фраза, которую читатель встречает в шаламовских записных книжках: «Ахматова – Анна I» (1965 г.) [8, т. 5, с. 292]. Такая метафора отражает представления Шаламова о царственном положении Ахматовой в мире поэзии. Шаламов порой высказывал и критические суждения в адрес своей старшей современницы (например, в эссе «Ахматова», в набросках выступления на планировавшемся в 1966 г. вечере памяти Мандельштама, в которых Шаламов выражает свое

представление о том, что у Ахматовой, как и у Пастернака, и у Цветаевой, «были уступки, отступления под нажимом грубой силы. Были принесенные напрасные жертвы, только унижавшие этих поэтов...» [1, оп. 2, ед. хр. 123, л. 12]), но в целом Шаламов воспринимал творчество Ахматовой как несомненную ценность, а личность Анны Андреевны – как сильную и неординарную. Когда Ахматова в 1965 г. находилась в Боткинской больнице, Шаламов (по-видимому, при посредничестве Надежды Мандельштам) передал для нее записку, в которой читаем: «В жизни нужны живые Будды, люди нравственного примера, полные в то же время творческой силы» [8, т. 6, с. 408]. Шаламов был глубоко убежден, что настоящий поэт наделен этической миссией, и личность того, кто обладает художественным даром, должна быть моральным ориентиром для общества («Для современников поэт всегда нравственный пример» [8, т. 5, с. 17]). Отметим, что жизнь, творческий путь, личность самого Шаламова в полной мере соответствуют тем требованиям, которые он сам выдвигал по отношению к поэтам. В.В. Есиповым биография Шаламова справедливо характеризуется как «лучшая школа самовоспитания. Школа сопротивления и школа памяти» [4, с. 339].

Шаламов посвятил Ахматовой цикл из четырех стихотворений, написанных на протяжении 1965–1966 гг.¹ В этом цикле раскрывается и образ великого поэта, причастного самым высоким тайнам искусства, и внутренний мир страдающей женщины с ее горестной судьбой. Образная двунаправленность была выражена уже в шаламовском стихотворении 1957 г. «Ахматовой»: перед читателем предстает и «затворница святая», лик которой – это «древнее лицо // Тысячелетней муки» [9, т. 2, с. 509], и одновременно – земная женщина и ее обыденная жизнь («Тепло от пепла папирос, // Рассыпанного всюду...» [9, т. 2, с. 509]).

Линии взаимодействия, творческих схождений Шаламова и Ахматовой насыщены и разнообразны. Среди наиболее

¹ Формально стихотворения в цикл не объединены, но на обложках тетрадей, содержащих рукописи и машинописи этих стихотворений (РГАЛИ), имеются указания: «Стихи 1965. Ахматова» [1, оп. 3, ед. хр. 93, л. 1], «Анна Андреевна» [1, оп. 3, ед. хр. 93, л. 6], «Ахматова (стихи)» [1, оп. 3, ед. хр. 93, л. 11]. Впервые опубликованы (в виде цикла) в: [9, т. 2, с. 168–172]

значимых аспектов сопоставительного анализа – *источники поэтической образности*. Они оказываются у Шаламова и Ахматовой во многом родственны и глубоко обусловлены акмеистической художественной логикой. Ахматова, как известно, относится к числу ярчайших представителей акмеизма, а в творчестве Шаламова линия наследования по отношению к акмеистической традиции, как мы доказывали в предшествующих публикациях [6], исключительно важна.

Из бесконечного многообразия источников поэтической образности выделим тот, который особенно репрезентативен для акмеистического художественного сознания и в равной степени значим и для Ахматовой, и для Шаламова. Речь идет о мире *повседневности*, мире *обыденности* в самых разных ее проявлениях. На первый взгляд, такой источник не является самым характерным для поэзии в целом, ведь мир поэзии, при всем его огромном богатстве, ассоциируется в первую очередь с возвышенным дискурсом. Этот дискурс, конечно, присутствует у Ахматовой и Шаламова, но у обоих авторов существенным источником художественной образности становится и сфера повседневности и быта, причем иногда толчком к появлению стихотворения служат даже неприглядные ее стороны.

Обращение в творчестве к тем реалиям, которые непосредственно окружают человека, к миру каждодневности в общем свойственно постсимволистскому художественному сознанию, одним из крупнейших выразителей которого является Ахматова. Если творческий вектор предшествующего этапа, символистского, во многом определялся устремленностью к запредельному, то в поэтической культуре следующего периода художественная оптика меняется. Это не означает «отмены» иррационального и мистического, но пристальное внимание к посюсторонним, земным реалиям становится чрезвычайно весомой тенденцией. В эстетической платформе акмеизма названные особенности непосредственно декларировались: С. Городецкий говорил о том, что борьба символизма и акмеизма – это «борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю» [3, с. 93]. Помимо акмеистической поэзии можно вспомнить и о ранних стихотворениях М. Цветаевой, изобилующих насыщенными

эмоциональным смыслом внешними подробностями (в предисловии к сборнику «Из двух книг» Цветаева призывала: «Не презирайте “внешнего”! Цвет ваших глаз так же важен, как их выражение; обивка дивана – не менее слов, на нем сказанных. Записывайте точнее! Нет ничего не важного! Говорите о своей комнате: высока она, или низка, и сколько в ней окон, и какие на них занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы?..» [7, т. 5, с. 230]). Поэтизация быта – это и характерная черта художественного сознания Б. Пастернака, воплощенная как в его раннем и зрелом творчестве, так и в произведениях позднейшего этапа («Доктор Живаго»).

У Ахматовой исключительное внимание к миру повседневности находит разнообразные формы творческого выражения и, в частности, проявляется в том, что стихотворение зачастую рождается из самых обычных реалий, которые окружают поэта. В стихотворении «Мне ни к чему одические рати...», написанном Ахматовой уже в зрелые годы (1940), реализуются, по сути, принципы акмеистической художественной оптики:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.*

*Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне [2, т. 4, с. 222].*

Здесь в качестве импульсов творчества фигурируют не просто обыденные образы, а намеренно приземленные: «сор», «лопухи и лебеда», «сердитый окрик, дегтя запах свежий» и даже «плесень» – объект совсем далекий, казалось бы, от поэтического дискурса. Но для художника акмеистического сознания (каким оставалась Ахматова в зрелый и поздний периоды своей жизни) такие «непоэтические» реалии обретают значение подлинных

стимулов творчества, каждая из них – своего рода вспышка, толчок к формированию художественного образа².

В процитированном стихотворении слово «плесень» сопровождается высоким эпитетом «таинственная», а в строках, написанных в более поздний период, плесень даже становится объектом восхищенного любования поэта: «И прекрасней мраков Рембрандта // Просто плесень в черном углу» [2, т. 2, кн. 2, с. 64]. Явление как будто бы абсолютно антиэстетическое здесь не только оказывается объектом поэтической рефлексии, но и сравнивается с самыми вдохновенными образами мирового искусства.

Шаламов так же, как и Ахматова, нередко «по-акмеистически» вводит в мир своей поэзии явления вроде бы не связанные с высоким искусством и даже традиционно воспринимаемые как антиэстетические и отталкивающие. В первом же стихотворении, открывающем цикл «Колымских тетрадей», возникает тот же, что и у Ахматовой, образ плесени. Только у Шаламова «плесенью» оказываются «испачканы» сами стихи:

*Пещерной пылью, синей плесенью
Мои испачканы стихи.
Они рождались в дни воскресные –
Немногословны и тихи.*

*Они, как звери, быстро выросли,
Крещенским снегом крещены
В морозной тьме, в болотной сырости.
И все же выжили они [8, т. 3, с. 7].*

Образ поэзии осмысливается сквозь призму бытовых реалий и в цикле «О песне», где строки стихотворения сравниваются с неровными, незаструганными бревнами. А в стихотворении «Нестройным арестантским шагом...» читатель встречается с парадоксальной метафорой – движение

² Метафорическая система стихотворения содержит, по мнению Л.Г. Кихней, и скрытую отсылку к широкому культурному контексту: «...эти стихотворные строки отсылают нас к Леонардо да Винчи, к его методу работы в живописи. Ср.: “Рассматривай стены, запачканные разными пятнами, или камни из разной смеси. Если тебе нужно изобрести какую-нибудь местность, ты сможешь там увидеть подобие различных пейзажей”» [5, с. 86].

поэтической мысли уподобляется шагам арестанта: слова «заходят на бумагу», как арестанты «на ночевку среди села» [8, т. 3, с. 204].

Сугубо приземленные и отнюдь не «поэтические» явления становятся объектом внимания художника, например, в стихотворении «В бане» – здесь возникают такие образы, как «соленый удушливый пот», «ковш», который «затыкается тряпкой», залепленное мылом «корыто» [9, т. 2, с. 78]. В поэзии Шаламова получают отражение даже такие детали, как «вши и клопы под гноем повязок, // Пролежни, язвы до самых костей» [9, т. 2, с. 83].

В стихотворении «Все молчит: зверье и птицы...» (в одном из автографов [1, оп. 3, ед. хр. 14, л. 58] является второй частью микроцикла «Осень и весна») даже такое событие, как приход весны, осмысливается в антураже совсем не возвышенных деталей: «В пожелтевшем, прошлогоднем // Травяном тряпье // Приползла в одном исподнем, // Порванном белье» [8, т. 3, с. 171]. В черновых записях этого стихотворения (РГАЛИ) зачеркнуто две первые строфы, где весна – «нищенка», появляющаяся «в измятом платье // горького житья» [1, оп. 3, ед. хр. 7, л. 34а]. Приход весны здесь связан вовсе не с радостью и надеждой, а с болью и страданием. Стихотворение завершается горестным вопросом: «Сколько было этих весен, // Сколько будет вновь?» [8, т. 3, с. 171]. Лагерный опыт заставлял поэта порой интерпретировать в трагическом ключе даже те образные сферы, которые традиционно ассоциировались в читательском сознании с позитивными, жизнеутверждающими коннотациями, а раскрытие трагических смыслов в этом стихотворении сопряжено именно с обытовленным, намеренно сниженным образным рядом.

В стихотворении «Обогатительная фабрика» Шаламов признается: «Мы вмешиваем быт в стихи, // И оттого, наверно, // В стихах так много чепухи, // Житейской всякой скверны» [8, т. 3, с. 259]. Но без житейского, бытового плана стихи не существуют, органика жизни и повседневности входит в ткань стиха, формирует ее. Тем более что, по Шаламову, «нам простятся все грехи, // Когда поймем искусство // В наш быт примешивать стихи, // Обогащая чувство» [8, т. 3, с. 259].

Характерно для поэтического мышления Шаламова то, что порой в одном произведении *соединяются подчеркнуто заземленные и предельно возвышенные образы*. Происходит своеобразная контаминация названных рядов. Именно так выстроено, например, стихотворение «Плывут курятники, дома...», в котором автор намеренно сталкивает серую повседневность (в первой строфе) и образ творчества, «небес» (во второй строфе):

*Плывут курятники, дома,
Собаки, свиньи, утки,
Плывет разбитая тюрьма,
Как очень злая шутка.*

*И стол плывет. На том столе
Вчера стихи писались.
Он плыл назад тому сто лет
Под теми небесами [1, оп. 3, ед. хр. 9, л. 4].*

В стихотворении причудливо соединились образы быта, и даже *неприглядного быта* – курятники, собаки, свиньи и утки, разбитая тюрьма – и образы высокой поэзии, небес и стихов.

Между ахматовским и шаламовским пониманием творчества, его истоков и импульсов, его побудительных сил обнаруживаются не только близкие схождения, но и *существенные различия*. Так, в осмыслении темы творчества у Ахматовой на первый план нередко выходит образ Музы, отнюдь не часто встречающийся в поэзии Шаламова. У Ахматовой этот образ является лейтмотивным и пронизывает ее лирику разных периодов – от ранней до позднейшей. Поэтическое творчество предстает у Ахматовой как дар свыше, поэт слышит и отражает то, что продиктовано ему Музой. «А не дописанную мной страницу, – // Божественно спокойна и легка, – // Допишет Музы смуглая рука» [2, т. 1, с. 183], – читаем в стихотворении Ахматовой «Уединение» (1914). Само обращение к Музе как подлинной носительнице вдохновения, представление о поэте как слугителе Музы связывает Ахматову с многовековыми литературными традициями – от Античности до Золотого века русской поэзии, и в первую очередь

А. Пушкина, а также и послепушкинской поры (например, Н. Некрасова). Образ Музы трактуется у Ахматовой многомерно, его интерпретация обретает различные грани, разнообразное смысловое наполнение в те или иные периоды творчества поэта. В ранний период Муза может представлять «сестрой», собеседницей лирической героини («Музе», 1911), но она же и «пытает» поэта страшными предсказаниями («Три раза пытаться приходила...», 1911). Муза наделена портретными, телесными характеристиками: «тонкие руки», «темный насмешливый рот» [2, т. 1, с. 52], «смуглые ноги» [2, т. 1, с. 247], ее голос может быть «как крик ястребиный» [2, т. 1, с. 52], а может быть «еле слышный» [2, т. 1, с. 238]. В годы Первой мировой войны Муза похожа на грустную нищенку: «И Муза в дырявом платке // Протяжно поет и уныло» (1915) [2, т. 1, с. 241]. В стихотворении «Муза» 1924 г. гостя «с дудочкой в руке», которая «Данту диктовала страницы Ада», оказывается для лирической героини дорожке любых благ («Что почести, что юность, что свобода...» [2, т. 1, с. 403], – риторически вопрошает поэт). В поздний период появляется образ глохнущей, слепнущей Музы, которая «в земле истлевала зерном» [2, т. 2, кн. 1, с. 194]. «Музу засекали мою» [2, т. 2, кн. 1, с. 207], – с горечью восклицает Ахматова в стихотворении 1958 г. «Кому и когда говорила...» (здесь очевидна параллель со знаменитым некрасовским поэтическим образом). Вместо «милый гостьи» предстает трагическая фигура Музы как муки [2, т. 2, кн. 2, с. 84], Музы, которая «к смерти провидца вела» [2, т. 2, кн. 2, с. 75] (в стихотворении, написанном на кончину Б. Пастернака. Сравним с ахматовским ранним образом Музы, которая тоже вела «слепого» поэта, но вела отнюдь не к смерти – «И печальная Муза моя, // Как слепую, водила меня» [2, т. 1, с. 205]).

В поэзии Шаламова образ Музы встречается редко. В стихотворении «В Ялте пишется отлично...» (1976) он обыгрывается не без ноток юмора. В другом стихотворении (более раннем, входящем в «Колымские тетради») – «Персей и Муза» – образ Музы получает иную, драматическую, трактовку: он выступает символом творческой, созидательной силы, погибающей под гнетом давления («Но дом Горгон находит Муза, // И – безоружная – войдет, // И поглядит в глаза Медузе, //

Окаменеет – и умрет» [8, т. 3, с. 121]). Но в целом образ Музы не играет в поэтической системе Шаламова той роли, что у Ахматовой. Автор «Вечера» и «Четок», «Белой стаи» и «Anno Domini», «Реквиема» и «Поэмы без героя» была человеком верующим, и поэзия воспринималась ею как некое высшей силой дарованное чудо. Ахматова признавалась (в беседе с А. Авдеенко): «Мне всегда казалось, что кто-то стоит за моей спиной и диктует стихи» [2, т. 5, с. 269]. Такое представление о творчестве получило отражение и в ее поэзии. «И просто продиктованные строчки // Ложатся в белоснежную тетрадь» [2, т. 1, с. 434], – говорит Ахматова в стихотворении «Творчество» (1936); в том же ключе поэт размышляет и в значительно более раннем стихотворении «Уединение» (1914).

Шаламов понимал творческий процесс иначе. При том, что у него, как и у Ахматовой, как и у многих других настоящих поэтов, тоже было ощущение, что стихотворные строки сами «приходят», сами складываются в его сознании, нужно лишь «отбрасывать лишнее» («...поэт ничего не ищет. Творческий процесс – это процесс отбрасывания, а не поиска» [8, т. 5, с. 64]), в шаламовском видении художественного созидания нет элемента *божественного* наития. Шаламову ближе «человеческое», а не «божественное» понимание сути творчества. Он не был склонен осмысливать творческий процесс с точки зрения мистических, сверхъестественных элементов, поэтому и образ Музы ему не был близок, в отличие от Ахматовой, у которой мистические элементы в понимании творчества и вообще в мировоззрении, безусловно, присутствуют.

Таким образом, в понимании источников поэтического творчества у Шаламова и Ахматовой мы выявляем глубинную общность, прослеживаем линии преемственности художественного сознания автора «Колымских тетрадей» по отношению к своей старшей современнице. Видение источников творческого вдохновения и объектов поэтической рефлексии непосредственно связывает Шаламова с акмеистической традицией. В то же время проведенный анализ высвечивает неповторимый, глубоко индивидуальный облик Шаламова как художника слова, раскрывает особенности его понимания поэзии и искусства в целом.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 2596 (В.Т. Шаламов).
2. Ахматова А.А. Собрание сочинений. Т. 1–8 / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой. – М. : Эллис Лак, 1998–2005.
3. Городецкий С.М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика : хрестоматия / сост. А.Г. Соколов. – М. : Высшая школа, 1988. – С. 90–96.
4. Есипов В.В. Шаламов. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 346 с.
5. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой: Тайны ремесла. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – 144 с.
6. Кротова Д.В. Преломление художественных традиций акмеизма в поэзии В. Шаламова // Вестник славянских культур. – 2021. – № 61. – С. 177–188.
7. Цветаева М.И. Собрание сочинений. Т. 1–7 / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М. : Эллис Лак, 1994–1995.
8. Шаламов В.Т. Собрание сочинений. Т. 1–7 / сост. И.П. Сиротинская, В.В. Есипов, С.М. Соловьев. – М. : Книжный клуб «Книговек», 2013.
9. Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы. Т. 1–2 / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В.В. Есипова. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома : Вита Нова, 2020.

ОТРАЖЕНИЕ ПЕРВОЙ «БЕЗБОЖНОЙ ПЯТИЛЕТКИ» НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «АНТИРЕЛИГИОЗНИК»

Нечаев Михаил Геннадьевич
канд. ист. наук, доцент
кафедры государственного
управления и истории,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
Пермь
mgn4@mail.ru

Аннотация. В отечественной историографии антирелигиозная деятельность «Союза воинствующих безбожников» в 20–30-е годы XX века попала в своеобразную «серую зону». С одной стороны, в более поздней атеистической литературе «стеснялись» обращаться к этому периоду, в связи с изменениями, происходящими в советском обществе, а, с другой стороны, в постсоветском историческом пространстве данная проблематика перестала играть существенную роль. Как результат, фрагментарный, контекстуальный подход к данной теме привёл к появлению нарративов, далёких от исторических реалий. В данной статье на основании материалов, прежде всего журнала «Антирелигиозник», автор попытался реконструировать и детализировать исторический контент, в условиях которого принималось решение о «безбожной пятилетки», ставшей символом эпохи рубежа 20–30-х годов XX века.

Ключевые слова: народный комиссариат юстиции, ВКП (б), Союз воинствующих безбожников, пятилетка, «Безбожник», «Антирелигиозник», правый уклон.

REFLECTION OF THE FIRST "GODLESS FIVE-YEAR PLAN" ON THE PAGES OF THE MAGAZINE "ANTIRELIGIOUS"

Mikhail Nechaev

*candidate of historical sciences,
associate professor of public administration and history
of Perm National Research Polytechnic University,
Perm
mgn4@mail.ru*

Abstract. In Russian historiography, the anti-religious activities of the "Union of Militant Atheists" in the 20-30s of the twentieth century fell into a kind of "gray zone". On the one hand, in later atheistic literature, they were "embarrassed" to refer to this period, due to the changes taking place in Soviet society, and, on the other hand, in the post-Soviet historical space, this problem ceased to play a significant role. As a result, a fragmentary, contextual approach to this topic has led to the emergence of narratives far from historical realities. In this article, based on materials, first of all, the Antireligious magazine, the author tried to reconstruct and detail the historical content in which the decision was made on the "godless five-year plan", which became a symbol of the era of the turn of the 20-30s of the twentieth century.

Keywords: People's Commissariat of Justice, CPSU (b), Union of Militant Atheists, five-year plan, "Atheist", "Antireligious", right bias

Одним из первых в Советской России антирелигиозных периодических изданий стал ежемесячный журнал народного комиссариата юстиции РСФСР «Революция и церковь». Он издавался с 1919 по 1920 г. под редакцией начальника VIII отдела народного комиссара юстиции П.А. Красикова и эксперта VIII отдела М.В. Галкина (Горева), бывшего священника. Журнал освещал вопросы, связанные с выполнением декрета об отделении церкви от государства, печатал официальные документы, на его страницах публиковались различные статьи, которые носили как антирелигиозный, так и обличительный характер, а также разъясняли политику советской власти в отношении религии и церкви.

В 1921 г. в Москве по инициативе П.А. Красикова и И.А. Шпицберга возникло научное общество «Атеист», члены которого выпустили два номера издания «Атеист» в феврале и марте 1922 г. Эти номера выходили как «внепартийная антирелигиозная газета». С апреля 1922 г. по апрель 1925 г.

журнал не выходил. Номера журнала с 1-го по 59-й стали издаваться в 1925–1930 гг. 59-й номер журнала стал последним. Слоган журнала, напечатанный на первой полосе: «Религия – дурман для народа». Журнал позиционировал себя как издание «политическое и популярно-научное». В 1925 г. в редакционной статье миссия журнала была четко сформулирована: «Наша цель – научная борьба с религией как с идеологической надстройкой, ненаучной и вредной для трудящихся масс». Врагами журнала были объявлены «организаторы религиозной пропаганды» и «цеховые кудесники из молитвенных домов». Редколлегия определила религию как «механизм психического насилия над массами» и «управу полицейского благочиния» [12, с. 1].

В «Атеисте» сложилось восемь «отделов», или рубрик: 1) политический, 2) «Церковь и государство. История атеизма», 3) историко-религиозный и культурно-исторический, 4) «Методы религиозной пропаганды», 5) библиографический, 6) театральный, 7) «Хроника. Новый быт», 8) «Вопросы и ответы». К 1929 г. журнал стал более «спокойным» и «академичным», поэтому изменились и разделы «Атеиста», их оказалось всего пять: 1) религиозно-исторический и культурно-исторический, 2) «Церковь и государство», 3) «История атеизма», 4) «Хроника антирелигиозного движения у нас и за рубежом», 5) «Библиографические сведения» [13]. В 1931 г. журнал «Атеист» был переименован в «Воинствующий атеист». Издание стало выходить не только на русском, но и на немецком языке, а тираж увеличился до 5500 экземпляров. Ответственным редактором оставался П.А. Красиков, однако это был последний год выхода этого журнала.

В конце 1921 г. была создана Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б), ее председателем стал Е.М. Ярославский. Комиссии было поручено руководить всем делом церковной политики в центре и на местах, а также разрабатывать директивы по печатной и устной пропаганде и агитации. Обобщая состояние антирелигиозной работы по 29 губерниям Центральной России, агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) в начале 1923 г. сделал вывод, что антирелигиозная пропаганда, входившая ранее как более или менее случайный элемент в работу агитпропов на местах, с последних месяцев 1922 г. становится в порядок дня.

С декабря 1922 г. по инициативе Антирелигиозной комиссии в Москве начала издаваться еженедельная газета «Безбожник». В октябре 1923 г. на ее страницах обсуждался вопрос о создании Всероссийского общества атеистов. Эта идея сразу нашла отклик у читателей, и 27 августа 1924 г. в редакции газеты состоялось учредительное собрание корреспондентов «Безбожника» и активных атеистов, на котором присутствовало 48 человек, главным образом из Москвы, а также из Татарии, Башкирии, городов Вольска, Кимр и др. Участники собрания заслушали и обсудили доклады Ем. Ярославского «Задачи, формы и содержание антирелигиозной пропаганды» и М. Горева «О первом съезде корреспондентов газеты «“Безбожник”»» и приняли решение о создании Общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ), положившего начало будущему Союзу воинствующих безбожников СССР. Собрание приняло устав общества и избрало временный Центральный совет и Исполнительное бюро ЦС ОДГБ под председательством Ем. Ярославского. Еженедельная газета «Безбожник» выходила в Москве с декабря 1922 г. по конец июля 1941 г. С 1935 г. по март 1938 г. газета не издавалась [17, с. 64–68]. В качестве бесплатного сатирического приложения к газете в Москве в 1924–1925 гг. выпускался цветной и хорошо иллюстрированный «Безбожный крокодил».

С марта 1928 г. начал выходить журнал «Деревенский безбожник». Журнал выходил раз в месяц в размере двух печатных листов. К концу года число подписчиков дошло до 13 тыс. В журнале печатали 1) статьи о социальных корнях религии, о классовой борьбе в деревне, 2) отклики на очередные кампании, 3) статьи по сельскому хозяйству, 4) статьи по естествознанию, 5) статьи о старом и новом быте, 6) отклики на церковные праздники, 7) сводки о росте безбожия по Союзу («Безбожные всходы»), 8) антирелигиозные рассказы, 11) корреспонденции с мест (около 150 за год) [5, с. 52–53]. С 1 июля 1930 г. «Деревенский безбожник» официально стал органом Центрального совета и Московского областного Союза воинствующих безбожников. В ноябре 1932 г. журнал перестал выходить.

В 1925 г. в Москве начал выходить антирелигиозный журнал на татарском языке «Фен эм дин» («Наука и религия»).

Подобные издания появились и в других городах: «Молла Насреддин» в Баку, «Худасизляр» в Самарканде, «Дэгри» в Уфе, «Динсизляр» в Казани [16, с. 75].

Осенью 1923 г. образовался Московский союз безбожников, объединившийся вокруг журнала «Безбожник у станка», который издавался Московским комитетом партии. Союз объединял атеистов Москвы и губернии [17 с. 67]. Первый номер журнала «Безбожник у станка» вышел 4 января 1923 г., а закрыт он был в 1931 г.

На страницах газеты «Правда» 25 января 1925 г. редактор журнала «Безбожник у станка» М.М. Костеловская выступила с критикой газеты «Безбожник» в своей статье «Об ошибках антирелигиозной пропаганды». В ней автор отмечала, что антирелигиозная работа выросла из административной практики и, кроме того, к ней привлекались люди, ранее близкие к религии (Луначарский, Ярославский, Галкин), поэтому они подвержены «догматизму», а надо ударить по религии «в лоб». 29 января 1925 г. в газете «Правда» появляется ответ М.М. Костеловской со стороны редактора газеты «Безбожник» Е.М. Ярославского. В своей статье «О методах антирелигиозной пропаганды (вынужденный ответ тов. Костеловской) Е.М. Ярославский критикует «излишне вульгарный подход» к борьбе с религией. Вскоре М.М. Костеловская была вызвана на заседание Антирелигиозной комиссии, которую возглавлял Е.М. Ярославский, где ее позицию признали ошибочной [19, с. 44].

Эта дискуссия происходила накануне учреждения будущего Союза безбожников. Как уже было сказано, вопрос о создании Всероссийского общества атеистов впервые выдвинула газета «Безбожник» в октябре 1923 г. [17, с. 67].

27 августа 1924 года в редакции газеты «Безбожник» состоялось учредительное собрание корреспондентов газеты «Безбожник» и активных атеистов, на котором присутствовало 48 человек, главным образом из Москвы, а также из Татарии, Башкирии, городов Вольска, Кимры и др. Участники собрания приняли решение о создании Общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ), положившего начало будущему Союзу безбожников СССР. Собрание приняло устав общества и избрало временный Центральный совет и Исполнительное бюро ЦС ОДГБ под председательством Ем. Ярославского [17, с. 67–68].

I съезд корреспондентов газеты «Безбожник» и членов ОДГБ прошёл в Москве с 19 по 26 апреля 1925 г. съезд принял устав общества «Союз безбожников СССР», избрал Центральный совет ОДГБ в количестве 40 человек, в который вошли партийные и государственные деятели И.И. Скворцов-Степанов, Е.М. Ярославский, П.А. Красиков, ученые Б.М. Завадовский, Вл. Сарабьянов и др. Пленум ЦС ОДГБ избрал Исполнительное бюро в составе 10 человек во главе с Е.М. Ярославским [17, с. 69].

В этом же 1925 г. был учрежден ежемесячный научно-методический журнал «Антирелигиозник», который стал органом Центрального совета Союза безбожников СССР, а также теоретическим и методическим центром антирелигиозного движения. Журнал издавался постоянно с 1926 по 1938 г., после перерыва издание вновь возобновили вплоть до начала Великой Отечественной войны.

«Антирелигиозник» имел объем около 130 страниц и состоял из авторских статей и рубрик. Обычно начинался журнал с передовицы и статей, которых в зависимости от объёма насчитывалось 5–7. Постоянную прописку получили рубрики «Антирелигиозное воспитание в школе», «Трибуна», «Дискуссионный отдел» «Письма с мест», «Хроника» (делилась на две части – «В СССР» и «За границей»), «Методика антирелигиозной пропаганды», «Критика и библиография», а также «Официальный отдел». Среди авторов журнала были В.Д. Бонч-Бруевич, Н.К. Крупская, А.Т. Лукачевский (зам. редактора), активисты Союза воинствующих безбожников. Так, в 1926 г. было напечатано три статьи местных активистов и 24 письма. В 1927 г. было напечатано 25 писем, четыре статьи и одна рецензия. В 1928 г. помещено 30 статей местных активистов (из них девять по вопросам антирелигиозного воспитания в школах), 38 писем и три рецензии [2, с. 5].

В редакционной статье «К вопросу регулирования роста Союза безбожников» был поставлен вопрос о неуправляемом, «без какого-либо регулирования со стороны Советов Союза безбожников», стихийном росте безбожников, который начался в 1929 г. (табл. 1). В этой статье подчеркивалось: «...вопрос о социальном составе нашего Союза имеет немаловажное значение. Согласно уставу, в нашу организацию могут входить

все граждане СССР, пользующиеся избирательными правами и отказавшиеся от религии. Таким образом, в наших рядах нет места лишенцам, в том числе кулакам и нэпманам» [4, с. 3]. Редакция отмечала: «Последние перевыборы в советы показали, какую борьбу за влияние на бедняка ведет в деревне кулак и как умело в этом отношении использует кулачество поповское влияние на бедноту и середняков. Все это требует от Союза безбожников, чтобы они повели специальную работу среди деревенской бедноты. <...> Батрак, живущий в семье кулака, представляет очень удобный объект для религиозной обработки» [4, с. 4].

В другой передовице – «Безбожники на сельскохозяйственном фронте» – сообщалось, что Исполнительный совет Союза безбожников объявил конкурс деревенских ячеек СБ, участвующих в работе по поднятию урожайности. Конкурс предусматривал работу ячеек в пяти направлениях:

- 1) повышение качества посевного зерна,
- 2) правильная обработка и удобрение почвы,
- 3) борьба с сорняками и вредителями,
- 4) улучшение кормления и содержания скота,
- 5) агропропагандистская работа [3, с. 3].

Нарком земледелия всем краевым, областным и губернским земельным управлениям направил циркулярное письмо «Об оказании содействия Центральному совету Союзов безбожников в проведении антипасхальной кампании» [3, с. 125].

За лучшую работу по поднятию урожайности ячейки Союза безбожников получали премию (сельхозмашины, породистый производитель, приборы и яды для борьбы с вредителями) общей стоимостью в 300 или 75 рублей. Премий было восемь, четыре по 300 рублей и четыре по 75 рублей. В состав конкурсного комитета входили: от ЦССБ Ф.Н. Олещук и В.Ф. Зыбковец, агрономы А.А. Зубрилин и С.И. Данилов, представители ЦК ВЛКСМ, Наркомзема РСФСР и «Крестьянской газеты» при руководящем участии профессора В.Р. Вильямса [3, с. 128].

В нашей стране, как известно, появилось такое явление, как безбожные села, деревни, а затем и колхозы. В середине 1931 г. в СССР насчитывалось до 300 безбожных колхозов. По неполным данным, в 1938 г. в стране насчитывалось около 40 тыс. ячеек

Союза воинствующих безбожников, из них 11 тыс. колхозных, что составляло свыше 27 % ячеек. В сельских организациях Союза воинствующих безбожников состояло более четверти миллиона колхозников [17, с. 70, 82].

На основе программы и материалов по отдельным темам, опубликованных в журнале «Антирелигиозник», в 1927 г. издается первый учебник для рабочих антирелигиозных кружков под редакцией А.Т. Лукачевского. В дальнейшем учебник совершенствовался и переиздавался шесть раз. В 1928 г. вышел «Антирелигиозный крестьянский учебник» под редакцией Ф.М. Путинцева и М.М. Шейнмана, рассчитанный на деревенский антирелигиозный актив и деревенские кружки. Учебник выдержал шесть изданий, и если тираж 1-го издания составлял 18 тыс. экземпляров, то 6-е издание вышло уже 200-тысячным тиражом. На основе «Антирелигиозного крестьянского учебника» Центральный совет Союза безбожников совместно с Политическим управлением Красной армии в 1929 г. подготовил «Красноармейский антирелигиозный учебник» [17, с. 74]. За 1925–1928 гг. было разработано 24 методических пособия по антирелигиозным вопросам и опубликовано 12 тезисов [5, с. 120–121].

Таблица 1

Динамика изменений количества организаций и членов Союза воинствующих безбожников СССР в 1926–1941 гг.

[5, с. 112; 17, с. 70–71; 22, с. 251]

Год	Количество ячеек	Количество членов, чел.
1926	2421	87033
1927	3121	138402
1928	3980	123007
1929	10000	500000
1930	35000	2000000
1932	–	5500000
1934–1938	Около 40000	Ок. 2750000
1941	–	3500000

24 января 1929 г. было принято секретное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В постановлении было особо подчеркнуто: «Церковные и религиозные организации используют трудности социалистического строительства в целях мобилизации

реакционных и малосознательных элементов страны и контрнаступления на мероприятия советской власти и компартии». В постановлении указывалось, что единственная антирелигиозная организация в стране, Союз безбожников, несмотря на «положительные результаты», в то же время «не представляет собой достаточно массовой организации и достаточно значительной силы, способной мощно противостоять активности религиозных организаций». Отмечалась и «неправильная» борьба с религиозным влиянием: «огульное применение мер административного характера: закрытие церквей, административное запрещение исполнения религиозных обрядов (на Востоке) без серьезной общественной надобности и без серьезной необходимой подготовки общественного мнения трудящихся». В то же время в постановлении допускались административные меры «против антисоветской, а не религиозной деятельности религиозных обществ». В целях «преодоления отмеченных недостатков в области борьбы с религией» ЦК предложил партийным и комсомольским организациям «начать систематическое руководство антирелигиозной пропагандой» и особо выделил роль профсоюзов. Главлиту было предписано поддержать издательскую работу Центрального совета Союза безбожников, а «Комитету по делам печати включить в план первоочередного снабжения бумагой издательство “Союза безбожников” и прекратить снабжение бумагой религиозных издательств и организаций» [20].

Новый курс в отношении положения религиозных организаций и верующих отразился в постановлении Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». В этом постановлении регламентация деятельности религиозных организаций достигла небывалого масштаба. Деятельность религиозных организаций сводилась, по сути, к чрезвычайно ограниченной культовой деятельности. Религиозным объединениям воспрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей, а также оказывать

материальную поддержку своим членам, организовывать как специально детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и тому подобные собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь [21, с. 130]. Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О религиозных объединениях» стало основным правовым документом, регулировавшим религиозную жизнь страны вплоть до 80-х гг. XX в. Эту модель государственно-конфессиональных взаимоотношений современные исследователи называют сегрегационной.

Как результат ужесточения политики в отношении религиозных организаций принимаются изменения в тексте Конституции РСФСР. Так, статья 13 была заменена на статью 4, изменилось и содержание статьи: убрана «свобода религиозной пропаганды», вместо этого введено понятие «свобода религиозных исповеданий». Вот так звучала по сути новая по смыслу статья: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». В статье 12 (бывшей статье 21 Конституции 1918 г.) слова «подвергающимся преследованиям за политическую деятельность или за религиозные убеждения» заменяются словами «подвергающимся преследованиям за революционно-освободительную деятельность» [18, с. 4, 6].

Позиция возможности «праволишения» осталась неизменной, а в статье 69, где по аналогии со ст. 65 Конституции 1918 г. определялись категории лиц, которые не избирают и не могут быть избранными, относительно представителей религиозных организаций содержалось следующее уточнение: «Духовные служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых это занятие является профессией, и монахи» [18, с. 28].

Оценивая эти нормативно-правовые изменения, Е.М. Ярославский на страницах журнала «Антирелигиозник» отмечал: «Из событий последнего года, которые помогают росту

СВБ, надо отметить также и пересмотр конституции СССР в сторону ограничения деятельности религиозных организаций. Прежняя формулировка, которая означала, что каждая религиозная организация пользуется в СССР свободой религиозной пропаганды, явно не соответствует тому политическому опыту, который мы имеем. Религиозные организации нередко использовали за эти годы свободу религиозной пропаганды как свободу антисоветской пропаганды. Сохраняя прежнее решение об отделении церкви от государства и школы от церкви, советское государство допускает свободу вероисповедания, то есть отправления религиозного культа, но не может допустить свободы религиозной пропаганды, так как такая свобода фактически означает свободу антисоветской пропаганды» [8, с. 5].

Журнал «Антирелигиозник» стал одним из организаторов II Всесоюзного съезда безбожников, который должен был отразить в своей работе и решениях новые реальности 1929 г. Передовицы и статьи журнала получили подзаголовок «Ко II съезду безбожников». Все статьи посвящались проблемным вопросам, которые обсуждались при подготовке к этому съезду, например, статьи А.Лукачевского «Партийное совещание по антирелигиозной пропаганде и Второй Съезд Безбожников» [5, с. 6–11], И. Луппова «Антирелигиозная пропаганда и научные работники» [5, с. 12–17], Н.Губанова «Общество воинствующих материалистов-диалектиков и борьба за атеизм» [5, с. 18–21] и др.

В частности, в статье И. Луппова «Антирелигиозная пропаганда и научные работники» автор раскрывает деятельность секции научных работников Союза работников просвещения. На страницах центрального органа секции – ежемесячного журнала «Научный работник» в июле 1928 г. появилась статья пермского профессора, специалиста по угро-финским языкам А.Н. Грена, под названием «Об антирелигиозном деле в вузах СССР». Профессор А.Н. Грен одним из первых поднял голос против безрелигиозного воспитания в школе. Он предлагал отрешиться от «индифферентного отношения к религии» и создать антирелигиозный институт, антирелигиозный факультет или антирелигиозное отделение. В программу этого вуза он предлагал следующие предметы: история Древнего мира, история

Востока, история религий, антирелигиозная экзегетика библии и евангелия, методика антирелигиозной пропаганды, геология, антропология, физика, еврейский (иврит) и греческий языки. Кроме того, по его мнению, необходимо было ввести во всех педагогических институтах и на факультетах преподавание истории религий, экзегетики библии и евангелия и методики антирелигиозной пропаганды, а также открыть при всех средних учебных заведениях антирелигиозные кружки и сделать участие в них не добровольным, а обязательным [5, с. 15–16].

В статье руководителя Ленинградского Союза безбожников И. Элиашевича «Чего мы ждём от II съезда» поставлен вопрос о выявлении съездом в антирелигиозной работе «уклонов» и «уклончиков», а также ставится задача перед съездом наметить свою безбожную «пятилетку» [5, с. 59–62].

Подверглась критике антирелигиозная периодическая печать в статье Я. Шур «Основные недостатки антирелигиозной периодической печати». О журнале «Антирелигиозник» было сказано, что там слишком много статей о загранице, «которых мы в повседневной антирелигиозной работе использовать не можем», а газета «Безбожник» «не удовлетворяет основного рабочего читателя», в журнале «Безбожник у станка» «много длинных и неинтересных статей о загранице, к тому же еще довольно затхлых» [5, с. 63–65].

Были опубликованы, по сути, выдержки из докладов, которые должны были прозвучать на втором съезде Союза безбожников. Это доклад Ф. Путинцева «Сектантство и антирелигиозная пропаганда» и выдержки из «Отчета о деятельности ЦССБ Второму Всесоюзному Съезду безбожников» [5, с. 22–28, 112–128].

8 июня 1929 г. при агитационно-партийном отделе ЦК ВКП(б) состоялось партийное совещание по вопросам антирелигиозной пропаганды. На этом совещании рассматривались следующие вопросы: 1) очередные задачи антирелигиозной пропаганды; 2) о практических задачах партийных организаций в области антирелигиозной пропаганды; 3) печать на антирелигиозном фронте; 4) Союз безбожников СССР и ИПФ (Интернационал пролетарских свободомыслящих); 5) вопросы II Съезда безбожников [5, с. 4]. Именно это совещание стало генеральной репетицией перед съездом.

II Всесоюзный съезд СВБ состоялся в Москве с 10 по 15 июня 1929 г. На съезде были подведены итоги работы Союзов безбожников за 4 года и выдвинут «ряд новых задач в области антирелигиозной работы». На съезде присутствовало 956 делегатов (904 мужчины и 52 женщины), представлявших около 1 млн членов Союза, из них с решающим голосом было 920 чел. и с совещательным – 36 чел. Делегаты представляли 37 национальностей. На II Всесоюзный съезд безбожников прибыли делегаты от «пролетарских свободомыслящих» Германии, Австрии, Чехословакии, Франции, Бельгии, Польши и Швеции в количестве 15 человек [6, с. 102–103].

На открытии съезда и в процессе его работы с приветствиями выступили: от Коминтерна – Феликс Кон, от ЦК ВКП(б) – Н.И. Бухарин, от советского правительства – М.И. Калинин, от ЦК ВЛКСМ – Г.П. Рахманов, от Общества борьбы с алкоголизмом – Ю. Ларин, от общества «Долой неграмотность» – Л.Н. Сталь, от женотдела – Ракитина, от Красной армии – М.П. Томский, от Красного Балтийского и Черноморского флота – Шапиро, от Наркомпроса – А.В. Луначарский, от Наркомздрава – Н.А. Семашко, от Федерации пролетарских поэтов – В.В. Маяковский [6, с. 102].

В своем докладе «Реконструктивный период и борьба с религией» Н.И. Бухарин сразу задал определенный тон работе съезда. Рассматривая культурную революцию как «массовую переделку людей», он подчеркнул, что «антирелигиозный фронт кричаще ясно виден как фронт классовой борьбы. Нужно отдать себе полный отчет в том, почему вредоносна всякая система религиозных представлений, религиозных верований и религиозного культа для нашего времени» [14, с. 7]. Он отметил, что религия тормозит развитие науки: «Это – два совершенно разных мира, глубоко враждебных друг другу. Если мы хотим действовать рычагом науки, то мы должны быть “богоборцами”. Ибо религия есть величайший тормоз для научного продвижения вперед. Клич: “Да здравствует наука!” есть боевой клич: “Долой религию!”» [14, с. 11]. Докладчик особо подчеркнул, что функционирование религиозных организаций является главным условием жизнедеятельности враждебных социализму контрреволюционных сил: «Контрреволюционных партий

в стране нет. Но контрреволюционные, антисоветские деятели используют, как и мы в борьбе с царизмом, “легальные возможности”. Контрреволюционные собрания на улицах запрещены. Но почему нельзя спланировать на церковных службах? Антисоветские организации запрещены. Но почему нельзя приспособить свою работу к централизованной организации церковников? Сейчас, когда нет никакой открытой щели, куда могли бы пролезть классовые противники со своими лозунгами и организациями, именно по этой линии идет мобилизация сил враждебного нам лагеря. И обострение классовой борьбы, которое мы сейчас переживаем, ставит перед нами сверхкомплектную задачу: обратить внимание на эту сторону дела, заняться здесь более внимательной расшифровкой, на новые методы противников ответить новыми методами, не стоять на месте, не бубнить одно и то же, а искать на новые постановки вопросов со стороны нашего противника новых ответов с нашей стороны» [14, с. 23].

С краткими речами выступили Максим Горький и Демьян Бедный, от Академии наук приветствовали съезд профессор В.Г. Тан-Богораз и другие, в том числе юные пионеры и редакция газеты «Дружные ребята». От группы немецких свободомыслящих выступил Кениг, от свободомыслящих Швеции – Адамсон, Бельгии – Келенер, от австрийской делегации – Горник, от французского Союза пролетарских свободомыслящих – Жан Руж, от чехословацких безбожников – Беран, от польских – Вольский [6, с. 102].

Съезд заслушал приветствия от рабочих Ленинграда, Ростова и других городов, от ряда делегаций областей и республик, от съездов совторгслужащих, медработников и методической конференции учителей. Съезд получил ряд телеграфных приветствий от различных организаций и письменное приветствие от Н.К. Крупской. Съезд, в свою очередь, направил приветствие ЦК ВКП(б), методической конференции учителей и Съезду совторгслужащих [6, с. 102].

На съезде прозвучали доклады: Е.М. Ярославского «Об очередных задачах антирелигиозной пропаганды», Ф.Н. Олещука «О работе ЦССБ» (Центрального совета Союза безбожников), ревизионной комиссии, А.Т. Лукачевского

«О церковном фронте», Ф.М. Путинцева «О сектантском движении» и С.М. Диманштейна «О работе среди национальностей», содоклад А.Т. Лукачевского «О работе делегации в ИПФ» (Интернационале пролетарских свободомыслящих) [6, с. 102].

В прения по докладам записалось 370 человек. Число выступлений, однако, съезд ограничил; таким образом, высказалось 60 человек, представив все делегации. Последний день съезда, 15 июня, прошел в работе секций: национальной, печати, молодежи, женской, уставной, школьной, военной, антисектантской, вузовской, деревенской, музейной, детской. 16 июня 1929 г. на аэродроме состоялась торжественная передача съездом Красной армии самолета «Безбожник» [6, с. 102–103].

Закрывая съезд, Ярославский сказал: «Самая центральная задача – мобилизовать миллионы на борьбу с религией, перестать быть Союзом, насчитывающим один миллион безбожников, стать массовым Союзом, объединяющим миллионы трудящихся» [6, с. 103]. На съезде был принят новый устав, в котором, с одной стороны, произошло переименование Союза безбожников в Союз воинствующих безбожников СССР с девизом «Борьба против религии – борьба за социализм», а с другой – было разрешено вступать в союз с 14-летнего возраста, дети же с 8 лет могут приниматься и организовываться в группы юных безбожников [6, с. 103].

По новому уставу СВБ, принятому на II съезде, для того чтобы создать ячейку в школе, достаточно было набрать не менее 10 желающих и созвать организационное собрание, которое организует «пионер-форпост». В повестке дня оргсобрания ставились два вопроса: 1) как работать ячейке СВБ (группе ЮБ) и 2) выборы бюро. В бюро выбирались председатель, секретарь и казначей. Затем составлялись списки ячейки и группы юных безбожников. И ячейку, и группы ЮБ регистрировали в районном или окружном совете СВБ. Из совета приходили устав, инструкция о работе, бланки для отчетности, членские билеты и для членов СВБ, и для юных безбожников, а также фирменные марки. В группах назначались уполномоченные по группам или групорги. Они обязаны были: 1) давать информацию о различных мероприятиях ячейки; 2) наблюдать «за проявлением работы религиозников среди детей»;

3) записывать новых членов; 4) собирать взносы; 5) раздавать билеты [9, с. 92–93].

В 1930 г. юных безбожников насчитывалось 1065000 чел., в 1931 г. их было уже 200000 чел., а количество всех членов Союза воинствующих безбожников увеличилась с 1926 до 1932 г. в 63 раза, с 87033 до 5500000 чел. (табл. 1).

Съезд обратился с воззванием «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, крестьянам и красноармейцам СССР». В этом обращении было отмечено, «какие причины заставляют бороться с религией». В частности, отмечалось, что «именем религии в истории человечества совершались самые ужасные злодеяния. Во имя религии истреблялись целые народы. Религия служила прикрытием для самого наглого грабежа этих народов» [6, с. 3]. На основании этого делалось заявление: «Мы, безбожники Советского Союза, заявляем, что, пока существуют классы с различными интересами, пока существует возможность эксплуатации человека человеком, до тех пор не могут отмереть корни религии. Только социализм, только полное уничтожение классов ведет к полному отмиранию религии. Вот почему мы, безбожники СССР, тесно связываем свою борьбу с религией с борьбой за социализм» [6, с. 4–5].

В обращении был объявлен «поход на наглеющую поповщину», так как «религиозные организации СССР» продолжают бороться против «социалистического переустройства, собирая вокруг себя все антисоветские кулацко-нэпманские элементы», содержался призыв особое внимание уделять детям и молодежи, чтобы «вырвать их из-под влияния религиозных организаций, освободить их головы от отравляющего мозга религиозного дурмана», а также «снять узы религии с трудящихся женщин». «На помощь нам!» – такой призыв содержится в обращении к «людям науки и техники, работникам культуры» [6, с. 6–7].

Особо подчеркивалось: «Мы строим свою работу в интересах лучшего выполнения пятилетнего плана социалистического строительства. Мы все планы своей работы должны связывать с планами нашего социалистического строительства, с нашей пятилеткой, и мы убеждены в том, что Союз воинствующих

безбожников будет одним из отрядов, активно участвующих в выполнении пятилетнего плана» [6, с. 7–8].

Однако, несмотря на такое решение, после II Съезда Союза воинствующих безбожников началась критика его деятельности. А. Лунин в своей статье «Ошибочные теории», опубликованной в «Комсомольской правде», критиковал Центральный совет Союза безбожников за «просветительство» и «голое культурничество» на антирелигиозном фронте и требовал: «Врага надо преследовать и бить на всех участках классовой борьбы, вырывая из его рук возможности использовать темноту и невежество в отсталых массах трудящихся против социалистического строительства» [1, с. 13]. Такая критика была довольно опасна, так как весь «безбожный актив» вместе с их руководителем могли обвинить, как это уже было сделано в отношении Н.И. Бухарина, в правом уклоне. Ем. Ярославский в связи с этим пишет: «Точка зрения “Комсомольской правды” в том виде, как она была выражена в ряде статей тт. Галактионова, Лунина и в выступлениях некоторых товарищей на Съезде, не является точкой зрения ЦК ВЛКСМ, как это отметил на всесоюзной конференции комсомола тов. Рахманов». Данную критику Ем. Ярославский назвал «недиалектической», схоластической, верхоглядством и «анархическими фразами» [6, с. 13–14].

5–6 ноября 1929 г. состоялось 3-е очередное заседание Исполбюро Центрального совета СВБ. В работе Исполбюро приняли участие представители партийных, профессиональных и общественных организаций. На заседании Е.М. Ярославский выступил с докладом «О самокритике в Союзе воинствующих безбожников», а также заслушали выступления представителя ЦК ВЛКСМ «О всесоюзном антирелигиозном наступлении». Исполбюро разработало общий план наступления и создало штаб руководства. От ЦС СВБ в штаб вошли Ярославский (начальник штаба), Лукачевский (зам. начальника штаба), Олещук и Николин (члены штаба) [9, с. 112].

В докладе «О самокритике в СВБ» Е.М. Ярославский отметил: «Нам необходимо следить за тем, чтобы не было левых загибов, потому что “загнуть” можно так, что мы действительно повредим этим нашей антирелигиозной работе. Против

извращения партийной линии в антирелигиозной пропаганде надо повести решительную борьбу» [10, с. 14]. Однако в обращении ЦС СВБ ко всем безбожникам «О самокритике» было подчеркнуто следующее: «Задачи реконструктивного периода, обострение классовой борьбы требуют от СВБ решительного изменения темпов, методов и форм работы. <...> Союз воинствующих безбожников в целом далеко еще не стал воинствующей организацией и не перешел к решительному наступлению на оживившего свою работу классового врага. <...> Надо поставить под контроль масс чуждые, обюрократившиеся, переродившиеся элементы в рядах СВБ, тормозящие и дискредитирующие безбожное движение. Под обстрел самокритики надо взять правые, примиренческие тенденции, свившие себе кое-где гнездо в недрах советских общественных и безбожных организаций, и выявить конкретных носителей правого уклона в практике антирелигиозной работы» [10, с. 3–4].

На страницах журнала «Антирелигиозник» неоднократно поднимался вопрос о роли Союза воинствующих безбожников в строительстве социализма периода индустриализации и коллективизации. Об этом в своей статье «Бейтесь за пятилетку» написал В. Сарабьянов: «Пятилетний план мы, безбожники, должны популяризовывать всеми силами, сделать его достоянием и рабочих, и трудящейся части крестьянства, и кустарей, и служащих, и школьников всех возрастов. За осуществление пятилетнего плана мы должны бороться не покладая рук, как за свое собственное дело, памятуя, что окончательный, решительный удар религии нанесет социалистическое плановое, в соответствии с последним словом науки и техники, строительство» [7, с. 8].

И как результат на заседании Исполбюро Центрального совета Союза воинствующих безбожников от 29 января 1930 г. была принята резолюция «О пятилетнем плане работы безбожников», которая вошла в историю как провозглашение «первой безбожной пятилетки». Одной из задач пятилетки было довести Союз до 10 млн чел. Е.М. Ярославский предложил увеличить тираж газеты «Безбожник» с 300 тыс. экземпляров в 3–4 раза и достигнуть полуторамиллионного тиража. А самое главное, он призвал к полному закрытию церквей [11, с. 6–12].

Однако как первая, так и вторая «пятилетка безбожия», которая должна была пройти с 1932 г. и завершиться ударными темпами за 4 года, в 1936 г., также не изменила коренным образом религиозную ситуацию. Это наглядно показали итоги переписи 1937 г. По результатам январской переписи 1937 г., включавшей вопрос о религии, из 97521 тыс. ответивших на него 55278 тыс. (56,7 %) заявили о своей вере в Бога [15, с. 106–107]. В результате Совет народных комиссаров Союза ССР признал организацию переписи «неудовлетворительной», а материалы переписи – «дефективными».

Список литературы

1. Алексеев В.А. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? // Диспут : истор.-философ. религиозед. журн. – 1992. – № 2, апрель – июнь. – С. 12–23.
2. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союзов безбожников СССР. – 1929. – № 1.
3. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союзов безбожников СССР. – 1929. – № 3.
4. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союзов безбожников СССР. – 1929. – № 4.
5. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союзов безбожников СССР. – 1929. – № 6.
6. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союза воинствующих безбожников СССР. – 1929. – № 7.
7. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союзов воинствующих безбожников СССР. – 1929. – № 9.
8. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союзов воинствующих безбожников СССР. – 1929. – № 10.
9. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союза воинствующих безбожников СССР. – 1929. – № 11.
10. Антирелигиозник : ежемесеч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союза воинствующих безбожников СССР. – 1929. – № 12.

11. Антирелигиозник : ежемесяч. науч.-метод. журн. Орган Центрального Совета Союзов воинствующих безбожников СССР. – 1930. – № 3.
12. Атеист. – 1925. – № 1.
13. Атеист. – 1929. – № 41.
14. Бухарин Н.И. Реконструктивный период и борьба с религией : докл. на 2-м Всесоюз. съезде Союза безбожников / Центр. совет Союза безбожников СССР. – М. : Акц. изд. о-во «Безбожник», 1929. – 31 с.
15. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Ин-т истории СССР, 1991. – 238 с.
16. Климович Л.И. Борьба ортодоксов и модернистов в исламе // Вопросы научного атеизма. – Вып. 2. Модернизация религии в современных условиях / Акад. обществ. наук ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма. – М. : Мысль, 1966. – С. 65–88.
17. Коновалов Б.Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. – Вып. 4. Победа научно-атеистического мировоззрения в СССР за 50 лет / Акад. обществ. наук ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма. – М. : Мысль, 1966. – С. 63–93.
18. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской республики. С изменениями, принятыми XIII Всероссийским Съездом Советов 15 апреля 1927 года и XIV Всероссийским Съездом Советов 18 мая 1929 года. – М. : Изд-во «Власть Советов» при президиуме ВЦИК, 1929. – 32 с.
19. Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1. – С. 43–47.
20. О мерах по усилению антирелигиозной работы [Электронный ресурс] // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 723. – Л. 11. – URL: <https://istmat.org/node/59437?ysclid=ljtthldgec912680482> (дата обращения: 08.07.2023).
21. О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1981. – 176 с.
22. Русская Православная Церковь. XX век / А.Л. Беглов, О.Ю. Васильева, А.В. Журавский и др. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 800 с.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «НОВОГО СОВЕТСКОГО
ЧЕЛОВЕКА» В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ 1920-х –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.**

*Подледнов Денис Дмитриевич
младший научный сотрудник,
Мемориальный музей-заповедник истории
политических репрессий «Пермь-36»,
преподаватель департамента медиа
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург
denis.podliodnov@gmail.com*

*Казанцева Елена Дмитриевна
заведующий экспозиционно-
выставочным отделом,
Мемориальный музей-заповедник истории
политических репрессий «Пермь-36»,
Пермь
helenakazantseva@mail.ru*

Аннотация. Авторы предпринимают попытку обозначить основные векторы развития раннесоветской культурной политики в 1920-х – первой половине 1930-х гг. Один из важнейших аспектов культурной политики Советского государства был направлен не только на конструирование новой эпистемы, но и на формирование новой идентичности – советского человека. Советский агитационный (пропагандистский) плакат являлся отличным медиумом визуальной культуры для массовой трансляции населению основных признаков и качеств, которыми должен обладать «новый советский человек». Такие плакаты были понятны малограмотному населению, а их колористические особенности помогали акцентировать внимание

на идеологической составляющей советского государства. Авторы анализируют раннесоветские плакаты с целью выявления основных критериев «нового советского человека».

Ключевые слова: визуальная культура, советское искусство, советская культура, плакатное искусство, новый советский человек.

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE “NEW SOVIET MAN” IN VISUAL CULTURE 1920S – FIRST HAIL OF THE 1930S

Denis Podlednov

junior research fellow

*The Memorial Reserve Museum of the History
of Political Repression ‘Perm-36’;
lecturer at the department of humanitie
Higher School of Economics University,
St. Petersburg
denis.podliodnov@gmail.com*

Elena Kazantseva

head of the exhibition department

*The Memorial Reserve Museum of the History
of Political Repression ‘Perm-36’,
Perm
helenakazantseva@mail.ru*

Abstract. In the article, the authors make an attempt to identify the main vectors of development of the early Soviet cultural policy in the 1920s – the first half of the 1930s. One of the most important aspects of the cultural policy of the Soviet state was aimed not only at constructing a new episteme, but also at the formation of a new identity – the Soviet person. The Soviet agitation / propaganda poster was an excellent medium of visual culture for the mass transmission to the population of the main features and qualities that a ‘new Soviet person’ should have. Such posters were understandable to the illiterate population, and their coloristic features helped to focus on the ideological component of the Soviet state. In the main part of the article, the authors analyze the early Soviet posters in order to identify the main criteria of the ‘new Soviet man’.

Keywords: visual culture, Soviet art, Soviet culture, poster art, new Soviet man.

Существует большая вариативность специфических образов *советского*: у кого-то СССР ассоциируется с возвеличиванием мифа об идеальном человеке и государстве; для кого-то *советское* – это авангард, который проявлялся как в изобразительном искусстве, так и в кинематографе; кто-то вспоминает контекст, связанный с тоталитарным режимом и его жертвами, для других это – период оттепели и время надежд и т. д.

Есть много исследований, с помощью которых современные исследователи пытаются осмыслить различные аспекты конструирования «нового советского человека». Так, А.А. Фишева изучает понимание тела и телесности «нового советского человека»: «С помощью физических упражнений советская власть рассчитывала создать идеально развитых людей и подобрать для них параметры гармонично развитого тела. Это было время, когда все неудобное, нездоровое, неэкономное (жилище, мебель, одежда или человек) требовалось заменить стандартным, вполне удобным и отвечающим запросам и установкам партии» [7, с. 44]. Другие исследования посвящены тому, как с помощью советского дизайна (промышленного дизайна, архитектуры и т. д.) транслировался образ «нового советского человека» [3]. Существуют работы, посвященные систематизации и анализу различных концепций «нового человека», которые предлагались к обсуждению и реализации [4]. Ареал подходов к анализу данной тематики достаточно вариативен, что подтверждает актуальность данной темы на современном этапе.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать образы нового советского человека, транслируемые в визуальной культуре 1920-х – первой половине 1930-х гг. В качестве примеров для анализа были отобраны образцы плакатного искусства, так как именно данный жанр выполнял агитационную функцию и был направлен на трансляцию официально принятых нарративов и тех ценностей, которые должны были стать неким абсолютным идеалом как для отдельного человека, так и для целого государства.

Параллельно с процессом формирования Советского Союза как государства в культурном пространстве происходит конструирование мифа о новом типе людей – «советском

человеке», которому свойственны отличительные черты и уникальные качества. С течением времени этот образ претерпевает изменения, исходя из той эпистемы, которая на него влияет: искусственно созданный в культуре образ влияет на восприятие зрителей, задает актуальные тенденции в моде и поведении и, соответственно, получает свое воплощение в реальной жизни.

В период первых лет становления советской власти происходят глобальные преобразования в политике, экономике, социальном устройстве, соответственно, и пространство культуры становится очень разнообразной средой. Все это обусловило выраженную эклектичность и разнонаправленность как художественного процесса, так и различных визуальных образов и направлений, с помощью которых конструируется и репрезентируется образ «нового советского человека» в визуальной культуре.

В данном дискурсе стоит обратиться к высказываниям политической элиты того времени. Так, например, в июле 1930 г. Александра Коллонтай, будучи на тот момент советским послом в Швеции, писала: «Но я вижу, как Союз лепит по-своему глыбы истории, преодолевая вековые препятствия, создает новый пласт истории, на котором будущие поколения осуществят все смелые мечты нашей юности. <...> Новый быт коммунизма перевоспитает, пересоздаст человека. Новый человек будет индивидуальным творческим чутьем и талантами усовершенствовать этот быт, где уже не будет столько проблем экономики и на первый план выйдут вопросы взаимоотношения людей между собою и вопрос человека и коллектива, т. е. новая мораль. У них, у того счастливого человечества, исчезнет зависть, ревность, подсидка и ябедничество. Не будет ни войн, ни убийств» [1, с. 473].

Один из большевистских идеологов, Николай Бухарин, заявлял: «Перед нами проблема обработки людей... и превращение их в такие живые машины, которые бы во всех своих действиях... руководствовались бы новыми принципами, новой пролетарской идеологией» [8].

2 октября 1920 г. Владимир Ленин в речи на III съезде комсомола описывал ситуацию, сложившуюся в финале

Гражданской войны: «Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груды развалин, как и следовало его превратить в груды развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество» [2, с. 308].

Советское искусство рождает новую эстетику. Художники воспевают строительство социалистического государства и радость труда, и одним из наиболее значимых жанров изобразительного искусства становится пропагандистский плакат [6, с. 46–47]. Именно плакат стал тем медиумом, который был понятен широким слоям малограмотного населения, превалирующим в начале XX в. в России, поэтому посредством плакатного искусства короткое, понятное и емкое сообщение транслировалось через визуальность: движения и эмоции главного героя, сюжет, контрастные цвета и короткие надписи, апеллирующие напрямую к зрителю. Советские плакаты были искусством пропаганды, заинтересованным в создании собственной, новой модели мира, в связи с чем создатели плакатов пользовались инструментарием и методами не только изобразительного искусства, но и журналистики, литературы, а позже и кинематографа. Все перечисленное было призвано формировать новую идентичность – советского человека.

Далее на примере советских плакатов 1920–1930-х гг. рассмотрим, как советская власть конструировала образ нового советского человека, какими чертами и особенностями его наделила. В частности, постараемся уделить внимание гендерному аспекту, увидим, какие роли отводили женщине и мужчине в Советском Союзе в выбранный хронологический промежуток.

На плакате Юрия Пименова «Мы строим социализм» (1927) (рис. 1) в центре композиции изображен мужчина: он является основным объектом коммуникации со зрителем, и именно от его лица произносится основной лозунг. Художник обращается к многофигурной композиции с подробной детализацией всех символов строительства и технического прогресса: вагонеток, цистерн, опор линии электропередачи и т. д. При этом главный герой изображен крайне схематично – «типичные», неиндивидуализированные черты, почти карикатурное

изображение лица. Этот прием соотносится с принятой в СССР концепцией коллективности, массовости, а не индивидуальности. На плакате также представлено большое количество символов динамики, научно-технического и сельскохозяйственного прогресса: туннелей, уходящих вдаль дорог, лестниц, заводов с дымящимися трубами, обширных засеянных полей и т. д. В раннесоветский период новый тип человека часто приравнивался к машине: маскулинность, использование символов и терминологии, связанных с промышленностью. Сравнение людей и машин было повсеместным явлением в рамках индустриального дискурса. Идея механизации тела активно влияла на понимание телесности и распространялась на сферу физкультуры и спорта, физического труда.

Рис. 1. Ю. Пименов. «Мы строим социализм». 1927 г.

На плакате Константина Елисеева «У них. У нас» (1930) (рис. 2) описано сравнение доли эксплуататорских классов в народном доходе в капиталистических странах и СССР. На левой стороне плаката иронично изображено социальное расслоение в США, где лишь привилегированному классу доступны основные социальные блага. На правой стороне – заводы и другие значимые объекты инфраструктуры, доступные

отныне всем рабочим в СССР: библиотека, ясли, Дворец культуры и др. Важным представляется то, что новый советский человек должен был быть развитым не только физически, но и духовно: только гармонично развитые личности могли привести страну к идеальному будущему, поэтому всей советской культуре свойственны идеи социального равенства и справедливости, коллективизма и оптимизма. На данном плакате над всеми сооружениями возвышаются советские мужчины, именно они, бережно облакачиваясь на здания, являются строителями нового советского мира. Мужские образы в плакатном искусстве представлены как абстрактные образы «мужчин вообще»: идеализированные «правильные» черты лица, пропорциональные здоровые тела: высокий рост, широкие плечи, подчеркнута дружелюбное выражение лиц и товарищеские жесты.

Рис. 2. К. Елисеев. «У них. У нас». 1930 г.

На плакате Николая Поманского «Кооперация» (1928) (рис. 3) мужские образы обладают множеством маскулинных черт: бороды и усы, широкие сурово нахмуренные брови, крупные кулаки, уверенные свободные жесты и позы. У обоих положительных героев на переднем плане здоровый румяный вид, а изображение тяготеет к реалистичности, на контрасте этому выступают словно «смазанные» карикатурные лица «кулаков и спекулянтов». Художник обращается

к использованию среди надписей «говорящих» фамилий: Пузиков и Обдиралов, что еще раз подчеркивает направленность плакатного искусства на широкие, в том числе малограмотные, слои населения.

Рис. 3. Н. Поманский. «Кооперация». 1928 г.

В вопросе конструирования образа советской женщины конкурируют несколько дискурсов. Во-первых, это стереотипизация женской занятости: советская женщина – это мать, которая обязана заботиться о здоровье и благополучии своих детей (например, этот сюжет мы можем увидеть на плакате С.И. Ягужинского «Дети не должны умирать!» (1925). В том числе это было связано с тем, что существовала агитация со стороны Отдела по охране материнства и младенчества Наркомата государственного призрения РСФСР по программе модернизации служб охраны материнства и детства. Проблемы детского недоедания и голода, высокого уровня беспризорности сохранялись на протяжении всех 1920-х гг. Так, Деткомиссия ВЦИК, созданная в 1921 г., неоднократно констатировала

катастрофичность ситуации: в детских учреждениях речь шла в первую очередь о спасении детей и подростков от голода.

Во-вторых, уже в 1920-е гг. распространился образ женщины, трудящейся в колхозе (плакат М.М. Черемных «Крестьянка, иди в колхоз!» (1930) (рис. 4)). Художник акцентирует внимание зрителя на женском образе при помощи использования разного масштаба: положительный образ представлен более величественным, женщина указывает верный путь жестом, она обладает силой и уверенностью. Рядом с ней несколько мужчин, которые всячески пытаются увести ее с правильного пути. В этом же сюжете следует отметить и мужские образы: новый тип советского мужчины отныне воплощался в образах рабочего, красноармейца или матроса, а представителями «старого мира» были барин, генерал, кулак или поп.

Рис. 4. М. Черемных. «Крестьянка, иди в колхоз!». 1930 г.

На плакате Елизаветы Кругликовой «Женщина! Учись грамоте! Эх, маманя! Была бы ты грамотной, помогла бы мне!» (1923) проиллюстрировано «столкновение» двух поколений: старшее поколение символизирует безграмотность, а юное –

стремление к грамоте, обучению. В 1920-е гг. данная тема была обусловлена одним из направлений государственной политики – ликбезом, отсылающим к декрету «О ликвидации безграмотности в РСФСР» 1919 г. Визуальный язык плаката довольно минималистичный, изображение контрастно, уничижительным здесь является изображение на фоне интерьера крестьянской избы – как пережитка прошлого, и явно считывается дидактический посыл. Женский образ предстает как средоточие «отсталости», а образ девочки-подростка, напротив, соответствует новой культурной политике. Как отмечено исследователями раннего советского искусства, «низший этаж социальной лестницы занимали образы женщин, как деревенских, так и городских: они персонифицировали «темноту», «отсталость», «аполитичность», которые в риторике самого Ленина были эпитетом для «женских масс» – слабого звена в “строющемся социалистическом обществе”» [5, с. 24]. В 1920-е гг., с наступлением нэпа и окончанием Гражданской войны, советская власть начала уделять гораздо больше внимания и ресурсов вопросам, связанным с воспитанием детей и подростков. Целью ставилось сохранить новое поколение от «враждебного влияния». Для этого советская власть пыталась найти формы влияния на новое поколение: в первую очередь речь шла о пропаганде через литературу, кино и массовые праздники. Стремление к воспитанию поколения «новых людей» в 1920-е гг. влияло и на рост числа новаторских проектов в сфере искусства и литературы для детей.

Помимо мужчины – строителя советского государства – появился новаторский образ работницы. Этот образ конструировался изначально большевиками как один из опорных идеологических символов и существовал параллельно с образом колхозницы, но впоследствии стал доминирующим вплоть до конца 1930-х гг. Интересным примером служит работа неизвестного художника «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке» (1920) (рис. 5), где на переднем плане мы видим героиню в красном платье и фартуке, рядом с ней изображены лозунги: «земля – крестьянину, фабрики – рабочему». Символика узнаваема: серп и молот, а также атрибуты ранней индустриальной эпохи: красное платье героини,

рабочий фартук как элемент фабричной утилитарности. Такая героиня, как правило, была изображена не в туфлях, а в грубых ботинках или сапогах на небольшом каблуке, в противовес крестьянке, изображаемой обычно босой или в лаптях. Героини нового времени действуют со спокойной уверенностью, они знают свои права и готовы их отстаивать. На плакате героиня свободной рукой акцентирует внимание зрителя, указывая на дальний план, где располагаются вывески общественных институций: «Дом матери и ребенка», «Детский сад», «Школа для взрослых», «Библиотека», «Столовая», «Клуб работниц» и «Совет рабочих-крестьянских депутатов». При советской власти у женщин появляются равные, наряду с мужчинами, права. Помимо утверждения трудовых прав (отмена детского труда, обеспечение отпуска по беременности и родам, выплата различных пособий) проводилась также активная агитационная работа, направленная на социальную и лечебно-профилактическую помощь женщинам и детям: например, открывались родильные дома, женские и детские консультации, молочные кухни, организовывались ясли и детские сады на производстве и в деревне.

Рис. 5. Неизвестный художник. «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке». 1920 г.

В сравнении с предыдущим плакатом, где крестьянская изба изображена как тесное, грязное, неухоженное жилище с небольшим количеством света, общественные институты, предназначенные для матери и ребенка, позиционировались как метафора высокого уровня повседневной культуры: чистые, светлые и просторные помещения, соблюдение гигиенических норм, помощь врачей и воспитателей.

Впоследствии женский образ трансформируется: на место колхозницы приходит ударница обороны. Теперь женщины получили не только доступ к оплачиваемому труду, но и возможность работать со станками и с оружием. В женском образе становится все больше маскулинных черт: художники акцентируют сильные плечи и руки, закатанные рукава, строгое выражение лиц и обращаются к повторяющемуся атрибуту – завязанной на затылке красной косынке как символу революционной борьбы. Женщины в визуальных видах искусств все реже изображаются ведомыми, обучаемыми какому-либо мастерству, все чаще предстают перед зрителями уверенными профессионалами, это подчеркивается тем, что рядом с ними нет ни мужчин, ни наставников, ни вождей. В таких сюжетах именно женщины являются главными героинями и рассказчицами (например, такой сюжет можно увидеть на плакате М. Бри-Бейн «Работница, колхозница... будь ударницей обороны» (1931)).

Таким образом, на плакатах 1920–1930-х гг. под «новым типом советского человека» подразумевается в первую очередь образ мужчины – строителя нового государства. Он был физически и умственно развит, стремился к образованию, представлял собой главу полноценной семьи, а его противниками чаще всего изображались спекулянты, алкоголь и религия. Плакаты транслировали сюжеты, призывающие к борьбе с внешним врагом – капитализмом и высмеивали внутренние пороки общества – пьянство, тунеядство, бюрократизм, религиозность и др.

Образ женщины в данном случае выступал дополнением к образу мужчины, но впоследствии также вышел на передний план. В советском плакате женские образы постепенно трансформируются от крестьянки до работницы, получая совершенно новые качества: героиня становится специалистом

в различных профессиях, в том числе тех, которые ранее были ей несвойственны и недоступны; новая советская женщина наравне с мужчиной должна быть образованной, физически развитой и преследовать цель совершенствования советского общества.

В дальнейшем, в 1930–1940-е гг., образ советского человека приобрел новые грани и еще более широко транслировался через «важнейшее из искусств» – кинематограф.

Список литературы

1. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. Т. 1 / предисл. и примеч. М.М. Мухамеджанова. – М. : Academia, 2001. – 528 с.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 41. – 1920. – С. 298–318.
3. Маслова В.А. Советский дизайн как проект «нового человека» // Философия и культура. – 2014. – № 12. – С. 24–37.
4. Молотова Е.С. Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 9. – С. 168–175.
5. Плунгян Н.В. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов. – М. : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 288 с.
6. Подледнов Д.Д., Казанцева Е.Д. Узник Усольлага: художественный язык К.П. Ротова // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть» / Перм. нац. исслед. политех. ун-т. – Пермь, 2020. – С. 44–58.
7. Фишева А.А. Концепт «нового человека» в советской социальной политике 1920-х годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 37–46.
8. Шевченко В.Н. Николай Бухарин как теоретик исторического материализма. – М. : Знание, 1990. – 62 с.

АРТИСТЫ И СТРОИТЕЛИ: ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ТЕАТРЫ НА УРАЛМАШЕ В 1930-е ГОДЫ

Стаина Ольга Алексеевна
канд. пед. наук, доцент,
Екатеринбургская академия
современного искусства,
Екатеринбург
staina@inbox.ru

Глинских Ирина Алексеевна
учитель истории и
обществознания,
общеобразовательная школа
№ 22,
Екатеринбург
glinskih.irina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории создания любительского театрального коллектива на территории городского микрорайона Уралмаш (Екатеринбург – Свердловск). Авторы стремятся восстановить историю создания театрального любительского коллектива рабочего района в период культурного строительства. Методом изучения процессов, связанных с театральной жизнью Уралмаша, одной из составляющих которой были любительские коллективы, является анализ публикаций в многотиражной газете «За тяжелое машиностроение» с 1934 по 1939 г.

Ключевые слова: народный театр, любительское творчество, Уралмаш, культурное строительство.

ARTISTS AND BUILDERS: AMATEUR THEATERS AT URALMASH IN THE 1930S

Olga Staina

*candidate of pedagogical sciences, associate professor
Yekaterinburg Academy of Contemporary Art,
Yekaterinburg
staina@inbox.ru*

Irina Glinskikh

*history and social studies teacher
Secondary School No. 22,
Yekaterinburg
glinskikh.irina@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of the creation of an amateur theater group on the territory of the urban microdistrict Uralmash (Yekaterinburg – Sverdlovsk). The purpose of the article is to restore the history of the creation of a theatrical amateur group of the working district during the period of cultural construction. The method of studying the processes associated with the theatrical life of Uralmash, one of the components of which were amateur groups, is the analysis of publications in the large-circulation newspaper ‘For heavy engineering’ for the period from 1934 to 1939. The authors cite in the text of the article publications from the factory newspaper dedicated to the activities of the theater group.

Keywords: folk theater, amateur creativity, Uralmash, cultural building.

Строительство завода-гиганта «Уралмаш» началось в 1926 г., до введения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1928–1932). Официальный запуск завода состоялся в 1933 г., во время второго пятилетнего плана (1933–1937). Запуск Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ), наряду с Турксибом, Днепрогэсом, ГАЗом и многими другими стратегически важным промышленными объектами, стал итогом первых пятилеток периода индустриализации Советского Союза.

Вместе со строительством УЗТМ возводился жилой район – «соцгород Уралмаш». Строительство жилья для рабочих и служащих завода велось одновременно со строительством

социокультурных объектов: больниц, школ, бани, клуба, кинотеатра, цирка, магазинов и др. Например, стадион «Авангард» был построен методом народной стройки.

Микрорайон Соцгород Уралмаш в 30-е г. воплощал концепцию нового города социалистического типа, культурная жизнь которого еще только формировалась в условиях культурной революции и идеологических установок советского правительства.

Клуб строителей, получивший имя И.В. Сталина, был важным звеном в работе заводского и партийного комитетов, комсомольского актива в деле формировании новой культуры «соцгорода». Дело в том, что, с одной стороны, на строительство завода-гиганта приехало огромное количество малограмотных людей из уральских, башкирских, татарских деревень, а с другой – в г. Свердловск в конце 20-х гг. на индустриальную стройку прибыли образованные инженерно-технические работники, архитекторы, квалифицированные рабочие. Необходимо было организовать досуг населения. Театральное искусство конца 20-х, начала 30-х гг. получило импульс для развития благодаря идеям пролеткульта. Повсеместно появлялись любительские театральные коллективы, не обошло это явление и Уралмаш.

Строительство Уралмаша широко освещалось в периодической печати, были написаны книги, посвященные строительству завода, сохранились воспоминания первых строителей. Имена директоров завода, инженеров, изобретателей и стахановцев сохранились для истории. При этом совершенно неизвестны имена руководителей клубов, творческих коллективов, хотя их деятельность была тоже важной и необходимой для создания культурного пространства «соцгорода Уралмаш» [1]. Для восстановления истории создания любительского театрального коллектива на Уралмаше мы обратились к архивным публикациям в заводской многотиражной газете «За тяжелое машиностроение».

В местной многотиражной газете «За тяжелое машиностроение» в период с 1934 по 1939 г. на постоянной основе публиковались объявления о наборе в «драмколлектив», отчеты о деятельности драматических кружков в клубе им. Сталина, клубе кирпичного завода.

В 1934 г. опубликована заметка о первом самодеятельном спектакле на Уралмаше, в клубе им. Сталина. На основании этой заметки можно сделать вывод о том, что любительский театр начал свою деятельность не в 1937 г. [2; 3], а в августе 1934 г. В № 234 газеты за 10 октября 1934 г. размещена не просто заметка, а рецензия на спектакль любительского театрального коллектива «Первый спектакль прошел с успехом»: *«В клубе Сталина начинается спектакль. Читатель поражен. Откуда спектакль? Кто ставил? Ровно месяц тому назад в клубе им. Сталина организовали любительский драматический коллектив. В него записались слесарь механического цеха № 1 тов. Чуднов, формовщик чугунолитейного цеха тов. Уханов, сотрудник ОТК Попова и многие другие. Месяц упорной работы – и 8 сентября ударники ремонта барачков увидели на сцене первую работу драматического коллектива “Вагон и Марион”»*. Комедия «Вагон и Марион» И.В. Штока о журналистах была написана в 1932 г., ставилась в различных театрах. В статье указана фамилия первого руководителя коллектива, режиссера Збаращенко. Однако уже через год, несмотря на призывы автора статьи помочь коллективу и режиссеру, драматический кружок остается без руководителя. Так, в № 36 (657) 1935 г., в заметке «Нужно помочь драмкружку», автор Г. Богомазов обращает внимание на отсутствие условий для работы драмколлектива. *«Для ознаменования 75-летия со дня рождения Чехова драмкружок при клубе им. Сталина по своей инициативе готовил две постановки: “Предложение” и “Медведь”. Постановка была намечена на 29 января, затем администрацией клуба отсрочена на два дня и, наконец, на неопределенный срок по неизвестным причинам. Отношение к кружковцам явно ненормальное. Помощи кружки ни от кого не получают. Шеф – театр Рабочей Молодежи приехал раз и на этом шефство окончил. Администрация говорила о роспуске кружка, и только благодаря настойчивости основного ядра кружка он существует, несмотря ни на какие препятствия (нетопленая комната, отсутствие руководителя и т. п.), и не только существует, но и работает. Необходимо, чтобы комсомольская организация и общественные организации завода и строительства помогли кружку вести культурную работу на*

заводе-гиганте». В данный период комсомольской организацией на заводе руководил Ефим Цетлин, один из основателей Российского коммунистического союза молодежи. В 1934 г. Цетлина командировали работать на Уралмаш (после ареста), а через два года вновь арестовали. В 1937 г. его расстреляли.

Из письма детей в газету «За тяжелое машиностроение» «Комнаты под кукольный театр мы так и не получили», опубликованного в № 2 (623) от 3 января 1935 г., узнаем важную деталь организации театральной самодеятельности на Уралмаше: вопросами организации свободного времени занимались не только профсоюзные, комсомольские организации, но и партийный комитет. *«Еще в начале учебного года организовался кукольный кружок при доме № 1 по ул. Кирова. Этот кружок работал на чердаке. Постановлением АХО завода за подписью Могилевского, опубликованным в газете “ЗТМ”, жилкомбинат дал нам комнату. Казалось, можно работать, но не так скоро, как вы думаете. Эту комнату с октября по настоящее время ремонтируют. Мы просим партийный комитет обратить внимание и принять строгие меры с теми, кто не выполняет решений партийного комитета. Участники кукольного театра: Беляева Лида, Кобякова Женя, Поносова Валя, Олесов Юра и др.»*. Причем в данный период (с 1934 по 1937 г.) секретарем партийного комитета Уралмашзавода, а затем секретарем Орджоникидзевского райкома был Авербах Леопольд Леонидович, до 1932 г. генеральный секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Считается, что Авербах стал прообразом агрессивного литературного критика в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Был арестован в 1937 г., приговорен к расстрелу.

В отчете клуба им. Сталина, напечатанном в № 70 (988) от 26 марта 1936 г., приведены статистические данные: *«Через кружки клуб уже воспитал немало мастеров искусства. Участники драматического коллектива стахановцы Кайгородов и Уханов неплохо овладели мастерством игры на сцене, им уже поручаются центральные ведущие роли... Массовиками клуба организовано в районе 7 драмкружков»* (рис. 1).

Рис. 1. Фотография стахановца В. Кайгородова в роли слуги из спектакля «Слуга двух господ» по пьесе Гольдони

Исходя из опубликованных в газете «За тяжелое машиностроение» материалов можно сделать вывод, что любительское театральное искусство охватывало широкие слои населения, в том числе из числа других национальностей. К примеру, в № 141 (762) от 23 июня 1935 г. опубликована заметка «Пьеса о Германии», в которой указывается: «Активисты МОПРа, слесарь механического цеха Карл Мюллер и Гофман, организовали постановку пьесы «Лагери трудовой повинности» (из жизни фашистской Германии) на немецком языке. В пьесе участвовали иностранные рабочие, работающие на Уралмаше. 20 июня спектакль был показан в саду Уралмаша на общезаводском собрании МОПРа. Несмотря на то, что пьеса шла на чужом языке, содержание ее благодаря хорошей игре артистов, яркому декоративному оформлению было хорошо понятно слушателям и глубоко заинтересовало всех. Из 700 присутствующих до конца спектакля не ушел никто». В № 52 (970) от 4 марта 1936 г., в обращении Кулышева, Бакирова, Багамонова, Галимова, сформулировано требование уделять «больше внимания культработе среди нацменов». «Нацменовский драмкружок с 4 февраля готовится выступить в клубе

им. Сталина. Но почему-то клуб им. Сталина упорно отказывается от предоставления помещения для нацменов. Постройком также не принимает никаких мер».

Судя по информации, которую мы находим в газете в 1938 г. о спектаклях татарского драматического коллектива, работа национального театра была налажена. Статья «Очередные постановки татарского коллектива» в № 277 (1795) от 3 декабря 1938 г.: *«Татарский драматический коллектив клуба имени Сталина подготовил три одноактных пьесы, которые в ближайшее время покажет трудящимся Уралмашизавода. В настоящее время руководитель кружка тов. Мурсалилов закончил подготовительную режиссерскую работу над татарской музыкальной комедией в четырех актах. На днях начинаются репетиции этого интересного спектакля».* В газете от 18 февраля 1939 г. № 40 статья «Новая постановка татаро-башкирского драмколлектива»: *«Второй месяц татаро-башкирский коллектив в клубе имени Сталина работает над пьесой о крестьянской жизни в 4 действиях».*

В № 47 (1265) многотиражки от 26 февраля 1937 г., в статье Г. Богомазова «Самодеятельность – в основу работы заводского клуба», опубликована статистика о работе театрального коллектива: *«Драмколлектив клуба им. Сталина насчитывает в своих рядах 32 человека. Больше половины членов с годичным стажем работы в драмколлективе... помимо постановок в своем клубе драмколлектив занимался обслуживанием рабочих, живущих в бараках и общежитиях на центральной, в рабочем и экскаваторном поселках, делал выезды с постановками в Березовский клуб, в клуб им. Ворошилова, клуб лесозага – «Красное», клуб сельхозкомбината УЗТМ и клуб железнодорожников им. Андреева. Коллектив качественно вырос, что было подтверждено на общезаводской олимпиаде. За постановку пьесы «Семья Волковых» коллектив получил премию и грамоту. Грамотами также награждены отдельные исполнители. Сделано много, но коллектив мог бы дать еще больше и лучше, если бы дирекция клуба уделяла серьезное внимание самодеятельности. Для дальнейшей успешной работы драмколлектива нужно помещение, ибо комната в 10 кв. метров не может быть рабочей комнатой для 32 человек. Необходимо*

также, чтобы драмколлективу не реже одного раза в пятидневку представляли клубную сцену для репетиционных работ, обеспечили необходимыми костюмами, бутафорией, реквизитом, париками и пр. Дирекция клуба имени Сталина обязана предоставить все условия для нормальной работы драматического коллектива».

Из публикаций в газете можно восстановить фамилии руководителей драматического коллектива: в 1936–37 гг. – Томке (он же художественный руководитель клуба им. Сталина), с января 1937 г. – Рахман (№ 208 (1425) 9 сентября 1937 г.).

В № 81 (1299) от 8 апреля 1937 г. освещается работа пленума просвещения, на котором ставится вопрос об организации театра для детей на Уралмаше: *«Организуем ТЮЗ на Уралмаше. На проходившем пленуме секции просвещения обсуждался вопрос об организации на Уралмаше театра юных зрителей. После сделанного тов. Бигдай сообщения развернулись оживленные прения. Все выступающие с большим желанием высказывали свои мнения об организации на Уралмаше ТЮЗа, и пленум решил признать необходимым организовать ТЮЗ на УЗТМ. Поручили тов. Бигдай составить смету и весь материал по организации ТЮЗа представить на президиум райсовета. Общественности Уралмаша такое ценное начинание нужно поддержать».* Автор текста – М. Медведев. К сожалению, хотя прошло уже больше 80 лет, на Уралмаше по-прежнему нет театра для детей.

В период с 1934 по 1937 г. газета регулярно публиковала материалы, связанные с работой художественной самодеятельности на Уралмаше, в основном резюмировалось слабое оснащение художественной самодеятельности, отсутствие помещений для репетиций, а главное – отсутствие профессионального руководителя. Со второй половины 1937 г. публикуются материалы о работе драматического коллектива в новом помещении Дома культуры им. Сталина. С 1939 г. руководит драматическим коллективом профессиональный режиссер А.С. Смирнова. 5 апреля 1939 г. в № 78 газеты публикуется анонс спектакля «Слуга двух господ» Гольдони и спектакля по пьесе М. Горького «На дне». После премьеры

«На дне» в газете была опубликована рецензия на спектакль (автор – В. Трапезников) (рис. 2).

Рис. 2. Датированный 20 апреля 1941 г. диплом за спектакль «На дне».

Таким образом, из информации, опубликованной в газете «За тяжелое машиностроение» в период с 1934 по 1939 г., можно сделать следующие выводы:

1. На Уралмаше в 1934 г. был организован любительский театральный коллектив, который работал на постоянной основе в клубе им. Сталина. Репертуар театра был насыщенным, включал пьесы как современных авторов, так и классиков. Самодеятельные артисты выезжали на «культурное обслуживание» в бараки, отдаленные поселки, участвовали в смотрах художественной самодеятельности (олимпиадах). Самодеятельные артисты были узнаваемы, их деятельность поддерживалась.

2. Помимо самодеятельных драматических коллективов, ставящих спектакли на русском языке, активно работали национальные (в частности, татаро-башкирский) самодеятельные театры, ставились спектакли на немецком языке. Был организован кружок мимики и жеста для людей с глухотой.

3. В данный отрезок времени большое внимание уделялось театральной самодеятельности в школах Уралмаша (в том числе фабрично-заводской).

История создания и дальнейшего развития любительского коллектива на Уралмаше в период с 1934 до 1939 г. отражает типичные процессы, происходившие в культурном строительстве довоенного времени. Трудные бытовые условия, тяжелый труд на индустриальном производстве не становились поводом для отказа от творческой самореализации. В непригодных помещениях, при отсутствии профессиональных руководителей, при недостаточной помощи органов власти молодые строители заводов создавали культурное пространство индустриальных пятилеток.

Список литературы

1. Есть ли театр на Уралмаше? / К.С. Билас, Н.Д. Казакова, Т.С. Кузьева, О.А. Стайна // Проект «Уралмаш»: культурное будущее [пост]индустриальных городов : материалы междунар. симпозиума, Екатеринбург, 31 мая – 3 июня 2017 г. / МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). – Екатеринбург, 2017. – С. 68–79.

2. Казакова Н.Д., Стайна О.А. Театр драмы ДК УЗТМ // Культура открытого города: новые смыслы и практики: материалы V Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Екатеринбург, 30 ноября – 02.2017 г. / Управление культуры Администрации г. Екатеринбурга; МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). – Екатеринбург, 2017. – С. 204–208.

3. Стайна О.А. Уралмаш театральный : учеб.-метод. пособие по организации театральных событий в пространстве городского района / Управление культуры Администрации г. Екатеринбурга ; МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). – Екатеринбург, 2020. – 72 с.

Раздел III. «КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ»: СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 378.4(092)

ЖИЗНЬ И СУДЬБА РУБЕНА ДЖАШИТОВА, ПОРУЧИКА, КРАСНОАРМЕЙЦА, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНСТИТУТА ИМЕНИ ЛЕСГАФТА

Булдакова Юлия Рафаэлевна
канд. мед. наук,
Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова,
Москва
juliafamily@yandex.ru

Головизнин Марк Васильевич
канд. мед. наук,
Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова,
Москва
mvasilef@mail.ru

Аннотация. Увлеченный системами физических упражнений, Рубен Джашитов в 1914 г. стал учителем гимнастики. С 1915 г. участвовал в Первой мировой войне. В военных событиях на Кавказе 1919–1921 гг. был порученцем в армии Деникина, пленным у зеленых, разведчиком в РККА. Преданный идее развития через гимнастику, он учился и работал в Государственном институте физического

© Булдакова Ю.Р., Головизнин М.В., 2023

образования имени П.Ф. Лесгафта, создавал программы физподготовки для военных и молодежи и физкультурных парадов в Ленинграде. В 1935 г. был выслан в Саратов, где в 1937 г. арестован и расстрелян, но в копии свидетельства о смерти значатся иные дата и причина смерти.

Ключевые слова: физическая культура, гимнастика, институт имени Лесгафта, сталинские репрессии.

**THE LIFE AND FATE OF RUBEN DZHASHITOV,
LIEUTENANT OF THE TSARIST ARMY, RED ARMY
SOLDIER, TEACHER OF THE LESGAFT INSTITUTE.**

Yuliya Buldakova

Candidate of Medical Sciences

A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,

Moscow

juliafamily@yandex.ru

Mark Goloviznin

Candidate of Medical Sciences

A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,

Moscow

mvasilef@mail.ru

Abstract. Ruben Dzhashitov, being fond of physical training systems, began teaching gymnastics in 1914, participated in the First World War since 1915. In the military events in the Caucasus of 1919–1921 he served in Denikin's army, was a prisoner of the Greens and a scout in the Red Army. Realizing the importance of physical culture, he studied and worked at the Lesgaft Institute, created physical training programs for military and youth and physical culture parades in Leningrad. In 1935 he was exiled to Saratov and in 1937 arrested and shot, but the copy of his death certificate contains other data.

Keywords: physical culture, gymnastics, Lesgaft Institute, Stalinist repressions.

Сорок один год жизни этого человека вместил столько событий, что хватило бы на подробные мемуары, но дожить до старости Рубену Джашикову не было дано.

Он родился в Моздоке 31 декабря 1895 г. по старому стилю (рис. 1). Его отец Авраам (Абрам) Джашитянц, зрелый

самостоятельный человек, был вдовцом с двумя взрослыми сыновьями, судьба которых далее не прослеживается. Повторная женитьба на юной красавице Магдалине Амбарцумян вернула ему ощущение полноценной семьи и подарила еще двух сыновей: Мовсеса и Рубена. По некоторым данным, был еще сын Лев, возрастом младше Рубена. В автобиографической справке 1937 г. Рубен указывает срок смерти отца: «когда мне было 6 лет». Овдовевшей матери – Магдалине Авросьевне было 27 лет.

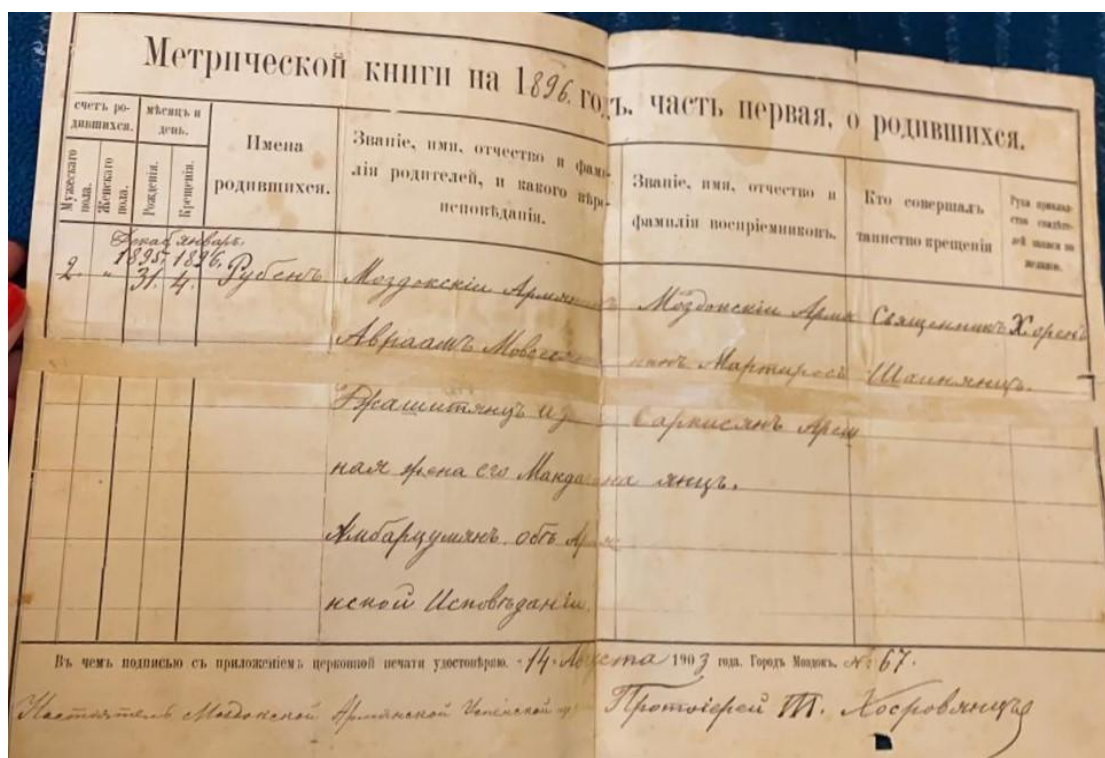

Рис. 1. Справка из церковной метрической книги. Фото из семейного архива

Ограниченность в средствах не позволила детям учиться в престижных учебных заведениях. В 6-классном моздокском училище Рубен освоил арифметику, русский язык и многое другое, в этот же период в Моздоке произошло его знакомство с одной из систем физического воспитания, активно внедрявшихся в начале XX в. в школьное образование и общественную жизнь по всей Российской империи, в том числе на Северном Кавказе. Это могла быть гимнастика немецкого образца, популярная в обществе благодаря зрелищности, силовой составляющей и отсылкам к Античности. Именно немецких,

больше, чем других европейских инструкторов, привлекали на работу с молодежью в образующиеся кружки и клубы физической культуры. Быстро распространялось и сокольское движение, также основанное на переосмыслении физической культуры Античности и происходившее из Европы (Чехии). Его распространению на Кавказе способствовал быстрый рост славянского населения – основной среды «соколов». Движение «Сокол» Яна Тырша было гармоничной альтернативой британскому спорту с его азартной соревновательностью, потенциально опасной для нормального физического развития и здоровья из-за погони за высокими результатами. Именно европейские гимнастические школы в значительной степени повлияли на формирование собственной системы физического воспитания у Петра Францевича Лесгафта (1837–1909) [2, с. 56], но сейчас речь не об этом. В Тифлисе, в 300 км от Моздока, работал один из пропагандистов методики и философии гимнастики «Сокол» – Антон Лукеш. Гимнасты и борцы были любимцами публики, выступали с силовыми и пластическими номерами на различных публичных площадках, их фотоснимки публиковали популярные журналы, типографским способом выпускались открытки с их изображениями. Выступления гимнастических клубов и школ поражали воображение красотой и массовостью, а главное, привлекали доступностью к приобщению, так как не требовали ни серьезных финансовых вложений, ни специальной машинерии. Кроме того, стремление добиться физического совершенства, выносливости и силы, ловкости воина и защитника полностью отвечало кавказскому характеру и образу мысли. Даже идея построения гимнастических пирамид пришла к двору, так как имела аналоги в танцах осетин, грузин, терских казаков и считалась особым мастерством в вольтижировке. Выросший без отца армянский юноша Рубен Джашитянц увидел в плечистых и мускулистых красивых мужчинах образ, к которому настойчиво стремился. В 1912 г. ему 16 лет, он окончил школу (рис. 2).

1912 г. принес замечательные спортивные события для всей России. На Марсовом поле в Санкт-Петербурге состоялся первый массовый гимнастический парад участников сокольского

движения, о котором написали в газете и сняли кино (рис. 3). Россия впервые и сразу с громким успехом участвовала в летних Олимпийских играх в Стокгольме, где одержали победу российские атлеты Иван Поддубный и Сергей Елисеев. Конкурентов по популярности у них не было (рис. 4).

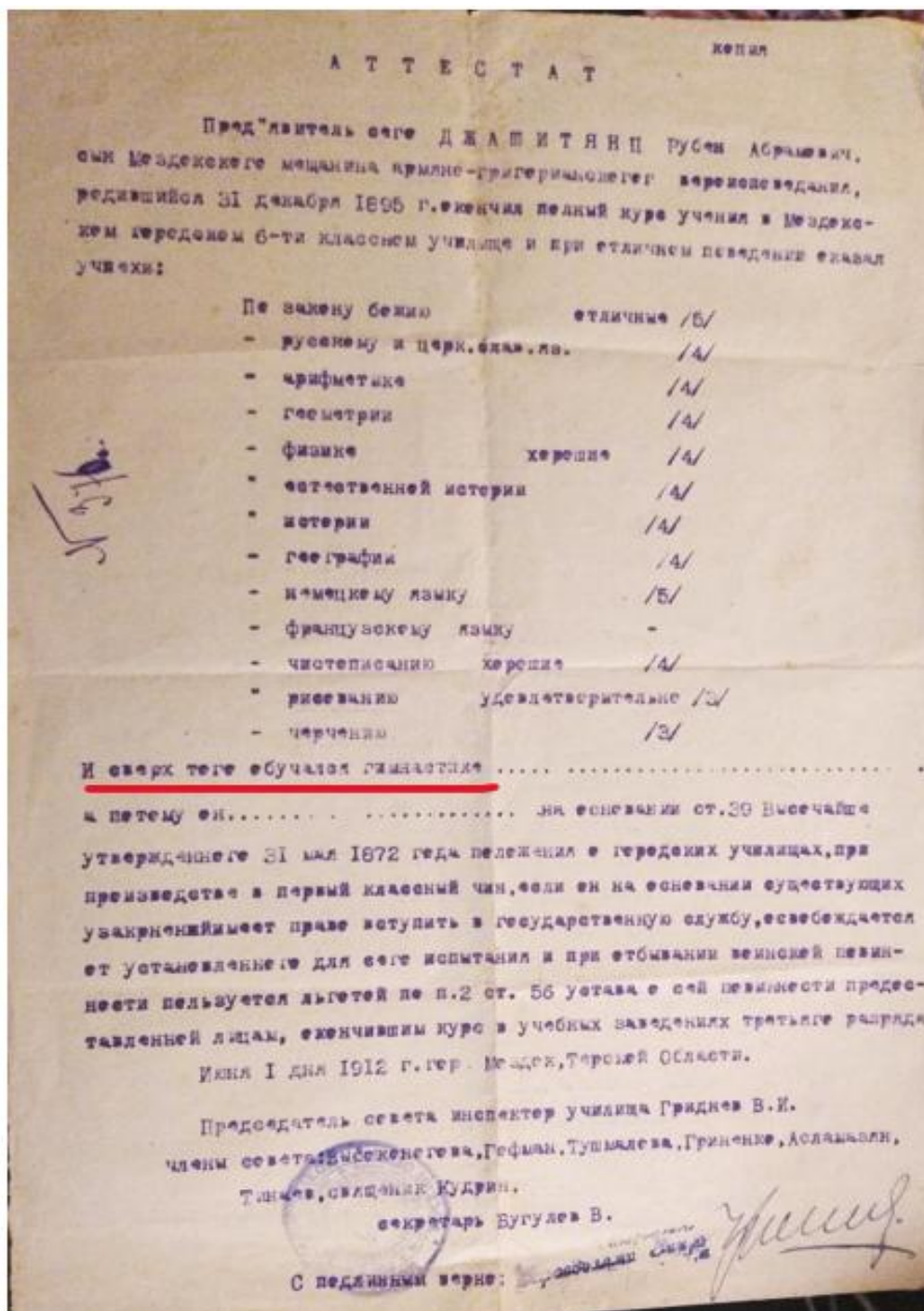

Рис. 2. Копия аттестата. Фото из семейного архива. Красным выделена фраза «И сверх того обучался гимнастике»

Рис. 3. Гимнастический парад на Марсовом поле в 1912 г. (фото из открытых источников)

Рис. 4. В фотоколлаж включены изображения (слева направо) Ивана Поддубного, Сергея Елисеева (из открытых источников) и Рубена Джашитова (Джашистянца) (из семейного архива)

Благодаря прекрасной физической форме, навыкам и серьезной теоретической подготовке в 1914 г. семнадцатилетний Рубен Джашитов впервые получает работу

в качестве преподавателя физической культуры (гимнастики) в реальном училище города Краснодара. Этот первый преподавательский опыт был прерван в 1915 г. мобилизацией в ряды Российской императорской армии. В 1916 г., по окончании Ташкентского военного училища, Рубен Джашигов становится младшим офицером (рис. 5), служит в 6-м Сибирском запасном полку, а в 1917 г. Временным правительством производится в подпоручики. В этом же году он демобилизуется из армии. В это время его жизнь меняется не только под влиянием внешних обстоятельств, но и по личным причинам. Он женится на уроженке Краснодара Асе Давыдовой, в 1918 г. у них рождается сын Эмануил. В 1919 г. – новая мобилизация. Начинается вереница стремительных и драматичных событий, которые «догонят» его в 1937-м.

Рис. 5. Фото из личного дела Р. Джашигова в Ташкентском военном училище

Кавказ в 1919 г. был местом беспокойным; события Гражданской войны сменялись настолько стремительно, что разобраться в сути происходящего удавалось не всем и не сразу.

Рубен Джашитов в качестве младшего офицера роты 1-го стрелкового армянского батальона, действовавшего в составе армии Деникина, попал в гущу событий. Этот батальон был сформирован в Сочи из армян, застрявших на территории белых, и решал задачу по сдерживанию грузинских частей. Рядом действовали дашнаки, совместно с которыми 1-й армянский батальон действовал против азербайджанских мусаватистов и частей наступавшей Красной армии. Театр военных действий представлял собой такую «чересполосицу» разрозненных подразделений противоборствующих сил, языками вклинивавшихся в расположение друг друга и испытывавших острый дефицит связи, что важным источником свежей информации о положении дел становились военные и гражданские пленники, задерживаемые на тут и там возникавших кордонах или захваченные в результате операций. Особенно острая обстановка сложилась в районе Александрополя (ныне – Гюмри), где в военные события, связанные с дележкой разными антибольшевистскими силами территории Армении, влилось движение зеленых; кроме того, присоединился пробольшевистский мятеж местного населения, облегчивший впоследствии вход в регион Красной армии.

В ноябре 1919 г. Рубен Джашитов, возвращавшийся в свою часть из командировки за обмундированием, оказался в плену у зеленых в районе Геленджика, где части Кубано-Черноморской зеленой армии противостояли белой армии. По всей видимости, испытывая острый дефицит в кадровых военных, зеленые освободили пленника и склонили его к переходу на свою сторону. Однако успешно наступавшие вдоль побережья Черного моря деникинцы вытеснили зеленых в горы вплоть до Армении, где они в значительной степени рассеялись, и в феврале 1920 г. Рубену удалось обосноваться на некоторое время в Александрополе, найти работу сначала на ферме, а потом даже устроиться преподавателем физической культуры в местную гимназию. Наступление турецких войск заставило его бежать в Тифлис, куда в марте 1921 г. вступила XI армия РВС (РККА).

Рубен Джашитов вступил в Красную армию добровольцем. Этому способствовало знакомство с известными в Армении братьями Егиазарянами, один из которых – Артаваз(д), или Арто

– впоследствии стал крупным государственным деятелем Советской Армении, министром просвещения. Братья были членами ВКП(б), мощными фигурами, возглавлявшими борьбу с грузинскими меньшевиками. Именно они предложили Рубену Джашигову «смыть позорное пятно» участия в белом движении, осуществив рискованную разведывательную вылазку в тыл врага. «В полном сознании и ответственности дал свое согласие», – писал об этом Рубен Джашигов в собственноручном автобиографическом документе в 1935 г. (рис. 6). Но удача была не на его стороне.

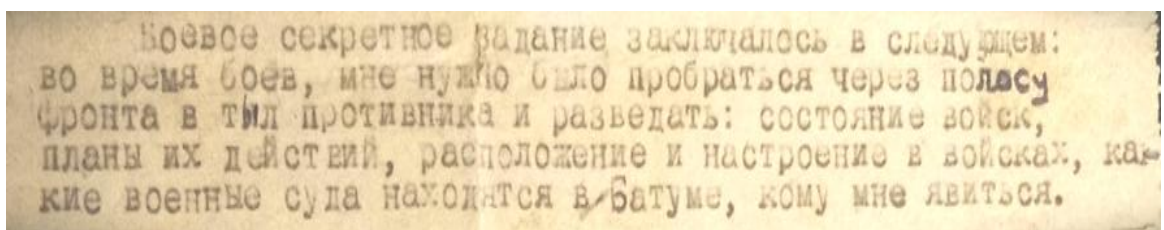

Рис. 6. Фрагмент автобиографии Рубена Джашигова

В целом задание удалось выполнить, но грузинские часовые задержали его, и Рубен Джашигов снова попал в плен. Поскольку, по легенде, он был белым офицером, бегущим от большевиков, то, когда грузины ему дали 24 часа на обдумывание вступления в меньшевистскую грузинскую армию, он согласился, надеясь, что в этом качестве освободившись из плена, сможет и дальше выполнять поручение командования XI армии. Так случилось, что буквально через день в Кутаис вошла Красная армия, а еще через несколько дней Рубен Джашигов явился в штаб XI армии РВС в Тифлисе с письменным донесением о выполнении задания.

Он служил в полевом регистрационном отделе РВС XI армии, а затем – в Разведупре Кавказской армии. После демобилизации в июне 1921 г. вернулся в родной Моздок и работал в Моздокском РВК, во Всеобуче, инструктором спорта, где в это время физическая подготовка разделилась на два направления: для войсковиков и невойсковиков. Позже в течение шести лет он преподавал физкультуру в моздокской школе, оставаясь приверженцем гимнастических упражнений для гармоничного развития детей. Джашигов стал заметным человеком в городе, несколько лет подряд избирался

председателем райкома Союза Рабпроса и членом городского Совета.

В это время среди деятелей физкультуры и спорта ведутся горячие споры о путях развития советского массового спорта и росте значения спорта высоких достижений, значительно суживается почва сокольского движения (как происходящего из буржуазной среды) и стремительно растет популярность отечественной теоретической базы физического воспитания подрастающего поколения для здорового будущего страны и укрепления ее обороноспособности. Несмотря на смерть главного российского теоретика физвоспитания, врача и педагога П.Ф. Лесгафта еще в 1909 г., его платформа физвоспитания, базирующаяся на народных играх с простейшими, знакомыми каждому и повсеместно доступными снарядами, на глубоком знании возрастной физиологии движения и возрастной психологии обучающихся, владеет умами деятелей физкультуры и спорта и в 1920–30-х гг. ложится в основу новых программ физической подготовки учащейся и военной молодежи, а также широких масс трудящихся. Повсеместно проводятся праздники физкультурников. Труды Лесгафта переиздаются, ими зачитываются, их активно цитируют: «Правильныя и послѣдовательныя упражненія необходимо поэтому направить такимъ образомъ, чтобы умѣть съ наименьшимъ трудомъ въ наименьшій промежутокъ времени производить наибольшую работу» [1, с. 262]; «Различіе существующихъ въ тѣлѣ человѣка движеній и степень трудности ихъ производства можно сравнить съ различіемъ звуковъ, состоящихъ изъ гласныхъ, губныхъ, язычныхъ, небныхъ и т. д. и составляющихъ нашу рѣчь, которые тѣмъ скорѣе и легче усваиваются нами, чѣмъ съ менышимъ затрудненіемъ приходится ихъ произносить; какъ въ рѣчи можно установить извѣстную градацію звуковъ по трудности ихъ произношенія, такъ и въ движеніяхъ человѣческаго тѣла существуетъ извѣстная последовательность по трудности ихъ производства» [1, с. 333]. Именно в институт имени Лесгафта в 1929 г. направляется Рубен Джашитов для продолжения своего образования, а затем становится преподавателем прославленного вуза. Пять счастливых лет провел Рубен Джашитов в Ленинграде. Он активно учился и работал, в тесном сотрудничестве

с военными комиссариатами Ленинградского военного округа создавал профилированные программы подготовки для военных различных специальностей, много занимался программами физического воспитания для учащейся молодежи и участвовал в организации массовых физкультурных парадов. Был на отличном счету у руководства, получал благодарности и премии. Все изменилось в начале 1935 г. С этого времени в обстоятельствах жизни Рубена Джашидова, известных сегодня, все больше белых пятен.

То ли вдогонку событиям Гражданской войны и участию в белом движении, то ли в связи с чистками в среде советских деятелей армянского происхождения как в самой Армении, так и за ее пределами, то ли в потоке ленинградских репрессий, связанных с убийством С.М. Кирова, Рубен Джашидов оказывается спешно высланным в город Саратов. И хотя в Саратове он получает неплохое жилье в центре города и должность заведующего кафедрой физической культуры в Саратовском государственном университете, он глубоко уязвлен и напуган. Сохранился машинописный черновик его заявления в Крайсовет физической культуры города Саратова, на котором рукой Рубена Джашидова сделана чернилами приписка: «В НКВД ЛО». Заявление было написано на двенадцатый день после высылки, когда еще свежи были эмоции от переезда из Ленинграда. На трех с половиной страницах машинописного текста автор словно пересматривает свою жизнь, ища ответ на вопрос, почему судьба так обошлась с ним, крепко стоящим на ногах и находящимся на пике мастерства специалистом, абсолютно встроеным в политическую систему и общественную жизнь страны. Он пишет: «Весь свой многолетний опыт, богатство знаний в области физической культуры я отдавал делу коммунистического воспитания нашей молодежи». И завершает письмо констатацией своего внутреннего отрицания происходящего и вопросом: «Эту высылку я принял как недоразумение. Прошу разобраться и дать мне ответ. Кто я? Правильно ли поступили со мной? Нет ли здесь опрометчивого решения?» Авторам настоящей публикации неизвестно, было ли это письмо отправлено в НКВД Ленинградской области и был ли на него ответ.

Как человека деятельного, привыкшего преодолевать трудности, Рубена Джашидова постепенно вовлекла саратовская жизнь. В 1934 г. в Саратове открылся гимнастический клуб, в котором еще сохранились черты сокольского движения, в городе проводились спортивные соревнования. Он старался не быть в стороне, не тяготиться своей поднадзорностью, оживить работу на кафедре и участвовать в общественной жизни. Семья обустроилась, рядом была мать, жена всеми силами поддерживала мужа, сын поступил в медицинский институт. Так прошло полтора года.

Рис. 7. Дом на улице Рахова, в котором на втором этаже жили Рубен Джашидов и его семья (до 1987 г.). Рисунок саратовского художника Вячеслава Курсеева, сделанный по заказу правнучки Рубена Джашидова Марии Викторовны Джашидовой-Черных. В 2021 г. дом был снесен

28 октября 1937 г. в доме на улице Рахова (рис. 7) остался только 18-летний сын Эмануил Рубенович Джашидов. Мать, отец и бабушка были арестованы. Все они были обвинены в контрреволюционной деятельности, что для Эмы Джашидова было абсурдом. Маму и бабушку он увидел только через два с половиной года, дело против них было прекращено в связи с недоказанностью вины. Их здоровье было серьезно подорвано,

мама стала инвалидом по заболеванию, полученному в годы заключения, и не имела средств к существованию, кроме помощи сына-студента. Об отце сведений не было, и в глубине души Эма понимал, что приговор «десять лет без права переписки» не оставляет ему надежды. С этим чувством он прошел всю войну и все-таки ждал 1947 г., когда истекал срок наказания. Вместе с матерью писал запросы во все инстанции – безрезультатно (рис. 8). Никаких сведений о местонахождении и судьбе его отца не было.

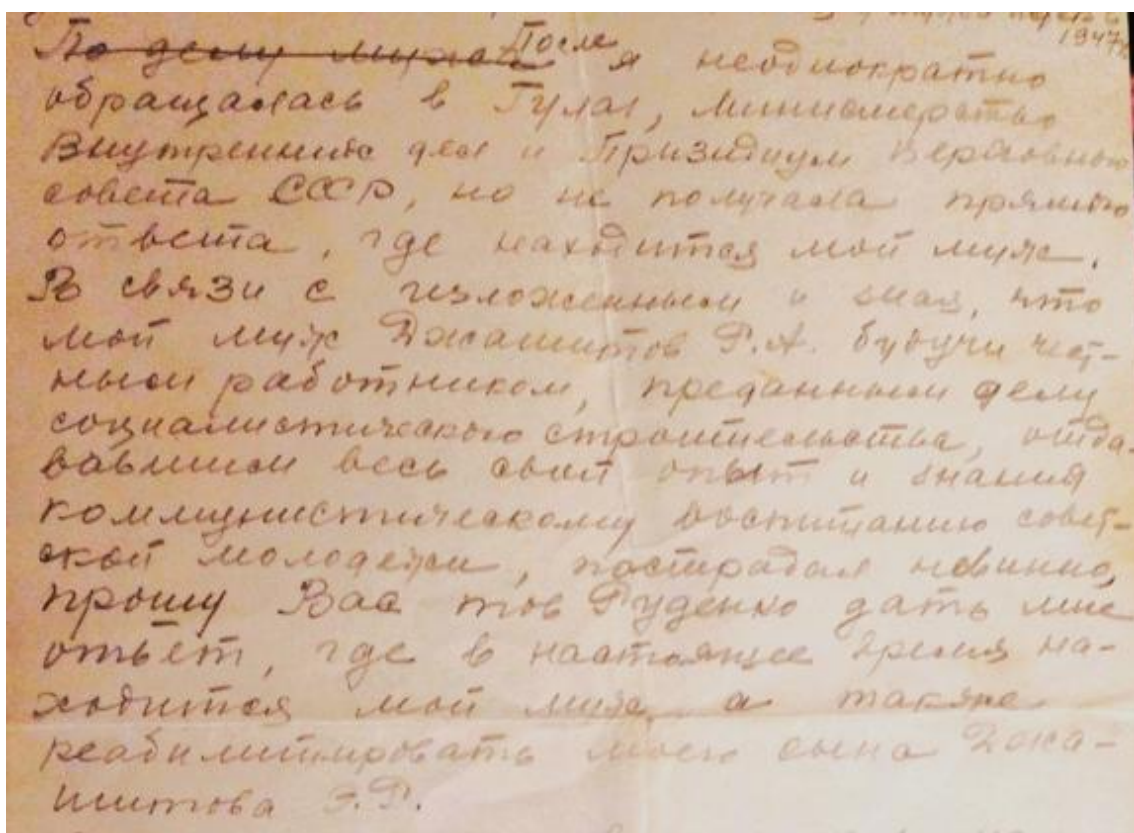

Рис. 8. Фрагмент письма Аси Иосифовны Джашитовой прокурору Р.А. Руденко (письмо не датировано, но оно могло быть написано только позднее июня 1953 г., когда Руденко был назначен генпрокурором СССР)

В ноябре 1957 г. Ася Иосифовна Джашитова, жившая все это время на средства сына, получила справку о реабилитации мужа Саратовским областным судом, ей была назначена пенсия. К сожалению, в семейном архиве Джашитовых справка не сохранилась. Зато сохранилась полученная вместе с документом о реабилитации копия свидетельства о смерти Рубена Джашитова, из которой следовало, что он умер от рака

желудка в 1943 г. (рис. 9). Ни место его заключения, ни место его смерти и захоронения прояснить на ту пору не удалось.

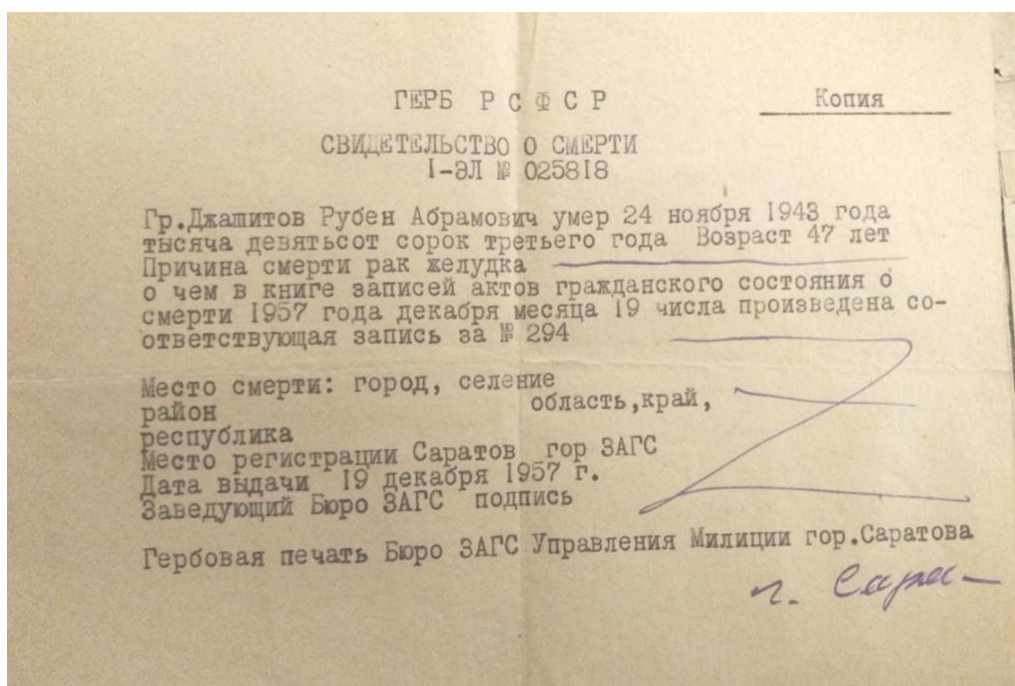

Рис. 9. Копия свидетельства о смерти Рубена Джашитова

Все изменилось, когда уже не сын, а внук Рубена Джашитова – Александр Эмануилович Джашитов в девяностые годы взял в руки рассекреченное архивное дело своего деда, из которого выяснил, что Тройкой при УНКВД по Саратовской области 17 ноября 1937 г. по обвинению в антисоветской агитации Рубен Джашитов был приговорен к высшей мере наказания, а уже 21 ноября 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Было указано и место захоронения: город Саратов. Там же нашелся и документ, послуживший поводом для ареста (рис. 10).

Эта история до сих пор отзывается болью в семье Джашитовых. Появились новые возможности для выяснения противоречивых данных о его судьбе, и пробелов со временем станет меньше. Но его судьба со всеми ее перипетиями на изломе исторических событий интересна не только родственникам, она затрагивает период становления советского физического воспитания детей, юношества и широких трудовых масс, историю разработки специальных программ физической подготовки для военных различных специальностей, раскрывает

страницы предвоенной истории Государственного института физической культуры имени П.Ф. Лесгафта и массовых гимнастических парадов 20–30-х гг. и мн. др.

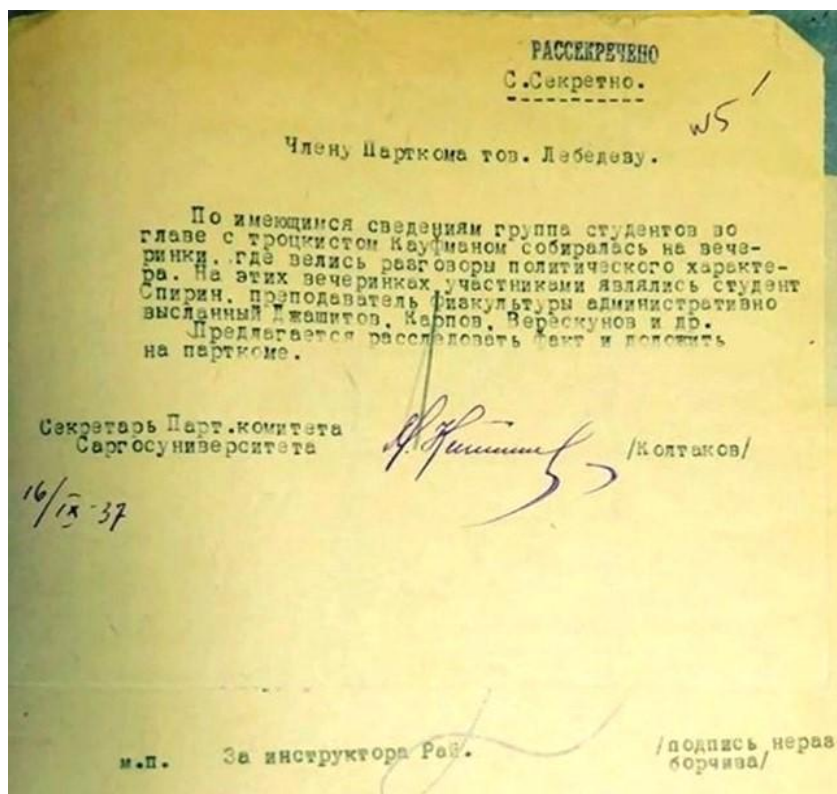

Рис. 10. Записка в партком университета, за которой последовал арест Р. Джашидова

Список литературы

1. Лесгафт П. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. – Ч. 1. – 3-е издание (Посмертное). – С.-Петербург, 1912.
2. Симонкина Ю.С., Иохвидов В.М. Петр Францевич Лесгафт – основоположник физического образования // Актуальные задачи педагогики : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, декабрь 2011 г.). – Чита : Молодой ученый, 2011. – С. 55–57.

**«ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРЫ, ОТДАВШИЙ СВОЮ ЖИЗНЬ
НА КОЛОНИЗАЦИЮ СЕВЕРА»: ОБРАЗ ВИШЕРЫ
И ПОПЫТКА ПОЗИТИВНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
БЫВШЕГО ЗАКЛЮЧЕННОГО**

Веселкова Наталья Вадимовна
канд. соц. наук, доцент кафедры
прикладной социологии,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург
vesselkova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования образа Вишеры в начале 1930-х гг.; как специфические, так и общие для современного колониального дискурса черты прослеживаются по печатной продукции того периода. Анализируются два документа из фонда Уральской редакции «Истории фабрик и заводов» – обращения некоего В.Ф. Михайловского, бывшего заключенного Вишлага, предлагающего свои услуги в написании истории Вишерского комбината, предприятий Березников и Соликамска.

Ключевые слова: Василий Михайловский, Алексей Маленький, история фабрик и заводов, дискурс преобразований.

**‘THE PERSON OF CULTURE WHO LIVED HIS LIFE FOR
THE COLONIZATION OF THE NORTH’: THE IMAGE OF
VISHERA AND AN ATTEMPT OF POSITIVE SELF-
IDENTIFICATION OF A FORMER PRISONER**

Natalia Veselkova
candidate of sociological sciences,
associate professor Department of Applied Sociology
Ural Federal University,
Ekaterinburg
vesselkova@yandex.ru

Abstract. The features of the formation of the image of Vishera in the early 1930s, both specific and common to the modern colonial discourse, are traced through the printed media of that period. Two documents from the fund of the Ural editorial office of the 'History of Factories and Plants' are analyzed – the appeal of V.F. Mikhailovsky, a former prisoner of Vishlag, who offers his services in writing the history of the Vishera plant, the enterprises of Berezniki and Solikamsk.

Keywords: Vasily Mikhailovsky, Alexey Malenkiy, History of Factories and Plants, discourse of transformations.

Вишера – река и край, а в начале 1930-х – большая стройка, исключенная, однако, из пятилетнего плана; средства массовой информации ее практически не касались до 1931 г., когда был сдан «Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат – Вишхимз». Так в короткой заметке-телеграмме именовалось построенное здесь в ударные сроки предприятие; главная газета Уральской области «Уральский рабочий» поместила сообщение 1 ноября 1931 г. на первой полосе, но в самом углу [7]: более важные места занимали Магнитострой и другие «законные» детища пятилетки. «Правда» отозвалась тоже первой полосой, но уже после праздников (отмечалось, что комбинат пущен «к октябрьской годовщине»), совсем крошечная заметка пошла под рубрикой «Последние известия с фронта индустриализации» вместе с рядом других известий. Географическое положение обозначено как «Вишеры» и «север Урала», а также через название комбината – «красновишерский» и названия газет, которые, как писала «Правда», уже печатались на первых рулонах выпускаемой бумаги, – «Северная коммуна» и «Красная Вишера» [19].

Образ новой Вишеры стали энергично разрабатывать с начала 1930-х гг., анализ прессы хорошо показывает специфику этого процесса. Во-первых, одного топонима и даже указания на северное местоположение оказалось недостаточно: чтобы отделить уральскую реку от новгородских рек Малой и Большой Вишеры и одноименных поселений, требовалось обозначение региональной принадлежности. Дублирование названий разъясняет уральский журналист и писатель Алексей Маленький. Прослеживая историю колонизации Северного Урала выходцами из Великого Новгорода, в 1932 г. А. Маленький пишет о том, как

новые поселъчане «причесали Урал под Новгород и назвали реку Вишерой, потому что на родине у них текла река Вишера, впадающая в Волхов» (по-вогульски же, говорится в примечании, уральская Вишера называлась Пассер-я) [17, с. 12; 18, с. 8].

Во-вторых, формирование «вишерского текста» в эти годы началось с указания на прежнее замалчивание. В январе 1932 г. «Уральский рабочий» приводил высказывание секретаря Уралобкома И. Кабакова годичной давности: «Возьмите Вишеру <...> там строится промышленность. О ней не пишут, о ней не говорят, но пройдет год, и в руки пролетарского государства будут поступать изделия вишерских предприятий» [4]. Тот же период молчания упоминает в 1933 г. и А. Маленький: *«Еще вчера – два года назад – мало кто занимался Вишерой, о ней молчала печать. Сегодня не только уральские, но и московские газеты и журналы все чаще интересуются этим северным районом»* [16, с. 17].

Выход из безвестности – часть общемодерного дискурса преобразований, стремительных и радикальных, но неизменно благотворных; принадлежность к нему составляет третью черту создаваемого образа. Типично колониальная логика, в которой он был выдержан, продолжала традицию описания путешествий XIX – начала XX вв. с их базовой оппозицией «цивилизованности/дикости» [6; 10] (о роли литературы в формировании образа страны и региона см. [21, с. 110–111]). «Дневник» 1840-х гг. В.Н. Латкина затрагивает Вишеру и Печору, призывы автора «развить там промышленность, воспользоваться природными богатствами края, до сих пор как будто бы забытыми и не приносящими никакой пользы», когда «десятки миллионов десятин лесов растут и тлеют, в ожидании, пока просвещение, об руку с предприимчивою промышленностью, захочет разработать богатства этой пустыни» [9, с. 2, 31] – вполне созвучны риторике 1930-х гг. С той разницей, что вместо просвещения и предприимчивости на первый план теперь выводились воля и героические усилия пролетариата.

В описаниях и XIX, и XX в. богатства края входили в противоречие с отсутствием дорог, в 1930-е об этом пишут Н. Ловцов [11] (см. о нем: [5]) и уже упоминавшийся

А. Маленький. В начале 1932 г. в «Уральском рабочем» появилась серия статей Алексея Маленького «Письма с Вишеры» [13–15; 17], спустя год в переработанном виде она вышла отдельной брошюрой [16], захватив и большой очерк «Последнее поражение Великого Новгорода», впервые опубликованный в 1932 г. в № 2–3 уральского журнала «Штурм» [18] (о журнале см.: [20]). Этот номер фактически посвящен Красновишерску. Начинаясь с очерка А. Маленького (рис. 1), но не будучи прямыми иллюстрациями к нему, через весь выпуск проходят фотографии комбината и города.

Рис. 1. Монтажное соединение снимка руководителей строительства ВЦБК и очерка А. Маленького (Штурм. 1932. № 2/3. С. 10)

Большие, в половину страницы, а иногда и занимающие нижнюю или верхнюю часть всего разворота, фотографии снабжены пояснениями, так что могут рассматриваться как отдельный рассказ. Выпуск примечателен ярко выраженными элементами авангардного дизайна: наряду с оформлением

заголовков сюда относится и монтажный принцип верстки, пропускающий фоторассказ сквозь весь журнал. Из девяти изображений семь посвящены производству, два показывают город: жилые дома и строящийся клуб (рис. 2, 3).

Рис. 2. «На необитаемом доселе берегу, среди тайги вырос новенький город Красновишерск. Бросаются в глаза необычайно стройные ряды стандартных домов. Здесь живут работники Бумкомбината» (Штурм. 1932. № 2/3. С. 19)

Рис. 3. «Красновишерск. По инициативе рабочих и техперсонала бумажно-целлюлозного комбината перед октябрьскими днями в 41 день был выстроен рабочий клуб 7200 кв. м. Клуб к открытию комбината был готов» (Штурм. 1932. № 2/3. С. 45)

Подписи отмечают продуктивность и быстроту преобразований, источником-инициатором которых являются «рабочие и техперсонал», представители передового класса. Противопоставляя происходящее попытке индустриального освоения края на рубеже XIX–XX вв. «французами», очеркист подчеркивает, что теперь «за Вишеру взялся иной класс – пролетариат. Он послал сюда своих людей и поручил этим людям пробраться через тайгу, через камни, перестроить, заново оборудовать край на промышленный лад» [16, с. 26].

Выспрненные описания не содержат ни малейших намеков на то, что в большинстве своем эти люди – заключенные. В одном из «Писем с Вишеры» А. Маленький подробно рассказывает о достижениях станции растениеводства и ее руководителе – А.А. Тамарине [13; 16, с. 43–45], но о его положении «арестанта» напишет только В. Шаламов [22, с. 52–55, 75, 207–214, комментарии: 302–303]. Спустя 10 лет в том же бравурном духе победной колонизации дикого края А. Маленький будет живописать строительство Северо-Печорской железной дороги, ее замечательный сельхоз «Кедровый Шор» – и точно так же ни словом не обмолвится о подразделении ГУЛАГа, в котором в ту пору он сам пребывал (и закончил свои дни) в качестве заключенного.

В течение короткого периода в середине 1930-х гг. в печати будут говорить о деятельности лагерей (плодотворной), в горьковской серии «История фабрик и заводов» (ИФЗ) выйдут две книги, посвященные успехам строительства и «перековке» заключенных: «Беломорско-Балтийский канал» (1934) и «Большевики» (1936) [2; 3]. В начале 1930-х система принудительного труда, однако, оставалась неназываемой.

Пожалуй, именно в произведениях ИФЗ дискурс преобразования – природы, социальной реальности, самого человека – должен был достичь наиболее явного и концентрированного выражения. Проект ИФЗ был запущен в масштабах страны в конце 1931 г. [8]; Уральская (с 1934 г. – Свердловская) редакция работала с 1932 по 1938 г. и была одной из самых деятельных и продуктивных. Кстати, в том же номере журнала «Штурм», что воспекает Вишеру, А. Маленький анонсирует подготовку «Истории Надеждинского завода» [12].

Два рукописных текста, отложившихся в фонде Уральской ИФЗ в Государственном архиве Свердловской области [1], служат не только характерным проявлением этого дискурса, в первую очередь они показательны отчаянной, как кажется, попыткой автора встроиться в актуальную систему культурных институций. Кто же этот человек? Он представляется как Василий Философович Михайловский, в январе 1934 г. он письменно обращается в «Оргкомитет Уральского Областного Союза Советских Писателей» и отдельно к его председателю, предлагая сотрудничество в написании истории строительства «фабрик и заводов Соликамска, Березников и КрасноВишерска» в рамках ИФЗ (здесь и далее цитаты из названных документов даются в кавычках без дополнительных ссылок). Поскольку нигде более (в фонде Уральской редакции ИФЗ и связанных институций) это имя пока не встречалось, а попытка узнать о нем в архивном отделе и музее Красновишерска во время конференции в октябре 2022 г. также не увенчалась успехом, обратимся к устройству текста, которое само по себе дает немало.

Три листа бумаги, плотно исписанные аккуратным уверенным почерком, выдают человека письменной культуры, даже в деловых отношениях склонного изъясняться цветисто и несколько высокопарно («*Полагаю, что орг-комитету Урал. Обл. Союза Писателей будет особо приятно иметь дело с человеком Культуры, отдавшим свою жизнь на колонизацию севера*»). Исходя из особенностей текста, представляется уместным проводить анализ по трем взаимопересекающимся направлениям: 1) акторы (Я / другие), 2) язык (общая риторика / конкретные факты), 3) время (прошлое / настоящее / будущее).

Главный актер, конечно, сам Михайловский. Единственная конкретная позиция из прежней жизни, упомянутая в тексте, – «работник Ц[ентрального] С[овета] С[оюза] В[оинствующих] Безбожников СССР». Все остальное прошлое – уже из лагерного периода: после трех лет «полит-ссылки в концлагере Вишлаг-а ОГПУ по 58 ст.» досрочно освобожден и добровольно остался. За это время «был редактором лагерной печати УВИТЛ-а ОГПУ, начавши дело от рукописных стен-газет». Другие элементы самоидентификации более абстрактны и оценочны, автор перечисляет свои заслуги в разных сферах, от создания клубов,

театров, школ, музеев краеведения и до метеорологических станций. Заявление о том, что он был «пионером-основоположником и организатором в этой тайге антирелигиозной пропаганды», согласуется с упоминанием прежней работы в Союзе воинствующих безбожников, что может стать зацепкой для дальнейших поисков.

Себя в настоящем Михайловский аттестует как «писателя-литератора» (и снова: «На Вишере я считаюсь пионером литературного дела и пионером антирелигиозного движения»). Текст рисует нам человека весьма востребованного, вовлеченного в множественные институциональные связи, отнюдь не дезинтегрированного вчерашнего заключенного: вот он ненадолго заехал в Свердловск, «по своим литературным делам связанный с Урал-обл-музеем, с Урал-обл-Архивом, с Обл.Уральск.Комитетом Союза Советских писателей, с Областной редакцией Уральской «Историй фабрик и заводов», с редакциями Уральских газет и с ПП ОГПУ по Уралу». Еще один актер – это «Комитет Севера в лице тов. Смидовича», самой этой формулировкой автор демонстрирует свою осведомленность, а далее сообщает о своих контактах и в этой сфере, правда, уже гораздо более обтекаемо, что он просит Комитет помочь ему «еще более развернуть строительство соц-культуры Вишерского края».

Опыт заключения представлен в позитивном свете, как личное «участие в соцстроительстве комбината и соцкультуры Вишерского края», что делает Михайловского – он настойчиво продвигает эту мысль – наилучшей кандидатурой, чтобы заключить с ним «юрид. договор на составление брошюр-книжек о строительстве фабрик и заводов г.г. Красновишерска, Соликамска и Березников». Несвойственный деловым письмам цветистый слог, думается, призван продемонстрировать как общие литературные навыки пишущего, так и умение «говорить по-большевистки». Действительно, все штампы о том, как «среди дремучей тайги вырос новый социалистический город КрасноВишерск – на самом Крайнем Севере Урала тайга преобразована в культурный и индустриальный Центр Вишерского края», представлены, что называется, в ассортименте.

У Михайловского много планов на будущее. Помимо сотрудничества в ИФЗ он выступает с инициативой «организовать рабочую молодежь Вишеры, создав на Вишере филиал пролетарских писателей» («Комитет пролетарских Писателей в Вишерском Крае с центре в городе КрасноВишерске, литературно обслуживать Усолье, Березники, Соликамск, КрасноВишерск, Усть-Улс и местности приполярного края»), а также вечерний литературный техникум, для чего запрашивает согласие и «руководственные указания». Нашему герою неизвестно о ликвидации РАППа в 1932 г., ставшей громким событием для причастных к литературе людей. И хотя Михайловский, кем бы он ни был, правильно именуется своего адресата – Уральское отделение ССП, он с очевидностью не понимает произошедших перемен.

Таким образом, облик Вишеры, каким он рисовался в начале 1930-х, имеет как свои особенные, так и общие черты советского модерного дискурса, в концентрированном виде их должны были явить миру произведения ИФЗ. Этот проект служил заманчивым вариантом литературного трудоустройства, вот только тот тип сотрудников, который желали видеть у себя руководители, и те, кто, подобно Михайловскому, проявлял инициативу, совершенно не совпадали.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р318. Оп. 1. Д. 7. Л. 172–174 об.
2. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг. / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. – М. : ОГИЗ, 1934. – 616 с. – (История фабрик и заводов).
3. Болшевцы : Очерки по истории Болшевск. им. Г.Г. Ягода трудкоммуны НКВД / под ред. М. Горького, К. Горбунова, М. Лузина. – М. : История заводов, 1936. – 548 с.
4. Горев И. Первое слово – районам // Уральский рабочий. – 1932. – 13 янв. (№ 11). – С. 3.
5. Граматчикова Н.Б. Пролетарский турист как адресат путеводителей: формирование историко-культурного ландшафта

индустриального Урала в очерках Н. Ловцова 1930-х гг. // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Екатеринбург, 25–26 апр. 2019. В 2 ч. Ч. 2. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 22–29.

6. Граматчикова Н.Б. Северный Урал: маршруты поиска, испытания и бегства // Кунсткамера. – 2019. – № 1 (3). – С. 117–128.

7. Есть бумага на 519-ом // Уральский Рабочий. – 1931. – 1 нояб. (№ 299). – С. 1.

8. Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов» : горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 216 с.

9. Латкин В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1853. – 154, 143 с.

10. Лимерова В.А. Жанровые разновидности путешествия в коми-зырянской словесности середины XIX в. // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. – Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – С. 165–182.

11. Ловцов Н.А. Урало-Кузбасс и уральское краеведение // Советское краеведение. – 1932. – № 2. – С. 47–59.

12. Маленький А. В марте надеждинцы напишут историю своего завода // Штурм. – 1932. – № 2/3. – С. 144–145.

13. Маленький А. Вишера улыбается (Письма с Вишеры) // Уральский рабочий. – 1932. – 27 февр. (№ 48). – С. 3.

14. Маленький А. Галстук из рейки (Письма с Вишеры) // Уральский рабочий. – 1932. – 15 февр. (№ 40). – С. 3.

15. Маленький А. Дорога к океану (Письма с Вишеры) // Уральский рабочий. – 1932. – 17 февр. (№ 41). – С. 3.

16. Маленький А. Новый материк (Письма с Вишеры). – Свердловск-М. : ОГИЗ, 1933. – 56 с.

17. Маленький А. О векшах, нефти и угле (Письма с Вишеры) // Уральский рабочий. – 1932. – 18 февр. (№ 42). – С. 3.

18. Маленький А. Последнее поражение Великого Новгорода // Штурм. – 1932. – № 2/3. – С. 10–21.

19. Мощный целлюлозно-бумажный комбинат // Правда. – 1931. – 11 нояб. (№ 310). – С. 1.

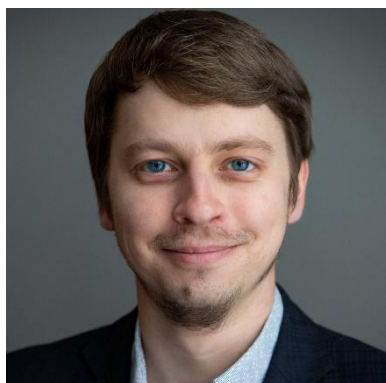
20. Подлубнова Ю.С. Штурм // Екатеринбург литературный : энцикл. словарь. – Екатеринбург, 2017. – С. 422–423.

21. Подлубнова Ю.С. «Я ищу за окном, когда же начнутся горы»: жанровое своеобразие книги «Поездка на Урал» Елизаветы Полонской // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – Т. 27, № 2. – С. 110–119.

22. Шаламов В.Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Есипова. – Пермь, 2022. – 304 с.

УДК 94(470.53)

**СТРОИТЕЛЬСТВО КАМСКОЙ
ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В 1930-е гг.:
ФАКТОРЫ НЕУСПЕХА**

Глушков Александр Владимирович
канд. ист. наук,
старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин
НИУ ВШЭ,
Пермь
aleksandrvglushkov@gmail.com

Аннотация. На примере первого периода создания Камской ГЭС (с 1932 по 1937 г.) рассмотрены причины, по которым строительство, находившееся под пристальным вниманием властей, на этом этапе было далеко от успешного. Статья базируется на широком спектре неопубликованных материалов, хранящихся в Государственном архиве Пермского края.

Ключевые слова: СССР; сталинские стройки; Камская гидроэлектростанция; гидроэнергетика; Народный комиссариат тяжелой промышленности; Средволгопермстрой; Камгэсстрой.

**CONSTRUCTION OF THE KAMA HYDROPOWER PLANT IN
THE 1930S: FACTORS OF FAILURE**

Aleksandr Glushkov
candidate of historical sciences, senior lecturer
department of humanities
National Research University Higher School of Economics,
Perm
aleksandrvglushkov@gmail.com

Abstract. In the study, on the example of the first period of the creation of the Kama hydroelectric power station (from 1932 to 1937), the reasons why the construction, which was under the close attention of the

© Глушков А.В., 2023

authorities, at this stage were far from successful, are considered. The article is based on a wide range of unpublished materials stored in the State Archives of the Perm Territory.

Keywords: USSR, communism construction, Kama hydroelectric power station; hydropower, People's Commissariat for Heavy Industry, Sredvolgopermstroy, Kamgesstroy.

Камская гидроэлектростанция была не только одной из крупнейших строек СССР, но и одной из самых проблемных. В истории ее строительства выделяют два больших периода. Первый продолжался с 1932 г., когда на площадке в нескольких километрах от Перми начались подготовительные работы, до консервации стройки в 1937 г., второй – с момента возобновления работ в 1944 г. до запуска гидроагрегатов в середине 1950-х гг. В течение обоих периодов строительство шло крайне низкими темпами, что объяснялось целым рядом причин, среди которых слабая обеспеченность стройки проектными заданиями и строительными материалами, нехватка механизмов и рабочей силы, вызванная в первую очередь задержкой жилищного строительства. Схожие проблемы площадка испытывала как на первом, так и на втором этапе, при этом необходимо отметить, что не слишком богатая историография строительства ГЭС фактически игнорирует довоенный период, а информация о годе начала работ разнится.

Основной массив историографии относится к советскому периоду, причем имеющиеся работы носят скорее популярный, ознакомительный характер и рассчитаны на массовую аудиторию. Так, в 1954 г., вскоре после ввода в эксплуатацию первых гидроагрегатов Камской ГЭС, вышла брошюра Е.В. Белоруссова «Камское море», рассказывающая о «реконструкции Камы» и тех изменениях, прежде всего экономических, которые ждут жителей Прикамья с созданием Камского водохранилища [1]. Практически идентичной по структуре и объему стал вышедший в 1956 г. очерк В.П. Климова «Камская ГЭС» с рисунками известного в Перми художника А.Н. Тумбасова [8]. В этом же году увидел свет сборник воспоминаний строителей Камской ГЭС, до сих пор остающийся наиболее полным изложением хода строительства этого объекта гидроэнергетики [23]. Несмотря на тенденциозность, эта книга является ценным источником

по исследуемой проблематике, однако и она охватывает период лишь с конца 1940-х до окончания строительства. Отдельные факты из истории строительства ГЭС нашли отражение в воспоминаниях инженера В.Э. Гергерта, которые, однако, гораздо ближе к художественной литературе, чем к полноценным историческим свидетельствам [5]. Важно подчеркнуть, что ни одно из перечисленных изданий не проливает свет на ранние этапы строительства, к которым можно отнести не только 1930-е, но и первые послевоенные годы. Гораздо более полная информация о целом ряде аспектов строительства Камского гидроузла в 1930–1950-е гг. содержится в специальном выпуске историко-архивного журнала «Ретроспектива», вышедшем в 2009 г. к 55-летию ГЭС [2].

Таким образом, в то время как по истории строительства других крупных гидроэлектростанций СССР имеется целый ряд научных работ [3; 4; 7], проблематика Камского гидроузла по-прежнему остается малоизученной. Цель данного исследования – на основе неопубликованных и практически не введенных в научный оборот архивных материалов из фондов Государственного архива Пермского края проанализировать степень влияния различных ведомств на ход строительства ГЭС. Можно предположить, что среди важных факторов, затягивавших строительство одного из важнейших для всего Уральского региона объектов, не последнее место занимало наличие сразу нескольких «акторов», интересы которых не всегда совпадали. К их числу можно отнести в первую очередь Народный комиссариат тяжелой промышленности (далее – Наркомтяжпром) СССР в лице Государственного строительства по реконструкции Средней Волги (Средволгострой), Уралэнерго, Союз рабочих строителей тяжелой промышленности Урала и Западной Сибири, Пермский горисполком, а также целый ряд других ведомств, мелких и средних организаций г. Перми и Пермской области. Наличие значительного количества спецконтингента на строительстве ГЭС могло бы добавить к списку ключевых участников стройки и ГУЛАГ СССР, однако данные источников свидетельствуют о начале массового использования труда заключенных на площадке лишь в 1945 г., что выходит за хронологические рамки исследования [6, с. 117].

Решение о строительстве Камской ГЭС было принято в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б). После выбора места для строительства было объявлено о планируемом вводе станции в эксплуатацию не позднее 1941 г. [12, л. 28]. Подготовительные работы на площадке будущей ГЭС, которая должна была стать третьей по мощности в мире, начались в 1932 г. Основным «контролером» будущей стройки становится Средвоггострой (с 1934 г. – Главгидроэнергострой) Наркомтяжпрома СССР. Большинство документов, исходящих из Средвоггостроя, подписывалось заместителем начальника академиком Б.Е. Веденеевым. Для развертывания работ на Каме была создана «дочка» Средвоггостроя – Средвогпермстрой, в марте 1935 г. переименованная в Камгэсстрой [20, л. 30]. Наркомтяжпром решал вопросы перераспределения оборудования и имущества между гидроэлектростанциями СССР, в том числе на правах аренды. Каждое из строителей возглавлялось главным инженером и было самостоятельной хозрасчетной единицей. Главным инженером Пермской гидроэлектростанции в июне 1932 г. был назначен М.Н. Константинов (по совместительству с основной службой на Днепрострое) [21, л. 200]. Площадка строительства располагалась на железной дороге, в 3–4 километрах от станции Лёвшино, что вынуждало Средвогпермстрой взаимодействовать не только с Пермским горисполкомом и на локальном уровне – с Лёвшинским райисполкомом. В частности, руководство строительством должно было брать в расчет постановления президиума Лёвшинского поселкового совета, например, в части соблюдения санитарных норм, сохранности местных угодий и пр. [19, л. 105].

Основная хозяйственная и техническая часть вновь создаваемого предприятия была приписана Лёвшино. Контора имела представительство также в Свердловске – центре Уральской области и в Ленинграде [18, л. 47 об.]. Последнее, вероятно, было связано с тем, что основные программные задания по инженерно-геологическим изысканиям строительству должно было получать от Ленинградского отделения Гидростройпроекта. Проектирование таких объектов, как временно сооруженные плотина, станция, железная дорога, подсобные предприятия, происходило на месте. То обстоятельство,

что присылаемые из Ленинграда документы не всегда были тщательно проработаны, приводило к замедлению, а то и срыву изыскательских работ на площадке [13, л. 131]. Так, например, в октябре 1933 г. заместитель главного инженера Средволгопермстроя С.Р. Медведев обратился к главному архитектору Средволгостроя В.А. Веснину, указав на «угрожающее отставание архитектурного проектирования в части планировки города от потребностей и планов строительства» [17, л. 86]. Таким образом, с самого начала обнаружились противоречия между требованиями Средволгостроя о наращивании объемов работ на пермской площадке и отсутствием проектной документации со стороны Гидростройпроекта, с которым М.Н. Константинов и другие представители стройки вынуждены были переписываться напрямую.

Еще одной заинтересованной стороной выступал Центральный комитет Союза рабочих строителей тяжелой промышленности Урала и Западной Сибири. Находясь в Свердловске, этот профсоюзный орган требовал от построечного комитета Средволгопермстроя отчеты о состоянии охраны труда и техники безопасности, социальном страховании и обслуживании бытовых нужд рабочих, рассматривал различные рабочие споры, занимался вопросами ликвидации неграмотности среди рабочих и организацией массовой политико-воспитательной работы [18, л. 45]. Он же контролировал развертывание на стройке стахановского движения [19, л. 304]. Так, в конце 1935 г. президиум ЦК постановил, что «развитие стахановского движения на Камгэсстрое на своем пути сразу же встретило сопротивление со стороны классово чуждых элементов, выразившееся в явном и скрытом саботаже». Президиум осудил «либеральную, выжидательную и неуверенную позицию со стороны руководства строительством... по расчищению пути развития стахановскому движению» и постановил «немедленно удалить со стройки разоблаченных классовых врагов... приняв дальнейшие меры к очищению аппарата от саботажников» [19, л. 367]. Таким образом, разные структурные подразделения Средволгопермстроя (Камгэсстроя) вынуждены были

отчитываться перед различными ведомствами и организациями, что несколько затрудняло управление строительством.

С самого начала стройка испытывала заметный кадровый голод. Если для геодезических работ на место предполагаемого строительства командировались рабочие Днепростроя – инженеры, прорабы, техники, чертежники [18, л. 1], то с набором рабочих базовых специальностей существовали трудности, несмотря на то что для работников, принятых в Перми и окрестностях, устанавливалась надбавка в 50 %, а для приглашенных из других мест – 100 % [18, л. 3]. Нехватка кадров, как уже было сказано, была напрямую связана с жилищно-бытовыми условиями, с которыми сталкивались рабочие. Осенью 1933 г. была организована проверка готовности жилищ рабочих, ИТР и служащих к зиме. Средволгострой указывал, что «при производстве проверки необходимо руководствоваться основным принципом, что удобное теплое жилище, хорошо налаженное питание имеют доминирующее значение в постановке вполне удовлетворительного соцбытового обслуживания рабочих» [17, л. 112]. Вместе с тем отдел снабжения самого же Средволгостроя, как указывал С.Р. Медведев, фактически сорвал план приема рабочих «вследствие невозможности удовлетворения их матрасами и другими предметами первой необходимости» [17, л. 361]. О том, в каких условиях проживали рабочие, можно узнать из распоряжения главного инженера Средволгопермстроя от 22 ноября 1933 г. «Об эксплуатации жилищного фонда». В частности, в документе сказано: «Всякая новая жилая площадь обставляется мебелью и постельными принадлежностями, только новыми, при недостатке их – бывшими в употреблении, но обязательно прошедшими дезинсекционную обработку и стирку. Баки и бочонки для питьевой воды должны быть до вноса в здание специально очищены и вымыты» [22, л. 8]. Совместное размещение семейных и холостых в общих комнатах и помещениях не допускалось.

Помимо проблем с рабочей силой, которые строительство будет испытывать и в дальнейшем, обозначилась нехватка основных материалов. В ноябре 1932 г. рассматривалась возможность покупки Средволгопермстроем кирпичного завода на станции Калинино, а с Суперфосфатным заводом велись

переговоры о покупке кирпичного производства и о передаче в аренду завода бесцементных камней производительностью 3000 штук в сутки [18, л. 84]. Собственное производство стройматериалов было важным подспорьем для строительства: в марте 1933 г. С.Р. Медведев отмечал, что «пермский кирпичный завод «Красный строитель» работает чрезвычайно плохо», а качество выпускаемого кирпича «настолько низко, что правильное и серьезное отношение к делу требует применять этот кирпич в строительстве лишь в качестве кирпичного боя или щебенки» [16, л. 43].

10 мая 1933 г. состоялось межведомственное совещание под председательством начальника Средволгостроя, принявшее решение о необходимости окончания строительства Камской ГЭС в 1938–39 гг. «Это решение, для обеспечения выполнения постройки в принятый срок, требует проведения уже в текущем году ряда подготовительных мероприятий, как-то: подготовки жилья, хотя бы для 1000 человек рабочих и служащих, с соответствующим количеством помещений коммунального обслуживания, устройства дорог, временного водопровода, временной электрической станции, а также проведения геологических работ по исследованию оснований, проектных и геодезических», – указывал в докладной записке начальнику Средволгостроя С.Р. Медведев [17, л. 251].

Первым «полноценным» годом строительства ГЭС должен был стать 1934-й. Годовой план строительства определялся не в процентных показателях или конкретных частях объекта, а в стоимостном выражении. Так, на 1934 г. было запланировано освоить от 60 до 80 млн рублей, однако уже в январе эта цифра была снижена до 48 млн, а в конце апреля – до 29 млн [9, л. 101]. Для «полного развертывания строительных работ» требовалось 11 тысяч рабочих (из них 70 % квалифицированных). Еще в декабре 1933 г. С.Р. Медведев обратился к президиуму ВЦСПС Облпрофсовета с просьбой разрешить вопрос о выделении дополнительных районов на вербовку рабочей силы. По его словам, выделенный для вербовки в 1933 г. Коми-Пермяцкий округ «ни в коей мере не обеспечит наших потребностей в квалифицированной рабочей силе и чернорабочих» [17, л. 22]. В 1934 г. из-за угрозы срыва сроков жилищного строительства

М.Н. Константинов обратился к председателю Кировского крайисполкома с просьбой выделить ряд районов области для вербовки 1000 рабочих [15, л. 25]. На 1 апреля на строительстве работало 522 человека при прогнозируемой потребности в кадрах на летние месяцы 1934 г. в 2400 человек [9, л. 26]. В целях обеспечения строительства рабочей силой организуется вербовка кадров в Коми-Пермяцком округе, Башкирии и «Горьковском крае»¹. План по вербовке в Коми-Пермяцком округе был установлен в 3000 человек. Но там за два месяца четверем вербовщикам удалось уговорить отправиться в соседний регион всего 298 человек, а в Башкирии и Горьковской области дела обстояли еще хуже.

Одной из причин было то, что темпы строительства жилья не поспевали за потребностями стройки. Средняя обеспеченность рабочих жилплощадью оставалась катастрофично низкой, составляя на конец III квартала 1934 г. 3,5 кв. м на человека [9, л. 61 об.]. При этом рекомендуемая норма, высчитываемая из необходимого объема воздуха для здорового сна и утвержденная в СССР в конце 1920-х гг., составляла 9 кв. м на человека [10, с. 322]. Недостаток площади приводил к тому, что в ряде общежитий заселялись даже красные уголки. В результате текучесть кадров на строительстве была просто чудовищной. К примеру, с января по август 1934 г. на стройку прибыло 3018 человек, а убыло со стройки – 2376 человек [9, л. 61].

Вскоре вербовка рабочей силы для строительной площадки вышла на новый уровень. В июне 1937 г. Камгэсстрой обратился к постоянной комиссии по регулированию вербовки рабочей силы при СНК РСФСР. В просьбе говорилось о том, что для выполнения плана работ по строительству в 1937 г. необходимо дополнительно завербовать 3300 человек из Кировской области, Татарской и Мордовской АССР; выбор этих регионов объяснялся возможностью быстрой транспортировки людей по Каме. В целях набора рабочей силы в мае 1937 г. начальник строительства Камгэсстоя А.А. Котомин обратился в пермский Горисполком с просьбой разместить на двух железнодорожных вокзалах и пристани Перми информационные плакаты. Желающих поступить на работу приглашали приезжать в Пермь, а оттуда

¹ Так в документе.

рабочим поездом – на площадку Камгэсстроя у станции Лёвшино. Кроме того, летом 1937 г. Камгэсстрой разослал просьбы опубликовать объявления о наборе специалистов в редакции свердловской газеты «Уральский рабочий», пермской «Звезды» и даже общесоюзных «Известий» [11, л. 129].

Прекращение работ на площадке будущей ГЭС в августе 1937 г. стало полной неожиданностью и для рабочих, и для руководства стройки, о чем можно судить по делопроизводственным документам: в течение весны и даже лета 1937 г. ничто не указывало на возможность такого хода событий.

Предполагаемый объем работ был значительно увеличен, а вместе с этим должно было вырасти и количество рабочей силы – до 7500–8000 человек, что заставило руководство стройки просить об отпуске средств на строительство Парка культуры и отдыха, а также стадиона [18, л. 352]. Известно, что за 2,5 месяца до «заморозки» строительства, в мае 1937 г., на стройке работало 6128 человек.

8 августа «во исполнение телеграфного распоряжения Главгидроэнергостроя о прекращении работ на объекте» вышло внутреннее распоряжение о подготовке к консервации стройки. Рабочих предупредили о грядущем увольнении и возможности направления на другие стройки Наркомтяжпрома. Начались снос временных построек и передача строительного инвентаря Камгэсстроя пермским заводам № 19 и № 98 [18, л. 73]. Работа ликвидационной комиссии была завершена 25 августа, а 30 августа был ликвидирован построечный комитет. После ликвидации стройки ее жилой фонд был передан на баланс другим предприятиям, например, жилфонд в Усть-Гайве – Суперфосфатному заводу. Спустя семь лет строительство фактически начнется заново: за это время придет в негодность значительная часть инфраструктуры, оставшаяся от периода 1932–1937 гг.

Как и любое крупное строительство в СССР, Камгэсстрой (до марта 1935 г. – Средволгопермстрой) был втянут в сложную систему отношений между различными ведомствами и структурами. Хотя принадлежность стройки к Наркомтяжпрому в лице Средволгостроя никто не оспаривал, ее руководство вынуждено было обращаться в местные органы

власти – к руководству Уральской области в Свердловске, Пермскому горисполкому, Лёвшинскому райсовету и другим, – искать компромисс, пытаясь при этом выполнить директивы прямых руководителей, которые зачастую расходились с кадровыми и ресурсными возможностями. Во многом такая ситуация сохранялась на вновь созданном в 1944 г. Молотовгэсстрое вплоть до конца 1940-х гг., когда героические усилия нового руководства, наконец, сдвинули объект с мертвой точки: в 1949 г. началось строительство плотины. У руководителей Молотовгэсстроя, в отличие от предшественников, имелся дополнительный ресурс в виде отправленных на стройку заключенных. Вместе с тем можно предположить, что наличие спецконтингента создавало и дополнительные проблемы, в числе которых – необходимость контактировать с ГУЛАГом. Как писал в 1944 г. начальник Молотовгэсстроя М.М. Давыдов главному инженеру бюро «Большая Волга» Б.К. Александрову, говоря о подготовке лагеря для спецконтингента, «занимался, просто говоря, эквилибристикой» [14, л. 23]. Сплошной «эквилибристикой» и была одна из крупнейших строек СССР, сдача которой в эксплуатацию затянулась до второй половины 1950-х гг.

Список литературы и источников

1. Белоруссов Е.В. Камское море: Строительство Камской ГЭС и реконструкция речного транспорта на Каме. – Молотов : Кн. изд-во, 1954. – 32 с.
2. Бородулин С. Приморский район // Ретроспектива. – 2010. – С. 27–34.
3. Бурдин Е.А. Куйбышевский гидроузел: история создания и последствия : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2008.
4. Бурдин Е.А. Разработка и практическая реализация планов советского руководства в сфере гидростроительства в 1930–1980-е гг. (на примере Волжского каскада гидроузлов) : дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2012.
5. Гергерт В.Э. Дорога света: записки гидростроителя. – Пермь : Кн. изд-во, 1981. – 267 с.
6. Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов /

О.В. Лавинская, Ю.Г. Орлова. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. – 448 с.

7. Кириченко А.Д. Сооружение Даугавского каскада ГЭС: история, проблемы 1936–1967 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Рига, 1990.

8. Климов В.П. Камская ГЭС. Популярный очерк. – Молотов : Кн. изд-во, 1956. – 98 с.

9. Конъюнктурные обзоры, пояснительные и инструктивные записи о ходе работ за 1934 год // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 749.

10. Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 346 с.

11. Переписка Камгэсстроя о специалистах // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 1110.

12. Переписка Камгэсстроя по вопросам отчуждения и затопления // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 192.

13. Переписка Камгэсстроя с Главгидростроем // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 595.

14. Переписка с гидроэнергопроектом по производственным вопросам за 1944–1946 год // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 3. Д. 2.

15. Переписка Средволгопермстроя с областными организациями // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 39.

16. Переписка Средволгопермстроя с областными предприятиями, учреждениями и организациями // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 13.

17. Переписка Средволгопермстроя со Средволгостроем // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 12.

18. Постановления и переписка с Центральным Комитетом Союза РСТП Урала и Западной Сибири // ГАПК. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 1.

19. Постановления Центрального комитета Союза рабочих строителей тяжелой промышленности // ГАПК. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 3.

20. Приказы и распоряжения Главгидроэнергостроя // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 48.

21. Приказы по Управлению Средволгопермстроя за 1932–1933 гг. // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 8.

22. Распоряжения по Свердловгопермстрою за 1933 год // ГАПК. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 6.

23. Строители Камской ГЭС / ред.-сост. М.Г. Гуревич. – Молотов : Кн. изд-во, 1956. – 366 с.

**«ФАКТИЧЕСКОЕ БЕСПРАВИЕ ОДНИХ, ПРОИЗВОЛ
И БЕЗЗАКОНИЕ ДРУГИХ – ЭТО ЗЛЕЙШИЕ ВРАГИ
ВСЯКОЙ ВЛАСТИ». ДЕЛО ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСЕЯ
ПОПОВА (1930 ГОД)**

*Дегтярева Мария Игоревна
д-р филос. наук, канд. ист. наук,
преподаватель курсов для
монашествующих и курсов
по катехизации,
Пермский Успенский
женский монастырь,
Пермь
Maria-msses@yandex.ru*

Аннотация. Среди архивно-следственных дел служителей Русской Православной Церкви*, пострадавших в годы политических репрессий в СССР, встречаются сюжеты, не укладывающиеся в устоявшиеся представления. Неожиданные детали, зафиксированные в документах, «ломают» формирующийся у исследователя «иконографический» образ исповедника. Дело протоиерея Алексея Попова свидетельствует о нетипичной для представителя канонической церковной структуры политической позиции священника и демонстрирует то, как менялась оценка им правительственного политического курса и характера церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: политические репрессии, экономические санкции в отношении православной церкви, критика сталинского политического курса в сфере церковно-государственных отношений, механизм формирования штата «спецосведомителей» ОГПУ – НКВД, нравственный выбор священников, отказ от функций «осведомов» и его последствия.

© Дегтярева М.И., 2023

* Статья публикуется в соответствии с правилами церковной орфографии.

‘ACTUAL LAWLESSNESS OF SOME, POWER ABUSE AND ANACHY OF OTHERS – THESE ARE THE WORST ENEMIES OF ANY POWER’. ARCHPRIEST ALEKSEY POPOV’S CASE (1930)

Mariya Degtyaryova

*doctor of philosophical sciences, candidate of historical sciences,
lecturer for cloisterers and catechesis courses*

Perm Uspensky Nunnery,

Perm

Maria-msses@yandex.ru

Abstract. Archived investigatory cases of clergy of the Russian Orthodox Church that suffered at the time of political repressions in the USSR describe the stories which do not fit long-held beliefs. Surprising details recorded in the documents violate confessor’s iconographic image which has been established in the mind of a scientist. An Archpriest Aleksey Popov’s case proves a priest’s political opinion which is atypical for a representative of a canonical church structure and illustrates the transformations in his vision of the government political strategy and nature of church and state relations.

Keywords: political repressions, economic sanctions towards Orthodox Church, criticism of Stalin political strategy in church and state relations, mechanism of preparing OGPU – NKVD informants, priests’ ethical choice, withdrawal of informant function and its implications.

В последние десятилетия в отечественной историографии в качестве самостоятельного направления успешно развивается изучение репрессивной политики государства в отношении Русской Православной Церкви на протяжении 1920–30-х гг. и послевоенного времени – с 1948 до 1953 г. Среди концептуальных работ наибольшее значение сохраняют исследования М.И. Одинцова [16], М.В. Шкаровского [18], А. Беглова [1], Н.Е. Емельянова [13; 14], а также богато иллюстрированная энциклопедия по истории Русской Православной Церкви в XX в., подготовленная издательством Сретенского монастыря [17].

Отправной точкой в исследовании различных аспектов «большого террора» применительно к верующим на основе анализа источников из фондов ПермГАСПИ стала статья

М.Г. Нечаева и С.В. Уткина [15], продолжением этой темы – обзорная статья автора настоящего исследования в соавторстве с Н.Е. Дегтяревой [5], посвященная комплексу архивно-следственных дел представителей пермского духовенства, пострадавших в 1937–38 гг., и монография о деле «Общества трудового духовенства» (1937 г.) [2].

В методологическом отношении кажется перспективным и персоналистский подход – изучение судебных и относящихся к периоду сталинизма личных следственных дел священников [3; 4]. Он дает возможность детализированного анализа общих процессов, открывает неожиданные «границы» мировоззрения духовенства и взаимоотношений Церкви и власти, позволяет уточнить и даже переоценить схематизированные представления.

Примером тому является относящееся к 1930 г. дело кунгурского священника Алексея Попова [10], свидетельствующее о нетипичной для представителя канонической церковной структуры общественно-политической позиции и демонстрирующее то, как менялась оценка им правительственного курса в целом и в сфере церковной политики в частности.

До дня ареста – 10 августа 1930 г. протоиерей Алексей Попов служил настоятелем Успенской церкви города Кунгура Пермского округа Уральской области.

Арестовывали его столь поспешно, что и «Постановление о начале производства расследования по признакам преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК» [10, л. 2], и протоколы допросов первой пары из четырех привлеченных следствием свидетелей [10, л. 3–5], и «Постановление о содержании под стражей в Пермском Исправдоме № 1» [10, л. 7] были составлены и подписаны в один день, 9 августа 1930 г. В общей сложности содержательная часть «расследования» заняла четыре дня – с 8 по 11 августа (рис. 1).

Из рапорта начальника 1-го отделения ОГПУ Коробицина, поданного в окружной отдел 8 августа, следовало, что в Кунгуре дело в отношении отца Алексея Попова было инициировано будто бы «по имеющимся агентурным сведениям» [10, л. 1] (рис. 2).

Рис. 1. Фото протоиерея Алексея Попова [10, л. 31]

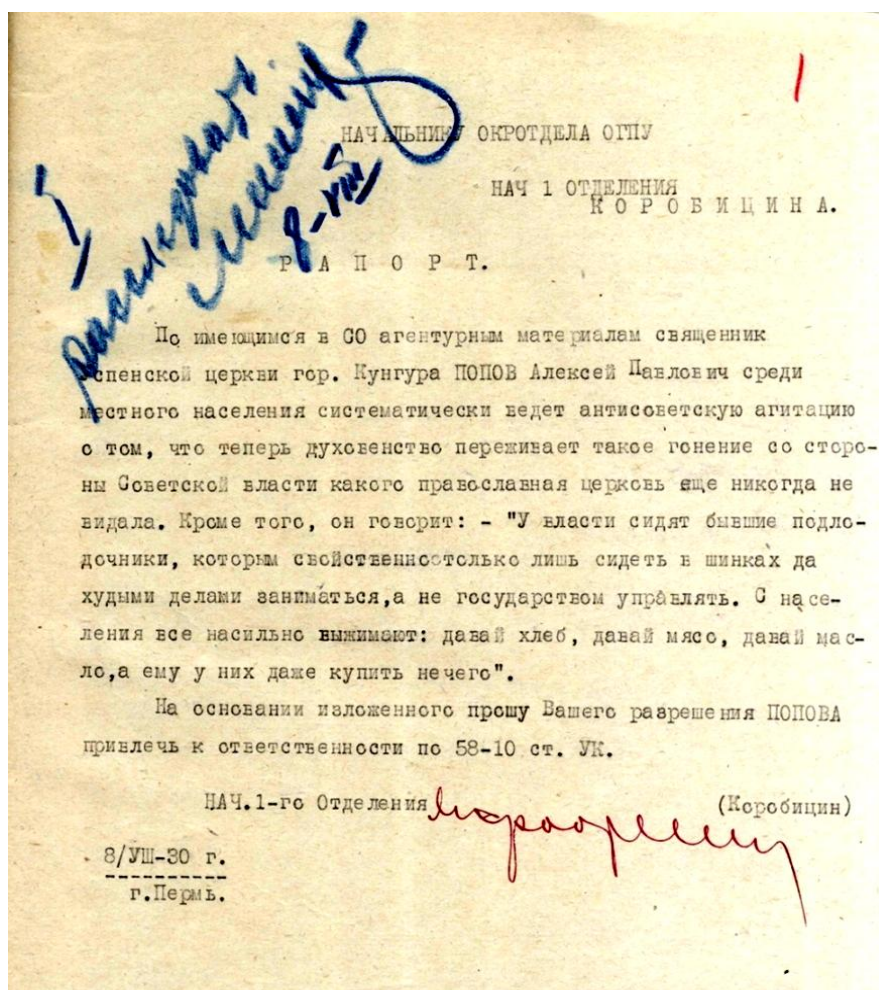

Рис. 2. Рапорт нач. 1-го отделения Коровицина [10, л. 1]

Однако в материалах следствия, собранных уполномоченным ОГПУ Ежовым, не содержится никаких вложений, напоминающих «наблюдательное дело», – ни изобличительных «заявлений» от частных лиц, ни «агентурных сводок». «Ключом» к разгадке этой коллизии служит листок (рис. 3), хранящийся в отдельном конверте вместе с фотографией отца Алексея, сделанной в тюрьме:

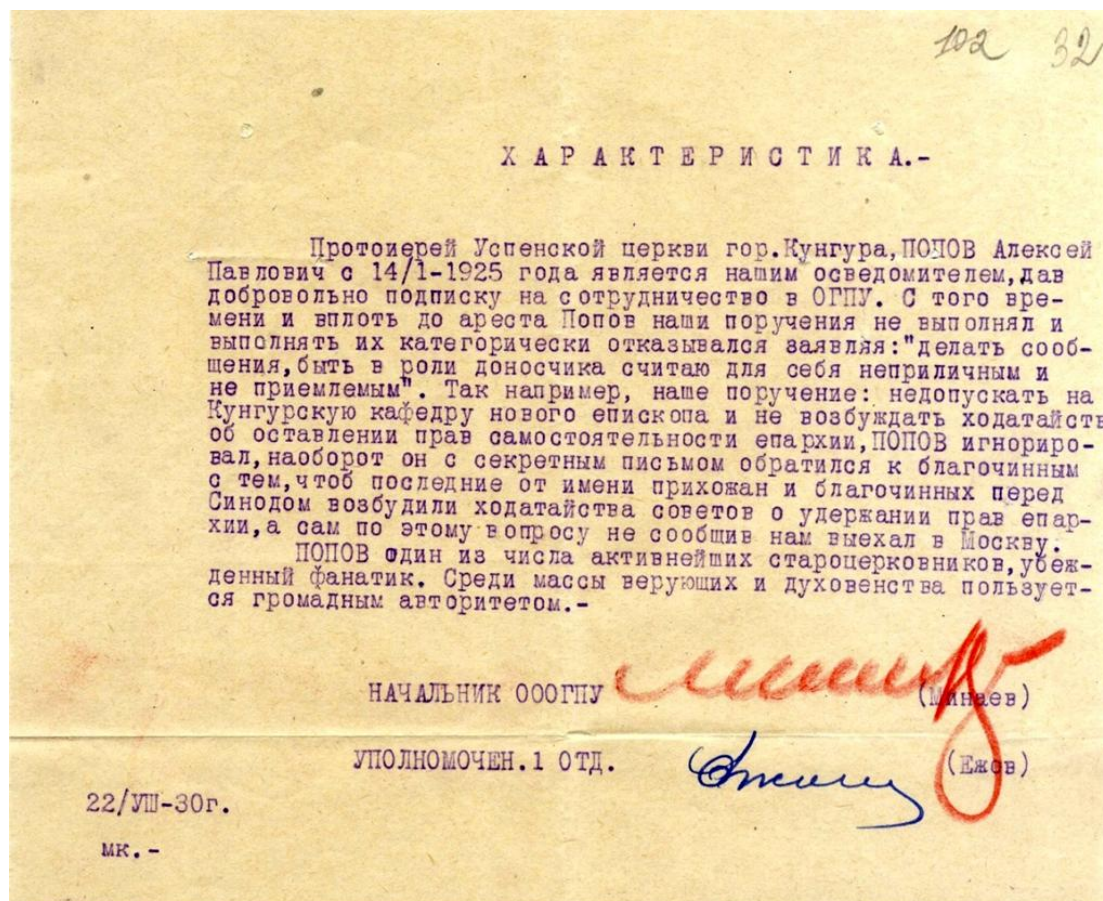

Рис. 3. Характеристика [10, л. 32]

«Характеристика. Протоиерей Успенской церкви г. Кунгура, ПОПОВ Алексей Павлович с 14/1 – 1925 года является нашим осведомителем, дав добровольно подпись на сотрудничество в ОГПУ. С этого времени вплоть до ареста Попов наши поручения не выполнял и выполнять их категорически отказывался заявляя: “делать сообщения, быть в роли доносчика считаю для себя неприличным и не приемлемым”. Так например, наше поручение: недопускать на Кунгурскую кафедру нового

епископа и не возбуждать ходатайств об оставлении прав самостоятельности епархии, ПОПОВ игнорировал, наоборот он с секретным письмом обратился к благочинным с тем, чтоб последние от имени прихожан и благочинных перед Синодом возбудили ходатайства советов о удержании прав епархии, а сам по этому вопросу не сообщив нам выехал в Москву.

ПОПОВ один из числа активнейших староцерковников, убежденный фанатик. Среди массы верующих и духовенства пользуется громадным авторитетом.

22/ VIII – 30 г. НАЧАЛЬНИК ООГПУ (Минаев)

УПОЛНОМОЧЕН. 1 ОТД. (Ежов)» [10, л. 32]

(Цитируется с сохранением орфографии и пунктуации источника. – М.Д.).

«Характеристика» отца Алексея служит подтверждением тому, что отказ от выполнения функций «секретных сотрудников» ОГПУ в 1920–30-х гг. прошлого века, как правило, обращал против представителей духовенства гнев «спецотдела» и служил поводом для возбуждения процессов политического характера.

Симеон Савкин [11], Николай Тохтуев [12], Михаил Коняев [6], Василий Кожевников [6], Александр Мальцев [7], Виктор Новожилов [8] – вот предварительный и наверняка далеко не полный перечень священников из Перми, Соликамска и Кунгура, имевших мужество отказаться от подобных «поручений». Одни подавали в ОГПУ письменные заявления без объяснения причин «самоотвода», другие как будто нечаянно, однако самым широковежательным образом нарушали «конспирацию». Но лишь единицы открыто апеллировали к *каноническим правилам* Церкви, не позволяющим лицам, облеченным священным саном, принимать на себя обязанности политического характера, или свидетельствовали о невозможности разглашать тайну исповеди прихожан и делать что-либо во вред Церкви без ущерба для иерейской совести.

В «характеристике» на отца Алексея Попова обращает на себя внимание очевидное противоречие между его «добровольным» согласием на «сотрудничество» с «органами» и последующим отказом от исполнения «заданий» ОГПУ по причинам *этического свойства*.

В архивных документах нет отчета о конкретных обстоятельствах, при которых сотрудники ЧК – ОГПУ – НКВД формировали штат «спецосведомов», однако в некоторых делах списки с присвоенными «информаторам» «кличками» [9, л. 30] сохранились (рис. 4).

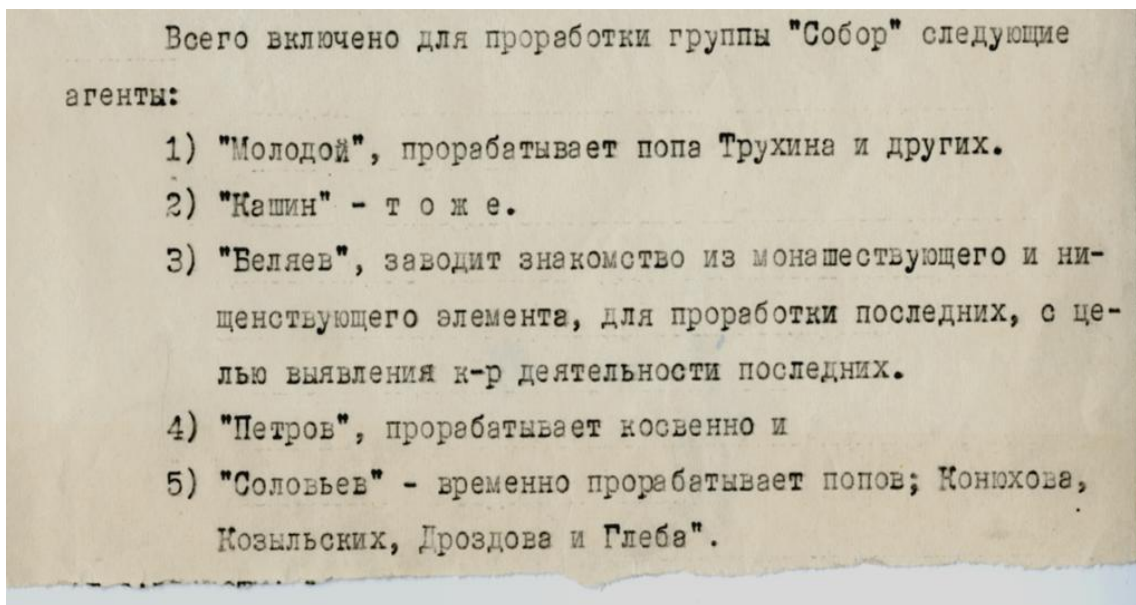

Рис. 4. Дело по обвинению Покровского В.Н., Коновалова П.В., Козыльского П.Н. и других в составе 16 человек. 1935 г. Наблюдательное дело (фрагмент) [9, л. 30]

Во всех процессах, возбужденных против отказавшихся впоследствии от «сотрудничества», обращает на себя внимание одно обстоятельство: в анкетах «спецагентов», а иногда и в «характеристиках», составленных на них «кураторами», подчеркивалось *«признание полномочий советской власти», а иногда и ее одобрение.*

Случай же отца Алексея Попова является исключительным в своем роде. В протоколе допроса (пункт 12) содержится следующее пояснение по поводу его политических убеждений: *«Октябрьскую революцию считаю естественным социально-политическим явлением и полагаю, что за нашим Октябрем должен последовать мировой Октябрь»* [10, л. 18] (рис. 5).

Нет, он не был «обновленцем» и не переходил, как это бывало в те годы, из одного подчинения в другое. Он оставался последовательным приверженцем канонической Российской

Православной Церкви и неслучайно заслужил от уполномоченного клеймо «активнейшего староцерковника», но дело в том, что он так думал!

По делу № *11*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

«*11 августа*» 1930 г. *Уральского*
Пермского Округа ОGPU Уралобласти: *Снегов*

допросил с соблюдением 128-142 ст. Уголов. Проц. Кдкса нижепо-
 именованного в качестве *обвиняемого* который показал:

1. Фамилия имя и отчество *Попов, Алексей Павлович*
2. Возраст *47 лет (родился 21 авг. 1882 г.)*
3. Место рождения *село Никольское, Тотьма-Тюльская*
4. Семейное положение *вд. Уренбургского у. Котловск. уез.*
5. Подданство *гражданин СССР (РСФСР)*
6. Национальность *русский*
7. Пользуется ли избирательным правом *нет*
8. Имущественное положение *получил по должности приход-
ского священника и секретаря у
Епископа до 170 руб. в месяц*
9. Образование: общее *Окончил Московскую Ду-
ховную Академию*
10. Происхождение *сын священника*
11. Партийность *Действительный
Октябрьскую революцию считалось сбли-
женным с революционно-политическим
движением и положил, что за нами - Октябрьская дол-
жна последовать ре-
волюция "социалистическая"*
12. Политические убеждения *Был членом Духовно-
го училища с 1913 г.
Октябрьскую революцию считалось*
13. Чем занимался до Февральской революции 1917 г. *с Февральской до Октябрьской 1917 г.*
14. Последнее место службы или работы и занимаемая должность *вотчим Тель-
ного солдата в г. Кунгуре*
15. Отношение к воинской повинности и занимаемая должность в Армии *с 1913 г.
служил в кадрах*
16. Адрес квартиры *г. Кунгур, Ул. Свободы, д. 17*
17. Сведения о прежней судимости *с 1928 г. по суду отсрочен
на 50 руб.*
18. Отношение к обвиняемому

Показания по существу дела *насколько помню и помню,
мне предельно объективные в том,
что, насколько сам слышал и авторитетно
А. Попов*

Рис. 5. Протокол допроса Попова Алексея Павловича от 11 августа 1930 г. [10, л. 18]

И вот такого рода «находки» дают основание предположить: данная по требованию ОГПУ – НКВД *«подписка о не враждебности»* в отношении советской власти и даже устное заявление о *«политической лояльности»*, высказанное с чуть большей, чем обычно, степенью благожелательности, могли расцениваться представителями структуры как *готовность к работе «спецагентом»*.

Между тем мотивы священников могли быть разными: связанное с христианской эсхатологией стремление быть беспристрастным и увидеть в событиях 1917 г. проявление Промысла Божия или только желание оказать послушание священноначалию в лице митрополита Сергия (Страгородского). Так или иначе, окончание беседы на «позитивной ноте» с констатацией уполномоченным достигнутого в ходе разговора «взаимопонимания» становилось «точкой отсчета», с которой священник (или диакон) *автоматически зачислялся в число «подручных штатных единиц» особого отдела.*

Содержание же первых пробных «заданий» от ЧК – ОГПУ – НКВД ставило попавших в расставленную «ловушку» в тупик, и тогда каждый из них оказывался перед выбором дальнейшей «тактики» взаимодействия в отношении с «органами». Кто-то из священников разрывал накиннутую «узду» сразу, а кто-то пытался обезопасить архиерея, приход, своих близких и давал скупые отписки общего характера. Второй сценарий мог лишь отсрочить развязку; нравственный выбор был лишь вопросом времени, и момент приближения «рубикона» ощущался каждым священником индивидуально.

В анкетных данных протоиерея Алексея Попова содержатся некоторые сведения о его происхождении, образовании и духовном служении. В момент ареста ему было сорок семь лет. Родился он 21 августа 1882 г. в селе Никольском Устье-Угольской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии, в семье земского фельдшера из крестьян. В графе «национальность» им была сделана отметка: «Великоросс». Семья священника состояла из троих человек: жены Агнии Георгиевны 42 лет, сына Ростислава 17 лет и дочери Людмилы 16 лет [10, л. 8].

В анкете и протоколе допроса был зафиксирован ответ об окончании отцом Алексеем Московской Духовной Академии [10, л. 8, 18]. В последующем он был преподавателем Пермского Духовного училища [10, л. 8]. На вопрос о роде занятий до и после 1917 г. значилось: «В духовном ведомстве без перерыва» [10, л. 8 об.] (рис. 6, 7).

О. Г. П. У. .

Анкета № 8

для арестованных и задержанных с зачислением за О. Г. П. У.

Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

В О П Р О С Ы:	О Т В Е Т Ы:																														
I-я часть (заполняется заключенным)																															
1) Фамилия	<i>Попов</i>																														
2) Имя и отчество	<i>Алексей Павлович</i>																														
3) Гражданин или какого государства	<i>СССР.</i>																														
4) Национальность	<i>Русиноросс</i>																														
5) Место приписки (откуда происходит)	Губ. <i>Новгородская</i> уезд <i>Череповецкий</i> <i>Устье Угалева</i> с <i>Никольского</i>																														
6) Возраст год рождения	<i>47</i> лет, родился <i>21 августа</i> 1880 г.																														
7) Образование; а) грамотен ли	а) <i>университетская академия.</i>																														
б) какую школу окончил	б) окончил школу.																														
в) если не окончил, то сн. курс, прощ.	в) прошел курс школам.																														
8) Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер)	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <thead> <tr> <th>Степень родства</th> <th>Фамилия, имя и отчество</th> <th>Возраст</th> <th>Занятие или место работы и должность или профессия</th> <th>Место жительства (адрес)</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>1</td> <td><i>мать. Гогова Анна Тодр</i></td> <td><i>42.</i></td> <td><i>Пенсионерка</i></td> <td></td> </tr> <tr> <td>2</td> <td><i>сестр. Росинская Ан.</i></td> <td><i>17</i></td> <td><i>в Рудыре</i></td> <td></td> </tr> <tr> <td>3</td> <td><i>дети Людмила Ан.</i></td> <td><i>16</i></td> <td><i>свободна</i></td> <td><i>17</i></td> </tr> <tr> <td>4</td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td>5</td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>	Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место жительства (адрес)	1	<i>мать. Гогова Анна Тодр</i>	<i>42.</i>	<i>Пенсионерка</i>		2	<i>сестр. Росинская Ан.</i>	<i>17</i>	<i>в Рудыре</i>		3	<i>дети Людмила Ан.</i>	<i>16</i>	<i>свободна</i>	<i>17</i>	4					5				
Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место жительства (адрес)																											
1	<i>мать. Гогова Анна Тодр</i>	<i>42.</i>	<i>Пенсионерка</i>																												
2	<i>сестр. Росинская Ан.</i>	<i>17</i>	<i>в Рудыре</i>																												
3	<i>дети Людмила Ан.</i>	<i>16</i>	<i>свободна</i>	<i>17</i>																											
4																															
5																															
9) Партийная принадлежность: а) в какой партии состоит, б) с какого времени	<i>не состоял</i>																														
10) Профессия	<i>самостоятел</i>																														
11) Род занятий и место службы в момент ареста	<i>наставник Успенской церкви с. Костыча</i>																														
12) Состоял ли на государственной службе, в каком чине	<i>был преподавателем Пермского Духов. Училища</i>																														
13) Владел ли недвижимым имуществом, какою и где	<i>нет</i>																														
14) Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил	<i>пенсия по старости от матери в здании с 20 сентября от сироты</i>																														

Рис. 6. Анкета Попова Алексея Павловича (лицевая сторона) [10, л. 8]

15) Если служил или работал по найму, укажите в хронологическом порядке:		
Наименование учреждения или предприятия	Должность и профессия	
До 1917 г.		
С 1917 г. по посл. место службы	В духовном ведомстве секретаря	
16) Привлекался ли к ответственности по суду или в административном порядке	Кривичанский исправительный раск. по суду одной рас. исправительн. на 50 рублей	
17) Отношение к военной службе: а) воинские звания, ран, оружье или специальность; б) если освобожден, то на каком основании	Нет	
18) Когда арестован	7 августа 1930 год	
19) Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	Уманский окруж. окр. окр.	
20) Где арестован: а) губ., уезд, вол., село, гор., улица и № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собор., и проч.)	в своей квартире	
21) Когда и кем допрошен	Уманский окр. окр.	
22) Предъявлено ли обвинение и в чем именно	предъявлено по 58 ст. ст. УК	
23) Место жительства перед арестом	с.р. кн. еп. Уманской епархии по ул. свободы №7	
Примечания заключенного:		
Подпись заключенного <i>Алексей Попов</i>		
"10" августа 1930 г.		
2-я часть (заполняется администрацией места заключения)		
24) Официальное название места заключения		
25) По чьему ордеру арестован и № ордера		
26) За кем зачислен		
27) Приметы заключенного		
Примечания:		
Подпись заведующего местом заключения		
<small>Ответы на вопросы анкеты надо писать чернилами (в крайнем случае химическим карандашом) четко, разборчиво, полностью выписывая слова, по возможности без поправок и поправок</small>		

Рис. 7. Анкета Попова Алексея Павловича (оборотная сторона)
[10, л. 8 об.]

Привлеченные по его делу «свидетели» характеризовали его «как одного из руководителей и активных деятелей Кунгурской епархии» [10, л. 10–11], который «среди духовенства и верующей массы является крупной духовной и политической фигурой» [10, л. 11 – об.]. А в «Заключительном постановлении» по делу будет указано на то, что протоиерей Алексей Попов состоял в должности секретаря епископа (в действительности

фактического руководителя епархии) и среди духовенства и верующих был известен «как верный исполнитель церковных традиций» [10, л. 24].

По делу № 10

Протокол допроса

«10» Августа 1930 г. Уполномоченный
Терского Окротдела ОГПУ Уралобласти Анат

допроса с соблюдением 128-142 ст. Угол. Проц. Кодекса и предупреждением об ответственности за ложные показания по ст. 95-96 УК. нижепоименованного гр-на в качестве свидетель который показал:

1. Фамилия, имя и отчество Шилов Александр Викторович
2. Возраст 1899 года рож.
3. Место рождения с. Торговище Сергеевского р-она
4. Семейное положение неженат
5. Пользуется ли избират. правом иметь как св. кул.
6. Имущественное положение нет
8. Образование: общее среднее
 " специальное нет
7. Происхождение крестьянское - украинское
9. Партийность нет
10. Отношение к военной службе на учете сельского самоуправления
11. Политические убеждения социал-демократ
12. Чем занимался до Февральской революции 1917 г. делался безработным
 с Февральской до Октября 1917 г. тоже
 с Октября 1917 по день допроса с 1919 по 1921 год в краевой комиссии
13. Последнее место службы или работы и занимаемая должность свидетель с.с. безработный
14. Адрес квартиры с. Беззавка
15. Сведения о прежней судимости не судим.
16. Отношение к обвиняемому поисковиком
 Показания по существу дела за долг лопатки пока-
 заний преступлений по 95 ст. УК.

Братомерз Успенской церкви
 с. Кульцо Алексея Банова я
 знаю как руководивший ку-
 л. церковной школой

Ст. № 210х297. Своддл. Тип. ИГД. в.к. № 1831 т. 5000.

Рис. 8. Протокол допроса свидетеля Шилова А.Н. [10, л. 10]

Особенность этого дела состоит в том, что оно является в полном смысле политическим. Показания группы привлеченных ОГПУ «свидетелей» о нелояльном настрое священника и открытой критике им курса ВКП(б) в отношении

Церкви, а также ошибок сталинского правительства в выборе экономической стратегии и в сфере социальной политики подтверждаются своеобразным личным «манифестом» отца Алексея, поданным 25 марта 1930 г. уполномоченному вместо «информационной сводки».

В первой части обращения батюшка «законопослушно» информировал ОГПУ о том, что с февраля 1929 г., с момента прибытия в Кунгур Епископа Иоанна (Георгиевского), состояние епархиальных дел было вполне удовлетворительным, «за исключением небольшого, но исправленного наследства противосергинской оппозиции в пределах Юго-Осокинского района. <...> Странники Викторианского уклона принесли раскаяние: одни в письменном виде, а другие еще и в публичном исповедании» [10, л. 12].

А вот далее речь шла о том, *что именно* в период коллективизации провоцировало *углубление конфликта в сфере церковно-государственных отношений*. Текст письма настолько показательный и цельный как историческое свидетельство, что заслуживает того, чтобы процитировать его с минимальными сокращениями:

«...Громкие и внушительные лозунги дня были поняты в применении к нашей действительности слишком своеобразно. Но надо сказать правду, что искажению смысла лозунгов содействовали “комментарии” некоторых представителей власти и партии, например, в Баркутовском и Филповском сельсовете носились определенные угрозы вырезать нескольких зажиточных людей и вместе с ними “попа”. <...> Во многих местах независимо от того, есть у священника хлеб (или нет. – М.Д.), хлеб все равно взыскивался: “Покупай да давай”. То же, но кажется, в меньших размерах повторялось и при заготовке сельхозпродукции, как кудель, мыло, шерсть, и что было возмутительнее всего, так это опись и продажа имущества, невзирая на явную непосильность и незаконность обложения. <...>

Лесозаготовки принесли нашей Кунгурской епархии новые скорби, несмотря на известные запрещения власти (из округа) посылать духовенство на лесозаготовки, местные работники, имея наивысшие инстанции власти, буквально гнали духовенство

на лесозаготовки. В связи с лесозаготовками и незаконной отправкой духовенства в лес у нас выбыло из строя много рядового духовенства и пять благочинных (Мельников, Кашин, Колокольников, Попов, Черных). В некоторых местах верующее население было положительно терроризировано (Ашап, Аспа), священники арестовывались. Принадлежность к церковным Советам рассматривалась как к индивидуальному обложению, церковь стала пустовать. <...> Создалась атмосфера подавленности, и *вступившим в колхоз внедрялась мысль, что они теперь должны порвать с Церковью и религией.*

Вынужденное отсутствие священника кое-где считалось как достаточный повод к закрытию церкви...» [10, л. 12–13].

В контексте этих событий отец Алексей Попов упоминал и о том, как производилась «проверка церковного имущества» комиссией, состоявшей из милиционера, двух женщин, старосты и двух понятых: «Комиссия вошла в алтарь, и милиционер не снял головного убора. Это было уже двойное поругание религиозных чувств верующих: 1) женщина в алтаре и 2) мирянин в головном уборе. Но дальше было еще хуже. Одна из женщин (б. учительница) садилась на Горнее место, где нельзя садиться даже священникам, а другая с портфелем расположилась на Престоле. Далее, члены комиссии вопреки закона своими руками начали перебирать и перебрасывать священные предметы, как антиминс, Евангелие, кресты и проч. Староста Вавил Иванович от ужаса и скорби потерял самообладание и смотрел на кощунства как окаменелый. Понятые же, перепугавшись, не вышли даже из сторожки. После этого в церкви уже не служили. Ашап положительно терроризирован, а теперь там уже, говорят, выломали и иконостасы. В Ашапе многие верующие подавлены всем происшедшим. Но нужно знать, что подавление религиозных чувств не легко и не скоро забывается. Так о церкви уже не хлопчут, ибо не смеют шевельнуться. Подобные же кощунства и еще хуже были в Артях, где “власти” еще и курили в алтаре. Подобное же было и в Старом Посаде» [10, л. 13–13 об.].

В заключение своего «отчета» уполномоченному ОГПУ епархиальный секретарь представил резюме по ситуации в период так называемого «коренного перелома» в деле

колхозного строительства (1929–30 гг.): *«Верующий народ забит, терроризирован, не знает своих прав, да доселе фактически и не имел их.* Были случаи обращения в прокуратуру, но в силу известных кампаний <...> она была бессильна помогать.

Вас интересует, *каковы политические настроения верующей массы и духовенства?* Об этом не нужно спрашивать, нет нужды выслеживать, ни подслушивать. Довольно немножко сообразить и припомнить не столь давно прошедшее время, когда по пословице человека лупят в хвост и в гриву, когда не дают ему опомниться от бесконечного ряда различных кампаний <...> и когда зачастую голова не может себе нигде найти защиты, тогда легко сообразить, какие чувства волнуют сердце такого человека. *Фактическое бесправие одних, произвол и беззаконие других – это злейшие и коренные враги всякой власти. Если можете припомнить отношение прежних революционеров к старому политическому режиму, то отчасти, думаю, похожи и чувства тех, кто теперь оказался в роли притесняемого.* Вне всякого сомнения, принцип “власти на местах” в современных условиях, когда у нас в идее уже сложился известный правопорядок, является в высшей степени вредным, он плодит скрытую контрреволюцию, и недостаточно устойчивые элементы прямо провоцируют на эксцессы против власти. <...> *Пусть бы был закон суров, но он все же лучше произвола, основанного на лозунге: “Власть на местах!”*

Я закончил свое обращение, употребив почти целый день далеко не лишнего у меня времени, но ожидаю обычного упрека в том, что я написал общие фразы. Я знаю, что для ГПУ гораздо было бы интереснее “деловое” сообщение о том, кто именно недоволен советской властью, кто бранит ее, кто мечтает о скором наступлении конца, но такого “делового сообщения” я сделать не могу, во-первых, потому, что *роль доносчика считаю для себя неприличной и неприемлемой*, и, во-вторых, потому, что *недовольных в том или ином отношении слишком много.*

Все обиженные, все обобранные, все оскорбляемые и третируемые, конечно, недовольны. И если дело пойдет и дальше так, как и шло, то число граждан лояльных к власти будет все меньше и меньше <...> остается два пути – *пути репрессий, ссылки и тюрьмы для нескольких десятков миллионов*

граждан и другого пути – пути укрепления правопорядка, устранения произвола “власти на местах” и воспитания у граждан уважения к власти и закону как к действительной охране их материальных и духовных интересов. Дело самой власти – выбрать тот или иной путь и ожидать соответствующих результатов...

Если я написал худо, то, к сожалению, должен определенно и окончательно сказать, что “лучшего” материала я и впредь давать не обещаюсь» [10, л. 13 об. – 16].

...Итак, перед нами судьба человека николаевской России. Воспитанный в лоне Православной Церкви, сформировавшийся в пространстве русской общественно-политической мысли с ее чуткостью к любому проявлению социальной несправедливости, священник Алексей Попов и с переменой общественно-политических условий руководствовался тем, что впитал когда-то в молодости. Как руководитель епархиального управления, осознающий ответственность за множество людей, он пытался найти «общий язык» с органами советской власти и даже наивно выстраивать «диалог» с уполномоченным в надежде быть услышанным, как христианин (и как гражданин) не мог избежать свидетельства о бесчинствах и несправедливости по отношению к Православной Церкви. Случай (далеко не единственный), когда «спецосведом поневоле» обеспечил ОГПУ достаточным материалом, тут же обращенным против него самого.

Решением Тройки ППОГПУ по Уралу от 24 октября 1930 г. Попов Алексей Павлович был заключен в концлагерь сроком на пять лет [10, л. 29] (рис. 9).

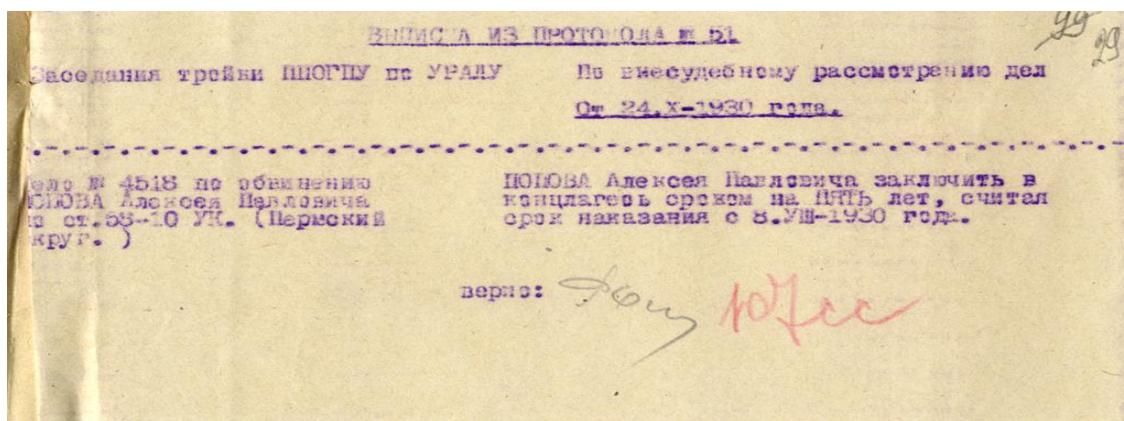

Рис. 9. Выписка из протокола Тройки ОГПУ [10. Л. 29]

В отдельном конверте, в самом конце дела, хранится запрос НКВД по Кировской области, датированный 23 августа 1930 г. и адресованный Первому спецотделу УНКВД Свердловской области и Первому спецотделу НКВД СССР, с требованием выслать для ознакомления личное и следственное дело «спецагента» под кличкой «Поп», так как «последний намечается к аресту» [10, л. 33] (рис. 10). В действительности при составлении запроса был использован старый бланк и настоящее время его составления (1940 г.) было напечатано на машинке, а со временем эта запись затерлась, поскольку в том же документе было указано (с ошибкой), что *ранее*, в 1931 г., священник был осужден к пяти годам «ИТЛ».

103
33

Вх. № _____ на № _____ от _____ 193 г.

При ответах сослаться на №, число и месяц.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ НКВД
по
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
второй ОТДЕЛ
23 августа 1940 г.
№ 12463
г. КИРОВ,
улица Ленина, дом № 10,
телефон конструктор Управления

Сов. секретно. Срочно.

1-й СПЕЦОТДЕЛ УНКВД СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
гор. Свердловск.

1-й СПЕЦОТДЕЛ Н.К.В.Д. СОЮЗА С.С.Р.
гор. Москва.
Кирсанова

а.к. 181684-30.

Нами активно разрабатывается б. сотрудник религиозного культа ПОПОВ Алексей Павлович 1882 г. рождения, урож. с. Никольского, Череповецкого района, Горьковской области /бывш. Череповецкого уезда, Вологодской губер./ По имеющимся данным ПОПОВ с 14/1-1925 г., будучи протоиереем успешной церкви в г. Кунгуре б. ПИ ОГПУ по Уралу был завербован в секретноосведомительную сеть под кличкой "ПОП". До этого в 1931 году тройкой ПИ ОГПУ по Уралу по ст. 58 п.10 УК был осужден к 5 годам ИТЛ.

Просим срочно проверить по архивам 1-го Спец-Отдела и выслать нам для ознакомления личное и следственное дело ПОПОВА, так как последний намечается к аресту.-

НАЧ. 2-го ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ НКВД КИРОВ. ОБЛ.
СТ. ЛЕВИТЕ НАИТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ.
И. Д. И. И. /И. Д. И. И. /

(См. м/об.)

Рис. 10. Запрос НКВД по Кировской области. [10, л. 33]

Ответом на это обращение стало краткое уведомление от 7 сентября 1940 г. в том, что «по учету действующей в архивной сети агентуры (осведомления) в 1-м спецотделе НКВД СССР Попов А.П. не проходит» [10, л. 33–34] (рис. 11).

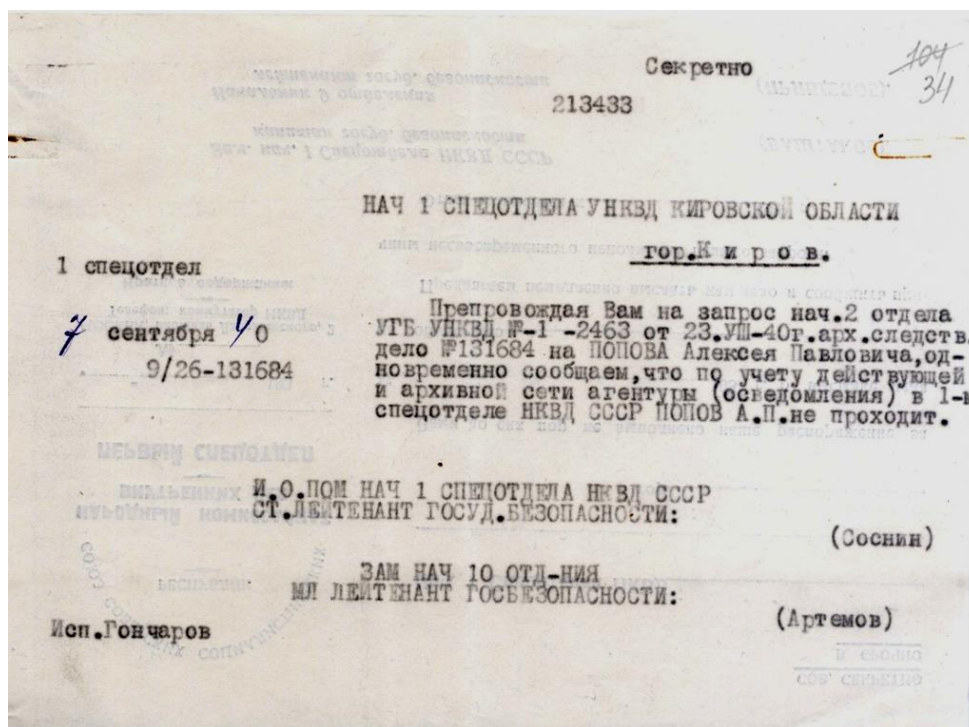

Рис. 11. Ответ на запрос НКВД по Кировской области [10, л. 34]

На основе анализа документов дела, возбужденного в отношении священника Кунгурской епархии Алексея Попова в 1930 г., можно сделать следующее заключение: довольно редкая для представителя канонической церковной структуры *позитивная* оценка октябрьского переворота как «естественного социально-политического явления» и связанные с ней надежды на возможность выстроить отношения с государством в новой исторической форме в рамках заданных органами госбезопасности условий (как явствует из контекста – *противодействия раскольным течениям*) лишь оттеняют остроту его разочарования действительным содержанием официального политического курса, прежде всего в сфере церковной политики.

Декларируемый властью принцип «отделения Церкви от государства» на практике означал отказ от гарантий невмешательства в Ее внутреннюю жизнь и стремление навязать священникам функцию «фискалов» в качестве иллюзорного

«гаранта» их личной безопасности, подобно тому, как это было в самые неблагоприятные периоды в истории синодальной системы.

Последующий нравственный, духовный и гражданский выбор отца Алексея Попова заставляет вспомнить известное булгаковское: возможно, «он не заслужил Рай, но заслужил покой»..

Список литературы и источников

1. Беглов А. В поисках «безгрешных» катакомб. Церковное «подполье» в СССР. – М. : РОССПЭН, 2018.

2. Дегтярева М.И. Дело «Общества трудового духовенства» по материалам ПермГАСПИ (1937 год). – Пермь : Астер, 2021.

3. Дегтярева М.И. Исповеднический путь священника Константина Воронцова (1919–1937 гг.) // «ГУЛАГ. НАЧАЛО» : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, 10–11 ноября 2017 г.) / под ред. Ю.З. Кантор и С.А. Шевырина. – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-та, 2017.

4. Дегтярева М.И. «У раскольников все построено на лжи и обмане» [Электронный ресурс] // Православие.ру : сайт. – URL: <https://pravoslavie.ru/147735.html> (дата обращения: 22.08.2022).

5. Дегтярева М.И., Дегтярева Н.Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год «большого террора» // Вестник Пермского университета. Серия: «История». – 2013. – Вып. 3 (23).

6. Дело по обвинению гр. Коняева М.М., Кожевникова В.А. и др. 21 чел. 1933 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1 Д. 8798.

7. Дело по обвинению гр. Мальцева А.Н. 1933 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8786.

8. Дело по обвинению гр. Новожилова В.М. 1933 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 33069.

9. Дело по обвинению гр. Покровского В.Н., Коновалова П.В., Козыльского П.Н. и др. в составе 16 человек. 1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 8911. Т. 1.

10. Дело по обвинению гр. Попова Алексея Павловича. 1930 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/ 1. Оп. 1. Д. 8098.

11. Дело по обвинению гр. Савкина С.Ф. 1931 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29101.

12. Дело по обвинению гр. Тохтуева Н.В. 1933 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/ 1. Оп. 1. Д. 8768.

13. Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. // Культура. Образование. Православие : сб. материалов регион. науч.-практ. конф. – Ярославль, 1996.

14. Емельянов Н.Е. Сколько репрессированных в России пострадали за Христа? [Электронный ресурс] // Православие и мир : интернет-портал. – URL: <http://www.pravmir.ru/skolko-repressirovannykh-v-rossii-postradali-za-xrista> (дата обращения: 22.02.2023).

15. Нечаев М.Г., Уткин С.В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М. : РОССПЭН, Герман. ист. ин-т в Москве. – М., 2009.

16. Одинцов М.И. Государство и церковь: История взаимоотношений, 1917–1938 гг. – М. : Знание, 1991.

17. Русская Православная Церковь. XX век. К 1020-летию Крещения Руси. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Сретенский монастырь, 2008.

18. Шкаровский М.В. Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. – 3-е изд., доп. – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000.

ОТРАЖЕНИЕ «СТАЛИНСКОЙ» МОДЕРНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

Ильчишина Ксения Алексеевна
студентка второго курса,
Пермский институт (филиал) РЭУ
им. Г.В. Плеханова,
Пермь
ilk@insoweb.ru

Научный руководитель:
Рязанов Иван Владимирович
канд. филос. наук, доцент,
заведующий кафедрой социальных и
гуманитарных дисциплин,
Пермский институт (филиал) РЭУ
им. Г.В. Плеханова,
Пермь

Аннотация. Автор рассматривает судьбу своего прадеда Габдуллы Хисамутдинова в годы первых пятилеток. Показано, как обычный рабочий Пермского моторостроительного завода стал стахановцем, участником масштабного проекта индустриальной модернизации СССР.

Ключевые слова: биография, завод № 19, авиамоторы, модернизация, индустриализация.

REFLECTION OF 'STALIN' MODERNIZATION IN THE HISTORY OF MY FAMILY

Ksenia Ilchishina

second year student

Perm Institute (branch) of the PRUE G.V. Plekhanov,

Perm

ilk@insoweb.ru

Scientific adviser:

Ivan Ryazanov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines

Perm Institute (branch) of the PRUE G.V. Plekhanov,

Perm

Abstract. The author considers the fate of his great-grandfather Gabdulla Khisamutdinov during the years of the first five-year plans. It is shown how an ordinary worker of the Perm Engine Plant became a Stakhanovite, a participant in a large-scale project of industrial modernization of the USSR.

Keywords: biography, Plant № 19, aircraft engines, modernization, industrialization.

Сталинская модернизация как теоретическая конструкция получила широкое распространение в исторических исследованиях. Она связана у большинства исследователей с комплексом мероприятий, проведенных с целью преодоления общей отсталости страны от Запада, подготовки к войне и построению социализма в качестве новой социальной системы общества [4]. Рассматриваемая в контексте индустриализации, коллективизации и культурной революции сталинская модернизация приобретает панорамный портрет своей эпохи. Вместе с тем изменение фокуса исторических и антропологических исследований конца XX и начала XXI в. позволило акцентировать внимание на социокультурном портрете человека той эпохи. В этом смысле показательны попытки связать происходящие в 1930–1940 гг. процессы изменения социальной структуры общества с духовным микроклиматом, мотивацией труда рабочих, уровнем их образования, политическими настроениями и т. д.

По сохранившимся в семье документам, устным свидетельствам родственников и фотографиям автор статьи рассматривает трудовую биографию своего родного прадеда, судьба которого как в зеркале отражает «человеческий фактор» сталинской модернизации. Как исторический свидетель и непосредственный участник тех масштабных событий, он своей биографией воплощает лозунг той эпохи: «Кадры решают всё».

Сталинская модернизация проходила на фоне развернувшихся в стране «пятилеток». Необходимо отметить, что пятилетний план был составлен ведущими экономистами СССР (Н. Кондратьев, А. Чаянов) и предполагал увеличение объемов производства почти в три раза.

Вместе с тем период первой пятилетки, совпавший по времени с Великой депрессией, поразившей страны Запада, убеждал советское руководство, что военная угроза существует, а СССР к ее отражению не готов. Например, количество безработных в 1929 г. приблизилось к 2 млн человек, следствием чего были многочисленные социальные проблемы. Стране предстояло построить большое количество новых промышленных объектов, увеличить производство многих видов продукции и приступить к выпуску новой техники. Как известно, приоритетным в эту эпоху было развертывание тяжелой индустрии, машиностроения и станкостроения, в том числе в отдаленных от центра промышленных городах Урала.

Построенные за годы первой пятилетки предприятия потребовали от руководства страны не только концентрации финансовых и сырьевых ресурсов, но и концентрации человеческих кадров, способных как на физический труд, так и на решение стоящих инженерно-технических задач. В числе этих кадров оказался и прадед автора статьи Хисамутдинов Габдулла Багаутдинович (1917 года рождения), который в 1933 г. стал учащимся фабрично-заводского «ученичества», а в 1934 г. стал формовщиком завода № 19 г. Перми. Из-за сложности восприятия татарского имени на заводе коллеги звали его Борисом Борисовичем (рис. 1).

История завода №19 хорошо известна: его начали строить в 1931 г. в Уральской области (позже переименованной в Пермскую, затем – в Молотовскую области). Уже в 1934 г. был

собран и испытан первый мотор М-25. В 1935 г. заводу присвоили имя И.В. Сталина (рис. 2).

Рис. 1. Хисамутдинов Габдулла Багаутдинович

Рис. 2. Фасад здания заводоуправления Молотовского завода № 19 им. И.В. Сталина, г. Молотов, Молотовская область 1942 г.

В январе 1935 г. Завод № 19 имени И.В. Сталина начал серийный выпуск мотора М-25, позже стал выпускать отечественные двигатели разработки конструктора Аркадия Швецова. Сердцами советских истребителей стали двигатели: М-62, М-63, М-62ИР И-16, И-153, Ла-5, Ла-7, Ту-2. До 1944 г. они имели обозначение «М», позднее в честь конструктора – «АШ». Все двигатели «АШ» – двигатели воздушного охлаждения [3]. Трудовой вклад в создание этих моторов внес и прадед автора статьи.

В 30-е гг. трудолюбивый и ответственный работник Габдулла Багаутдинович включился в стахановское движение, активные участники которого награждались грамотами и нагрудными знаками. В 1936 г. Борис Борисович (Габдулла Багаутдинович) получил грамоту и нагрудный знак завода им. И.В. Сталина (рис. 3).

Рис. 3. Грамота за отличные показатели в работе

В документах отмечалось, что грамотой награждали «за отличные показатели в работе, за активное выполнение заданий по освоению производства», а нагрудный знак подтверждал «успешное освоение производства одного из лучших образцов современных моторов».

Практика морального поощрения стала одним из важных механизмов поддержки стахановского движения. Предусматривалось и лишение нагрудного знака за «грубое нарушение производственной дисциплины, систематическое невыполнение производственной программы». А еще одним поощрением высококвалифицированного труда на заводе становится карьерный рост работника. В 1937 г. Борис Борисович стал старшим мастером завода.

По воспоминаниям Габдуллы Багаутдиновича, в тот период были нормой переработки, люди работали сутками для того, чтобы построить завод, а во время войны снабдить армию оружием и боеприпасами.

За годы войны Завод № 19 произвел около 31 тыс. моторов, что составляет 15% от общего количества авиамоторов, выпущенных в те годы в СССР. То есть примерно каждый 7 мотор был сделан в Молотовской области. Оснащены пермскими моторами были истребители Ла-5, Ла-7, бомбардировщики Ту-2, Пе-8, Су-2, штурмовик Су-6, именно они в воздушных боях доказывали свое превосходство над авиацией противника [2].

Всю войну Габдулла Багаутдинович трудился на военном предприятии, ковал победу в тылу. В 1943 г. он стал начальником участка Завода № 19 имени И.В. Сталина. В годы войны система

моральной поддержки важных для производства специалистов подкреплялась приравниванием их труда к статусу «гвардеец трудового фронта». Ему, труженнику тыла, имеющему трудовой стаж с 1933 г., в военное лихолетье вручили «Книжку почетного мастера – гвардейца трудового фронта» (рис. 4).

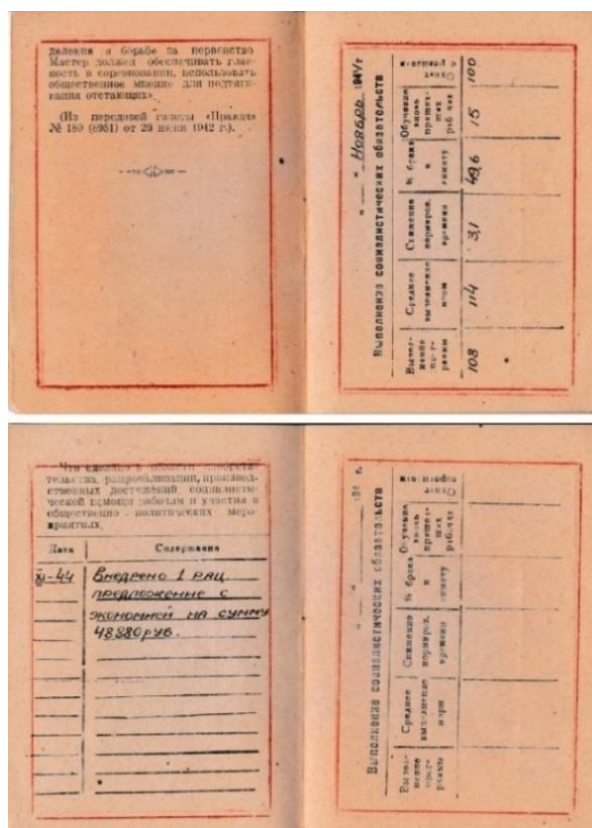

Рис. 4. Книжка почётного мастера

В передовой статье газеты «Правда» от 29 июня 1942 г. отмечалось, что «мастер должен обеспечивать гласность в соревновании, использовать общественное мнение для подтягивания отстающих». Это была особая миссия передовых работников – быть образцом для трудового коллектива завода. В 1944 г. Габдулла Багаутдинович Хисамутдинов, внедривший рационализаторское предложение с экономией на сумму 48880 рублей, был награжден орденом «Знак Почета».

Вклад Завода № 19 имени И.В. Сталина и труженников данного предприятия в великую долгожданную победу в 1945 г. был заслуженно отмечен государством.

16 сентября 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР «за образцовое выполнение заданий правительства по производству

Список литературы

1. Историческая справка о подвиге трудовой доблести [Электронный ресурс]. – URL: <https://запермь.рф/istoricheskaya-spravka/> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Молотовский завод № 19 им. И.В. Сталина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.permgaspi.ru/doblest/index.html> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Пермь. Развитие промышленности в годы войны [Электронный ресурс]. – URL: <https://geroigorodov.ru/permskiy-kray/perm-razvitie-promyshlennosti-v-gody-voyny/> (дата обращения: 22.02.2023).
4. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 367 с.

УДК 94(470.53)(092)

**КОМАНДИРОВКА СТАХАНОВЦА ПЕРМСКОГО ЗАВОДА
№ 19 П.Д. ОЖГИБЕСОВА В США: ДЕТАЛИ
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ЧАСТИ РУКОПИСИ КНИГИ
«ИСПЫТАТЕЛИ»**

*Катаев Денис Сергеевич
главный археограф научно-
исследовательского отдела,
Государственный архив Пермского края,
Пермь
kataev-ds@mail.ru*

Аннотация. Личный фонд одного из первых стахановцев Перми, испытателя авиационных двигателей Петра Дмитриевича Ожгибесова (1907–1989), находящийся на учете в Государственном архиве Пермского края, содержит нестандартные материалы по истории индустриализации Урала. Особый интерес представляют сведения из рукописи главы «Полгода в Америке» книги «Испытатели», имеющиеся в первом варианте рукописи, но не вошедшие в финальную версию издания.

Ключевые слова: Пермский моторостроительный комплекс, Curtiss-Wright, индустриализация, советско-американские отношения.

**THE BUSINESS TRIP OF STAKHANOVITE ACTIVIST
P.D. OZHIGIBESOV IN THE USA: DETAILS FROM THE
UNPUBLISHED PART OF ‘TESTERS’ MANUSCRIPTION**

*Denis Kataev
chief archeographer of the department of science and research
State Archive of Perm Krai,
Perm
kataev-ds@mail.ru*

© Катаев Д.С., 2023

Abstract. The personal fund of one of the first Stakhanovite movement activist Perm, aircraft engine tester Pyotr Dmitrievich Ozhgibesov (1907–1989) contains non-standard materials on the history of the industrialization of the Urals. Particular attention is paid to the information from the manuscript of the chapter ‘Half a Year in America’ from the book ‘Testers’, which is available in the first version of the manuscript of the book, but was not included in the final version of the edition.

Keywords: ‘Perm engines’ plant, Curtiss-Wright, industrialization, Soviet-American relations.

Личные фонды рабочих и инженеров промышленных предприятий в государственных архивах позволяют привлечь нестандартные материалы об истории социально-экономического развития СССР времен первых пятилеток. Одним из таких комплексов документальных материалов является личный фонд одного из первых стахановцев Перми Петра Дмитриевича Ожгибесова (1907–1989), находящийся на учете в Государственном архиве Пермского края под номером р-1379. Сам фондообразователь с 1932 г. до выхода на пенсию в 1968 г. работал на различных должностях на заводе № 19 (заводе им. И.В. Сталина, Пермском моторостроительном заводе им. Я.М. Свердлова). В 1936–1937 гг. он провел полгода в служебной поездке в Соединенных Штатах Америки, большую часть времени проведя на заводе «Wright» концерна «Curtiss-Wright» в г. Патерсон (штат Нью-Джерси), также он посетил предприятия машиностроительной отрасли в штатах Нью-Йорк, Миссури и Мичиган. В американскую командировку он отправился в должности мастера участка.

Фонд содержит 110 единиц хранения. Непосредственно командировки 1936–1937 гг. касаются 24 дела. Документы поступили в 1971–1972 гг. от самого фондообразователя, П.Д. Ожгибесова. Дневниковые записи, отложившиеся в данном фонде, в 1974–1976 гг. активно использовались П.Д. Ожгибесовым для подготовки книги воспоминаний.

Основной массив документальных материалов о данной командировке, а также анализ некоторых источниковедческих особенностей документальных материалов П.Д. Ожгибесова также представлен в статье автора данного доклада «Свидетельства одной командировки: документы из личного

фонда П.Д. Ожгибесова о поездке в США в 1936–1937 годах», презентованной на конференции «Архив в социуме – социум в архиве» в 2022 г. [2, с. 212–215]. Особое внимание в указанной статье было уделено дневниковым записям П.Д. Ожгибесова, технической и рекламной документации (рекламным буклетам, инструкциям, корпоративной прессе), отложившейся в фонде.

Свои воспоминания о трудовом пути П.Д. Ожгибесов опубликовал в книге «Испытатели», вышедшей под литературной редакцией А.А. Ничиперовича в Пермском книжном издательстве в 1978 г. Интерес представляют наиболее заметные детали в главе «Полгода в Америке», которые имеются в первом варианте рукописи книги [1], но не вошли в финальную версию издания. Посвящена данная глава полугодовой командировке П.Д. Ожгибесова на завод концерна «Curtiss-Wright» в г. Патерсон, штат Нью-Джерси, с сентября 1936 г. по март 1937 г.

Первоначальное рабочее название главы, указанное в рукописи, – «Через моря и океан», в ней было выделено 11 блоков, имевших следующие заглавия: «В Америку», «О поездке в Канзас-Сити», «На испытательной станции», «Пикетчики», «На небоскребе», «В Канзас-Сити», «Американские горки», «На улицах», «Чаевые», «Ноги на столе», «Приятный финал».

Являясь, по сути, мемуарным источником 1970-х гг., рукопись главы данной книги, даже подробнее чем дневник командировки, отмечает многие неформальные особенности работы и проживания в США, впечатления П.Д. Ожгибесова о поездке. Сам П.Д. Ожгибесов признавал, что многие впечатления о США, в том числе зафиксированные в его дневниках, «кажутся сегодня наивными, многое из того, что я узнал и повидал во время заграничной поездки, сейчас известно школьникам младших классов. Но в те времена другим был наш кругозор, мы многое не знали» [3, с. 74–75]. Действительно, многие из тех особенностей американской жизни, которые отметил П.Д. Ожгибесов, уже в 1960–1970-х гг. были объектом стереотипов о США, распространенных в том числе и в СССР.

Однако наблюдательный взгляд молодого моторостроителя все-таки заметил многие специфические особенности, характерные для социально-экономического и политического строя США именно периода «Нового курса» и уже не проявлявшиеся позже.

Стоит учитывать: из-за того, что воспоминания были записаны более чем через тридцать лет после событий командировки 1936–1937 гг., собственный личный опыт автора может затеняться тем, как события первых пятилеток, а в особенности периода стахановского движения, были осмыслены, например, в дальнейшей производственной практике советского двигателестроения и произведениях массовой культуры. Еще сильнее это касается того, как описываются быт и социальные отношения в США 1930-х гг.

Книга «Испытатели» отражает переосмысление и периода «большого террора»: достаточно подробно освещена деятельность директора завода № 19 Иосифа Израилевича Побережского, репрессированного в 1938 г. и реабилитированного в 1955 г., однако как раз без указания на данные обстоятельства судьбы первого директора Пермского моторостроительного комплекса. Таким образом, можно увидеть пределы самоцензуры и даже элементов формальной цензуры при описании событий периода сталинизма в годы правления Брежнева. В источниковедческой критике признается, что самой достоверной линией воспоминаний являются личные ощущения мемуариста. В то же время приведенная прямая речь и какие-либо эпизоды описанного личного опыта могут быть сильно недостоверны, а то и практически полностью являться авторским вымыслом.

Переходя непосредственно к содержанию рукописи П.Д. Ожгибесова, стоит отметить, в частности, что в ней более подробно раскрыта тема празднования Дня Благодарения и Рождества американскими рабочими, показан досуг американских служащих и рабочих в праздничные дни. Так, канун Рождества 24 декабря 1936 г. он описывал так, особо отмечая размах предрождественской коммерции: «Сотрудники заводоуправления работали до 12 часов дня, а после чего рассматривали рождественские подарки. Подготовка к Рождеству всюду видна и даже удивляет: кажется, что вся легкая промышленность призвана делать подарки» [1, л. 54].

Очень подробно также описаны трудовые отношения в цехах и бригадах завода: «Бригады мотористов-испытателей состояли из трех-четырёх человек. У каждого моториста и бригадира свой

собственный комплект инструмента, применяемый при постанковках моторов на станок и при снятии их со станка».

Особое внимание автор акцентировал на вопросах организации труда на заводе, особенностях распределения инструмента на производстве, который, как оказывается, не был собственностью компании: «Инструмент хранится в небольшом железном ящичке, закрываемом на замок. При переходе бригады мотористов с одного рабочего места на другое все члены бригады забирают с собой инструмент. Перед уходом домой ящички с инструментом оставляют в индивидуальном гардеробе, совместно с рабочей одеждой, которая тоже является собственной» [1, л. 61].

Отношения же с американскими рабочими и служащими завода «Wright» описывались таким образом: «Бригады мотористов ко мне относились хорошо, даже старались сделать как будто на показ. Вероятно, рабочим было сказано, чтобы я поучился» [1, л. 61]. Но доступ к информации о том, какие есть затруднения в испытании моторов и как устраняются дефекты на моторах в процессе испытания, применении оборудования, для советских специалистов был сильно ограничен.

Не оставлены без внимания и изменения въездных требований для иностранцев, введенные администрацией Франклина Делано Рузвельта: «В США президентом был Ф. Рузвельт, и порядок для приезжающих изменился. С нас не требовали клятвы, которую давал уральский металлург Иван Лызов, ездивший в командировку в Америку в 1929 году, а клятва была такая: “Не подрывать устои, не вести пропаганду, не вмешиваться...”» [1, л. 70].

Затронуты были особенности общественного транспорта в США: «В Патерсоне автобусы производят посадку пассажиров в любом месте улицы и делают остановку по просьбе пассажира тоже в любом месте. Мне не помнится такого случая, чтобы автобус, идущий из Патерсона в Нью-Йорк, был заполнен до отказа. В пути в автобус войдет кассир, продает билеты, а на остановке выйдет из автобуса».

Из бытовых деталей жизни в США, оказавших сильное впечатление на П.Д. Ожгибесова, особое место занимает выдача

чаевых обслуживающему персоналу в гостиницах, транспорте и ресторанах [1, л. 80].

Воспоминания П.Д. Ожгибесова – выходца из крестьянской семьи Оханского уезда, за считанные годы работы на Пермском моторостроительном комплексе ставшего одним из самых известных активистов стахановского движения на Урале, удостоенным ордена «Знак Почета», – являются нестандартным источником по истории индустриализации СССР и советско-американских экономических отношений 1930-х гг. Несмотря на некоторую, признаваемую самим автором, наивность взгляда на страну в первой своей зарубежной поездке, П.Д. Ожгибесов зафиксировал важные особенности трудовых отношений на американском моторостроительном производстве и организации труда в испытательных цехах.

Список источников и литературы

1. ГАПК. Ф. р-1379. Оп. 1. Д. 81.
2. Катаев Д.С. Свидетельства одной командировки: документы из личного фонда П.Д. Ожгибесова о поездке в США в 1936–1937 годах // Архив в социуме – социум в архиве : материалы V Всерос. науч.о-практ. конф. / Гос. комитет по делам архивов Челяб. обл., Объединен. гос. архив Челяб. обл., Челяб. обл. универс. науч. б-ка; сост., науч. ред. Н.А. Антипин. – Челябинск, 2022. – С. 212–215.
3. Ожгибесов П.Д. Испытатели. – Пермь, 1978. – С. 74–75.

УДК 94(470.5)

СВЕРДЛОВСК 1920–30-х гг. КАК МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В ВОСПОМИНАНИЯХ

Киселев Евгений Анатольевич

*канд. пед. наук,
Уральский государственный
экономический университет,
Екатеринбург
kiselev.59@mail.ru*

Киселева Наталья Алексеевна

*канд. пед. наук,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург
kisi13.01@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены биографии двух активных политических деятелей оппозиционных левых партий 1920–30-х гг. в СССР, изученные по опубликованным воспоминаниям.

Ключевые слова: инакомыслие, репрессии, политический изолятор, ссылка, Ю.Н. Подбельский, В.О. Цедербаум (Левицкий), мемуары.

SVERDLOVSK 1920–30S. AS A PLACE OF POLITICAL LINK IN MEMORY

Evgeny Kiselyov

*candidate of pedagogical sciences
Ural State University of Economics,
Yekaterinburg
kiselev.59@mail.ru*

© Киселев Е.А., Киселева Н.А., 2023

Natalya Kiselyova
candidate of pedagogical sciences
Ural Federal University,
Yekaterinburg
kisi13.01@mail.ru

Abstract. The article examines the biographies of two active figures of opposition parties in the 1920s and 30s. in the USSR studied according to published memoirs.

Keywords: dissent, repression, political isolator, Yu.N. Podbelsky, V.I. Zederbaum (Levitsky), memoirs.

История левых политических партий долгое время остается малоизученной. После завершения Гражданской войны их деятельность была ограничена, а затем, после сфабрикованных судебных процессов, совсем запрещена [3].

Социалистические партии показывались исключительно как противники большевиков и советской власти, их история не изучалась. Сегодня эта тема непопулярна опять. И для Свердловска (Екатеринбурга) эта тема – белое пятно. Немного приоткрывают малоизвестные страницы истории воспоминания Е.В. Гутновой «Пережитое» [2] и А.М. Гарасевой «Я жила в самой бесчеловечной стране...» [1].

Анна Михайловна Гарасева – анархо-синдикалистка, в 1960-е гг. выполняла обязанности нелегального секретаря А.И. Солженицына при подготовке книги «Архипелаг ГУЛАГ». Внесена в список Свидетелей Архипелага. А.М. Гарасева была арестована в Ленинграде при разгроме Клуба анархистов, приговорена к заключению в политизоляторе и ссылке в Чимкенте.

В начале 1920-х гг. для политических противников – меньшевиков, эсеров, сионистов, анархистов и других была создана особая пенитенциарная система. Она включала в себя специальные тюрьмы – политические изоляторы и политическую ссылку. Были созданы Верхнеуральский, Суздальский, Тобольский, Челябинский и Ярославский политизоляторы.

В Свердловске находилась пересыльная тюрьма, куда приходили этапы с разных концов страны и где формировались новые. Так, с этапом, попала в Свердловск и А.М. Гарасева. Среди людей, встреченных ею в пересылке, были и активные

члены партии эсеров, супруги Юрий Николаевич Подбельский и Берта Яковлевна Бродова. Ю.Н. Подбельский – старший брат большевика В.Н. Подбельского, одного из первых наркомов почт и телеграфа РСФСР [1, с. 120].

Родители Подбельских – народники, они познакомились и женились в якутской ссылке. В ссылке родились и трое детей Подбельских. В Якутске глава семьи был убит во время вооруженного противостояния с правительственными войсками. Все Подбельские, кроме младшего сына, присоединились к партии эсеров.

После заключения на Соловках и в Челябинском политизоляторе супруги направлялись в ссылку в Среднюю Азию, но охрана пересыльной тюрьмы обнаружила в их чемодане двойное дно с документами о расстрелах на Соловках – документы были изъяты, а Подбельских отправили в ссылку в Березов [1, с. 120].

А.М. Гарасева отметила, что принадлежность к той или иной партии соответствовала определенному психологическому складу человека:

«Меньшевики, как правило, отличались взвешенностью своих суждений, готовностью к компромиссу, уступкам, понимая марксизм совсем иначе, чем коммунисты, и в жизни, как правило, они были порядочными людьми. Правых эсеров я почти не встречала, но вся их история свидетельствует, что мы много потеряли, лишившись этой партии. Знаю, что, когда шел процесс правых эсеров, они были единственными, кто буквально перевернул всю Лубянку. Они хорошо держались, отстаивали свои права и свое достоинство, заставили чекистов себя уважать. Наоборот, левые эсеры были очень похожи на коммунистов-троцкистов: смелые, но такие же жестокие, они участвовали в Октябрьском перевороте, раскололи свою партию (как большевики), вошли в коммунистическое правительство, работали в ЧК – ну, и получили по заслугам...» [1, с. 122–123].

Живые воспоминания Евгении Владимировны Гутновой – о том, как жила политическая ссылка в Свердловске. Е.В. Гутнова – советский историк, доктор наук, профессор, дочь В.О. Цедербаума. Цедербаум (Левицкий) Владимир Осипович – известный революционер-меньшевик, младший брат Юлия

Мартова, одного из первых российских марксистов, лидера меньшевиков. Большая семья Цедербаум была вся связана с революционным движением. Среди интеллигенции меньшевистских взглядов росла и Евгения Гутнова. После Октябрьской революции В.О. Цедербаума постоянно арестовывали, а после окончания Гражданской войны он служил в Госплане заведующим Статистическим бюро. Позднее, отбыв срок в Суздальском политизоляторе, был выслан в Минусинск, после ссылки был лишен права проживания в Москве, Ленинграде и ряде других городов («минус б») с прикреплением к месту жительства и обосновался в Свердловске.

В 1930 г., после окончания школы в 16 лет, в Свердловск, в гости к отцу, который жил уже с другой семьей, приехала Евгения Гутнова. Ее опубликованные воспоминания дают яркую картину жизни Свердловска тех лет [2, с. 91–93]. Город был преимущественно деревянный с преобладанием одно- и двухэтажных строений. По городу ходили автобусы, трамваи, ездили извозчики, но в основном люди передвигались пешком [2, с. 92].

Семья В.О. Цедербаума: он, супруга, трехлетний сын и мать жены – занимала двухкомнатную квартиру с кухней на улице Обсерваторской; тогда это была окраина города. Все свободное время отец и дочь проводили вместе. Гуляли по городу, вместе читали и обсуждали прочитанные книги, говорили о самых разных вещах. Регулярно посещали спектакли в оперном театре [2, с. 92].

В Свердловске того времени была многочисленная и довольно пестрая колония ссыльных. Многие из них посещали дом В.О. Цедербаума, а он, как радушный хозяин, терпимо относился к людям, чуждым ему по духу и взглядам. Все они работали: знания образованных людей были востребованы. Своим трудом они объективно участвовали в индустриализации. В то время В.О. Цедербаум работал в проектной организации Уралмаша, тогда еще строившегося. Его, очевидно, привлекал размах индустриализации, и он с интересом участвовал в планировании этого процесса применительно к своей работе. Е.В. Гутнова приводит слова отца о том, что в случае войны он

примет сторону советского правительства, каким бы оно ни было. [2, с. 93].

Длительная встреча с отцом резко оборвалась. Мать письмом вызывала Евгению в Москву, ничего не объясняя. Начинались новые аресты меньшевиков. Преследование инакомыслящих продолжалось. В.О. Цедербаум (Левицкий) был арестован, его переводили в разные тюрьмы, освобождали и снова арестовывали. В феврале 1938 г. дело было прекращено в связи со смертью. Реабилитирован в 1990 г. Его вторая жена – Александра Сергеевна Доброхотова была расстреляна.

Трагическая судьба постигла и супругов Подбельских. Оба они тоже были расстреляны.

Список литературы

1. Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки. – М. : Интерграф Сервис, 1997. – 335 с.
2. Гутнова Е.В. Пережитое. – М. : РОССПЭН, 2001. – 464 с.
3. Киселев Е.А., Киселева Н.А. Николай Александрович Рожков: Историк, педагог, политический деятель // Историческая наука и историческое образование как факторы гуманизации общества : материалы XVI Всерос. ист.-пед. чтений, 29–31 марта 2012 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2012. – С. 127–129.

ЦЕЛЕВЫЕ ГРУППЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ХОДЕ НЕМЕЦКОЙ ОПЕРАЦИИ 1937–1938 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКАМЬЯ)

Колдушко Анна Анатольевна
канд. ист. наук, доцент,
Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет,
Пермь
koldushko@mail.ru

Аннотация. Анализируя специфику проведения немецкой операции 1937–1938 гг. в Прикамье, автор выделил несколько групп арестованных в ходе операции, обладающих разными социальными характеристиками: трудпоселенцы, граждане Германии, баптисты. Четвертая группа в некоторой степени определена искусственно – это граждане СССР, имевшие «немецкую» фамилию. В статье обозначены критерии, по которым сформированы данные целевые группы, а также даны их ключевые характеристики.

Ключевые слова: политические репрессии, немецкая операция, национальная операция, трудпоселенцы, Прикамье.

TARGET GROUPS OF THE REPRESSED DURING THE GERMAN OPERATION 1937-1938 (BASED ON PRIKAMYE MATERIALS)

Anna Koldushko
candidate of historical sciences, associate professor
Perm National Research Polytechnic University,
Perm
koldushko@mail.ru

Abstract. In the course of analyzing the specifics of the German operation in 1937–1938 in the Kama region, the author identified several groups of those arrested during the German operation, with different social

characteristics: labor settlers, German citizens, Baptists. The fourth group, artificially defined to a certain extent, is the citizens of the USSR who had a 'German' surname. The article defines the criteria by which these target groups are formed, as well as their key characteristics.

Keywords: political repressions, German operation, national operation, labor settlers, Prikamyе.

Вопрос о целевых группах немецкой операции неизбежно ставит перед нами вопрос: кого считать ее жертвами? Немецкой операцией обычно называют репрессии против германских граждан по приказу 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР» [7, с. 271–272]. Даже заголовок оперативного приказа дает нам основания полагать, что его содержание использовалось только против граждан Германии, подозревавшихся в шпионаже. Однако в дальнейшем этот приказ был распространен, во-первых, на шпионов вообще (русских в т. ч.), а во-вторых, в целом на людей, имевших советское гражданство и немецкую национальность (или просто «немецкую» фамилию).

Очевидно, что по «немецкой» линии, как немецких шпионов, могли арестовать представителей любой национальности. Так, Г.Д. Жданова утверждает, что к жертвам немецкой операции следует относить только тех, кто был осужден комиссией народного комиссара внутренних дел и прокурора СССР (т. н. двойка), а с 17 сентября 1938 г. – осужденных особой (национальной) тройкой. В результате среди осужденных появляются русские, украинцы, австрийцы, поляки, эстонцы, латыши и финны [3, с. 85]. Таким образом, вне поля зрения исследователя остаются немцы, осужденные другими внесудебными органами в рамках «линейной» операции, а также немцы, которые были арестованы, но не осуждены по различным причинам. Открытым также остается вопрос, как быть с т. н. переквалифицированными делами (к примеру, человек арестовывался как *немецкий шпион*, а осуждался по статье «*антисоветская агитация*»).

Другой взгляд на проблему предлагает московский историк А.Ю. Ватлин, проводивший исследование по материалам Москвы и Московской области. С его точки зрения, следует вообще отказаться от этнического фактора, а фокус исследования

локализовать до немцев, проживавших в Германии постоянно и прибывших в Россию после окончания Первой мировой войны [1, с. 21].

Как полагаем, такой подход не дает возможности всесторонне исследовать немецкую операцию. И скорее всего, от этнического фактора уйти невозможно. В рамках настоящего исследования критерием отбора дел была национальность, указанная в анкетах архивно-следственных дел. В базе данных репрессированных Прикамья есть сведения о 509 немцах, арестованных в 1937–1938 гг. Очевидно, что такой критерий отбора тоже не идеален, поскольку, в связи с необходимостью проведения немецкой операции, «с легкой руки» следователя НКВД немцами могли стать люди, просто имевшие нерусскую фамилию. Однако тщательное изучение дел показало, что случаи изменения национальности на «нужную» следователю единичны, в пределах статистической погрешности. При использовании такого критерия отбора жертв есть возможность определить этапы немецкой операции, исчерпывающую динамику арестов, сроки ведения следствия, динамику вынесения приговоров и другие статистические характеристики этнической группы, подвергнувшейся аресту по немецкой операции.

Руководствуясь данными соображениями, таким образом, можно выделить четыре целевые группы немецкой операции: 1) немцы-трудпоселенцы, 2) граждане Германии, 3) баптисты, 4) группа, определенная в некоторой степени искусственно, – граждане СССР, имевшие «немецкую» фамилию.

Немцы-трудпоселенцы [4]

Трудпоселенцы, арестованные в рамках проведения немецкой операции, представляли самую многочисленную группу – 34,6 % (подсчитано по: [9]). За период с 30 июля 1937 г. до конца сентября 1938 г. было арестовано 176 немцев-трудпоселенцев. Наиболее массовые аресты приходятся на первую неделю января и середину февраля 1938 г. (рис. 1).

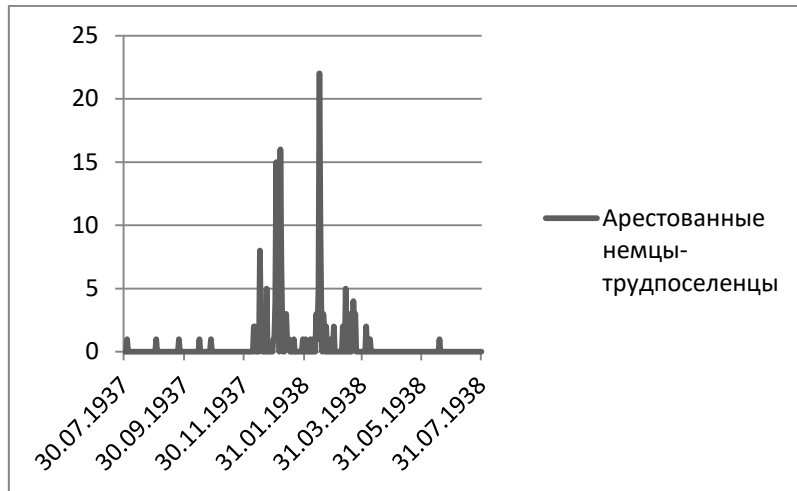

Рис. 1. Динамика арестов немцев – трудпоселенцев, 1937–1938 гг.

В сравнении с динамикой всех арестованных немцев, репрессированных на территории Прикамья, обнаруживается, что массовость арестов достигалась в основном за счет «изъятия» трудпоселенцев.

Исключение составляют два всплеска арестов – 26 февраля и 14 марта 1938 г., когда массовость исполнения немецкой операции достигалась за счет арестов в нескольких деревнях Щучье-Озерского района, где компактно проживали немцы-баптисты (рис. 2).

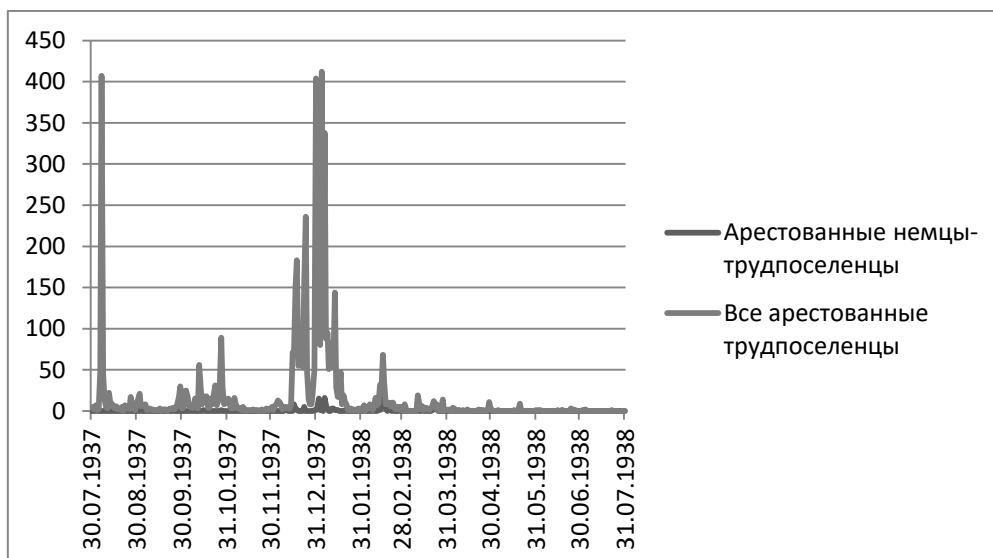

Рис. 2. Динамика арестов немцев-трудпоселенцев в сравнении с динамикой арестов трудпоселенцев всех национальностей, 1937–1938 гг.

При сопоставлении графиков арестов трудпоселенцев всех национальностей и немцев, можно отметить следующее: первый этап арестов немцев-трудпоселенцев (начало января 1938 г.) фактически сливается с проведением второго, наиболее массового этапа арестов по кулацкой операции, когда за один день арестовывалось порой более 400 человек. Второй этап арестов немцев-трудпоселенцев представляет собой уже обособленную, «национальную» операцию.

Технология проведения немецкой операции в отношении трудпоселенцев была отработана в ходе реализации т. н. кулацкой операции (подробнее см.: [2]). Сотрудниками НКВД были затребованы списки трудпоселенцев, имеющиеся у комендантов трудпоселков, а затем согласно этим спискам выписывались ордера и проводились аресты. Как показывал в 1939 г. в протоколе допроса сотрудник Ворошиловского РО НКВД В.К. Привалов, «достаточно было в списке указать, что он поляк, латыш, немец или другой нерусской национальности, человека на этом основании арестовывали» [8, д. 12139, л. 44].

Отличительными характеристиками проведения немецкой операции в отношении трудпоселенцев были ее компактность, быстрота и массовость. Механизмы проведения арестов реализовывались аналогично кулацкой операции: имели место масштабные фальсификации, «выбивание» показаний, конструирование «шпионских сетей».

Граждане Германии

Вторую группу, которая была самой малочисленной, всего 6 человек, составляли граждане Германии, приехавшие в СССР работать в угольной промышленности.

Главной особенностью репрессивной политики в отношении граждан Германии стало то, что все они в конечном итоге были выдворены за пределы СССР.

Двое из них – Фриц Балтес и Франц Винтер – стали участниками крупного показательного процесса в г. Кизеле Пермской области (подробнее см.: [5]). Очевидный смысл открытого судебного процесса в Кизеле состоит в том, что он, являясь частью массовых операций, ее лицевой стороной, «картинкой», демонстрировал наличие «шпионских организаций,

диверсантов, вредителей» для общественности. Вместе с тем преследовались и более прагматичные цели его непосредственных организаторов – возможность быстро подняться по иерархической лестнице НКВД, занять более высокий пост. Использование широкого арсенала средств для подготовки и проведения процесса – от насилия и угроз до уговоров и подкупа – исключало возможность провала показательного процесса.

Немцы-баптисты [6]

Третья целевая группа составляет 56 человек, или 11 % всех арестованных в рамках немецкой операции в Прикамье (подсчитано по: [9]). Репрессии коснулись жителей нескольких деревень в Щучье-Озерском районе Пермской области.

Хронологически аресты данной группы были проведены в два этапа: 44 человека были арестованы в один день – 26 февраля 1938 г., 9 человек – 15–17 марта, единичные аресты продолжались в марте и июле, однако почти все постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения были выписаны 25–26 февраля 1938 г.

По сравнению с общими данными¹ по арестам, проведенным в целом по «немецкой линии» в Прикамье, количество прекращенных дел в Щучье-Озерском районе составило более 80 %.

Целевая группа немцев-баптистов демонстрирует проявление этноконфессионального аспекта массовых национальных операций, сосредоточенных в местах компактного проживания немцев-баптистов. Интерес в деле «антисоветской баптистской группы» представляет последовательное развитие нескольких направлений: шпионского, кулацкого, этнического и конфессионального. Репрессии лишь для нескольких арестованных закончились приговором, в основу которого была положена сектантская линия, остальные были освобождены за недоказанностью вины.

¹ Общее количество прекращенных дел в Прикамье по немецкой операции составило 53,7 % (подсчитано по: [9]).

«Немецкая фамилия»

Четвертая группа в какой-то степени сформирована искусственно – жертвы немецкой операции, имевшие немецкую (или похожую на нее) фамилию. В нее включены очень разные по уровню образования, по социальному статусу люди: учителя немецкого языка (Васильева И.А., Борель А.Ф., Борель О.Ф., Вебер М.А., Кнейб Т.Н.), медицинские работники (Брунштейн М.Я., Геринг Э.Э., Иениш А.Ф.), преподаватели (Гауэрт А.А., Гампер А.П.), инженеры (Бек В.Г., Бергман Г.Л.), директора заводов (Гангнус П.Ф., Гедике Б.В.), рабочие (Гронвальд П.Г., Венслав Ю.С., Галеш А.Я.), служащие (Баумгартен В.Л., Дюр К.Х., Кауфман Л.И.), колхозники (Брунц Г.Г.) и пр. Репрессии в рамках представленной группы носили точечный, индивидуальный характер.

Список литературы и источников

1. Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области в 1936–1941 гг. – М. : РОССПЭН, 2012.

2. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. – М. : РОССПЭН, 2009.

3. Жданова Г.Д. «Немецкая» операция 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Память, ответственность и будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 70-летию депортации российских немцев, Барнаул, 10–11 сентября 2011 г. – Барнаул, 2011. – С. 79–88.

4. Колдушко А.А. «Арестован согласно установки области как по национальности немец»: репрессии против немецко-трудпоселенцев Прикамья в 1937–1938 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1-1 (39). – С. 105–109.

5. Колдушко А.А. «Больше, чем расстрелять, со мной ничего сделать не могут...»: подданные Германии на Кизеловском показательном процессе 1937 г. // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 5. – С. 543–552.

6. Колдушко А.А. Дело антисоветской баптистской группы в Щучье-Озерском районе Пермской области: этноконфессиональный аспект массовых операций 1937–1938 годов // Технологос. – 2021. – № 1. – С. 46–54.

7. Оперативный приказ НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР». 25 июля 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. – М., 2004.

8. Протокол допроса Привалова В.К., 11.05.1939 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1.

9. Реабилитированные жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-е гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.permgaspi.ru/repress/> (дата обращения: 15.09.2022).

ЦАРСКИЙ СЕНАТОР И РЕВОЛЮЦИОННАЯ НЕМЕЗИДА: ТЮРЕМНЫЕ МЫТАРСТВА М.И. ТРУСЕВИЧА

Лаврёнова Анна Михайловна
канд. ист. наук,
Государственный архив Российской
Федерации,
Москва
lavryonova@mail.ru

Аннотация. В статье, написанной с привлечением материалов архивов Москвы, Петербурга, Перми и Ярославля, а также Центрального архива ФСБ, речь идет о судьбе бывшего директора Департамента полиции сенатора Максимилиана Ивановича Трусевича. Склад его характера, крах полицейской карьеры, оказавшийся, как ни странно, весьма своевременным, и выбор последующих занятий – все это позволило ему жить и трудиться в советской России вплоть до эпохи «большого террора», то и дело избегая революционного возмездия.

Ключевые слова: М.И. Трусевич, Департамент полиции, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, ВЧК, Московский ревтрибунал, «большой террор», НКВД.

TSAR'S SENATOR AND NEMESIS OF THE REVOLUTION: THE PRISON ORDEALS OF M.I. TRUSEVICH

Anna Lavryonova
Candidate of Historical Sciences
State Archive of the Russian Federation,
Moscow
lavryonova@mail.ru

Abstract. The article, written using materials from the archives of Moscow, St. Petersburg, Perm and Yaroslavl, as well as the Central Archive of the FSB, deals with the fate of the former director of the Police Department, Senator Maximilian Ivanovich Trusevich. Traits of his character, the collapse of his police career, which turned out to be, oddly enough, very timely, and the choice of subsequent occupations – all this allowed him to live and work in Soviet Russia until the era of the Great Terror, now and then avoiding revolutionary retribution.

Keywords: M.I. Trusevich, Police department (of the Ministry of internal affairs), Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government, Cheka, Moscow revolutionary tribunal, the Great Terror, NKVD.

«В момент государственного переворота я оказался бесконечно далеким от политической деятельности и той среды, которая активно в ней участвовала. Всякие мысли об “охранах”, “агентах” и т. п. стали мне абсолютно чужды, и возобновление подобных вопросов как-то режет мое давно сложившееся миросозерцание», – писал 27 мая 1917 г. из Петропавловской крепости бывший глава политического сыска империи, а ныне сенатор М.И. Трусевич бывшему московскому присяжному поверенному Н.К. Муравьеву, возглавившему Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц (ЧСК) [2, л. 41 об.]. При этом Трусевич вовсе не лукавил и после своего ухода из Департамента полиции (ДП) в 1909 г. связей с бывшими коллегами действительно не поддерживал. Занимаясь сперва организацией альпинизма и составлением путеводителя по Высокогорному Кавказу, с началом войны он вошел в состав Комитета Сената и Минюста по оказанию помощи участникам и жертвам войны и активно помогал фронту средствами, вещами и собственными изобретениями. 1 января 1917 г., очевидно, не без влияния тестя, И.Г. Щегловитова, Трусевич был назначен членом Государственного совета с оставлением в звании сенатора.

6 марта 1917 г. он, не желая, чтобы его отъезд был сочтен за попытку скрыться, пришел в здание Государственной думы, чтобы получить у новой власти разрешение отправиться

в действующую армию с благотворительной миссией, и был, как и многие царские сановники, арестован.

«Все мы, долгие годы работавшие вместе для поддержания общественного порядка и законности в России, теперь снова встретились как пленники в помещениях Думы», – писал в своих мемуарах последний директор ДП А.Т. Васильев [12, с. 485].

Первое время заключенным было запрещено общаться, а спать приходилось сидя в креслах, т. к. никакой иной мебели в их распоряжении не было. С особого разрешения все одновременно вставали и прогуливались друг за другом вокруг стола. Арестованных посещали должностные лица новой власти, разного рода депутаты, журналисты, мошенники, авантюристы, и даже любопытствующие обыватели приходили поглазеть на бывших «царских сатрапов». В помещении постоянно присутствовали караульные. Часовые, расставленные на улице, стреляли при одном только появлении заключенного у окна. Некоторые из арестованных в такой обстановке теряли самообладание. Так, контр-адмирал В.А. Карцов в нервном припадке попытался выхватить винтовку у одного из солдат и получил пулю в плечо [13, с. 141, 143, 150].

Вскоре последовал приказ о переводе в Петропавловскую крепость, которая до революции находилась в ведении ДП, а теперь должна была стать местом заключения его директоров. Арестованных вывели из Министерского павильона под конвоем и посадили в автомобили. Максимилиан Иванович оказался в одном автомобиле с Васильевым и генерал-губернатором Финляндии Ф.А. Зейном. Четвертым пассажиром был солдат с заряженной винтовкой. Перед отправлением к автомобилю подошел артиллерийский поручик и заявил: «Господа, во время поездки любые разговоры между вами запрещены. Попытка к бегству немедленно приведет к применению оружия» [12, с. 487]. По прибытии арестованных полчаса держали ночью на морозе во дворе крепости лицом к стене, затем развели по камерам.

Интересно, что представители как Министерства юстиции, так и ЧСК, хотя и представлявшие теперь революционное правосудие, сразу поняли, что из-за срока давности дело Трусевича не имеет никаких перспектив, и предлагали тут же его

отпустить, однако Исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов потребовал оставить бывшего директора ДП за решеткой [2, л. 1–3].

Первое время заключенным разрешалось носить собственную одежду и покупать любую еду на свои деньги, так же, как это было до революции. Но такой порядок продержался недолго. 20 марта крепость заняло подразделение финских солдат, которые сразу изъяли из камер все, что посчитали лишним, оставив только кровати, забрали одежду, а взамен выдали арестантские халаты из мешковины, право питаться собственной едой отменили, переведя арестантов на баланду из требухи. Прогулка составляла всего десять минут в день, в баню пускали раз в две недели. Посещения разрешались раз в неделю, а все разговоры записывались тюремщиком в блокнот [12, с. 490].

Единственным «развлечением» арестантов оставались допросы в ЧСК. Первый раз Трусевич был вызван к допросу только 4 мая 1917 г. Темы, поднимавшиеся на этих допросах, полностью повторяли поверхностный интерес газетной аудитории и не уходили далее разоблачения чинов высшей царской бюрократии, деталей биографии секретных сотрудников, скандальных подробностей «провокации» и погромов [16, с. 208–232]. Несмотря на отсутствие особых сантиментов в отношении некогда возглавляемого им учреждения, Трусевич твердо отстаивал закономерность существования политической полиции и целесообразность ее методов: «Розыскная часть, действия агентуры, это действительно было. Я утверждаю, что это будет до тех пор, пока какому-нибудь государственному строю придется отстаивать свое существование» [16, с. 221]. Несмотря на довольно дерзкие в подобных обстоятельствах ответы, никаких обвинений против Трусевича выдвинуто так и не было, но и дела его закрыть не желали.

8 июля Трусевич подает председателю ЧСК прошение, в котором просит ускорить рассмотрение его дела. «Пулеметный огонь и лязг пуль, происходивший вчера около крепости, лишили меня уже того самообладания, которое кое-как поддерживало еще мои нервы в равновесии. <...> события последних дней сломили и последние силы. Конечно, в этом играли роль

не опасения за свою личную участь, так как я приготовил себя давно ко всему и не поддавался особенно даже впечатлению от мелькавших иногда надежд на то, что я еще не совершенно поставлен вне закона и защиты власти. Но меня ежеминутно угнетают мысли о моей бедной семье, лишенной всякой опоры и единственного источника независимого существования – моего жалованья, которое почему-то у меня отнято. Привязанная поневоле к Петрограду из-за нахождения моего в крепости, жена с нашим ребенком и с остатками распродаваемой обстановки переживает все ужасы текущих событий и не может расстаться с тревогой за мою участь так же, как и я терзаюсь непрерывно мыслью о том, что и дорогих моему сердцу лиц уже постигло какое-нибудь непоправимое несчастье» [11, л. 27 об. – 28 об.].

21 июля Трусевич также допрашивался по делу агента Московского охранного отделения беглого каторжника и бывшего матроса Черноморского флота Ивана Кирюхина (агентурная кличка «Пермяк», партийная кличка «Миленский»). [3, л. 42–42 об.].

«Складывалось впечатление, что новые власти, которые при каждом удобном случае так много говорили народу о “преступлениях” царских чиновников, на самом деле не имели представления, в каких же преступлениях нас обвинить. И теперь они надеялись, что наши показания помогут найти улики, позволяющие призвать нас к ответу», – такое впечатление вынес о революционной Фемиде А.Т. Васильев [12, с. 493]. В случае Трусевича таких улик обнаружено не было, и в конце концов он был исключен из круга лиц, привлеченных к судебной ответственности ЧСК, а производство было передано в Комиссию по делам о внесудебных арестах, каковая и постановила освободить сенатора из-под стражи 8 августа [2, л. 88; 6, л. 2 об.].

Проведя почти полгода в стенах Петропавловской крепости, еще до наступления осени, Трусевич, распродав имущество, уехал с семьей сперва в Ессентуки, а затем в Сочи, где прожил вплоть до 1921 г. Все это время он принципиально отказывался от сотрудничества с белыми ввиду «полной их несостоятельности во всех отношениях» и предпочел остаться на родине, хотя не раз имел возможность эмигрировать [15, с. 116]. Сперва бывший

сенатор зарабатывал продажей пирожков, затем изучил портновское ремесло и начал исполнять заказы. Даже с приходом советской власти Трусевич не только жил открыто, но и активно участвовал в общественной жизни, состоял в Союзе ремесленников, а также был избран его представителем на пленум профбюро и в народный суд.

Конечно, с приходом красных такое положение не могло сохраняться, и 27 января 1921 г. был выписан ордер на его арест. Трусевич подозревался в сокрытии звания и нерегистрации. По обыску были изъяты чемодан с разобранной печатной машинкой, виды Кавказа, планы, карты, книги, 13 папок с рукописями [10, л. 42–43]. Препровождая арестанта в г. Новороссийск, уполномоченный по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом сочинского политбюро в своем заключении от марта 1921 г. отметил, что географические труды у Трусевича якобы хранились безо всякой пользы и что обвиняемый спрятал их, «надеясь сплавить из Советской России» [10, л. 76]. В Кубано-Черноморской ЧК (Черчека) с мнением сочинских коллег согласились и приняли решение вменить Трусевичу в вину неиспользование его же собственных географических трудов, а также и то, что он, «руководитель полиции, верный заветам монархизма, неисправимый контрреволюционер», прикрывался званием портного, и передать его дело в военно-полевую тройку. [10, л. 77]. Коллегия Черчека от 13 апреля 1921 г. постановила факт преступления считать доказанным и, как к врагу трудового народа, применить высшую меру наказания, а семью обследовать на предмет изъятия излишков и выслать в северные губернии [10, л. 80]. Но обилие взятых по обыску научных работ, столь необычное положение бывшего сенатора вкуче с активным заступничеством бывших коллег [10, л. 39, 85–87] заставили чекистов запросить центр о том, что им делать. Особенно смущала работа о Кавказе, потенциально значимая для народного хозяйства. В связи с этим было решено «дать ему в помещении губчека комнату для обработки материала... По окончанию работы расстрелять» [10, л. 95]. Однако в мае в Краснодар поступила срочная телеграмма из ВЧК, в которой Трусевича было велено доставить в Москву [10, л. 93], куда он

и прибыл 3 июня, однако за все лето никаких следственных действий произведено не было.

7 июня 1921 г. Трусевич подал заявление, в котором испрашивал возможность опубликовать взятую по обыску и привезенную в Москву его монографию «Религия будущего и нравственность» [10, л. 24]. Не привыкший сидеть без дела даже в заточении, Трусевич восстановил механическую мастерскую в Бутырской тюрьме. Между тем в середине июля Управление научных учреждений академического центра ходатайствовало о его освобождении [10, л. 36].

В августе Трусевич был переведен из Бутырской тюрьмы во внутреннюю тюрьму ВЧК, в камеру № 19а. 14 августа 1921 г. он пишет заявление на имя уполномоченного ВЧК А.А. Холщевникова с просьбой вызвать его на допрос [10, л. 23]. Через неделю тюремный врач диагностирует у заключенного сильное истощение, острое малокровие и воспаление сердечных мышц и ходатайствует о переводе на усиленное питание [10, л. 28, 29]. Следует отметить, что «увеличение размеров сердца» и «болевые припадки в области сердца» у М.И. Трусевича отмечались еще в июне 1905 г., в 41 год, а последующее назначение на пост директора ДП отнюдь не добавило ему здоровья [8, л. 96]. 26 августа Трусевич подает в президиум ВЧК заявление с просьбой об ускорении рассмотрения дела и предлагает свои услуги в области исследования Кавказа, кодификации законов, по составлению свода уголовных законов, а также по организации дела отчизноведения и туризма России [10, л. 25]. Допрос в Москве состоялся только 3 октября 1921 г. [10, л. 9–10 об.].

6 ноября 1921 г. было принято постановление ВЦИК об амнистии к 3-й годовщине революции; 11 декабря Максимилиан Иванович просил следователя Демиденко дать ему ознакомиться с текстом постановления, однако дело двигалось чрезвычайно медленно, и в общей сложности он провел за решеткой долгих 15 месяцев, причем за все это время получил только две передачи: 18 ноября – от Ивана Алексеевича Циленкова [10, л. 4], ранее – от Московского политического Красного Креста [4, л. 100].

На заседании Президиума ВЧК от 10 января 1922 г. было решено передать дело на рассмотрение Верховного трибунала ВЦИК, откуда оно затем было передано в Московский ревтрибунал. Однако вершители революционного правосудия, по-видимому, не желали расставаться с бывшим директором ДП, несмотря на давность лет и амнистию ВЦИК, и потому, стараясь разузнать хоть что-то, направили запросы в Петроградский историко-революционный архив. Но дела Санкт-Петербургского окружного суда и судебной палаты сгорели, так что архив смог предоставить только формулярный список и протокол допроса в ЧСК [10, л. 113, 117]. Тогда 9 марта 1922 г. в газете «Известия Всероссийского центрального исполнительного комитета советов» появилась заметка «Царский палач», в которой предлагалось «всем революционерам без различия партийной принадлежности – коммунистам, эсерам, эсдекам и т. д., – знающим об его подвигах или пострадавшим от его работы, сообщить об этом в редакцию “Известий ВЦИКС”», однако, по-видимому, желающих не нашлось. Одновременно в заметке содержалась весьма броская характеристика арестованного: «Среди царских сыщиков и палачей это была одна из самых крупных фигур. В нем не было внешней грубости жандармских бурбонов, но он отличался своей холодной жестокостью и упорством в раскрытии “преступлений”. Он же, несомненно, был одним из вдохновителей политической провокации. Через его руки прошло немало жертв царизма, хотя непосредственно он оставался за кулисами, направлял оттуда работу жандармов и выступал на сцену лишь для допроса наиболее видных революционеров» [14].

25 апреля 1922 г. следователь-докладчик Московского ревтрибунала М.С. Зельдович, рассмотрев дело Трусевича, установил, что «единственным обвинением, имеющим быть приписанным Трусевичу, является его служба в Департаменте полиции... хотя из самого характера этой должности и существа означенного органа царского правительства определяется роль и деятельность Трусевича, направлявшаяся, без сомнения, на борьбу с революционным движением и имевшая целью ликвидацию групп и руководителей последнего; но что, несмотря на принятые меры, никаких конкретных фактов из деятельности

Трусевича и роли его в судьбе тех или иных организаций и лиц следствию добыть не удалось, что имеющиеся в деле два циркулярных распоряжения ДП, подписанные Трусевичем, имеют общий характер и вытекают из непосредственных функций ДП, что, таким образом, нет достаточных материалов для привлечения к ответственности для судебного разбирательства дела его» [10, л. 128]. Итак, 17 мая 1922 г. Московский ревтрибунал прекратил дело за отсутствием состава преступления, давностью и амнистиями ВЦИК. 18 мая Трусевич был освобожден [10, л. 129].

Получив свободу, он вернулся в Ленинград и поселился по адресу: ул. Некрасова, д. 60, кв. 99 [9, л. 4]. Из подержанных станков Трусевич собственноручно создал механическую мастерскую, которую затем передал артели «Красный металлист», позднее работал старшим мастером в артели безработных инженеров при бирже труда [15].

11 апреля 1924 г. Трусевич был снова арестован Петроградским губернским отделом ГПУ по подозрению в участии в контрреволюционной организации и как бывший начальник ДП. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 23 мая 1924 г. ему, как «социально опасному элементу», было запрещено проживание в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Ростове-на-Дону и приграничных губерниях сроком на три года. По этому делу М.И. Трусевич был реабилитирован заключением военной прокуратуры Балтийского флота от 28 декабря 1995 г.

Новым местом жительства Трусевич избрал свою малую родину, Ярославскую губернию. Здесь он восстановил полуразрушенный механический завод в селе Бурмакино: отремонтировал двигатель, трансмиссии, несколько десятков разных станков, установил электрическое освещение [1, л. 17]. Весной 1925 г. работал на фабрике одежды «Возрождение» [5]. Но уже в мае 1925 г. между рабочими поползли слухи, будто бы «гр[аждани]н механик фабрики “Возрождение” ранее был владельцем мастерской совместно со своим братом по выработке кандалов и состоял секретным агентом охранной полиции в Ленинграде» [9, л. 24]. 2 июня в ОГПУ поняли, что перед ними бывший директор ДП, и постановили «вести наблюдение как

за монархистом». В результате наблюдения выяснилось, что Трусевич «служил техником в Бурмакинской артели и проживал в селе Бурмакине, дом Заплатина, по чистке соваппарата был оттуда уволен, почему более двух месяцев был безработным, после чего выбыл в Ярославль и поступил на службу в одно из учреждений, где и проживает большее время, в Бурмакине живут его жена и дети, жена занимается вязанием чулок, а сам он бывает очень редко, живет замкнуто» [9, л. 28].

13 января 1926 г. Трусевич был арестован сотрудником Ярославского ОГПУ в Бурмакине, в двадцатых числах января допрошен уполномоченным Ленинградского ОГПУ, в феврале этапирован в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму ОГПУ, а уже 18 февраля был освобожден, а дело его было прекращено [9, л. 53]. Немедленно по выходе из заключения он выехал в Пермь. Первое время он работал на заводе сельскохозяйственных машин, счетоводом и делопроизводителем в лесоэкономической экспедиции. С ноября 1926 г. Максимилиан Иванович работал в библиотеке Пермского биологического института, участвовал в геоботанических экспедициях. В марте 1926 г. Трусевич составил записку «К вопросу о внутренности Земли» [6], в 1930 г. закончил большой труд «Теория и практика фотографии» [1, л. 18]. Со второй половины 30-х гг. политссылку в СССР ликвидировали, часть политссылных направили в лагеря, часть – расстреляли. По-видимому, эта же судьба постигла и Максимилиана Ивановича. 27 июля 1937 г. он был арестован в последний раз, дальнейшая его судьба неизвестна [7, л. 12].

Список источников и литературы

1. ГА ПК. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 1393.
2. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 72.
3. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 517.
4. ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 259.
5. ГАЯО. Ф. Р-389. Оп. 2. Д. 36.
6. НАРГО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 18.
7. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 5016.
8. РГИА. Ф.1405. Оп. 545. Д. 13605
9. ЦА ФСБ. [...] Д. Р-14106.

10. ЦА ФСБ России. [...] Д. Р-28540.
11. ЦГИАСПб. Ф. 1695. Оп.1. Д. 440.
12. Васильев А.Т. Охрана: Русская секретная полиция // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. – Т. 2. – М., 2004. – С. 345–530.
13. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / под ред. З.И. Перегудовой; сост.: З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. – М., 2009.
14. «Известия Всероссийского центрального исполнительного комитета советов» от 9 марта 1922 г. № 5.
15. Лаврёнова А.М. От Столыпина до «стольпинских» вагонзакон: Директор Департамента полиции Максимилиан Трусов за 20 лет советской власти так и не завоевал ее доверия // Родина. – 2019. – №. 11. – С. 114–117.
16. Падение царского режима / ред. П.Е. Щеголев. – Л. : Гос. изд-во, 1925. – Т. 3.

УДК 94(470.5)

ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА НОВОСТРОЙКАХ НИЖНЕГО ТАГИЛА В 1930-Е ГОДЫ

Огнетова Марина Борисовна
главный специалист отдела
по делам архивов,
Администрация
города Нижнего Тагила,
Нижний Тагил
m.ognetova@yandex.ru

Аннотация. Представлены сведения о строительстве крупных предприятий Нижнего Тагила в начале 1930-х гг. Основное внимание уделено вопросам проектирования и строительства Ново-Тагильского металлургического завода (НТМЗ), пребывания и участия в строительстве завода иностранных специалистов и рабочих, обеспечения их работой, продуктами, жильем. Представлен краткий обзор архивных источников по учету иностранных рабочих и их семей, прибывших на строительство НТМЗ.

Ключевые слова: иностранные рабочие, коммуны, металлургическая отрасль, строительство заводов, трест Тагилстрой, Уральский регион.

FOREIGN SPECIALISTS ON NEW BUILDINGS IN NIZHNY TAGIL IN THE 1930S

Marina Ognetova
chief specialist of the archives
department
Nizhny Tagil Administration,
Nizhny Tagil
m.ognetova@yandex.ru

Abstract. The article presents information about the construction of large enterprises of the city of Nizhny Tagil in the early 1930s. The author

© Огнетова М.Б., 2023

focuses on the design and construction of the Novo-Tagil Metallurgical Plant, the participation of foreign specialists and workers in the construction of the plant, providing them with work, food, housing. A brief overview of archival sources on the registration of foreign workers and their families who arrived for the construction of the Novotagilsky Metallurgical Plant is presented.

Keywords: foreign workers, communes, metallurgical industry, construction of factories, Tagilstroy trust, Ural region.

В 1930-е гг. Нижний Тагил становится крупным индустриальным центром Уральского региона. В 1931 г. в рамках реализации крупномасштабного хозяйственно-экономического проекта СССР – Урало-Кузнецкого комбината началось строительство Ново-Тагильского металлургического завода и технологически связанных с ним коксохимического и огнеупорного заводов, а также вагоностроительного завода (Уралвагонстрой). В июне 1931 г. начались работы по строительству заводов: Уральского вагоностроительного (проект московского Гипромеза) и коксохимического (проект харьковского Гипромеза).

Обратимся к истории строительства Ново-Тагильского металлургического завода (НТМЗ), в настоящее время – АО «ЕВРАЗ НТМК». Согласно первоначальным планам НТМЗ должен был стать одним из крупнейших в мире и по масштабам уступить лишь Магнитогорскому комбинату. Планировалось, что завод будет работать на местной руде и кизеловском коксе и обеспечивать прокатом крупнейшие предприятия региона, включая Уралвагонзавод в Нижнем Тагиле.

Известно, что проект НТМЗ купили в США у корпорации United States Steel Corporation – Питтсбургского филиала Carnegie Steel Company, которому, в свою очередь, завод спроектировали инженеры германского концерна Круппа. Для адаптации проекта завода и его привязки к месту Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР подрядил фирму Albert Kahn Associates Inc. из Детройта, специалисты которой были введены в структуру треста Госпроектстрой. Ответственными за окончательный вариант проекта НТМЗ стали промышленный архитектор Альберт Кан (США), крупный советский специалист по промышленной архитектуре Анатолий Степанович Фисенко,

«архитектурный генерал» эпохи советского конструктивизма Виктор Александрович Веснин [18].

1 сентября 1930 г. было издано постановление № 385 СНК СССР, которое обязывало ВСНХ и Госплан СССР обеспечить работы по строительству Ново-Тагильского завода. Постановление вышло, когда еще не существовало утвержденного проекта предприятия. Отсутствие этого проекта впоследствии стало одним из факторов, повлиявших на ход строительства завода [19]. 1 ноября 1930 г. вышел приказ № 11 Всесоюзного объединения «Востоксталь», которым было учреждено управление «Тагилстрой» (позже переименовано в Нижнетагильский строительно-монтажный трест «Тагилстрой», с декабря 1931 г. по август 1932 г. – «Тагилкомбинатстрой»), ставшее вскоре основным строителем нового завода. Динамику роста численности населения Нижнего Тагила показал в своем исследовании М.Ю. Тараканов [20]. По его подсчетам, численность населения в 1929 г. составляла 46788 чел., в 1930 г. – 56162 чел., в 1931 г. – 59483 чел., в 1932 г. – 117700 чел., в 1935 г. увеличилась до 150000 чел.; в 1938 г. в Нижнем Тагиле проживало 147000 чел., а по переписи 1939 г. – 159900 чел.

В январе 1931 г. на площадке НТМЗ начались первые работы. Уже к марту рабочие расчистили площадки для будущих цехов (мартеновского, доменного, шамотного) и коксовой батареи, начали подготовительные работы по закладке фундаментов и завершили строительство временного жилья в рабочих поселках при площадках будущего завода. В июле 1931 г. проект строительства НТМЗ был утвержден Гипромезом, был объявлен оргнабор, на стройку направили ряд инженерно-технических и руководящих работников. Общая стоимость стройки завода была определена более чем в 440 миллионов рублей. НТМЗ должен был стать вторым по объему производства предприятием черной металлургии в СССР после Магнитки и в два раза мощнее Кузнецкого металлургического комбината. Общая мощность предприятия по производству стали должна была составить более двух миллионов тонн в год. Ввести в строй основные мощности НТМЗ предполагалось в 1934–35 гг. [19].

Первым начальником управления строительством Ново-Тагильского металлургического завода «Тагилстрой» был

назначен Борис Савельевич Трахтер, который в то время занимался строительством Кузнецкого металлургического завода и реконструкцией завода в Магнитогорске. В конце 1931 г. дела Тагилстроя были переданы главному инженеру – Михаилу Михайловичу Царевскому. Отсутствие современной техники и острая нехватка людских ресурсов сильно тормозили строительство. Во времена хрущевской оттепели М.М. Царевский писал: «Так получилось, что период индустриализации страны, больших, всенародных строек совпал со сменой поколений в среде инженерно-технических специалистов. Те, кто учился и приобретал профессиональный опыт в царской России, уже не могли принимать активное участие в строительстве заводов и фабрик в силу возраста, а молодые советские кадры к тому времени еще не обладали нужным для таких масштабных дел опытом...» [19].

Историк В.М. Кириллов [17] отмечает, что ссыльные крестьяне были основной рабочей силой на строительстве индустриальных гигантов первых пятилеток: «С 1929 по 1933 г. число занятых в промышленности Урала возросло более чем в три раза. Менее 20 % прироста было обеспечено свободным наймом коренного городского населения». Таким образом, только одна пятая рабочих на стройках – коренное население. Остальные – «спецпереселенцы и принудительно мобилизованная деревенщина». Историк О.П. Олохова [19] приходит к выводу, что индустриальные гиганты Нижнего Тагила были возведены «подневольным трудом спецпереселенцев, выжатых до смертельного предела темпами первых пятилеток». О том, что в годы «большого индустриального скачка» строительство крупных уральских заводов велось с помощью иностранных специалистов и рабочих, в СССР долгое время не говорили. Большинство из приехавших на строительство УЗТМ, УВЗ, НТМЗ и других предприятий Урала были самыми настоящими пролетариями: строителями, электриками, монтажниками, оставшимися без работы в годы экономического кризиса в Европе. Необходимо отметить, что документальные источники по персональному учету иностранных рабочих, работавших на новостройках Нижнего Тагила, в ведомственных архивах предприятий города были утрачены.

В поисках заработка рабочие объединялись в коммуны и разъезжали по всему миру, брались за любую работу, чтобы прокормить свои семьи. В 1930 г., узнав, что в СССР начинается строительство крупных заводов и фабрик, некоторые коммуны через бюро Коминтерна в своих странах стали обращаться к советскому правительству и предлагать услуги на стройках народного хозяйства. Например, газета «Тагильский рабочий» (орган Нижнетагильского райкома ВКП(б) и Нижнетагильского горсовета) в январе 1932 г. сообщала о прибытии американо-финской коммуны «Цемент» в количестве 80 человек для участия в строительстве Тагилкомбинатстроя [13]. Коммуна была организована в Нью-Йорке и прибыла первоначально на строительство автозавода в Нижнем Новгороде. В коммуну входили: инженер-архитектор, проектировщик, прораб, специалисты по железобетону, квалифицированные опалубщики, кровельщики, кузнецы, столяры, автомеханики, автогеносварщики. У коммуны были свои столовая, обслуживаемая женами коммунаров, ленинский уголок, техбюро, оркестр, пионерский отряд, партизаны. Сохранилась жалоба коммуны за ноябрь 1932 г. на недостатки в гостинице «Красный Урал» [9], а также жалоба американского инженера Артура Кашова о невыполнении Тагилкомбинатстроем условий договора об оплате труда [8].

В июле 1930 г. бюро обкома ВКП(б) Уральской области рассмотрело вопрос «о создании надлежащих условий труда и быта для граждан иностранных государств». К этому времени на стройки Урала уже прибыли 80 инженеров и техников металлургической отрасли, 64 специалиста лесной, 250 рабочих и специалистов горной промышленности [16, с. 419]. Почти сразу стала видна разница в квалификации между иностранцами и советскими рабочими [18]. На тех участках, где трудились «пролетарии-интернационалисты», работы выполнялись качественно и в срок, тогда как бригады, сформированные из завербованных крестьян и неквалифицированных рабочих, со сменными заданиями не справлялись. Иностранцы выступили с предложением создавать смешанные бригады.

Партийные и советские органы уделяли особое внимание работе с иностранными рабочими. В архивных документах

Нижнетагильского городского архива имеется резолюция Нижнетагильского райкома ВКП(б) «О состоянии работы среди иностранных рабочих» от 21 октября 1931 г. [3], постановление Нижнетагильской контрольной комиссии РКИ «О результатах выполнения решения обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б) о культурно-бытовом обслуживании иностранных специалистов» от 12 ноября 1931 г. [12]. Материально-бытовые условия жизни семей иностранцев были предметом обсуждения на парткоме Тагилстроя в 1931 г., имеются сведения об общественной работе жен иностранных специалистов [1]. В 1931 г. была проведена проверка работы с иностранными рабочими на 1 площадке Тагилстроя, всего на учете состояло 13 семей [2].

В фонде Нижнетагильской городской РКИ имеются сведения о количестве иностранных рабочих, состоящих на снабжении в спецмагазине на ноябрь 1931 г.: по Тагилкомбинатстрою числилось 32, Уралвагонстрою – 5, Высокогорскому железному руднику – 20, Тагильскому металлургическому заводу – 12, руднику имени III Интернационала – 3 чел. [4]. Согласно данным из газетной статьи [14], в Нижний Тагил 22 февраля 1932 г. прибыла группа из 50 американских и немецких рабочих во главе с журналистом Маклаудом – председателем правления клуба им. III Интернационала в Москве. Маклаудом выпускалась иностранная страничка «Тагильский иностранный рабочий» на английском языке [15]. Маклауд, член компартии Америки, организовал коммуну американских рабочих и с ней прибыл на строительство Кузбасса, преподавал в институте восточных языков в Москве, затем прибыл с коммуной в Нижний Тагил – на Тагилкомбинатстрой [11]. Информация о количестве иностранных специалистов и рабочих, прибывших в Тагил в 1932 г., их жилищно-бытовых условиях и характере использования содержится в статье, размещенной в газете «Тагильский рабочий» за сентябрь 1932 г.

В архивных документах фонда Нижнетагильской городской РКИ имеется докладная записка «Об использовании и обслуживании иностранных специалистов и рабочих в Нижнем Тагиле» от 28 сентября 1932 г. [10]. Согласно этому документу,

на Тагилкомбинатстрое числилось 140 иностранцев, в том числе 60 чел. – туристы, 10 чел. – политэмигранты, остальные 70 чел. были приглашены, включая 16 специалистов. Иностранцев специалистов на руководящих должностях не было. Регистрацией и обслуживанием иностранцев на Тагилстрое занималась иносекция (затем реорганизована в инобюро) в составе 6 человек. Заведующей инобюро была Любовь Владимировна Шпегель – преподаватель языков: английского, немецкого, французского. В функции инобюро входили: регистрация иностранцев, прикрепление их к иноснабу, распределение инокадров по квалификации и специальностям, ведение переговоров с цехами и отделами предприятия по вопросам инокадров, урегулирование вопросов, касающихся паспортов и виз, перевод изобретений и рацпредложений инокадров на русский язык, связь с партийными и профсоюзными организациями. В Центральной библиотеке города была организована библиотека для иностранцев, в которой имелось более 3 тыс. книг на английском, немецком и французском языках. Работало три кружка по изучению русского языка.

В документах Нижнетагильского городского архива имеется список иностранных рабочих, подавших рационализаторские предложения в Тагилкомбинатстрой в 1932 г., в него внесено 40 фамилий [6]. Интерес представляют сведения на ноябрь-декабрь 1932 г. о распределении иностранцев, работающих на Тагилстрое, по специальностям, партийности, об обеспеченности квартирами, предметами домашнего обихода, а также о снабжении продуктами и промтоварами. Указаны 14 фамилий иностранцев [5]. В ноябре 1932 г. в системе Тагилстроя работало 80 иностранцев.

В 1932 г. Наркомтяжпром СССР разослал на стройки Урала и Сибири циркуляр, в котором советским и партийным руководителям под личную ответственность предписывалось обеспечивать прибывающих инженеров, техников и рабочих достойным жильем, продуктовым довольствием и «использовать их на узких и ответственных постах предприятий». Но если вопросы обеспечения иностранцев продуктами и работой решались достаточно быстро, то с жильем в Нижнем Тагиле в те годы были сложности. Каждое предприятие решало жилищный

вопрос своим путем: снимали для коммунаров квартиры, расселяли их в гостиницах, на НТМЗ было построено отдельное общежитие повышенной комфортности.

В системе Тагилстроя работали специалисты из разных стран, на 1 января 1933 г. их насчитывалось 65 чел. (11 американцев, немцы, финны, югославы, австрийцы, чехословаки, итальянцы, 1 канадец) [7]. Среди иностранных рабочих и специалистов 31 чел. имел подданство СССР, 11 чел. имели американское подданство, 5 чел. – финское, 9 чел. – германское; членами ВКП(б) состояли 22 чел., членами братских компартий – 9 чел. По квалификации для своей специальности инокадры распределялись следующим образом: 43 чел. имели 4–5-й разряд, 13 чел. – 6–8-й разряд. Свыше 10 лет стажа имели 25 чел. Средняя зарплата иностранных рабочих и специалистов составляла от 350 до 600 (у инженера) рублей.

В архивных документах за 1932–1933 гг. неоднократно встречаются сообщения не только о трудовых успехах иностранных рабочих, но и об их активном участии в общественной жизни: коммунары выходили на субботники, участвовали в праздниках и спортивных состязаниях. Имеются сведения, что 16 марта 1932 г. в знак «единения всех пролетариев и укрепления обороны СССР против объединенных сил капиталистических стран» объявило себя ударниками общее собрание иностранных рабочих Нижнего Тагила [16, с. 422].

К началу лета 1932 г. на стройках Уральской области работали уже 2349 иностранцев [16]. Некоторые американские компании последовали примеру рабочих-коммунаров. Например, руководство Caterpillar Inc. в начале 1930-х гг. предложило советскому правительству выпускаемую фирмой строительную технику. Канавокопатели, бетономешалки и трактора «Катерпиллар» попали практически на все крупные промышленные стройки Советского Союза, в том числе в Нижний Тагил. Иностранная техника отличалась высокой производительностью и надежностью, в комплект входили запчасти и спецодежда.

В 1932–1933 гг. участились случаи, когда иностранцы по окончании контрактов подавали заявления в партийные органы с просьбой предоставить им советское гражданство [18].

В Нижнем Тагиле шесть коммунаров женились на русских девушках и приняли решение остаться в Советском Союзе навсегда. Эта тенденция могла получить развитие, но руководители некоторых строек и заводов стали притеснять иностранцев, прежде всего немцев и итальянцев. Причиной такого отношения послужило обстоятельство, что правительства Италии и Германии начали проводить враждебную по отношению к Советскому Союзу политику. Несправедливые претензии к коммунарам привели к тому, что к началу 1935 г. количество иностранных специалистов на стройках Урала сократилось наполовину.

В 1935 г. участились случаи доносов на иностранных специалистов, они обвинялись в шпионаже в пользу Италии, Германии, Англии, Франции. Большинство после бесед в НКВД уехало из СССР. Те иностранные рабочие, которые остались в СССР к 1935 г., уже через год попали под репрессии.

К началу 1940 г. об иностранных инженерах и рабочих в Нижнем Тагиле напоминали только построенные для них здания. Так, в Доме коммуны на Тагилстрое открылся клуб, а в поселке для иностранцев на Вагонке разместились профилакторий и районная библиотека.

Гидрогеолог Высокогорского железного рудника Александр Васильевич Тутунин вспоминал: *«У нас было несколько иностранных коммунаров. Все простые люди, потомственные рабочие, всю жизнь трудившиеся в горнодобывающей отрасли. Работали они всегда споро, постоянно выполняя и перевыполняя нормы. По бытовой части от них не было никаких претензий. Они сами говорили, что у них в Америке бытовые условия зачастую бывали хуже. Зарплата их тоже устраивала: когда мы пробовали сравнить их зарплаты там и здесь, получалось примерно одинаково. Конечно, были и неудобства, главным из которых являлся языковой барьер. А еще они не боялись критиковать и вслух говорили о недостатках. Например, их очень возмущали случаи пьянства на рабочем месте»* [18].

Иностранные специалисты и рабочие, которые трудились в первой половине 1930-х гг. на строительстве крупных нижнетагильских и уральских предприятий, внесли существенный вклад в дело советской индустриализации. Они

обладали высокой квалификацией, добросовестным отношением к труду, были дисциплинированы, внесли много рацпредложений, поощрялись премиями, награждались почетными грамотами Наркомата тяжелой промышленности СССР. Но с середины 1930-х гг. многие стали вынуждены уезжать из СССР по политическим и идеологическим причинам.

Список источников и литературы

1. МКУ НТГИА Ф. 70. Оп. 2. Д. 173. Л. 3.
2. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 75. Л. 20–21.
3. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 75. Л. 28–29.
4. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 75. Л. 44–45, 47 об., 50 об., 51.
5. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 90. Л. 1, 6–10, 17, 68–75.
6. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 90. Л. 11–14.
7. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 90. Л. 16.
8. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 90. Л. 41–57.
9. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 90. Л. 76.
10. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 90. Л. 77–78.
11. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 90. Л. 95–97.
12. МКУ НТГИА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 75. Л. 101–102.
13. Газета «Тагильский рабочий». – 1932. – 18 янв. (№ 23).
14. Газета «Тагильский рабочий». – 1932. – 24 февр. (№ 46).
15. Газета «Тагильский рабочий». – 1932. – 6 марта (№ 54).
16. Каплюков В.В. Документы ЦДООСО об иностранных специалистах и рабочих на Урале в конце 1920 – начале 1930-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф., 16–17 ноября 2020 г. – С. 418–429.
17. Кириллов В.М. Массовые репрессии 1930-х годов в Нижнем Тагиле // Книга памяти. Посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–80-х гг. – Екатеринбург, 1994. – С. 63–72; История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг.: в 2 ч. – Нижний Тагил, 1996; Раскулачивание – спецпереселенцы на Урале // Жертвы репрессий. Нижний Тагил. 1920–80-е годы. – Екатеринбург, 1999. – С. 33–36.
18. Кужильный Д. Заграница нам поможет. В начале 1930-х годов иностранные инженеры и рабочие активно участвовали в строительстве нижнетагильских заводов [Электронный

ресурс]. – URL: <https://mstrok.ru/news/zagranica-nam-pomozhet-v-nachale-1930-h-godov-inostrannye-inzhenery-i-rabochie-aktivn> (дата обращения: 08.10.2022).

19. Олохова О.П. Строительство социалистического города Нижний Тагил: планы и реальность: начало 1920-х – конец 1930-х гг. [Электронный ресурс] : дис. ... канд. ист. наук. – URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/olokhova_olga_pavlovna_dissertacia_.pdf (дата обращения: 01.10.2022).

20. Тараканов М.Ю. Население Нижнего Тагила в XX веке: историко-демографический анализ [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010. – URL: <https://www.dissercat.com/content/naselenie-nizhnego-tagila-v-xx-veke> (дата обращения: 01.10.2022)..

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Ревенко Людмила Васильевна
краевед,
п. Ильинский
lyudmila.revencko@yandex.ru

Аннотация. Сообщается о судьбе Павла Ревина – деда автора статьи. В период коллективизации он был лишен избирательных прав, выслан с семьей из Ростовской области и стал спецпереселенцем в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, ссылка, спецпереселенцы.

THE GREAT BREAK

Lyudmila Revenko
local historian,
Ilyinsky
lyudmila.revencko@yandex.ru

Abstract. The author of the article tells about the fate of his grandfather Pavel Revin. During the period of collectivization, he was deprived of voting rights, expelled with his family from the Rostov region and became a special settler in the Kochevsky district of the Komi-Permyatsky district.

Keywords: collectivization, dispossession, exile, special settlers.

Этот молчаливый лес
Вереницы ссыльной массы
Скорбью провожал по трассе.
...Перемолоты в конец.
Сами ставшие тайгой.
В небо смотрят кроны сосен,
И плывет вопрос немой
Много зим и много весен.
Л. Ревенко

В июне 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), выступая с речью «Об индустриализации и хлебной проблеме», И.В. Сталин предложил средства на скорейшую индустриализацию любой ценой взять за счет «дани» с крестьянства. Генеральный секретарь писал, что при социализме «властвуют не те, кто выбирает и голосует, а те, кто правит», т. е. люди, «которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами» [5, с. 61, 66].

Хлебозаготовки 1928–1929 гг. в Ростовской области не были выполнены ни в одну из пятидневок, с такой периодичностью с мест поступали сведения в партийные органы о ситуации с хлебозаготовками на местах [2].

По Талово-Исаевскому сельсовету Тарасовского района Ростовской области временно уполномоченным по хлебозаготовкам был назначен Андреев [2, с. 24].

В 1928 г. мой дед Павел Степанович Ревин был лишен избирательных прав.

По плану колхозного строительства на 1929 г. по Тарасовскому району новый колхоз организовывался в Талово-Исаевском сельсовете, в котором количество дворов было: выделенных – 75 из 375, намеченных к организации – 3, норма дворов – 25, единоличников – 125.

При этом «райком считал, что принятые цифры являются минимальными, и выполнение их должно быть произведено за период проведения весенне-посевной кампании, имея в виду, что при проведении осенне-посевной кампании» будут получены «новые директивы по части организации новых колхозов» [3, л. 16].

Талово-Исаевской кандидатской группе было указано на недопустимо слабое поступление средств самообложения, секретарю партийной Талово-Исаевской группы был объявлен выговор [3, л. 19].

Партийные органы нацеливали низовых работников по партийной и советской линии на бойкот лиц, не выполнивших задания, спущенные сверху. В связи с созывом бедняцко-средняцкой конференции 17 февраля 1929 г. в Талово-Исаевскую партийную ячейку и кандидатскую группу для проведения конференции был командирован Сурженко [3, л. 23].

18 марта 1929 г. постановлением Талово-Исаевской кандидатской группы был вынесен строгий выговор Маловечкину и Орлову за самовольное сложение бойкота. В отношении Маловечкина решение было утверждено, на Орлова дело было передано в советском порядке в связи с тем, что Орлов – беспартийный [3, л. 49].

По одному лишь Северному Кавказу невыполнение на 1 мая 1929 г. годового плана хлебозаготовок достигало 24 млн пудов [4, л. 15].

Секретарем Талово-Исаевской партийной ячейки и кандидатской группы был избран Кравцов [3, л. 66].

В целях контроля и постоянного руководства для выполнения работ к Талово-Исаевской ячейке ВКП(б) от райпартактива был прикреплен Куприков, а к сельскохозяйственному товариществу и сельскому совету – Гуськов [3, л. 85, 93].

В сентябре 1929 г. бюро констатировало слабый темп хлебозаготовок, не гарантирующий выполнение сентябрьского плана в срок. Уполномоченного Талово-Исаевского сельсовета Сурженко за самовольный выезд из района деятельности, за срыв работы в сельсовете и самовольный выезд в округ, несмотря на неоднократные предупреждения бюро Тарасовского райкома о немедленном выезде на место работы, исключили из партии [3, л. 96].

Поэтому для руководства работы низовок район был разбит на 4 группы с таким расчетом, чтобы Талово-Исаевский сельсовет вошел в четвертую группу (самый удаленный

от районного центра). Для постоянного руководства прикрепили Капранова [3, л. 100].

По сельскохозяйственному налогу дополнительно было спущено обложение. Бюро посчитало, что ход выполнений и обложений кулацких хозяйств проходит слабо, и поручило фракции районного исполнительного комитета дать директивы сельским советам о довыявлении и увеличении обложения кулацких хозяйств [3, л. 151].

8 ноября 1929 г. уполномоченным было предложено усилить нажим на кулаков и злостных зажиточных, не прибегая, однако, к массовым репрессиям, а усиливая меры взыскания (применение 107-й статьи*, конфискация имущества, ссылка), считать ненормальным явлением производство массовых описей зажиточных хозяйств, предложить уполномоченным и ячейкам производить описи с немедленной продажей описанных хозяйств [3, л. 125].

22 ноября 1929 г. по итогам поступления всех видов платежей была вынесена резолюция, в которой зафиксировано «ненормальное явление в части недovyявления явно кулацких хозяйств по району и недообложение процентными надбавками хозяйств, подпадающих под таковую¹. Талово-Исаевский сельский совет – 5 хозяйств. Срочно провести работу по довыявлению явно кулацких хозяйств по району, произвести индивидуальное обложение таковых. Проверить поселенные списки на предмет дообложения процентной надбавкой хозяйств, принадлежащих по процентному обложению, но до сих пор не дообложенных. Всю работу закончить к 25 ноября» [3, л. 132].

В конце 1929 – начале 1930 г. вновь стали применяться несудебные репрессии [5, с. 66].

В марте 1930 г. из Ростовской области мой дед Павел Степанович Ревин с женой Анной Федоровной и детьми Марией и Василием был в административном порядке выселен с хутора Шарпаевки (Злодеевки) Талово-Исаевского сельского совета Тарасовского района Ростовской области. В числе других

¹ Статья 107 Уголовного кодекса РСФСР была введена в конце 1926 г. Она карала за «злостное повышение цены на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок».

раскулаченных со станции Менделеево они были направлены в Кочевский район.

Никаких документов по этому факту на руках высланной семьи моего деда не было.

Только 8 января 1936 г. на заседании президиума Талово-Калитвенского сельского совета Колушкинского района, когда изменилось административно-территориальное деление Тарасовского района и из него был выделен самостоятельный Колушкинский район, было оформлено дело на лишение избирательных прав Ревенова Павла Степановича и его жены Ревеновой Анны Федоровны в 1928 г., как имевших собственной земли 25 десятин, четыре пары волов, одну пару лошадей, три коровы, батраков: двух постоянных и трех сезонных.

Местные власти Коми-округа не были готовы к такому наплыву ссыльных. О жилье не могло быть и речи. Спецпереселенцев приводили в заранее отведенные места и приказывали располагаться вокруг забитого кола. На 1 апреля 1930 г. в Гайнском, Косинском и Кочевском районах скопилось 1700 семей спецпоселенцев. Они в основном размещались в шалашах и землянках. Во избежание распространения вредных «кулацких» настроений среди местных жителей размещать ссыльных в домах было категорически запрещено. Только в Кочевском районе около трех сотен семей, определенных на сельскохозяйственную колонизацию, некоторое время держали в домах местных жителей [6].

Поселок Сергеевский, расположенный на реке Лолог в Коми-Пермяцком национальном округе Пермского края, возник как следствие громадного эксперимента ВКП(б). Помимо Сергеевского по Лологу выросли спецпоселки Силайка, Сёрва, Коврижка, Сосновка.

Река Лолог являлась транспортной дорогой для сплава леса и обслуживалась Косинской сплавной конторой. Административно территория будущего поселка относилась к Кочевскому району.

Внимание конвойных привлекли стоявшие на берегу пятистенки строгановского кордона, не воспользоваться которыми в незаселенной тайге они не могли.

Эти дома до сих пор стоят, оставшись после строительства нового моста в стороне от тракта Кудымкар – Гайны.

Для индустриализации нужна была валюта, поэтому лес шел на экспорт. Экспорт деловой древесины, например, в начале 30-х гг. увеличился по сравнению с серединой 20-х гг. в три раза [5, с. 63].

По воспоминаниям Александры Павловны Голиковой (моей тети), первоначально семьи были расселены в д. Вершинино, в крестьянских избах, а чуть позже главы семей отправлены на заготовку леса.

Эта информация отсутствует в музее спецпереселенцев и жертв политических репрессий в селе Юкеево Кочевского района.

Однако и позже, как вспоминал Э.А. Касперович (архив юкеевского музея), семья которого с другими сосланными была этапирована из Белоруссии в 1931 г., «прибывших разместили по деревням в Зельгорте, Пузыме, Мара-Пальнике, Сюльково».

Это вытекает и из совершенно секретной информационной сводки инструктору обкома ВКП(б) Свердлову для областного комитета по Уралу на 10 мая 1930 г. «О ссылке в Коми-Пермяцком округе», где указывалось, что «на территории округа в ведении окружного ОГПУ имеется: 1900 семей кулаков из Белоруссии и Дона на севере округа – (Коса, Гайны, Кочеве). Первая категория (кулацкая ссылка) размещена временно по крестьянским избам в порядке уплотнения и распределена в трех районах по 22 сельсоветам в 119 населенных пунктах» [5, с. 107].

Сосланные семейства крестьян, как вещи, были переданы Косинскому леспромхозу треста «Ураллес».

По воспоминаниям Елизаветы Павловны Лобановой (моей тети), выходить за пределы поселка без разрешения коменданта было нельзя.

Бабушка, имевшая на руках годовалого сына, в зимнее время отправилась за семь километров в соседнюю деревню Имасы, где в обмен на одежду в чайник ей налили молоко. Комендант, заметив следы на снегу, дожидался в поселке и заставил вылить молоко в снег. Бабушка встала на колени,

прося не за себя, а за грудного ребенка, но Еращенко выхватил чайник и вылил молоко.

Такие факты были не единичными, неслучайно 4 августа 1931 г. на бюро обкома ВКП(б) совершенно секретно было заслушано сообщение Фейгина о спецпереселенцах: «Перед объездом мне говорил тов. Андреев относительно того, чтобы не подвергать строгому режиму семей спецпереселенцев, как носителей кулачья. Нужно установить для них свободу передвижения. Если желает член семьи прийти в Юсьву и купить молока для ребенка, если ребенок в больнице, то можно было бы посетить его, такой порядок надо установить. Очевидно, будет вынесено такого рода постановление. Во что это постановление выльется, пока не знаю, может быть, свободное передвижение членам семьи даст им возможность свободно наниматься на работу. Но если мать хочет купить молока для ребенка, желает продать ягоды и грибы, пусть она это делает...» [5, с. 113–114].

12–13 мая 1931 г. агроном Кочевского райзо Иван Григорьевич Грибов составил «акт обследования покосных угодий, расположенных в пределах кварталов №№ (незаполненный пробел) Лологского производственного участка Косинского леспромхоза треста Ураллес на территории Кочевского и Гайнского районов Коми-Пермяцкого округа Уральской области, причем нашел:

1. Угодья расположены на расстоянии от 1 до 3 км от сплавной реки Лолог, от населенных пунктов удалены: урочище Нямничи (50 га) от д. Кайсарово Юксеевского сельсовета Кочевского района на 4 км; урочище Кузь-Сотчем (2,5 га) от д. Иванчиной того же сельсовета на 4 км, урочище Трекаиб (2,5 га) от д. Имасы Иванчинского сельсовета Гайнского района на 8 км, ранее обрабатывались крестьянами вышеуказанных селений, в настоящее время большинство заброшены, в залежах, обрабатывается только незначительная часть.

2. Почва на обследуемом участке песчаная, с глинистым и супесчаным подпочвенным слоем, вполне пригодная для возделывания сельскохозяйственных растений, имеющих распространение в пределах Северного Предуралья. На урочищах Кузь-Сотчем и Трекаиб вполне возможно возделывание огородных культур с внесением небольшой дозы минеральных

удобрений и навоза: последние участки не были лет 10–12 освобождены из-под леса и имеют в себе недостаточное питательное вещество для возделывания сельскохозяйственных растений. Урочище Нямничи с успехом можно использовать для возделывания кормовых трав и картофеля.

3. Пути сообщения все обследуемые участки обеспечены: Нямнич и Кузь-Сотчем трактом окружного значения, Трекаиб проселочной дорогой, идущей от Сергеевского лесного поселка в д. Имасы.

4. Рельеф местности обследуемых участков возвышенный, холмистый, имеющий склон во все стороны.

5. Обследуемые участки расположены от Сергеевского лесного поселка, где имеет свою резиденцию Лологский производственный участок на расстоянии – Нямнич 2 км, Трекаиб 2,5 км и Кузь-Сотчем 3,5 км, что дает все возможности для обработки из вышеуказанного Сергеевского поселка.

На участках Нямнич и Кузь-Сотчем построить бараки однолетние для рабочих Сергеевского, для хранения сельскохозяйственных машин, на Сергеевском поселке построить конюшню, овощехранилище, навозохранилище, силосную башню, сараи для хранения сельскохозяйственных машин и орудий в зимнее время.

Акт согласован

Начальник производственного участка Писаный

Настоящий акт Президиумом Кочевского райисполкома рассмотрен и утверждён. Председатель РИК Васькин. 14/1-32 г.» [1, л. 178].

Спустя полгода, 7 декабря 1931 г., заведующим райзо и райагрономом Кочевского района И.Г. Грибовым, райземом Кочевского района М.С. Паршиным, заведующим Лологским производственным участком Косинского ЛПХа треста «Ураллес» Ф.А. Писаным, представителем комендатуры Бачевым, техником-землеустроителем Ф.И. Гашковым был составлен протокол о выделении участка земли в спецфонд для Лологского поселка спецпереселенцев (уже образованного) на основании инструкций Коми-Пермяцкого ОкрЗУ от 3 ноября 1931 г. № 35/с из состава земель на территории Кочевского района Косинского ЛПХа Лологского производственного участка треста «Ураллес», причем

нашли: поселок спецпоселенцев уже частью построен на левом берегу реки Лолог и левом берегу реки Парьи [1, л. 179].

11 декабря 1931 г. техником-землеустроителем Ф.И. Гашковым в присутствии представителя Лологского производственного участка Косинского ЛПХа треста «Ураллес» Николая Ивановича Иванчина по акту в натуре был закончен выдел участка земли в пользование для Лологского поселка Косинского ЛПХа Лологского производственного участка в порядке землеуказаний, инструкции ОкрЗУ Коми-Пермяцкого округа от 23 ноября 1931 г. № 35/с и инструкции Госземтреста от 5 ноября 1931 г. № 1-2. Выдел был произведен согласно составленному примерному проекту (протокол от 7 декабря 1931 г.) [1, л. 181].

На закрытом заседании президиума Кочевского районного исполнительного комитета 12 января 1932 г. (протокол № 51) в присутствии Васькина, Ососова, Исаева и приглашенных Казанцева, Паршина, Гашкова, коменданта Колегова, агронома Тотмянина была заслушана информация Паршина и Гашкова о выдаче участков спецпереселенцев на территории Кочевского района.

Землеустроительный проект отвода земли и урочища Сергеевский поселок был утвержден в целом без изменений. Косинский ЛПХ обязан был произвести сплошную рубку на отведенном участке под пашню и сенокос и произвести раскорчевку под огороды [1, л. 182].

Объекты инфраструктуры и жилые дома в спецпоселке Сергеевском начали возводить только в 1932 г. В летнее время были организованы две строительные бригады, и в первую очередь к годовщине Великого Октября необходимо было построить народный дом, магазин, школу, детские ясли.

Елена Михайловна Чащина является (на 2022 г.) долгожителем поселка. Отца ее арестовали, и дети не знали о его местонахождении. Младшей, Марии, было тогда 8 месяцев. Она вспоминает, что начальную школу построили в 1932 г. Пешком ходили учиться в Юкseeво, в Иванчино. В Иванчинской школе учеба велась на языке коми и были очень строгие правила: за плохое поведение родителям через комендатуру давали штраф [5, с. 222].

Таким образом, для спецпереселенцев «великий перелом» действительно оказался переломным и трагическим. Они потеряли крепкие хозяйства, обрабатываемую землю, жилье, достигнутый своим трудом достаток. На новом месте в течение более двух лет даже не предполагалось возведение жилых помещений. Строились бараки, в первую очередь – помещения под сельскохозяйственные орудия, склады.

Список источников и литературы

1. ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный архив» (ГКБУ КПОГА). Ф. 40. Оп. 1. Д. 101. Переписка по делам спецпереселенцев.

2. ГКУ Ростовской области «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (ГКУ РО ЦДНИРО). Ф. 110. Оп. 1. Д. 25. Протоколы заседания Бюро РК ВКП(б) 31 января – 28 декабря 1928 г.

3. ГКУ РО ЦДНИРО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 28. Протоколы заседания бюро РК ВКП(б).

4. ГКУ РО ЦДНИРО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 29. Протоколы заседаний бюро РК Тарасовского района и директивные указания партячейкам.

5. Власов А.П. Отдать должное... Коми-Пермяцкий национальный округ. Документальный материал: спецпереселенцы, раскулачивание, советские военнопленные. – Пермь : Изд. Богатырёв П.Г., 2014.

6. Коньшин А.Е. Спецпосёлки. Наш край : сб. науч.-популяр. и краевед. ст. – Кудымкар : Коми-Перм. кн. изд-во, 1995.

**Э.П. БЕРЗИН: ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ
И ЛИЧНОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ
СТАЛИНСКИХ СТРОЕК**

Южанинова Алла Леонидовна
канд. психол. наук, доцент кафедры
психологии личности,
Саратовский национальный
исследовательский
государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов
juzhaninova-alla@yandex.ru

Аннотация. Прослеживаются типичные и особенные стороны психологической биографии Э.П. Берзина (1893–1938), яркого руководителя двух крупнейших строек первых советских пятилеток – ВИШХИМЗ (1925–1931) и Дальстроя (1932–1937). Предметом исследования являются профессионализация и развитие психологических особенностей незаурядного управленца 1920–1930-х гг. Показаны специфика самоактуализации, а также негативная трансформация личности в зависимости от занимаемого социального положения и выполняемой профессиональной деятельности в период сталинской эпохи.

Ключевые слова: руководитель сталинских строек, Э.П. Берзин, психологический биографизм, профессионализация, экзистенциальная биография, личностная биография.

**E.P. BERZIN: PROFESSIONALIZATION AND PERSONAL
TRANSFORMATION OF THE HEAD OF STALIN'S
CONSTRUCTION PROJECTS**

Alla Yuzhaninova
candidate of psychological sciences, associate professor
department of personality psychology
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky,
Saratov
juzhaninova-alla@yandex.ru

Abstract. The article traces the typical and special aspects of the psychological biography of E.P. Berzin (1893–1938), the bright leader of the two largest construction projects of the first Soviet five-year plans – VISHIMZ (1925–1931) and Dalstroy (1932–1937). The subject of the study is the professionalization and development of psychological characteristics of an outstanding manager of the 1920s – 1930s. The specifics of self-actualization, as well as the negative transformation of personality depending on the social position and professional activity performed during the Stalin era are shown.

Keywords: head of Stalin's construction projects, E.P. Berzin, psychological biographism, professionalization, existential biography, personal biography.

Введение

Жизненный путь Эдуарда Петровича Берзина (01.01.1893–01.08.1938) во многом типичен для тех, кто родился на рубеже XIX–XX вв. и стал крупным руководящим работником в условиях эпохи первых советских пятилеток. Человек своего времени, он прожил недолгую, но яркую и плодотворную жизнь. С помощью биографического метода, а также психологического анализа литературных и документальных источников, воспоминаний современников выделены особенности профессиональной, экзистенциальной и личностной биографии Берзина в целях познания исторического и психологического социума, в котором он жил, развивался, творил, мыслил и действовал.

Биографическая история

Латыш по национальности, Берзин был родом из крестьян Венденского уезда Старо-Пебальской волости Лифляндской губернии. Детство провел в Риге (1898–1910), учился в городской школе. Затем обучался живописи в Берлинском художественном училище (1910–1914), которое закончил с серебряной медалью. Воевал на фронтах Первой мировой войны в составе 4-го Видземского латышского стрелкового батальона, от ефрейтора дослужился до фельдфебеля. В 1917 г. принял сторону большевиков и в числе латышских стрелков нес службу по охране Смольного в Петрограде. Затем командовал

латышским полком, охранявшим московский Кремль и расположившееся в нем правительство Ленина. В 1918 г. участвовал в проводимом ВЧК разоблачении заговора английского посла Локкарта.

В 1919 г. Берзин женился на Эльзе Яновне Миттенберг (1895 – начало 1980-х гг.), у них родились дочь Мирдза (1920–1984) и сын Петр (1924–1943, погиб на фронте).

С февраля 1921 г. Берзин был начальником отделения спецотдела при ВЧК – ГПУ – ОГПУ, однако к оперативной деятельности отношения не имел, а, закончив экономические курсы, посылался на различные участки хозяйственной работы. По распоряжению Дзержинского в числе ряда чекистов Эдуард Петрович был направлен в Высший совет народного хозяйства. В 1925–1926 гг. состоялся переход Берзина из спецотдела на должность директора треста ВИШХИМЗ, занимавшегося строительством силами заключенных Вишлага Березниковского химического завода и Вишерского бумажного комбината на Северном Урале. С конца 1930 г. по ноябрь 1931 г. Берзин возглавлял не только ВИШХИМЗ, но и Вишлаг. Постановлением ЦК ВКП(б) «О Колыме» от 11 ноября 1931 г. для формирования золотодобычи в верховьях Колымы был организован трест «Дальстрой», директором которого был назначен Берзин. Он возглавил и строительство, и Севвостоклаг ОГПУ, заключенные которого составляли главные трудовые ресурсы. Десятки тысяч работников были в подчинении Эдуарда Петровича на Вишере и около сотни тысяч – на Колыме. Берзин был арестован 19 декабря 1937 г., расстрелян 1 августа 1938 г., реабилитирован в 1956 г. Подверглись гонениям и члены его семьи [6].

Профессиональная биография

В истории профессиональной деятельности Берзина можно выделить следующие этапы: обучение профессии, становление профессионала, расцвет его способностей и профессиональное мастерство.

Обучение профессии. Особенностью профессионализации Берзина, как, впрочем, и многих других управленцев-выдвиженцев его уровня в эпоху первых сталинских пятилеток, было отсутствие базовой вузовской подготовки для

осуществления административной и хозяйственной деятельности в качестве руководителя крупных строек: Берзин имел среднее специальное художественное образование, весьма далекое от профессии управленца. Отсутствие специального высшего образования восполнялось краткосрочными экономическими курсами (начало 1920-х гг.) и опытом командования латышскими стрелками в армии, а также незаурядными природными способностями Эдуарда Петровича.

Становление профессионала. Дальнейшее освоение профессии осуществлялось Берзиным экспериментальным и опытным путем (ВИШХИМЗ, 1925–1931) при поддержке на правительственном уровне – Я.Э. Рудзутака (1887–1938), а в системе ОГПУ/НКВД – Г.Г. Ягоды (1891–1938).

Возглавляемая Берзиным стройка ВИШХИМЗ стала в СССР площадкой исторически первого эксперимента социалистического хозяйствования с использованием принудительного труда арестантов, впоследствии ставшего нормой при сталинском режиме. Результаты вишерского эксперимента нашли признание у руководства страны и получили юридическое закрепление в постановлении СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» от 11 июля 1929 г.

ВИШХИМЗ, стройка первой сталинской пятилетки, стала для Берзина пробным камнем в новой для него области хозяйствования в качестве руководителя многотысячного рабочего коллектива из заключенных. Без дорог, машин и механизмов в малонаселенном Вишерском крае был построен комбинат, вершина инженерной мысли того времени в целлюлозно-бумажной отрасли. Это был вызов судьбы человеческим возможностям Эдуарда Берзина. И он принял этот вызов и успешно справился с поставленными задачами.

Благодаря опыту, полученному на Вишере, Берзин выработал ряд правил организации освоения отдаленных от центра территорий. Главный организационный вывод, к которому он пришел в результате трудно давшегося ему опыта Вишеры, был следующий: в целях оптимизации руководства новой масштабной стройкой концентрация власти (административной, политической, военной, чекистской) должна

находиться в одних руках, что позволяет избежать многих возникающих противоречий в интересах, преследуемых людьми различных организационно-властных и производственных подструктур.

Поэтому с конца 1932 г. уже на территории Дальстроя был введен режим личной власти Э.П. Берзина: он совмещал должности уполномоченного коллегии ОГПУ (затем – НКВД) СССР, Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома, а также начальника Нагаево-Магаданского гарнизона Охотско-Колымского района.

На Вишере Берзин убедился, что вольнонаемные должны приезжать для работы в необжитые районы не как в командировку, а с семьями и долгосрочной трудовой перспективой. Однако важно также и на месте обучать и формировать постоянные квалифицированные кадры [3, с. 33]. Кроме того, для руководства масштабными работами необходимо образовать команду управленцев-единомышленников. На Вишере Берзиным такая команда соратников-энтузиастов была создана (Я.С. Лившиц, Л.М. Эпштейн, З.А. Алмазов, А.Н. Пемов, Р.К. Балынь, К.Г. Калнынь, Я.Я. Пуллериц и др.) и в 1932 г. последовала за своим лидером на другой конец страны для освоения Колымы, района столь же мало обжитого, как и Вишера.

Таким образом, на вишерской земле к Берзину опытным путем в процессе работы пришло понимание, какими методами и в какой последовательности следует действовать в деле организации вновь начинаемого строительства в условиях сталинского режима и от чего привычного и устоявшегося необходимо отказаться во имя достижения высокой цели социалистического преобразования страны.

Профессиональное мастерство. Расцвет способностей Эдуарда Петровича и выдающиеся достижения его как руководителя случились в колымский период (1932–1937). За шестилетний период берзинского управления Дальстрой добыл для партии Сталина 107453 кг химически чистого золота. Был заложен будущий город Магадан, построены промышленные предприятия, электростанция, открыты театр, библиотека, школа, Парк культуры и отдыха.

Руководство СССР высоко оценило заслуги Берзина: в 1932 г. за строительство ВИШХИМЗ он был награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)», а в 1935 г. за перевыполнение Дальстроем программы 1934 г. по добыче золота он стал кавалером ордена Ленина. Многие подначальные Берзина бесконечно его уважали и высоко ценили [5, с. 237, 243–245, 256, 277]. Воодушевленный признанием правительства, а также коллег и подчиненных, Берзин работал с высокой отдачей всех сил на служение Родине.

При Берзине по своей психолого-организационной структуре Дальстрой скопировал кремлевскую пирамиду власти, на вершине которой – харизматичный лидер с атрибутами культа личности в окружении преданных и надежных соратников.

На пике трудовых успехов, а также проявления деловых и творческих дарований в 1937 г. его профессиональная биография была насильственно прервана: он был арестован, а затем и расстрелян. Репрессированы также были как его непосредственные руководители, так и соратники.

Экзистенциальная биография

Понимание Берзиным своего предназначения и смысла жизни, выбор способа существования претерпевали существенные изменения на его жизненном пути. Первоначально он готовил себя к деятельности художника: в 1914 г., вернувшись из Берлина в Ригу, он твердо намеревался продолжить обучение в Петербургской Академии художеств [2, с. 77]. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Начавшаяся в 1914 г. война сделала его воином, а Октябрьская революция 1917 г. – чекистом.

В 1931 г., управляя ВИШХИМЗ, Эдуард Петрович признавался: «Я художник... На административной работе случайно. Революция сделала из меня солдата-чекиста, а душа осталась душой художника» [Цит. по: 3, с. 32]. «Нами, волей партии, – писал в 1931 г. помощник Берзина З.А. Алмазов, – здесь, на этом месте, воздвигнут Целлюлозно-бумажный комбинат...» [1, с. 4]. Из этого следует, что Берзин и прибывшие на Вишеру первостроители были лишь исполнителями воли большевистской партии. Таким образом, изначально мотивация

деятельности по руководству ВИШХИМЗ, определявшая смысл этого периода жизни Эдуарда Петровича, носила не личный, а навязанный извне характер, а осознание Берзиным своего предназначения и реально выполняемой работы еще не вполне совпадали.

Быть «солдатом-чекистом» для рядового означает прежде всего добросовестно и самоотверженно выполнять приказы и поручения командования. Для Берзина командирами были представители чекистского и партийного руководства. Поэтому понятно, что Вишера – не личный выбор Берзиным своего жизненного пути, а подчинение своей воли приказам вышестоящих командиров. Однако это не было слепым подчинением. В.К. Бушманов, осуществлявший партийное кураторство на стройке ВИШХИМЗ в 1931 г., считал, что Берзин был «до фанатичности одержимый благородной проблемой освоения севера» [3, с. 32]. Это свидетельствует о том, что солдат-чекист Берзин к 1931 г. глубоко проникся порученной ему миссией первопроходца на Вишере, постепенно ставшей внутренней смысловой пружиной его профессиональной деятельности, наполненной романтическим, возвышенным смыслом. На Колыме самотождественность Берзина с ролью управленца-хозяйственника была уже полной.

В.Т. Шаламов, размышляя о судьбе Берзина, нашел, на наш взгляд, главный принцип, правило жизни, раскрывающее смысл экзистенциальной эволюции Берзина: «...каждое новое дело должно быть важнее и значительнее предыдущего. Для чего он жил?.. для революции, для партии... Всю жизнь он старался выполнить свой долг, послужить как можно лучше. Успехи были... А главное – он считал – и придумал это для себя еще в юности, что каждое новое дело, за которое он брался, должно быть еще важнее, еще значительнее» [7].

В день пуска комбината, 30 октября 1931 г., вишерские первостроители отправили телеграмму Сталину. В ней, в частности, говорилось: «На необжитом севере Урала, на Вишере, преодолевая огромные трудности, пионеры пролетариата: рабочие и адмтехперсонал строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината ВИШХИМЗ одержали славную победу...» В этом тексте явно прослеживается

принцип жизни как достижения, ставший ведущим в жизни Берзина: от победы к победе во имя процветания социалистической Родины. И ради этого можно было жертвовать удобствами, временем, здоровьем да и самой жизнью. Этот принцип определял отношение к себе, сослуживцам, близким, делу, жизни и даже смерти. Всею душой, всем умом, всею жизнью Берзин верил, что жить стоит во благо Родины и ради этого можно умереть.

Фактически обретенный Эдуардом Петровичем смысл жизни включал и понимание бессмертия. На торжественном заседании в день пуска Вишерского комбината Берзин сказал: «Многим поколениям жить на этой земле, но потомки никогда не смогут забыть имена и славные дела первых вишерских строителей» [Цит. по: 3, с. 41]. То есть сознание личного бессмертия обеспечивается, по мнению Берзина, продолжением личности в достигнутых результатах труда, построенных городах, освоенных ранее необжитых территориях.

Однако все закончилось тюремной камерой на Лубянке, а в дальнейшем – запрограммированным партией забвением имени Берзина. К такому исходу (физическое и духовное уничтожение) Эдуард Петрович не был готов и испытал яростный протест. На судебном заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР 1 августа 1938 г. он заявил, «что виновным себя не признает, от своих показаний на предварительном следствии в том, что он является участником антисоветской националистической латышской организации и занимался шпионажем в пользу английской разведки – отказывается, считая эти показания ложными, т. к. ни в какой контрреволюционной организации никогда не состоял... просит учесть его положительную работу, в том числе и работу на Колыме, где он принес очень много пользы советской власти, и строго его не наказывать за имевшиеся ошибки» [6, с. 211, 212].

У Мирдзы Берзиной сохранился том Шекспира, подаренный ей отцом в 1937 г. На одной из страниц рукой Эдуарда Петровича написано: «Кто прав, кто виноват – рассудит время» [4].

Биография личности

Преданность делу стала источником и конкретных смыслов жизни Эдуарда Петровича, и условием его личностного развития.

Еще в юности пробудившееся творческое начало в зрелые годы перевоплотилось в новаторство и экспериментальный подход в выполнении административных и хозяйственных задач. Человек действия, практик, он руководствовался, как и многие люди той эпохи, идеологическими ценностями (служение делу партии, процветание социалистической Родины). На Вишере и Колыме Берзин показал свои незаурядные деловые и лидерские качества как развивающиеся структуры. Полагая, что вносит свой вклад в индустриализацию страны, в самоотверженном труде он развивался и на Колыме раскрылся в полную меру своих способностей.

В результате формирования Эдуарда Петровича как руководителя крупных строек первых пятилеток в его личности произошли и другие серьезные изменения. Если в 1930–1931 гг. на Вишере он – внимательный, добросердечный, демократичный, то в 1936–1937 гг. Берзин стал нетерпим к мнениям людей, не совпадавшим с его решениями. Так, известно, что разногласия и конфликт между первооткрывателем «золотой Колымы» Ю.А. Билибиным и Берзиным привели к тому, что Билибин покинул Колыму. Неслучайно уехали на материк и его ближайшие помощники Лившиц, Алмазов, Пемов, выйдя из дружеского общения с Эдуардом Петровичем.

В 1931 г. Берзин говорил Бушманову: «Бумага бумагой. Производство производством. Но главная цель и забота – люди... На Вишере идет борьба политическая, педагогическая, хозяйственная и административная против старых традиций и норм» [3, с. 32]. Из этого следует, что на Вишере вектор направленности личности Эдуарда Петровича фокусировался на людях. На Колыме его направленность переместилась с людей на поставленные производственные задачи.

Если на Вишере и начальных этапах колымского периода жизни проявления повелительности Эдуарда Петровича были вынужденными, внешними формами исполнения социальной роли руководителя, то впоследствии властность уже не только

стала внешней, но и была принята им внутренне, стала чертой характера.

Достигнутые выдающиеся успехи приводили к превозношению Берзина, подогревали его честолюбие, усиливали склонность к тщеславию. Постепенно восхваление Берзина приняло черты культа его личности. Именем Берзина была названа улица в Магадане, на которой он жил и по которой ходил по утрам на работу, его именем назвали и прииск, и пароход, ему слагали стихи, им восхищались. Заметим, что на Вишере в период его пребывания там ничего подобного не произошло. Авторитет и власть Берзина на Колыме стали после 1935 г. непререкаемы. Постепенно он превратился в могущественного «царя Колымы».

Заключение

Жизненный путь Э.П. Берзина оказался очень коротким – всего 45 лет, но за эти годы он построил в необжитых северных районах СССР два поселка, ставшие впоследствии городами (Красновишерск, Магадан), и создал условия для изготовления бумаги на Вишере и добычи золота на Колыме. Он познал бедность и богатство, неудачи и успех, дружбу и любовь, ласку и предательство власти, служа которой отдал и свое здоровье, и саму жизнь. Одаренный, яркий, харизматичный, он вынужден был заниматься не написанием картин, к чему первоначально был призван, а совсем другими делами. Однако именно в административно-хозяйственной работе он, в конечном итоге, воплотил все свои интеллектуальные, личностные и духовные возможности.

Список литературы

1. Алмазов З.А. Предисловие // А. С. Восемнадцать месяцев, которые создали Комбинат ВИШХИМЗ. – Пос. Красно-Вишерск : Изд. Управления строительства ВИШХИМЗ, 1931. – 48 с.

2. Бацаев И.Д. [и др.]. История Магаданской области: С начала XX века по 1937 год : учеб. пособие для учащихся 10-х кл. шк. Магадан. обл. – Магадан : Кн. изд-во, 1991. – 149 с.

3. Бушманов В.К. Пробуждение тайги. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1973. – 244 с.
4. Виленский С.С. Имя в истории [Электронный ресурс]. – URL: <http://gulagbooks.livejournal.com/7508.html> (дата обращения: 19.10.2022).
5. Козлов А.Г. Магадан: возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя (1929–1945). – Магадан : Сев.-Восточ. комплекс. науч.-исслед. ин-т ДВО РАН, 2007. – 306 с.
6. Николаев К.Б. Жизнь и смерть Эдуарда Берзина. Документальное повествование. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2011. – 237 с.
7. Шаламов В.Т. Берзин: Схема очерка-романа [Электронный ресурс]. – URL: <https://shalamov.ru/library/26/6.html> (дата обращения: 20.10.2022).

Электронное издание

**ЛЮДИ И СТРОЙКИ:
социокультурный портрет эпохи первых пятилеток**

Сборник научных статей по материалам VII Всероссийской
научно-практической конференции
(29–30 октября 2022 г.,
г. Пермь, д. Кучино, г. Красновишерск, Россия)

Редакционная коллегия:

Нечаев Михаил Геннадьевич (научный редактор)
Шевырин Сергей Андреевич (редактор-составитель)
Семакова Наталья Юрьевна (редактор-составитель)
Аликин Павел Сергеевич
Пашкова Наталья Сергеевна
Хузин Евгений Ильдусович
Ясырева Лидия Александровна

*В оформлении обложки использованы фотодокументы
из фондов архивного отдела администрации
Красновишерского городского округа*

Редактор, корректор – *М.Г. Коровушкина*
Технический редактор – *О.В. Вязова*
Редактор электронных изданий – *Д.Г. Григорьев*

ИБ № 13/23

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, 44, каб. 310
тел. (342) 215-18-52, доб. 394
e-mail: rio@pspu.ru

Тираж 200 экз.

Подписано к использованию: 15.08.2023

Минимальные системные требования:
ПК, процессор Intel(R) Celeron(R) и выше, частота 2.80 ГГц;
монитор Super VGA с разреш. 1280x1024, отображ. 256 и более цветов;
1024 Mb RAM; Windows XP и выше; Adobe
Reader 8.0 и выше; CD-дисковод, клавиатура, мышь

